

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 2 (14) 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

Кун С.Л. Роль ориньяка в верхнем палеолите Леванта	2
Роланд Н. Комментарии к статье М. Отта, Я.К. Козловского "Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии"	9
Аникивич М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы	15

НЕОЛИТ

Кунгурова Н.Ю. Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры)	30
Бродянский Д.Л., Раков В.А. Древнейшие лодки и мореходы Северо-Западной Пасифики	41

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация)	48
Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции)	71
Лебединцев А.И. К проблеме происхождения древних приморских культур севера Дальнего Востока	87
Березкин Ю.Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии	94
Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Средневековые могильники на севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере	106
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Западно-европейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г.Ф. Миллером из Сибири	123

ИСКУССТВО

Уманский А.П. О семантике изображений на зеркале из Рогозихи-1	130
---	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Шаловалов А.В. К вопросу об использовании галлюциногенов в шаманской практике народов Северной Азии	139
--	-----

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Современный шаманизм Тувы	148
----------------------------------	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Виталий Епифанович Ларичев	157
-----------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
--------------------------	-----

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903'1

С.Л. Кун

*Отделение антропологии, Университет Аризоны, США
Department of Anthropology, University of Arizona,
Tucson, AZ 85721-00130, USA
E-mail: skuhn@email.arizona.edu*

РОЛЬ ОРИНЬЯКА В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЛЕВАНТА

Введение

На протяжении большей части XX в. понятия “ориньяк”, “ранняя стадия верхнего палеолита” и “культура древнейших людей современного типа в Евразии” считались примерно равнозначными. По мере того как становилась очевидной вся сложность ситуации на ранней стадии верхнего палеолита, термин “ориньяк” трактовался все более узко, причем в качестве основного критерия использовалось несколько более или менее четких типов орудий, в частности, скребки высокой формы и “с носиком”, резцы “с клювом”, пластины с перехватом и типа дюфур, а также разнообразные костяные и роговые изделия, в т. ч. наконечники с расщепленным основанием.

В свое время считалось, что ориньяк возник в Восточном Средиземноморье и оттуда распространился на запад. Новые датировки поставили под сомнение гипотезу о том, что ориньяк проник в Европу с востока [Carbonell, 2000, p. 28 – 29]. Вопрос о происхождении ориньяка остается открытым: почти повсюду, где обнаруживается эта индустрия, она кажется пришлой. Некоторые считают ее автохтонной на территории Европы (см., напр.: [Conard, 2002]), тогда как другие до сих пор ищут ее корни в Центральной Азии [Отт, Козловский, 2001].

Хотя в свете новых дат фраза “ex oriente lux”, наверно, уже не применима к европейскому ориньяку, многие склонны считать фразу “ex aurignacian lux” уместной. Для ряда исследователей ориньяк все еще служит каноном ранневерхнепалеолитической культуры. Часто его появление в Европе связывают с приходом туда людей современного типа и с первыми проявлениями довольно расплывчатого комплекса черт, который именуется “поведением человека современного типа” [Churchill, Smith, 2000; Klein, 1999, p. 484; Mellars, 2000; Отт, Козловский, 2001]. Дискуссии о первых составных

орудиях из кости и рога, украшениях и предметах изобразительного искусства на территории Евразии нередко сосредотачиваются на ориньякской культуре (см.: [Mellars, 1989, 2000], там же ссылки на литературу). Предшествовал ли ориньяк в Юго-Западной Европе возникновению там поведенческих черт, характеризующих человека современного типа, которые нашли отражение в автохтонных культурах типа шателлерона, или же наоборот, а может быть, они появились одновременно – об этом ведутся горячие споры [D’Errico et al., 1998; Klein, 1999, p. 478 – 479; Mellars, 1999].

Роль и значение ориньяка в Леванте обсуждаются реже, видимо, потому, что Левант долго считался очагом данной культуры. Вопрос этот к тому же и более сложен, поскольку там существовали еще как минимум два ранневерхнепалеолитических технокомплекса – ахмарский и эмирский (“лепто-леваллуазский”), относящийся к самому началу верхнего палеолита. На основании стратиграфических данных и абсолютных дат очевидно, что оба эти комплекса значительно древнее левантского ориньяка.

Предлагаемая статья не ставит целью дать обзор ориньякских памятников Леванта; это уже сделано более квалифицированными исследователями [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1999]. Моя задача – попытаться выяснить, можно ли считать, что черты т.н. поведения человека современного типа, обнаруживаемые в верхнем палеолите Леванта, были связаны исключительно с ориньякскими индустриями, или же такие черты нашли отражение и в технокомплексах предшествующего времени?

Место ориньяка в ранневерхнепалеолитической культуре Леванта

Термином “ориньяк” обозначались различные археологические технокомплексы на территории Леванта.

В прошлом использовались иные термины. Предложенная Д. Гаррод [Garrod, Bate, 1937] и Р. Невиллем [Neuville, 1934] периодизация левантийского верхнего палеолита включала несколько хронологических фаз, из которых одни были сохранены в последующих схемах, другие упразднены или же сильно модифицированы [Belfer-Cohen, Bar Yosef, 1999, p. 120 – 126]. Важно отметить, что некоторые из левантийских комплексов, именуемых ориньякскими, гораздо ближе к европейским ориньякским, чем другие, по-прежнему включаемые в ту же группу. Так, материалы из слоя D в пещере Хайоним [Belfer-Cohen, Bar Yosef, 1981], слоев VII – XIII в Кзар-Акил [Bergman, 1987; Bergman, Ohnuma, 1987], 1 – 3 в гроте 2 Ябруда [Rust, 1950], верхнепалеолитических слоев 3 и 4 в Кебаре [Bar-Yosef et al., 1996], а также из Сефунима [Ronen, 1984] и Умм эль Тлель [Ploux, 1998] имеют множество черт сходства с классическим ориньяком Европы, причем это касается как каменных орудий, так и иных категорий инвентаря. Сюда относятся, в частности, многочисленные скребки высокой формы и “с носиком”, пластины с перехватом, маленькие пластинки типа дюфур, а также роговые наконечники с расщепленным основанием [Bar-Yosef, 2000, p. 132]. Барадостскую верхнепалеолитическую индустрию иранского Загроса также относили к ориньяку [Olzewski, 1999; Olzewski, Dibble, 1994], хотя другие исследователи полагают, что такой вывод преждевременен [Bar-Yosef, 2000].

Прочие же технокомплексы Леванта были отнесены к ориньяку на основании гораздо менее четких критериев, в первую очередь, численного преобладания отщепов над пластинами в качестве орудийных заготовок, а также высокой частоты встречаемости скребков и прочих орудий с ретушью (см., напр.: [Coinman, Henry, 1995]), что контрастирует с типично ахмарскими комплексами из того же района (см. ниже).

Географическая приуроченность двух типов “ориньякских” памятников различна. Те из них, которые в большей степени соответствуют классическому определению, т.е. обнаруживают четкие и специфичные признаки сходства с европейским ориньяком, тяготеют к средиземноморской ландшафтной зоне и, как правило, находятся на побережье. Большинство же памятников, отвечающих лишь более широким критериям, расположено в засушливых областях Южного Израиля, Иордании и Сирии [Belfer-Cohen, Bar Yosef, 1999]. Неясно, насколько эти “ориньякские в широком смысле” комплексы сопоставимы с классическими ориньякскими Леванта и Европы. Некоторые из них, возможно, следует считать функциональными вариантами иных верхнепалеолитических индустрий [Kerry, 2000].

Помимо ориньяка, в Леванте существовали по меньшей мере еще два ранневерхнепалеолитических

технокомплекса. Более ранний, выделяемый со времен Д. Гаррод и Р. Невилля, обозначается как начальнo-верхнепалеолитический, эмирский или переходный. Поскольку он характеризуется специфической разновидностью леваллуазской пластинчатой техники, его также называют лепто-леваллуазским. Хотя заготовки тут имеют явно среднепалеолитические черты, ретушированных орудий меньше, чем верхнепалеолитических типов, в частности, скребков и резцов. На многих памятниках встречаются специфические формы, в т. ч. наконечники типа эмире и *chanfreins*. Начальнo-верхнепалеолитические памятники обнаружены по всему Леванту, не исключая и засушливых внутренних районов [Boëda, Muhesen, 1993; Coinman, Fox, 2000; Prehistory..., 1983], но наибольшая их концентрация отмечается в северной части, между Бейрутом и Южной Турцией. Именно там исследованы наиболее важные памятники [Azoury, 1986; Boëda, Muhesen 1993; Copeland, 1970; Kuhn et al., 1999]. Сходное сочетание леваллуазской пластинчатой техники с верхнепалеолитическими типами орудий распространено весьма широко – от Северной и Центральной Азии [Деревянко, 2001; Отт, Козловский, 2001] до Центральной Европы [Kozlowski, 2000]. Можно ли объяснить это некой культурной общностью или же речь идет просто о конвергенции – вопрос, выходящий за рамки данной статьи.

Другой ранневерхнепалеолитический технокомплекс Леванта – ахмарский – был выделен в начале 80-х гг. XX в. [Gilead, 1981, 1991; Marks, 1981]. Он характеризуется обилием пластин и пластинок, снятых с призматических нуклеусов (часто с двумя противоположащими ударными площадками). Благодаря использованию мягких отбойников и посредников заготовки получаются очень изящными, правильной формы. В раннеахмарских комплексах, особенно в засушливых внутренних районах, набор ретушированных орудий бывает очень ограниченным. В нем часто преобладают остроконечные пластины с мелкой ретушью – т.н. наконечники типа эль-вад, – которые иногда являются практически единственной формой орудий. Ахмарские коллекции из северных районов Средиземноморского побережья более разнообразны. Собственно ахмарский технокомплекс распространен лишь в Восточном Средиземноморье. Его возможная связь с иными пластинчатыми индустриями верхнего палеолита, особенно с граветтийскими, требует специального исследования.

Хронологические отношения между этими тремя верхнепалеолитическими технокомплексами изучены довольно хорошо, хотя некоторые аспекты все еще неясны. В отличие от Западной Европы, в Леванте ориньяк не является древнейшей верхнепалеолитической индустрией, более того, он здесь моложе прочих. Первым возник начальнo-верхнепалеолитический

кий комплекс: в стратифицированных контекстах он залегает неизменно ниже, чем другие верхнепалеолитические индустрии. Судя по малочисленным пока радиоуглеродным датам, он относится к интервалу 50 – 40 тыс. л.н.; нужно, правда, учитывать, что выборка, использованная для анализа, очень мала [Kuhn et al., 2001; Prehistory..., 1983; Bar-Yosef, 2000]. Стратиграфически и хронологически следующим комплексом является ахмарский, согласно общепринятому мнению, автохтонный и генетически связанный с начально-верхнепалеолитическим [Bar-Yosef, 2000; Prehistory..., 1983; Gilead, 1991]. В тех случаях, когда ахмарская и ориньякская индустрии встречаются на одном и том же памятнике (Кзар-Акил, Антелиас, Ябруд, Кебара), первая из них всегда древнее. Радиоуглеродные даты ахмарского комплекса находятся в интервале около 42 – 30 тыс. л.н. [Bar-Yosef, 2000]. Что же касается ориньякских слоев, то они неизменно залегают выше всего. Судя по имеющимся датам, классический ориньякский комплекс относится ко времени позже 30 тыс. л.н. [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1981; Mellars, Tixier, 1989; Yalçinkaya, Otte, 2000]. Для слоев 1 и 2 в Кебаре получены несколько более ранние даты, но все же и они позже древнейших дат ахмарского комплекса [Bar-Yosef et al., 1996]. Наиболее спорный вопрос: сосуществовал ли ориньяк с поздне-ахмарским комплексом после 30 тыс. л.н. или же пришел ему на смену [Gilead, 1991; Schyle, 1992].

К сожалению, почти никаких антропологических материалов ранней поры верхнего палеолита в Леванте не обнаружено. В сущности единственной заслуживающей упоминания находкой являются костные остатки со стоянки Кзар-Акил. Они принадлежали человеку современного типа. Впрочем, как мы уже неоднократно убеждались, не следует ожидать прямой связи между поведением и анатомическим строением, а потому таксономия ископаемых находок не имеет непосредственного отношения к теме данной статьи.

Что нового содержит левантский ориньяк?

Судя по всему, в Леванте ориньяк датируется временем по крайней мере на 10 тыс. лет более поздним, чем начально-верхнепалеолитический (“лепто-леваллуазский”) и ахмарский комплексы. Однако существование верхнепалеолитических (в типологическом смысле) индустрий в Восточном Средиземноморье до появления там ориньяка не обязательно означает, что в это время там существовал и полный комплекс черт, именуемый “поведением человека современного типа”. Хорошо известно, что ни пластинчатая технология [Bar-Yosef, Kuhn, 1999] (там же ссылки на литературу), ни даже “верхнепалеолитические” формы орудий не являются надежными показателями поведения человека современного типа. Так, амудская индустрия

характеризуется изящными пластинами и изделиями с обушком; благодаря этим верхнепалеолитическим чертам ее даже называли преориньякской [Ronen, 1922]. Однако никаких иных верхнепалеолитических черт в ней нет. В пещере Табун слои с амудской индустрией залегают под мощными напластованиями эпохи левантского мустье и датируются временем более 250 тыс. л.н. [Mercier et al., 1995].

Классические ориньякские комплексы Леванта, несомненно, обнаруживают все признаки, характеризующие поведение человека современного типа. Помимо типичных форм каменных орудий, коллекция из слоя D в пещере Хайоним включает наконечники с расщепленным основанием, просверленные зубы и даже предметы искусства – известняковые плитки с нарезками [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1981, 1999]. Сходство данного комплекса с европейским ориньяком I поразительно. Костяные наконечники и/или бусы из раковин найдены также на стоянках Сефуним, Кзар-Акил и в гроте 2 Ябруда [Altena, 1962; Bar-Yosef, 2000; Ronen, 1984; Rust, 1950]. Напротив, ахмарский и начально-верхнепалеолитический комплексы почти ничего, кроме каменных орудий, не содержат. Иногда, правда, исследователи упоминают о других категориях инвентаря, но их не считают характерными для данных комплексов. Впрочем, возможно, это объясняется тем, что среди раскопанных в последние годы памятников преобладают стоянки открытого типа в засушливых внутренних районах. В Леванте на таких памятниках обычно плохо сохраняются органические остатки. Кроме того, однообразие ретушированных орудий в их инвентаре (в основном представлены наконечники типа эль-вад) свидетельствует о функциональной специализации. Поэтому вполне возможно, что отсутствие костяных изделий, украшений вызвано тафономическими условиями и природным окружением памятников.

Изучение пещерных стоянок в прибрежных районах давно уже выявило разнообразие технологических и поведенческих показателей, хотя до недавнего времени на них обращали мало внимания. К сожалению, самые крупные и выразительные памятники (Кзар-Акил, Ябруд и Антелиас) были раскопаны более полувека назад, когда археологическая методика не отвечала нынешним стандартам. Тем не менее помимо каменных орудий исследователями описаны и некоторые иные категории инвентаря. Недавно в ходе раскопок в Израиле (слои 1 – 4 в пещере Кебара) и Турции (пещера Ючагизли) выявлен целый ряд существенных верхнепалеолитических признаков в комплексах верхнего палеолита, не относящихся к ориньяку.

Кроме того, находки в пещерах Кзар-Акил, Кебара, Ючагизли, а возможно, и Ябруд показали, что, по крайней мере, украшения были широко распространены в Леванте уже с самого начала верхнего палеолита.

На первых трех из названных памятников обнаружено значительное количество бус и иных изделий из раковин морских моллюсков. В Кебаре украшения из раковин найдены как в древнейших (ахмарских?) слоях, так и в более поздних, ориньякских [Bar-Yosef, 2000]. В пещерах Кзар-Акил и Ючагизли бусы встречаются во всех верхнепалеолитических слоях, начиная с самых ранних [Altena, 1962; Kuhn et al., 2001]. Эти изделия не только многочисленны, но и стандартизованы как по материалу (использовались раковины лишь небольшого числа видов моллюсков), так и по технике изготовления. В отличие от среднего и нижнего палеолита, когда лишь в крайне редких случаях можно предположительно говорить об украшениях, на ранней стадии верхнего палеолита бусы из раковин образуют устойчивую категорию неутилитарных материальных символов. В качестве таковых они относятся к первым недвусмысленным свидетельствам использования материальных объектов для коммуникации, что, несомненно, является универсальной чертой культур, создаваемых людьми современного типа. В верхнем палеолите Леванта практически все украшения делались из раковин. Исключение составляет лишь обработанный коготь хищника из пещеры Ючагизли. Интересно, что в других регионах ситуация с древнейшими украшениями совсем иная. Так, в Восточной Африке первые украшения делались в основном из скорлупы яиц страуса, в Центральной Европе – из зубов животных [Ambrose, 1998; Kozłowski, 2000].

Разнообразные костяные орудия также представлены и в начально-верхнепалеолитическом, и в ахмарском комплексе. Наибольшее их число найдено в пещере Ючагизли. В ахмарских горизонтах (В, В1 – 4, С) обнаружено более десятка костяных предметов разного размера и назначения – иглы, шилья, наконечники и пр. Три крупных наконечника (либо булавок) из кости найдены в ранних слоях, относящихся к началу верхнего палеолита (F и H). В монографии А. Руста, посвященной Ябруду [Rust, 1950], имеются рисунки костяных или роговых предметов с острием, найденных в слоях 4 и 7 грота 2. Автор считал их раннеориньякскими, но в дальнейшем они были отнесены к ахмарскому комплексу [Schyle, 1992]. Неизвестно, обнаружены ли подобные предметы в ахмарских и начально-верхнепалеолитических слоях стоянок Кзар-Акил и Кебара; в публикациях упоминаний о них нет. Вообще в ахмарских и начально-верхнепалеолитических комплексах костяных и роговых изделий чрезвычайно мало, зато в ориньякском слое D в пещере Хайоним они встречаются в изобилии. Неясно, в какой мере доориньякское верхнепалеолитическое население Леванта использовало эти материалы. Исключительное богатство и разнообразие костяных изделий в пещере Хайоним может отражать как функциональную специализацию, так и культурное своеобразие.

Важно подчеркнуть, что древнейшие украшения и костяные изделия в ахмарском и начально-верхнепалеолитическом комплексах нельзя считать изолированным явлением, неким “преждевременным” культурным достижением, не получившим дальнейшего развития. Там, где условия залегания благоприятствовали сохранности бус из раковин, они обнаружены в достаточном количестве в верхнепалеолитических и эпилепалеолитических комплексах по всему Леванту. Многие виды моллюсков, раковины которых служили основным материалом в начале верхнего палеолита и в раннеахмарское время, продолжали использоваться вплоть до натufийской эпохи. Костяные изделия (правда, немногочисленные) также встречаются практически на всех верхнепалеолитических и эпилепалеолитических памятниках Леванта [Coinman, 1996; Gilead, 1991]. Они никогда не бывают столь многочисленны, как в некоторых европейских комплексах. Известно, что современные охотники и собиратели, живущие в низких широтах, вкладывают меньше труда в изготовление определенных орудий (особенно охотничьих), чем жители областей, более удаленных от экватора. Похоже, что контраст между верхнепалеолитическими технологиями Леванта и Северной Евразии отражает не столько различия в умственных способностях между разными группами гоминидов, сколько разные стратегии добывания и переработки ресурсов [Kuhn, Stiner, 2001].

Как же обстоит дело с третьим элементом, определяющим “поведение человека современного типа”, – искусством? Тут приходится признать, что ориньяк опережает другие верхнепалеолитические комплексы Леванта, хотя и не намного. В пещере Хайоним в слое D обнаружены две известняковые плитки с резными изображениями животных. Пока это, в сущности, единственные произведения изобразительного искусства, связанные с верхним палеолитом и эпилепалеолитом Леванта вплоть до натufийской эпохи. Даже в эпилепалеолите абстрактные образы и орнаментированные предметы крайне редки. Один из примеров – галька с резными геометрическими узорами, найденная на раннеэпилепалеолитическом памятнике Уркан э Руб [Hovers, 1990]. На нескольких отщепках из слоя В в пещере Ючагизли также имеются нарезки, но эти предметы сходны со среднепалеолитическими камнями с нарезками из Европы [Hovers et al., 1997] и Африки [D’Errico et al., 2001] не в меньшей степени, чем с верхнепалеолитическими образцами.

Следует отметить, что в отличие от украшений и костяных орудий предметы верхнепалеолитического искусства распределены весьма неравномерно. Даже на поздней стадии верхнего палеолита они концентрируются в Северной Европе и в районе франко-испанского пограничья (Кантабрия), тогда как в других местах весьма редки. Едва ли такое распределение

отражает различия в когнитивных способностях людей финальной поры плейстоцена. Скорее всего, речь идет о различных символических, социальных или экономических функциях, которыми были наделены украшенные изображения пещеры или предметы [Barton et al., 1994; Mithen, 1988a, б]. Поэтому редкость символических изображений в верхнем палеолите Леванта вряд ли имеет большее значение, чем их редкость в верхнем палеолите Балкан и Восточной Европы или же в позднекаменном веке Африки.

Обсуждение

Ориньяк традиционно рассматривается в качестве первого вполне сложившегося верхнепалеолитического комплекса, а также как древнейшее на территории Евразии проявление некой нечетко определенной совокупности признаков, которая, как считается, характеризует поведение человека современного типа. Верхнепалеолитические индустрии, предшествовавшие ориньяку по времени, давно уже были выявлены в Леванте (как и в других районах), но оставалось неясным, насколько в них представлены черты, отражающие поведение человека современного типа. Вышеприведенная сводка, как я надеюсь, продемонстрировала, что по крайней мере два существенных показателя верхнепалеолитического поведенческого комплекса – индивидуальные украшения и полированные костяные орудия – хорошо представлены как в ахмарском, так и в начально-верхнепалеолитическом комплексе (Кебара, Кзар-Акил, грот 2 в Ябруде и Ючагизли). По существу, единственным новшеством, связанным с ориньяком, является изобразительное искусство, но его образцы обнаружены лишь на одном памятнике. Поэтому нельзя по-прежнему считать ориньяк эталоном комплекса признаков, характеризующего поведение человека современного типа, в Восточном Средиземноморье, а также, возможно, и в Восточной Европе, и в Центральной Азии.

Что же можно сказать о происхождении “верхнепалеолитического поведенческого комплекса” в Восточном Средиземноморье? Несомненно, многие его принципиальные признаки – технологические, типологические и даже символические – появились в начале верхнего палеолита и раннеахмарское время. Согласно преобладающему мнению, начально-верхнепалеолитический комплекс возник на основе позднего варианта левантийского мустье и, в свою очередь, дал начало ахмарскому комплексу. Эта последовательность (если она подтвердится) имеет прямое отношение к проблеме эволюции поведения левантийских гоминидов (не следует смешивать с проблемой эволюции физического типа). В самом деле, ведь тогда можно будет говорить о преемственности между позднемустьерской и верхнепалеолитической культурами.

Связь между начально-верхнепалеолитическим комплексом и поздним мустье, с одной стороны, и между ним же и раннеахмарским комплексом – с другой, – ключевые звенья данного процесса. На памятниках Кзар-Акил и Ючагизли, по-видимому, наблюдается преемственность технологических традиций между начально-верхнепалеолитической и раннеахмарской индустриями, проявляющаяся в постепенном переходе от использования твердого отбойника, фасетированных ударных площадок и однонаправленного или встречного скалывания к применению мягкого отбойника или посредника, к существенной подработке площадок и призматическим нуклеусам с противоположащими площадками. В типологии орудийных форм она менее выражена, хотя ведущие начально-верхнепалеолитические типы орудий – *chanfreins* и наконечники типа эмире – исчезают постепенно.

Предшествующий переход – от финального мустье к начально-верхнепалеолитическому комплексу – прослеживается не столь отчетливо. А. Маркс считает, что материалы из Бокер-Тачтит позволяют установить преемственность между мустьерской и верхнепалеолитической техникой изготовления заготовок; при этом формы орудий практически не меняются [Prehistory..., 1983; Marks, 1993]. К сожалению, это единственный памятник, где стратиграфическая летопись не имеет перерывов. В пещере Кзар-Акил позднемустьерские и древнейшие верхнепалеолитические слои разделены седиментационной или эрозийной лакуной [Azoury, 1986]. Как уже указывалось, позднее мустье таких левантийских памятников, как Кебара или Тор-Фарадж, сильно отличается от древнейших комплексов верхнего палеолита [Tostevin, 2000]. Альтернативное предположение состоит в том, что на заключительной стадии среднего палеолита в Южном Леванте существовало несколько типов индустрий, причем на основе одного из них, сравнительно позднего и отличающегося обилием пластин (мустье типа Табун D), сформировался начально-верхнепалеолитический комплекс типа Бокер-Тачтит.

Многие исследователи полагают, что в Леванте имела место преемственность между средне- и верхнепалеолитическими индустриями, однако имеющихся данных недостаточно для утверждения об автохтонности начально-верхнепалеолитического комплекса. Хотя эволюция подправленных нуклеусов, прослеживаемая по материалам из Бокер-Тачтит, выглядит внушительно, невозможно получить окончательный ответ на основании материалов одного памятника, тем более что мустьерские черты в них, в частности наличие подправленных нуклеусов, подобных леваллуазским, имеют довольно общий характер и широко распространены в среднем палеолите. Начально-верхнепалеолитический комплекс вполне мог возникнуть на базе мустье, но не обязательно в Леванте. Это могло произойти где угодно. Но тогда возникает вопрос, где же именно. Мало что свидетель-

стует в пользу африканского происхождения. Вообще, комплексы с верхнепалеолитическими формами орудий и среднепалеолитическими (или подобными им) формами нуклеусов нетипичны для Северной Африки, по крайней мере, в рассматриваемый период (они появляются здесь гораздо позже). В пещере Содмейн в Северной Африке обнаружен сходный “лепто-леваллуазский” комплекс, но он пока не датирован [Vermeersch et al., 1994].

Что же касается ориньяка, то, хотя в течение долгого времени принято было ставить знак равенства между ним и ранним верхним палеолитом в самом широком смысле, левантский ориньяк уже нельзя считать древнейшим примером “классического” верхнепалеолитического комплекса. Как в Леванте, так и в различных частях Европы и Азии артефакты (украшения, костяные орудия и др.), свидетельствующие о поведенческих особенностях, отличающих носителей верхнепалеолитических культур от представителей более ранних эпох, появляются до ориньяка, часто задолго до него. Это не значит, что он не сыграл значительной роли. Ориньякский комплекс (даже в узком его понимании) был распространен на обширных территориях, от Атлантики до Восточного Средиземноморья, а возможно, и до Загроса. Если перестать рассматривать ориньякскую культуру в качестве проводника “поведения человека современного типа”, то становится гораздо труднее понять, почему распространялся он сам или (если верно альтернативное объяснение) почему процессы, приведшие к возникновению целого комплекса культурных черт, независимо протекали в районах, разделенных тысячами километров. В итоге, как ни парадоксально, ориньякская проблема становится еще более интригующей, чем она была прежде. Если вопрос о причинах широкого распространения ориньяка будет решен, мы узнаем о популяционной динамике, культурной трансмиссии и технологической эволюции в эпоху верхнего палеолита гораздо больше того, на что могли рассчитывать.

Список литературы

- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3(7). – С. 70 – 103.
- Отт М., Козловский Я.К.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3(7). – С. 51 – 62.
- Altena C.O. van Regteren.** Molluscs and Echinoderms from Paleolithic Deposits in the Rock Shelter of Ksar Akil, Lebanon // Zoologische Mededelingen. – 1962. – Vol. 38. – P. 87 – 979.
- Ambrose S.** Chronology of the later Stone Age and food production in East Africa // Journal of Archaeological Science. – 1998. – Vol. 25. – P. 377 – 392.
- Azoury I.** Ksar Akil, Lebanon. – Oxford: British Archaeological Reports, 1986. – Vol. 1: Levels XXV – XII. – 244 p. – (BAR International Series; N 289).
- Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.** Art as information: Explaining Upper Paleolithic art in Western Europe // World Archaeology. – 1994. – Vol. 26(2). – P. 185 – 207.
- Bar-Yosef O.** The Middle and early Upper Paleolithic of southwest Asia and neighboring regions // The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 107 – 156. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Houseley R., Laville H., Meignen L, Vogel J.C., Vandermeersch B.** The dating of the Upper Paleolithic layers at Kebara Cave, Mt. Carmel // Journal of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23. – P. 297 – 306.
- Bar-Yosef O., Kuhn S.** The big deal about blades: Laminar technologies and human evolution // American Anthropologist. – 1999. – Vol. 101. – P. 322 – 338.
- Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O.** The Aurignacian at Hayonim Cave // Paléorient. – 1981. – Vol. 7(2). – P. 19 – 42.
- Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O.** The Levantine Aurignacian: 60 years of research // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic / Eds. W. Davies and R. Charles. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 118 – 134.
- Bergman C.** Ksar Akil, Lebanon. – Oxford: British Archaeological Reports, 1987. – 333 p. – (BAR International Series; N 239).
- Bergman C., Ohnuma K.** The Upper Paleolithic sequence of Ksar Akil, Lebanon // Berytus. – 1987. – Vol. 35. – P. 13 – 40.
- Boëda E., Muhesen S.** Umm el Tiel (El Kown, Syrie): Etude préliminaire des industries lithiques de Palolithique moyen et supérieur // Cahiers de l'Euphrate. – 1993. – Vol. 7. – P. 47 – 91.
- Carbonell E.** A geographic perspective on the Middle to Upper Paleolithic transition in the Iberian peninsula // The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 5 – 34. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Churchill S., Smith F.** Makers of the early Aurignacian in Europe // Yearbook of Physical Anthropology. – 2000. – Vol. 43. – P. 61 – 115.
- Coinman N.** Worked bone in the Levantine Upper Paleolithic: Rare examples from the Wadi asl Hasa, west-central Jordan // Paléorient. – 1996. – Vol. 22(2). – P. 113 – 121.
- Coinman N., Fox J.** Tor Sadaf (WHSNB 8): The transition to the Upper Paleolithic // The Archaeology of the Wadi al Hasa. – Tempe: Arizona State University, 2000. – Vol. 2: Excavations at Middle, Upper and Epipaleolithic Sites / Ed by N. Coinman. – P. 123 – 142. – (Arizona State University Anthropological Research Papers; N 52).
- Coinman N., Henry D.O.** The Upper Paleolithic Sites // Prehistoric Cultural Ecology / Ed by D.O. Henry. – N.Y.: Plenum Press, 1995. – P. 133 – 214.
- Conard N.** The timing of cultural innovations and the dispersal of modern humans in Europe // Terra Nostra. – 2002. – Vol. 2002/6. – P. 82 – 94.
- Copeland L.** The early Upper Paleolithic flint material from levels VII – V, Antelias cave, Lebanon // Berytus. – 1970. – Vol. 19. – P. 99 – 143.

- D'Errico F., Henshilwood C., Nilssen P.** Engraved bone fragment from c. 70000-year-old Middle Stone Age levels at Blombos Cave, South Africa: Implications for the origin of symbolism and language // *Antiquity*. – 2001. – Vol. 75. – P. 309 – 318.
- D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // *Current Anthropology*. – 1998. – Vol. 39. – P. S1 – S44.
- Garrod D.A.E., Bate D.M.A.** The Stone Age of Mount Carmel. – Oxford: Clarendon Press, 1937. – Vol. 1. – 240 p.
- Gilead I.** Upper Paleolithic tool assemblages from the Negev and Sinai // *Préhistoire du Levant* / Eds. P. Sanlaville and J. Cauvin. – P.: CNRS, 1981. – P. 331 – 342.
- Gilead I.** The Upper Paleolithic in the Levant // *Journal of World Prehistory*. – 1991. – Vol. 5. – P. 105 – 154.
- Hovers E.** Art in the Levantine Epi-paleolithic: An engraved pebble from a Kebaran site in the lower Jordan Valley // *Current Anthropology*. – 1990. – Vol. 31(3). – P. 317 – 322.
- Hovers E., Vandermeersch B., Bar-Yosef O.** A Middle Paleolithic engraved artifact from Qafzeh Cave, Israel // *Rock Art Research*. – 1997. – Vol. 14(2). – P. 79 – 87.
- Kerry K.** Intra- and inter-site variability within the Levantine Upper Paleolithic: Evidence from Jebel Humeima (J412), southwest Jordan // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 2000. – Vol. 66. – P. 1 – 18.
- Klein R.** The Human Career. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1999 – 810 p.
- Kozłowski J.** The problem of cultural continuity between Middle and Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 77 – 105. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Kuhn S., Stiner M.** The antiquity of hunter-gatherers // *Hunter-Gatherers, an Interdisciplinary Perspective* / Eds. C. Panter-Brick, R.H. Layton, and P.A. Rowley-Conwy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – p. 99 – 142.
- Kuhn S., Stiner M., Güleş E.** Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: A preliminary report // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 73. – P. 505 – 517.
- Kuhn S., Stiner M.C., Reese D., Güleş E.** Ornaments in the earliest Upper Paleolithic: New perspectives from the Levant // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2001. – Vol. 98(13). – P. 7641 – 7646.
- Marks A.** The Upper Paleolithic of the Negev // *Préhistoire du Levant* / Eds. P. Sanlaville and J. Cauvin. – P.: CNRS, 1981. – P. 343 – 352.
- Marks A.** The early Upper Paleolithic: A view from the Levant // *Before Lascaux: The Complex Record of the Early Upper Paleolithic* / Eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. – Boca Raton: CRC Press, 1993. – P. 5 – 22.
- Marks A.** A new Middle-to-Upper Paleolithic "Transitional" assemblage from Buran kaya II< level C, eastern Crimea. A preliminary report // *Préhistoire d'Anatolie: Gènes de Deux Mondes* / Ed by M. Otte. – Liège: Université de Liège, 1998. – P. 353 – 366. – (Études et Recherches Archéologiques de L'Université de Liège; N 85).
- Mellars P.** Major issues in the emergence of modern humans // *Current Anthropology*. – 1989. – Vol. 40(3). – P. 349 – 385.
- Mellars P.** The Neanderthal problem: Replies to d'Errico and colleagues // *Current Anthropology*. – 1999. – Vol. 40(3). – P. 341 – 364.
- Mellars P.** The archaeological records of the Neandertal-modern human transition in France // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 35 – 47. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Mellars P., Tixier J.** Radiocarbon accelerator dating of Ksar Aqil (Lebanon) and the chronology of the Upper Paleolithic sequence in the Middle East // *Antiquity*. – 1989. – Vol. 63. – P. 761 – 768.
- Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.L., Jelinek A., Meignen L., Joron J.L.** TL-dates of burnt flints from Jelinek's excavations at Tabun and their implications // *Journal of Archaeological Science*. – 1995. – Vol. 22(4). – P. 495 – 510.
- Mithen S.** Looking and learning: Upper Paleolithic art and information gathering // *World Archaeology*. – 1988a. – Vol. 19(3). – P. 297 – 327.
- Mithen S.** To hunt or to paint: Animals and art in the Upper Paleolithic // *Man*. – 1988b. – Vol. 23(4). – P. 671 – 695.
- Neuville R.** Le Paléolithique du Palestine // *Revue Biblique*. – 1934. – Vol. 43. – P. 237 – 259.
- Olzewski D.** The Early Upper Paleolithic in the Zagros Mountains // *Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic* / Eds. W. Davies and R. Charles. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 167 – 180.
- Olzewski D., Dibble H.** The Zagros Aurignacian // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35. – P. 68 – 75.
- Ploux S.** Le paléolithique supérieur d'Umm el Tlel (Bassin d'El Kown, Syrie): Observations préliminaires // *Cahiers de l'Euphrate*. – 1998. – Vol. 8. – P. 27 – 54.
- Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel** / Ed by A. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3. – 349 p.
- Ronen A.** Sefunim Prehistoric Sites, Mount Carmel, Israel. – Oxford: British Archaeological Reports, 1984. – 533 p. – (BAR International Series; N 230).
- Ronen A.** Emergence of blade technology: Cultural affinities // *Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia*. – Tokyo: Hokusensha Publishing, 1992. – P. 217 – 228.
- Rust A.** Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). – Neumünster: Karl Wacholtz Verlag, 1950. – 154 S.
- Schyle D.** Near Eastern Upper Paleolithic Cultural Stratigraphy: Biehefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients, Reihe B (Geisteswissenschaften) Nr. 59. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1992. – 150 p.
- Tostevin G.** Behavioral Change and Regional Variation across the Middle to Upper Paleolithic Transition in Central Europe, Eastern Europe, and the Levant: Ph.D Dissertation. – Cambridge: Harvard University, 2000. – 492 p.
- Vermeersch P.M., Moeyersons J., Van Neer W.** Sodmein Cave site, Red Sea Mountains (Egypt) // *Sahara*. – 1994. – Vol. 6. – P. 31 – 40.
- Yalçinkaya I., Otte M.** Début du Paléolithique supérieur à Karain (Turquie) // *L'Anthropologie*. – 2000. – Vol. 104. – P. 51 – 62.

УДК 903.2

Н. Роланд

Университет Виктория, Канада
 Department of Anthropology, University of Victoria, Canada
 E-mail: prehistory@shaw.ca

КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ М. ОТТА, Я.К. КОЗЛОВСКОГО “ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ”

Введение

Статья о формировании верхнепалеолитической культуры в Северной Евразии, написанная двумя специалистами по археологии Европы и Азии [Отт, Козловский, 2001], предлагает вниманию читателей обзор материалов, относящихся к возникновению и развитию технологии и типологии верхнего палеолита и происхождению людей современного физического типа. Этот обзор сделан с более широких территориальных позиций, чем обычные, достаточно односторонние обсуждения материалов из наиболее изученных регионов Западной Европы, Ближневосточного Леванта и Южной Африки. Такой односторонний подход не позволяет в полном объеме и обоснованно реконструировать процессы и причины трансформации доисторического инвентаря.

Мои комментарии относятся к следующим положениям: 1) статус ориньякского комплекса – формальные и пространственно-временные характеристики, места возникновения, соотношение между ориньяком как классификационной категорией и соответствующими палеосоциальными изменениями; 2) соображения о возникновении и моделях развития раннего верхнепалеолитического инвентаря в Западной Евразии; 3) применимость понятий этнологической теории для определения характеристик и процессов верхнего палеолита и для выяснения причин перехода от средне- к верхнепалеолитическим индустриям.

Ориньякский комплекс

Несмотря на неопределенность техно-типологических границ и политетическую (реконструируемую на основании нескольких признаков) вариабельность ориньяка, включая такие понятия, как “пре-ориньяк” или “прото-ориньяк” [Kozlowski, 1979; Kozlowski, Otte, 2000; Zilhao, d’Errico, 1999], господствует точка зрения о внутренней однородности ориньяка. Здесь было бы полезно использовать многовариантные статистические методы, которые мы применяем при сравнении разных типов среднепалеолитических коллекций из Западной Европы [Moyer, Rolland, 1999]. В Европе классический ориньяк датируется не ранее 36,5 тыс. л.н. [Zilhao, D’Errico, 1999; Zilhao, Trinkaus, 2001], тогда как стратиграфические и хронологические данные из Анатолии, Леванта, Крыма, Закавказья и Алтая позволяют считать, что ориньякский комплекс привнесен на эти территории и приходит на смену различным переходным верхнепалеолитическим индустриям [Otte, Derevianko, 2001; Отт, Козловский, 2001]. Такое пространственно-временное распределение при абсолютном отсутствии предшествовавших индустрий из Африки оставляет открытым вопрос о месте возникновения ориньяка. М. Отт [Otte, 1994; Otte, Derevianko, 2001] выдвигает гипотезу о том, что весь характерный набор верхнего палеолита в целом и ориньяк в частности возникли внутри этого огромного географического региона, простирающегося от Загроса до Центральной Азии, хотя в обсуждаемой

статье содержатся указания на привнесение ориньякского комплекса в некоторые районы Центральной Азии.

Загрос может быть колыбелью ориньяка, но свидетельства из этого района достаточно неопределенны, т.к. он слабо изучен.

Большая часть археологических и хронометрических данных из Загроса, где выделена барадостская культура (разновидность ориньяка), получена десятки лет назад. Стратифицированные коллекции из Варваси или Шанидара представляют мозаику типологических особенностей местных разновидностей мустье и ориньяка. В полевых работах не применялась современная методика микростратиграфических исследований для выявления и разграничения отдельных археологических слоев и культурных горизонтов. Следовательно, нельзя полностью доверять этой картине культурной мозаики и, основываясь на ней, делать выводы о том, что археологические материалы действительно демонстрируют непосредственный переход от мустье к ориньяку, поскольку не исключена возможность смешения различных невыявленных слоев и отдельных палеолитических горизонтов.

В районе долины Хоррамабад открыто несколько стоянок с мустьерскими и ориньякскими комплексами [Hole, Flannery, 1967], но эти материалы не согласуются с данными по Шанидару и Варваси. На Гар-Аржене биотурбации нарушили все слои, в которых могли содержаться свидетельства перехода от мустьерских индустрий к “барадостским” или замещения первых вторыми. Ф. Хоул и К. Фланнери особенно выделяли серию артефактов, демонстрирующую прерывание типологической последовательности между мустьерским и барадостским комплексами (например, коллекция Па-Сандар [Ibid, fig. 2]). Остается возможность того, что в долине Хоррамабад, которая расположена на границе Загроса, самая ранняя местная ориньякская индустрия тоже была привнесена и что данные для подтверждения гипотезы о постепенном переходе от мустье к ориньяку, а не замещении одного другим, следует искать в глубине материка. Несколько радиоуглеродных дат, относящих ориньяк ко времени 40 тыс. л.н., т.е. наиболее ранние среди всех известных в Западной Евразии, могут иметь отношение к гипотезе о его местном происхождении и, таким образом, дают дополнительный стимул к возобновлению исследований в Загросе, где коллекции были собраны десятки лет назад и требуют внимательного рассмотрения. Загрос не дает материалов, убедительно доказывающих местное происхождение ориньяка, но он остается приоритетным регионом, потому что другие, даже лучше изученные районы не могут предоставить свидетельств, опровергающих это.

Необходимо также учитывать следующие положения.

1. Если предполагается, что люди современного физического типа, или *Homo sapiens fossilis*, производили ориньякский инвентарь, стоит принять во внимание, что в отличие от Леванта, где в разное время присутствовали и неандертальцы, и архаичные современные люди, в Загросе единственный тип гоминидов, который можно ассоциировать с мустье, – это неандертальцы. Следует примириться с фактами: ориньякские находки в других районах ассоциируются с людьми современного физического типа, но в Загросе – только с неандертальцами. Кроме того, все ближневосточные неандертальцы имеют общие фенотипические черты, которые являются менее эндемичными, или “классическими”, чем в Западной Европе [Arensberg, Belfer-Cohen, 1998], что, возможно, означает гибридизацию.

2. В Загросе (в отличие от Европы, Анатолии, Леванта, Центральной Азии, Алтая) не было выделено никаких переходных верхнепалеолитических горизонтов [Smith, 1986, p. 25]. Это может служить дополнительным доказательством исключительно линейного перехода к ориньяку в Загросе, если только загросский ориньяк тоже не был привнесен. Соответствующие доказательства могут быть получены в большой пещере Гар-и-Кар (Иран) [Young, Smith, 1965], где раскопки проводились по современной методике микростратиграфических исследований. На стоянке выделены барадостские отложения толщиной 1 м, в которых, возможно, обнаружатся свидетельства такого непосредственного перехода. Все, что пока известно, получено из предварительных раскопок, без радиометрического анализа. Однако исследования палеолита в Иране дают обнадеживающие результаты: собраны новые мустьерские и ориньякские материалы [Roustaei et al., 2002], которые могут помочь в установлении причин появления ориньяка на территории Ирана.

Центральная Азия и Сибирь должны рассматриваться как важные регионы в изучении происхождения верхнепалеолитических индустрий Евразии. Согласно новым данным, полученным на стоянке Оби-Рахмат в Узбекистане, переход к верхнему палеолиту датируется примерно 47 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2001], а связь возникновения ориньяка в Средней Азии с людьми современного типа [Otte, 1994] может быть поддержана сценариями палеогенетического развития, которые указывают на Среднюю Азию как на место происхождения людей современного физического типа (ориньякцев), пришедших в Европу [Gibbons, 2000].

Ориньяк как археологическая культура и палеосоциальный изоморфизм

Ориньяк представляет собой достаточно однородное явление с точки зрения содержания (типология камен-

ных орудий, изделия из кости и рога, мелкие украшения, предметы искусства), непрерывного пространственного распространения по огромным территориям Евразии (от Иберии до Алтая) и хронологической протяженности (несколько тысячелетий), чтобы соответствовать понятию “археологическая культура” [Childe, 1956, p. 16, 18 – 19; Clarke, 1968, p. 231; Taylor, 1967, ch. 4]. Целостная ориньякская культура, видимо, связана с отдельными очагами нахождения останков людей современного типа (Кро-Маньон, Ле Руа, Штеттен I). Огромное географическое распространение и длительное существование ориньякских артефактов, очевидно, превосходят возможности одной популяции или этнической группы, объединенной вокруг определенного “ядра” [Yellen, Harpending, 1972, p. 247 – 248]. Поэтому ориньякскому комплексу подходит другое определение более высокого уровня в археологической классификации, а именно, “культурная группа” [Clarke, 1968, p. 287]. Эта категория подразумевает такой уровень социальной организации и брачных отношений [Wobst, 1976], который позволяет поддерживать обмен генами и культурную диффузию между рассеянными на большой территории сообществами. Если соотносить ориньяк с людьми современного типа, то можно говорить о существовании изоморфной общности в пределах социокультурной формации более широкого масштаба (см.: [Semenov, 1970, fig. 1]), которая, однако, достаточно консолидирована, чтобы сохранить единство и наследование культурных черт, характерных для ориньяка.

Возможные модели возникновения верхнепалеолитических культур в Западной Евразии

На основании обзора материалов по раннему верхнему палеолиту, предложенного М. Оттом и Я. Козловским, а также других работ по этой теме [Anikovich, 1992; Cohen, Stepanchuk, 1999; Guslitzer, Pavlov, 1993; Вишняцкий, 2000; Zilhao, 2001; Zilhao, d’Errico, 1999] можно выделить основные положения: 1) большинство ранневерхнепалеолитических материалов (в т.ч. горизонта, датируемого 43,1 тыс. л.н., который был недавно открыт на стоянке Мальта в Прибайкалье [Hedges et al., 1998]) свидетельствует о постепенном переходе, а не о замещении одних комплексов другими; 2) все эти материалы вписываются в модель полицентрического развития одного биологического вида, т.е. культурные комплексы располагаются в одной и той же стратиграфической последовательности по всей огромной территории (причем они не обязательно синхронны [Childe, 1944]), вместо того чтобы представлять единую, моноцентрическую суперраспространенную общность.

Доминирование повторяющихся линейных последовательностей развития от среднего к раннему верхнему палеолиту, предшествующих появлению ориньяка, которое значительно отстает в Иберии и Крыму, делает аргументы “статистической не вероятности” и “культурной каталитической” роли ориньяка неубедительными для объяснения постепенного распространения этого явления как в Европе [Mellars, 1991], так и в других местах. В таком случае необходимо рассматривать предшествовавшие среднепалеолитические комплексы как культурно-историческую основу дальнейшего развития локальных переходных верхнепалеолитических индустрий* [Bosinski, 1982; Вишняцкий, 2000]. Вариабельность среднепалеолитических коллекций может быть обусловлена ситуационными, *региональными* факторами [Rolland, 2000]. Понятие *культурных групп* становится более важным при рассмотрении различий между географически удаленными объединениями, такими как “мустьерский комплекс” в Западной Европе, “Formen Gruppen” в Центральной Европе [Bosinski, 1982], среднепалеолитические комплексы в Средней Азии [Ranov, Davis, 1999] или на Алтае, где они содержат листовидные бифасы [Деревянко, Шуньков, 2002], аналогичные и, возможно, исторически связанные с местонахождением Мунгар-Ыма в Якутии, расположенным далеко на северо-востоке [Федосеева, Мочанов, 2001], а не с материалами Средней Азии или Ближнего Востока. Однако бифасов не находят на Восточном Урале, например на Богдановке – среднепалеолитической стоянке открытого типа [Широков, 1992].

Причины возникновения верхнепалеолитических культур

Часто повторяемые объяснения по этому поводу постулируют перерыв в биокультурной эволюции гоминидов, обусловленный мутациями генотипа, которые и отмечают первоначальное появление людей современного физического типа в Африке на территориях, граничащих с пустыней Сахара. Данный вид распространился позднее из Африки и полностью заместил неандертальцев и поздних *Homo erectus*. Это произошло благодаря более совершенным поведенческим возможностям и селективным преимуществам людей современного типа, включая такие основные “движущие силы”, как нейролингвистические и познавательные способности [Mellars, 1991; Mithen, 1996]. М. Отт [Otte, 1994; Otte, Derevianko, 2001] предлагает совершенно другой сценарий, не связывая культурные раз-

* **Cinq-Mars J., Rolland N.** The Hominid Colonization of Northern Eurasia: Palaeolithic Milestones: Paper Read at the Northern Archaeological Congress, 2002 September 9 – 14. Khanty-Mansiisk, Russia.

личия с биологическим разнообразием ископаемых останков людей. По его мнению, значимыми факторами формирования верхнепалеолитических культур были биоклиматические характеристики степных районов в умеренно континентальной Европе и культурно-исторические процессы.

Верхнепалеолитический инвентарь, в частности ориньякский, отражает повышение уровня сложности в культурных проявлениях [Mellars, 1989]. “Культура”, в понимании автора указанной статьи, включает такие аспекты, как технико-экономический базис, социальная организация, эстетические, символические проявления и познавательные возможности. Термин “культурная интенсификация” (предложен в этнологии [Kroeber, 1963, p. 222 – 223]) описывает их как новые элементы, более специальные, многочисленные и сложно организованные либо имеющие более богатое содержание и систематизированные. Это может относиться к некоторым аспектам образа жизни в верхнем палеолите. Такие характеристики отмечают рубеж между этапами развития культуры, хотя отдельные культурные черты демонстрируют преемственность. Вместе с тем нельзя считать, что все основные наблюдаемые технологические изменения, как, например, использование в качестве поделочного материала кости и рога, обязательно отражают возросшую функциональную эффективность или прогрессивное развитие. Материалы исследованных в арктической зоне Канады голоценовых культур от дорсета до туле (носители последней – непосредственные предшественники современных инуитов) свидетельствуют о том, что аналогичные технологические изменения отражают в основном намерения отдельного исполнителя сделать орудие с большим мастерством, а не стремление повысить эффективность расклевывания [McGhee, 1980].

Многие считают, что причина исчезновения неандертальцев и появления кроманьонцев в период раннего верхнего палеолита в замене одного вида гоминидов другим, с более передовой моделью поведения. Два недавних исследования по предыстории охотников-собирателей в голоцене предлагают аналогии для понимания замещения неандертальцев кроманьонцами, но разные интерпретации авторов могут служить “предостережением”. Первое исследование посвящено культурной последовательности дорсет – туле [McGhee, 1982], второе – неолиту Прибайкалья [Weber, 1995]. В обоих случаях значительные изменения в составе инвентаря связаны со сменой населения, хотя никто всерьез не рассматривает возможную зависимость поведенческих изменений от генетических различий, поскольку все эти популяции относились к одному виду (*Homo sapiens*). В публикации, посвященной смене культур в арктической зоне Канады, приводятся взаимоисключающие объяснения

быстрого расселения популяции туле и делается заключение о том, что социокультурные структурные различия или межэтническое соперничество являются главными факторами, которые стоит учитывать [McGhee, 1982]. В Прибайкалье, согласно модели, предложенной исследователями, на смену раннему “неолитическому” китойскому населению пришло (возможно, какое-то время территория оставалась незаселенной) позднее “неолитическое” серовское, обладавшее другим фенотипом и происходившее из другого географического района. Авторы считают, что разные способы адаптации к условиям окружающей среды, количественно и качественно противоположная социальная динамика являются достаточными причинами для такого замещения [Weber et al., 2002, p. 282 – 285, table 10]. В обоих случаях модели, объясняющие изменения, включающие смену населения, подтверждаются подробными хронологическими определениями, а также более разнообразным и информативным археологическим инвентарем и серьезными теоретическими построениями. Авторы отмечают прерывность культурной традиции, не связанную с климатическими изменениями или поведенческими детерминантами, основанными на особенностях генотипа. Причины дискретности развития они видят в культурных факторах и адаптации. Предложенные в этих статьях гипотезы могут быть использованы для объяснения перехода от среднего к верхнему палеолиту в тех районах, где ориньякская “культурная группа” была доминирующей.

Материалы ранних верхнепалеолитических комплексов, широко распространенных практически по всей Евразии, свидетельствуют о разной степени культурной интенсификации. По этому признаку комплексы можно подразделить на две категории.

1. Изменения, нашедшие отражение во многих коллекциях из ранних или переходных верхнепалеолитических горизонтов, более или менее прогрессивные, коренятся в предшествующих местных среднепалеолитических индустриях. Эти возникающие верхнепалеолитические комплексы устойчиво доминируют в некоторых районах, например, стрелецкий – почти повсеместно в европейской части России, неориньякские индустрии – на большей части Сибири [The Palaeolithic..., 1998].

2. Ранний ориньяк в целом характеризуется наиболее быстрой культурной интенсификацией, например, в Европе.

В обоих случаях экология человека и социокультурные факторы составляют основу интерпретационных моделей. Они подразумеваются М. Оттом и Я. Козловским, а также другими авторами [Вишняцкий, 2000; Zilhao, 2001] без учета резких биологических мутаций человека и поведенческих возможностей как независимых переменных.

Список литературы

- Вишняцкий Л.** Верхнепалеолитическая революция: география, хронология, причины // *Stratum Plus*. – 2000. – N 1. – P. 245 – 271.
- Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Аношкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейменов Р.Х.** Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2 – 14) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2001. – № 4(8). – С. 42 – 63.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2002. – № 1(9). – С. 16 – 42.
- Отт М., Козловский Я.К.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2001. – № 3(7). – С. 51 – 62.
- Федосеева С.А., Мочанов Ю.А.** Ноосфера и археология // *Наука и техника в Якутии*. – 2001. – № 1. – С. 28 – 32.
- Широков В.Н.** Палеолитическая стоянка Богдановка на реке Урал // *Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симпозиум*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – С. 74 – 79.
- Anikovich M.** Early Upper Paleolithic Industries of Eastern Europe // *Journal of World Prehistory*. – 1992. – Vol. 6. – P. 205 – 245.
- Arensburg B., Belfer-Cohen A.** Neandertals: Rethinking the Levantine Middle Palaeolithic Hominids // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 311 – 322.
- Bosinski G.** The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northwestern Germany // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man* / Ed by A. Ronen. – Oxford: British Archaeological Reports, 1982. – P. 165 – 175. – (BAR International Series; N 151).
- Childe V.G.** Archaeological ages as technological stages // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 1944. – Vol. 14. – P. 7 – 21.
- Childe V.G.** *Piecing Together the Past*. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1956. – 174 p.
- Clarke D. L.** *Analytical Archaeology*. – L.: Methuen, 1968. – 684 p.
- Cohen Y.V., Stepanchuk V.N.** Late Middle and Early Upper Paleolithic Evidence from the East European Plain and Caucasus: A New Look at Variability, Interactions, and Transitions // *Journal of World Prehistory*. – 1999. – Vol. 13. – P. 265 – 319.
- Gibbons A.** Europeans Trace Ancestry to Paleolithic People // *Science*. – 2000. – Vol. 290. – P. 1080 – 1081.
- Guslitzer B.I., Pavlov P.I.** Man and Nature in Northeastern Europe in the Middle and Late Pleistocene // *From Kostienis to Clovis* / Eds. O. Sofer, N. Praslov. – N.Y.: Plenum, 1993. – 334 p.
- Hedges R.E.M., Pettitt P.B., Bronk Ramsey C., van Klinken G.J.** Radiocarbon dates from Oxford AMS system: Archaeometry datelist 25 // *Archaeometry*. – 1998. – Vol. 40. – P. 227 – 239.
- Hole F., Flannery K.V.** The Prehistory of Southwestern Iran: a Preliminary Report // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1967. – Vol. 33. – P. 147 – 206.
- Kozłowski J.K.** Le Bachokrien – la plus ancienne industrie du Paléolithique supérieur en Europe // *Prace Archeologiczne*. – 1979. – Vol. 28. – P. 77 – 99.
- Kozłowski J.K., Otte M.** La formation de l'Aurignacien en Europe // *L'Anthropologie*. – 2000. – Vol. 104. – P. 3 – 15.
- Kroeber A.L.** *Cultural and Natural Areas of Native North America*. – Berkeley: University of California Press, 1963. – 240 p.
- McGhee R.** Technological Change in the Prehistoric Eskimo Cultural Tradition // *Canadian Journal of Archaeology*. – 1980. – N 4. – P. 39 – 52.
- McGhee R.** The Past Ten Years in Canadian Arctic Prehistory // *Canadian Journal of Archaeology*. – 1982. – N 6. – P. 65 – 77.
- Mellars P.A.** Major Issues in the Emergence of Modern Humans // *Current Anthropology*. – 1989. – Vol. 30. – P. 349 – 385.
- Mellars P.A.** Cognitive changes and the emergence of modern humans in Europe // *Cambridge Archaeological Journal*. – 1991. – Vol. 1. – P. 63 – 76.
- Mithen S.** *The Prehistory of the Mind*. – L.: Methuen, 1996. – 288 p.
- Moyer C.C., Rolland N.** Understanding the Middle Palaeolithic assemblage typology // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 75. – P. 39 – 43.
- Otte M.** Origine de l'homme moderne: approche comportementale // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Paris. Ser. II*. – 1994. – T. 328. – P. 267 – 273.
- Otte M., Derevianko A.P.** The Aurignacian in Altai // *Antiquity*. – 2001. – Vol. 75. – P. 44 – 48.
- Ranov V.A., Davis R.S.** Recent Work on the Palaeolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. – 1999. – Vol. 8. – P. 186 – 193.
- Rolland N.** Quina-type occurrences in Europe: single toolmaking tradition or converging patterns? // *Toward Modern Humans: The Yabrudian and Micoquian 400 – 50 k-years ago* / Eds. A. Ronen, M. Weinstein-Evron. – Oxford: British Archaeological Reports, 2000. – P. 209 – 221. – (BAR International Series; N 850).
- Roustaei K., Biglari F., Heydari S., Vahdatinasab H.** New research on the Palaeolithic of Lurestan, West Central Iran // *Antiquity*. – 2002. – Vol. 76. – P. 19 – 20.
- Semenov S.A.** The Forms and Functions of the Oldest Tools // *Quartear*. – 1970. – Vol. 21. – P. 1 – 20.
- Smith P.E.L.** *Palaeolithic Archaeology in Iran*. – Philadelphia: The University of Pennsylvania Museum, 1986.
- Taylor W.W.** *A Study of Archaeology*. – Carbondale: Southern Illinois University Press, 1967. – 261 p.
- The Palaeolithic of Siberia** / Ed by A.P. Derevianko. – Urbana: University of Illinois Press, 1998. – 406 p.
- Weber A.** The Neolithic and Early Bronze Age of the Lake Baikal Region: A Review of Recent Research // *Journal of World Prehistory*. – 1995. – Vol. 9. – P. 99 – 165.
- Weber A., Link D.W., Kaztenberg M.A.** Hunter-Gatherer Culture Change and Continuity in the Middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // *Journal of Anthropological Archaeology*. – 2002. – Vol. 21. – P. 230 – 299.
- Wobst M.** Locational Relationships in Paleolithic Society // *Journal of Human Evolution*. – 1976. – Vol. 5. – P. 49 – 58.

Yellen J., Harpending H. Hunter-gatherer populations and archaeological inference // World Archaeology. – 1972. – Vol. 4. – P. 244 – 253.

Young T.C., Smith P.E.L. Research in the Prehistory of Central Western Iran // Science. – 1965. – Vol. 153. – P. 386 – 391.

Zilhao J. Anatomically Archaic, Behaviorally Modern: the Last Neanderthals and their Destiny. – Amsterdam: Driewintigste Kroon-Voordracht, 2001. – 99 p.

Zilhao J., d’Errico F. The Chronology and Taphonomy of the Earliest Aurignacian and its Implications for the Understanding of Neanderthal Extinction // Journal of World Prehistory. – 1999. – Vol. 13. – P. 1 – 68.

Zilhao J., Trinkaus E. Troubling the Neandertals: a reply to Langbroek’s ‘The trouble with Neandertals’ // Archaeological Dialogues. – 2001. – Vol. 8. – P. 135 – 145.

Материал поступил в редколлегию 24.12.02 г.

УДК 903'12

М.В. Аникович

Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: mabtrade@mail.ru

РАННЯЯ ПОРА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Основные понятия

В статье используются два основных обобщающих понятия: *археологическая культура* (АК) и *технокомплекс* (ТК). Поскольку их детальные характеристики рассматривались мной в специальных работах (напр., [Аникович, 1998]), здесь я ограничусь лишь определениями и самыми необходимыми пояснениями.

Археологическая культура есть система традиций, выработанных в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий, нашедшая свое материальное выражение в результатах человеческой деятельности, ставших археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников.

В принципе такое определение лишь более четко указывает на то, что подразумевалось изначально, на интуитивном уровне, при введении этого понятия в археологию. Естественно, традиции раскрываются в специфических сторонах и явлениях различных сфер человеческой деятельности; в т. ч. и в специфических формах – *типах*.

В понятии “технокомплекс” выражается качественно иное сходство, обусловленное не культурно-генетическим родством, а известной ограниченностью технологии обработки камня, с одной стороны, и связью между применяемым комплексом приемов скола и формами орудий – с другой. Такое сходство возникает самопроизвольно, в индустриях,

которые могут быть чрезвычайно удалены друг от друга в пространстве и времени и не связаны между собой каким-либо генетическим родством. *Технокомплекс* – это относительно устойчивая система технологических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и существуют в широких пространственно-временных границах в разных культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством.

В верхнепалеолитических индустриях наиболее отчетливо выделяются три технокомплекса: селетоидный, ориньякоидный и граветтоидный. Они отличаются следующими характеристиками.

Селетоидный ТК. Пластинчатая техника первичного раскалывания не обязательна: даже при ее наличии пластина не является ведущей формой заготовки. Техника резцового скола, вертикальная краевая ретушь либо отсутствуют вовсе, либо играют незначительную роль. В орудийном наборе наряду с хорошо выраженными листовидными двусторонними остролями обязательно наличествует, вместе с представительной совокупностью верхнепалеолитических орудий, выразительный комплекс мустьерских форм. Микроинвентаря либо нет, либо он крайне скуден.

Ориньякоидный ТК. Пластинчатая техника первичного раскалывания, направленная на получение крупных массивных пластин. Микропластинки, если имеются, обычно аморфны, часто приближаются к чешуйкам. Характерна интенсивная краевая ретушь, далеко заходящая на поверхность заготовки. Развита техника резцового скола. Плоская ретушь редка либо отсутствует вовсе. Набор орудий характеризуют формы, образованные интенсивной краевой ретушью

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 00-06-88015, и National Science Foundation, № BCS-0132553.

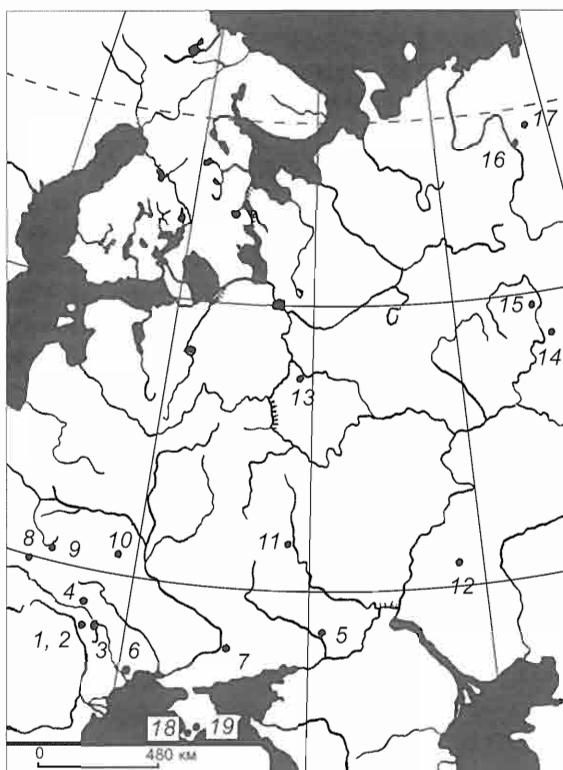

Рис. 1. Распространение стоянок ранней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Составлено с использованием: [Вишняцкий, Нехорошев, 2001, рис. 1].

Памятники ранней поры верхнего палеолита: 1 – Корпач, Корпач-Мыс; 2 – Брынзены-1; 3 – Климауцы-1; 4 – Молодова-5, Кормань-4; 5 – Бирючья Балка; 6 – Зеленый Хутор; 7 – Мира; 8 – Куличивка; 9 – Жорнов; 10 – Радомышль; 11 – Костенки; 12 – Непряхино; 13 – Сунгирь, Русаниха; 14 – Заозерье; 15 – Гарчи-1; 16 – Бызовая; 17 – Мамонтова Курья; 18 – Сюрень-1; 19 – Буран-Кая-3.

высоких пластин: ориньякские пластины, скребки и острия на них. С ними сочетаются различные формы коротких высоких скребков. Характерны срединные многофасеточные резцы. Микроорудия, когда присутствуют, обычно выполнены мелкой краевой ретушью, часто противоположающей (пластинки дюфур).

Граветтоидный ТК. Высокоразвитая пластинчатая техника, дающая тонкие пластины с параллельной огранкой спинки, узкие, “правильные” микропластинки. Характерно широкое употребление вертикальной краевой ретуши, сильно усекающей края пластин и микропластинок. Развита техника резцового скола. Набор орудий характеризуют формы, определяющиеся применением вертикальной ретуши: пластины и острия с притупленным краем. Среди резцов много боковых – прямо- и косоретушных.

В конкретных индустриях характеристики технокомплексов далеко не всегда представлены в “чистом” виде. Во-первых, по всей вероятности, для палеолита возможно выделение иных технокомплексов (конкрет-

нее речь об этом пойдет ниже), хотя общее их число едва ли будет велико. Во-вторых, сочетание в конкретных индустриях признаков, присущих разным технокомплексам, может обуславливаться различными причинами: культурным влиянием (взаимодействием археологических культур, характеризующихся разными технокомплексами) и культурной трансформацией (“естественной” сменой культурных традиций, в результате которой меняются не только отдельные типы, но и основные культурные характеристики).

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы как периодизационная единица и ее хронологические рамки

Накопленные за десятилетия обширные материалы позволяют с достаточной уверенностью предложить археологические критерии для выделения ранней поры верхнего палеолита в рассматриваемом регионе. Важнейшим из них я считаю *сосуществование культур (и отдельных неатрибутированных индустрий) двух типов: “архаичных”, со значительной долей орудий мустьерских форм, и “развитых”, с исключительно верхнепалеолитическими характеристиками.* К первым здесь относятся культуры, характеризующиеся селетоидным технокомплексом (стрелецкая, брынзенская), ориньякоидные индустрии с ярко выраженным архаичным компонентом (типа Куличивки и Радомышля), а также культуры и отдельные индустрии, относящиеся к особому технокомплексу, названному мной **афоновским** (по аналогии с афоновскими индустриями). Это памятники городцовой АК и отличная от них в культурном отношении индустрия Костенок-16. К “развитым” относятся индустрии ориньякоидного (не все) и граветтоидного технокомплексов. Конец ранней поры верхнего палеолита знаменуется глобальной сменой археологических культур, резким изменением всей археологической картины, наблюдающейся на территории Восточной Европы, особенно в ее центральной части, где распространяются специфические культуры охотников на мамонтов [Аникович, 1994, 1998].

В установлении хронологических границ ранней поры верхнего палеолита есть свои сложности. В хроностратиграфических построениях я ориентируюсь на схему, разработанную Е.П. Зарриной, И.И. Красновым [1977] и Е.А. Спиридоновой [1991], согласно которой в позднем плейстоцене Восточной Европы выделяется т.н. средненалдайский мегаинтерстадиал (50 – 25 тыс. л.н.) с тремя потеплениями (гражданское, кашинское, дунаевское), разделенными кратковременными периодами похолоданий. Памятники ранней поры верхнего палеолита до недавнего времени связывали только с последним,

дунаевским, потеплением или, по А.А. Величко, с “брянским интерстадиалом” (32 – 25 тыс. л.н.; аналогии: паудорф, арси, денекамп, штиллфрид В). Памятники данного периода широко распространены по Русской равнине: от Днестровско-Прутского междуречья до бассейна Печоры.

Сейчас в литературе активно обсуждается вопрос о существовании на территории Восточной Европы более древних верхнепалеолитических памятников, относящихся к самому началу этой эпохи [Аникович, 2000; Вишняцкий, Нехорошев, 2001; Синицын, 2000]. При отдельных разногласиях авторы сходятся в том, что отчетливый “преддунаевский” комплекс верхнепалеолитических индустрий в настоящее время выделяется только в Костенковско-Борщевском районе: памятники т.н. I хронологической группы, залегающие в нижней гумусированной толще. Их нижняя хронологическая граница остается под вопросом, ясно только, что возраст этих памятников более 35 тыс. лет.

Верхнюю хронологическую границу ранней поры верхнего палеолита обычно связывают с концом среднего валдая. Эту границу можно принять лишь как условную, учитывая, что в исторической реальности, особенно в первобытной, никогда не бывает четкой и однозначной смены историко-культурных явлений; хронологическое “перекрывание” старого и нового неизбежно. Так, например, индустрии грота Чунту и стоянки Радомышль, по типологическим показателям относящиеся к ранней поре верхнего палеолита, имеют радиоуглеродные даты порядка 20 – 19 тыс. л.н.

Распределение памятников, относящихся к ранней поре верхнего палеолита, на Русской равнине показано на рис. 1.

Хроностратиграфия палеолита Костенковско-Борщевского района как основа хроностратиграфии верхнего палеолита Восточной Европы

В настоящее время опорными для хронологических построений, касающихся ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы, являются памятники Костенковско-Борщевского района. В общих чертах их хроностратиграфическое распределение выглядит следующим образом.

Относительная хронология костенковских памятников базируется на основных стратиграфических подразделениях региона. Это две гумусированные толщи, имеющие сложное строение, разделенные негумусированными суглинками, включающими линзы вулканического пепла (основной стратиграфический репер), и перекрытые толщей лессовидных суглинков. Соответственно выделяются три основные хронологические группы:

I, самая ранняя: памятники, залегающие в нижней гумусированной толще (ниже линз вулканического пепла).

II, средняя: памятники в верхней гумусированной толще (выше линз вулканического пепла).

III, самая молодая: памятники в лессовидных суглинках, покрывающих единым делювиальным шлейфом вторую и первую надпойменные террасы.

В течение многих лет костенковские гумусированные толщи рассматривались как результат переотложения какой-то одной погребенной почвы – микулинской или даже брянской, – и, таким образом, древнейшие памятники Костенковско-Борщевского района заключались в чрезвычайно узкие хронологические рамки. Исследования последних десятилетий показали полную несостоятельность этих взглядов.

1. На ряде опорных памятников (Костенки-1, 12, 14) были выявлены не просто переотложенные гумусированные горизонты, а настоящие погребенные почвы, причем в нижней гумусированной толще в настоящее время прослеживается не менее трех горизонтов почвообразования.

На Костенках-12 (рис. 2) в нижней гумусированной толще выделяются четыре горизонта, связанных с самостоятельными почвообразовательными процессами [Аникович и др., 2002], а именно (сверху вниз):

А. Сильно переотложенный горизонт, включающий линзы интенсивной гумусированности. К нему приурочены остатки III культурного слоя. Радиоуглеродный возраст $36\,280 \pm 360$ (GrA-5551).

В. Рыжевато-коричневый гумусированный суглинок, пронизанный волосовидными трещинами, заполненными светлым материалом, – остатки погребенной почвы *in situ*. Содержит находки IV культурного слоя, открытого в 2001 г.

С. Коричневато-серый гумусированный суглинок, однородный, на большей части разреза непосредственно налегает на нижележащий почвенный горизонт, но местами отделяется от него прослойкой негумусированного палевого суглинка.

Д. Темный серо-коричневый, доходящий до черного гумусированный суглинок, местами линзовидный, местами с большим количеством меловой крошки, не стянутой в линзы. Содержит находки V культурного слоя, открытого в 2002 г.

На Костенках-14 (рис. 3) под линзами вулканического пепла выделено три гумусированных горизонта, два из которых, по заключению А.А. Синицына [2000], являются почвами *in situ*. Можно надеяться, что их корреляция с почвенными горизонтами на Костенках-12 – дело ближайшего будущего. Выделенные культурные слои (IVa, б и “горизонт очагов”), бесспорно, относятся к числу древнейших верхнепалеолитических памятников Восточной Европы.

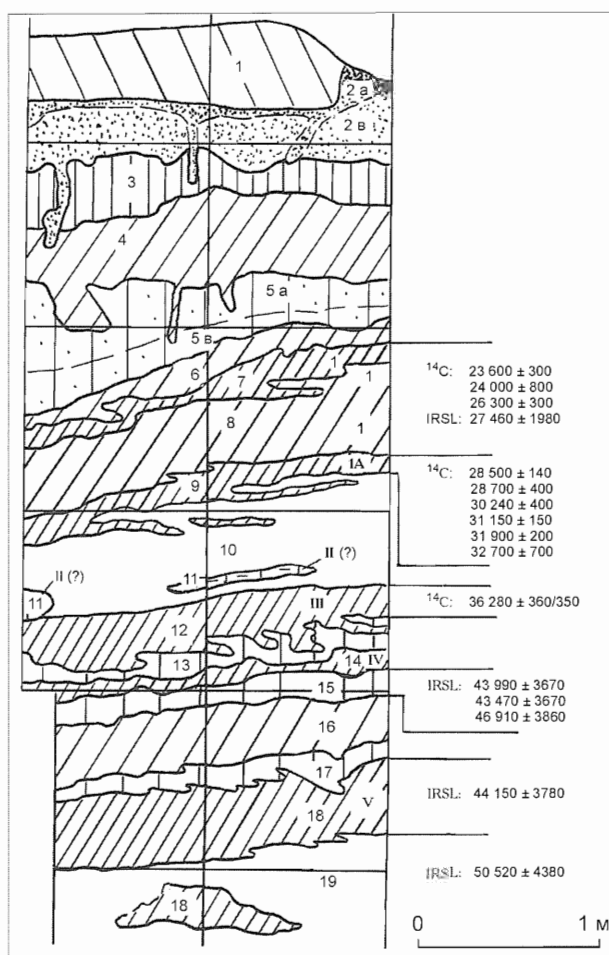

Рис. 2. Схематический разрез части восточной стены раскопа 2002 г. (кв. 80, 81). Костенки-12 (Волковская стоянка). I – V – культурные слои; 1 – строительный горизонт; 2а, в – современная почва; 3 – бурый суглинок; 4 – гмелинская почва; 5а, в – светло-бурый суглинок с большим количеством меловой крошки; 6 – предполагаемая погребенная почва; 7 – 9 – горизонты верхней гумусированной толщи; 10 – белый мергелистый суглинок с обломочным материалом, выполняющий русла древних промоин; 11 – слабогумусированный слоистый суглинок; 12, 14, 16, 18 – почвенные горизонты (соответственно А, В, С, D), образующие “нижнюю гумусированную толщу”; 13, 15, 17 – палево-белый суглинок; 19 – плотный мергелистый суглинок.

2. Серия радиоуглеродных дат, полученная в 1970-х – 1990-х гг. [Радиоуглеродная хронология..., 1997] и постоянно пополняющаяся (сейчас их около 200), совершенно определенно указывает на то, что памятники II хронологической группы (опубликовано 54 даты) датируются в пределах 32 – 25 тыс. л.н. (это соответствует дунаевскому интерстадиалу). Радиоуглеродных дат по нижней гумусированной толще пока немного; их значения колеблются в интервале 37 – 32 тыс. л.н. Следует учитывать, что здесь мы имеем дело с глубокой древностью, когда

радиоуглеродный метод чаще дает “сбои” в сторону омоложения и должен особенно корректироваться другими данными. Такие данные были получены в результате работ последних лет на Костенках-12 [Аникович и др., 2002]*.

Ст. Форманом (Иллинойский университет, Чикаго, США) по разработанной им методике получены IRSL-даты: для палевого суглинка, разделяющего почвенные горизонты С и D, – $43\,990 \pm 3\,670$ (UIC915), $43\,470 \pm 3\,670$ (UIC946) и $46\,910 \pm 3\,860$ (UIC947), для горизонта D – $44\,150 \pm 3\,780$ (UIC945) и для подстилающего его осветленного суглинка – $50\,520 \pm 4\,380$ (UIC917). В настоящее время это древнейшие даты, полученные для верхнепалеолитических памятников Восточной Европы. Показательно, что в отличие от ТЛ-дат, обычно резко расходящихся с радиоуглеродными, IRSL-дата, полученная Ст. Форманом для I слоя – $27\,460 \pm 1\,980$ (UIC916), – хорошо согласуется с имеющимися радиоуглеродными (см. рис. 2).

* Я глубоко благодарен своим коллегам Дж. Хоффекеру и Ст. Форману за любезное разрешение включить в публикацию новые даты, полученные в ходе совместных работ (Костенковско-Борщевская археологическая экспедиция 2001 г.).

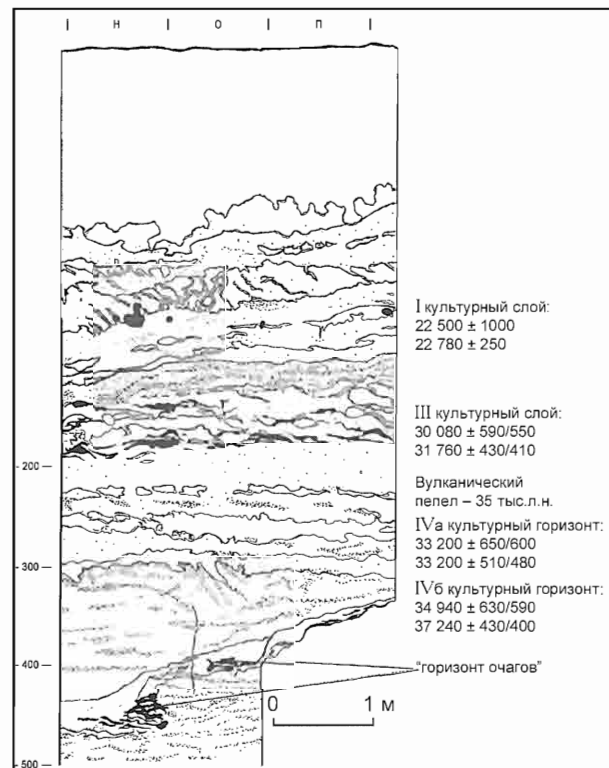

Рис. 3. Схематический разрез раскопа 1999 г. на кв. НОП. Костенки-14 (Маркина Гора). По: [Синицын, 2000, рис. 2].

Хроностратиграфическая корреляция верхнепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района с геологической шкалой и с памятниками других регионов Восточной Европы

Геологическое время	Стратиграфия	Хронологическая группа	Костенковско-Борщевский район	Юго-запад – юг Восточной Европы	Днепро-Деснинский район
Позднеледниковье (17 – 10 тыс. л.н.) Климатический минимум (20 – 18 тыс. л.н.)	Бурый суглинок	IIIC	Костенки-2, 3, 11а, 19, 21/1 – II, Борщево-1	Молодова-5/1 – IV, Каменная Балка-2, Б. Аккаржа Молодова-5/V – VI, Мураловка, Золотовка, Анетовка-2, Климауцы-2/1	Добраничивка, Тимоновка-1, 2, Супонево, Юдиново, Межирич, Гонцы Кирилловская, Мезин
Потепление (22 – 21 тыс. л.н.)	Гмелинская почва	IIIB	Костенки-1/1, 4/1 – II, 5/III (?), 9, 11/II, 13, 14/1, 18, Борщево-5	Молодова-5/VII, Сагайдак-1 (?), Амвросиевка (?), Зеленый Хутор (?)	Пушкари-1 (?), Бердыж, Авдеево, Хотылево-2
Начало позднего валдая (24 – 23 тыс. л.н.)	Бурый суглинок	IIIA	Костенки-1/II, 8/1 – Ia, 11/III, 12/в.г.	Радомысль (?)	?
Дунаевский (брянский) интерстадиал (32 – 25 тыс. л.н.)	Средняя часть – верх верхней гумусированной толщи	IIВ	Костенки-1/III, 16, 17/1 Костенки-8/II, 11/IV, 12/1, 14/II, 15	Молодова-5/IX – VIII, Брынзены-1/III, Климауцы-2/II, Куличивка/1 – II, Жорнов/1 – II, Бирючья Балка, Ильинка (?)	Не известны
	Основание верхней гумусированной толщи	IIA	Костенки-1/IV, 11/V, 12/Ia, 14/III – IV (?)	Молодова-5/X, Климауцы-2/III	»
Кашинский – гражданский интерстадиалы (50 – 34 тыс. л.н.)	Нижняя гумусированная толща: серия погребенных почв	I	Костенки-6, 8/IV, 12/II – V, 14/IVa, 6, 17/II	Молодова-5/Xa	»

Таким образом, по совокупности данных уже сейчас можно считать установленным, что с последним климатическим оптимумом среднего валдая в Костенках связаны только памятники I хронологической группы (см. *таблицу*). Древнейшие из них относятся к предшествующим периодам среднего валдая. Более детальную аргументацию см.: [Аникович, 1993, 2000; Синицын, 2000].

Культуры “архаичного” типа

Селетоидный ТК. Среди индустрий, относящихся к селетоидному ТК, наиболее представительными являются памятники костенковско-стрелецкой АК. Их ареал широк: от среднего Дона (Костенки-1/V, 6, 11/V, 12/III, Ia) до Северского Донца на юге (ряд комплексов Бирючьей Балки), Камы на востоке (Гарчи-1) и Клязьмы на севере (Сунгирь). Наиболее древние из этих памятников Костенки-12/III и 6. Их возраст по стратиграфическому положению и радиоуглеродным датам не может быть меньше 36 тыс. лет. Верхняя хронологическая граница данной культуры

определяется возрастом стоянки Сунгирь, для которой в последнее время получены даты порядка 28 – 26 тыс. л.н.

Остановимся подробнее на древнейшей индустрии этой культуры (Костенки-12/III).

Сырье – местный кремль, валунный и плитчатый. Индустрия выглядит очень архаичной, по крайней мере в типологическом отношении. Техника первичного раскалывания непластинчатая: нуклеусы плоские, параллельного снятия; орудия (около 250 экз.) выполнялись преимущественно на отщепах, осколках и фрагментах плиток желтого кремня. Значительную часть орудий составляют типично среднепалеолитические формы: остриеконечники, различные скребла (рис. 4, 13, 15, 16). Есть специфические острия типа “кэнсон” (рис. 4, 1). Серийно представлены ножи на осколках плитчатого кремня (рис. 4, 7). Из типично верхнепалеолитических орудий наиболее характерны скребки, в большинстве своем короткие, подтреугольных очертаний, иногда с вентральной подтеской основания (рис. 4, 2 – 5). Немногочисленны, но типологически выразительны высокие стамески

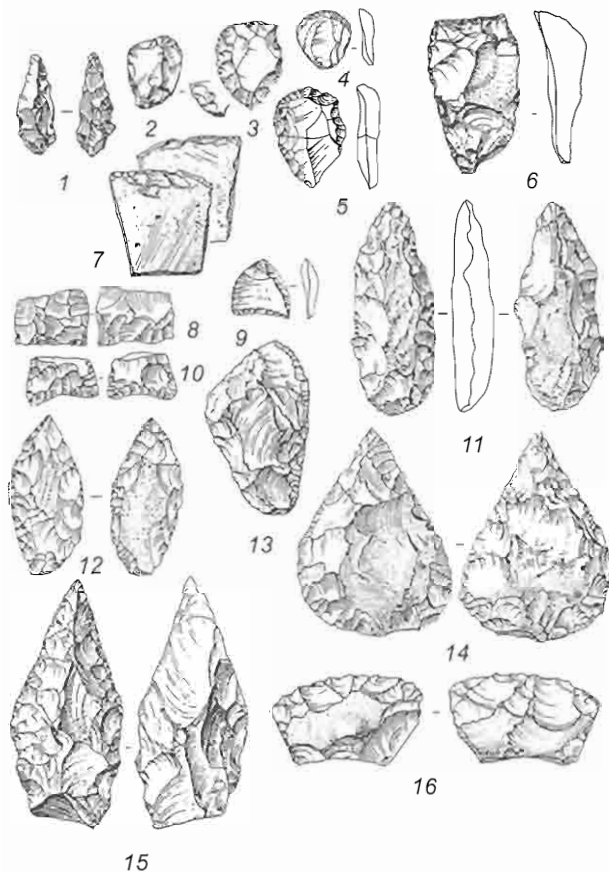

Рис. 4. Каменные орудия. Селетоидный технокомплекс. Костенковско-стрелечная культура, I этап. Костенки-12, III слой.

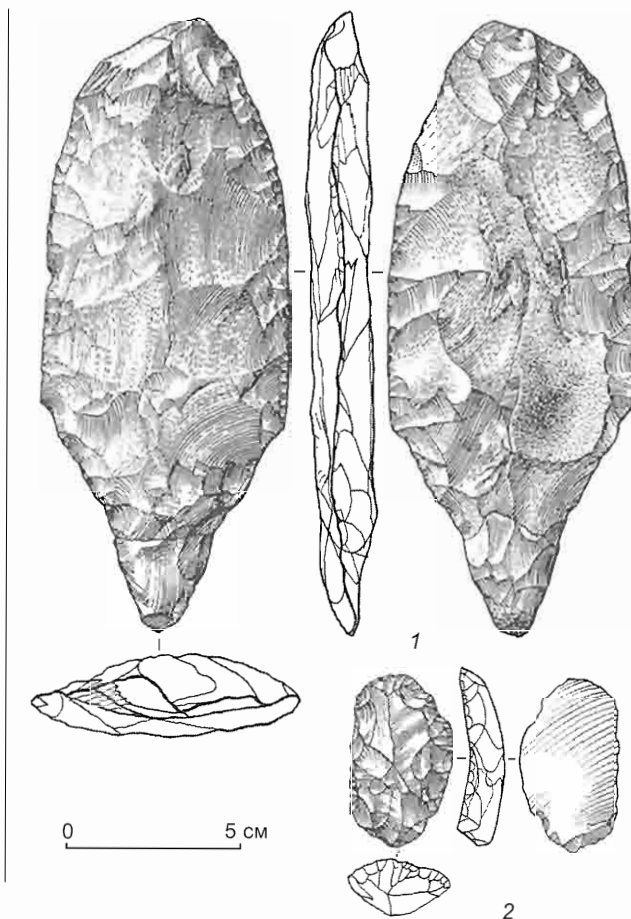

Рис. 5. Каменные орудия из раскопа 2001 г. Селетоидный технокомплекс. Костенковско-стрелечная культура, I этап. Костенки-12, III слой.

с тщательно оформленными прямыми поперечными лезвиями (рис. 4, 6). Резцы отсутствуют, хотя на некоторых предметах отмечаются резцовые сколы. Изделия с чешуйчатой подтеской редки.

Типологически наиболее выразительны листовидные двусторонне обработанные орудия: треугольные наконечники с вогнутым основанием (рис. 4, 8, 10); “лист тополя” (рис. 4, 14); удлинённые с округлым основанием; удлинённые с основанием, обработанным “скребковой” ретушью (рис. 4, 11); удлинённые, сужающиеся к основанию (рис. 4, 12). Уникальным орудием является крупный двусторонне обработанный кварцитовый наконечник с черешком (рис. 5, 1). Костяных орудий, украшений, произведений искусства не найдено.

По технико-типологическим характеристикам выделяются еще три этапа развития стрелечной АК: второй, представленный в Костенках памятниками, приуроченными к основанию верхней гумусированной толщи, – Костенки-1/V (рис. 6), 11/V, 12/1а – и в бас-

сейне Камы стоянкой Гарчи-1. В Костенках-1/V обнаружена грубая мергелевая подвеска со встречным сверлением (рис. 7). К третьему этапу я отношу стрелечные комплексы Бирючьей Балки, а к четвертому (финальному) – стоянку Сунгирь. Общая тенденция развития прослеживается в усилении роли пластинчатого скола, уменьшении доли среднепалеолитических форм среди орудий. Процент двусторонне обработанных наконечников и их типологическая вариативность возрастают на втором и третьем этапах, но резко сокращаются на четвертом. Финальный этап характеризуется богатством и разнообразием костяных орудий, украшений, наличием произведений искусства.

На территории Восточной Европы есть значительное количество инोकультурных индустрий, относящихся к селетоидному ТК: памятники брынзенской АК на юго-западе Русской равнины (Брынзены-1/III, Бобулешты-6, грот Чунту). По радиоуглеродным датам эта культура моложе стрелечной;

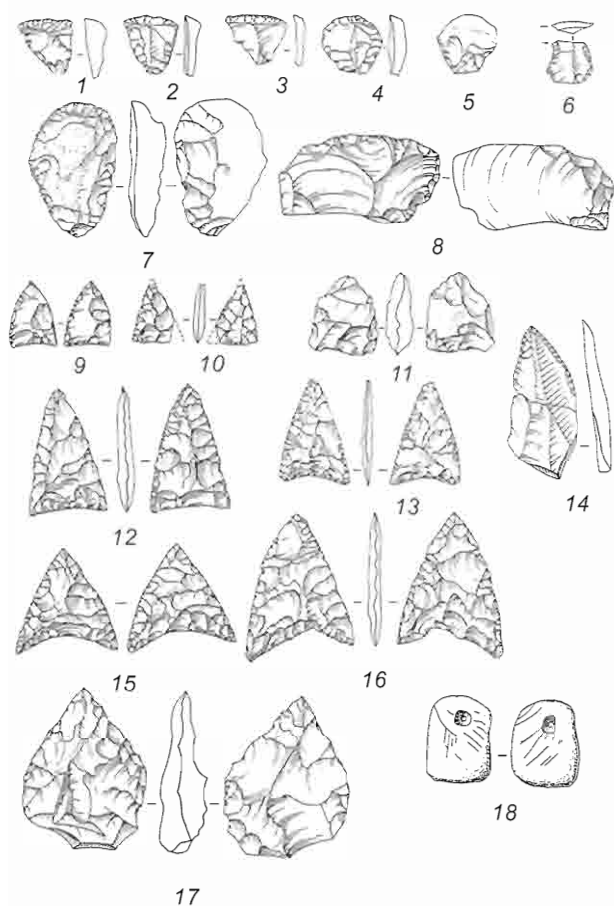

Рис. 6. Каменные орудия и мергелевая подвеска (18). Селетоидный технокомплекс. Костенковско-стрелецкая культура, II этап. Костенки-1, V слой.

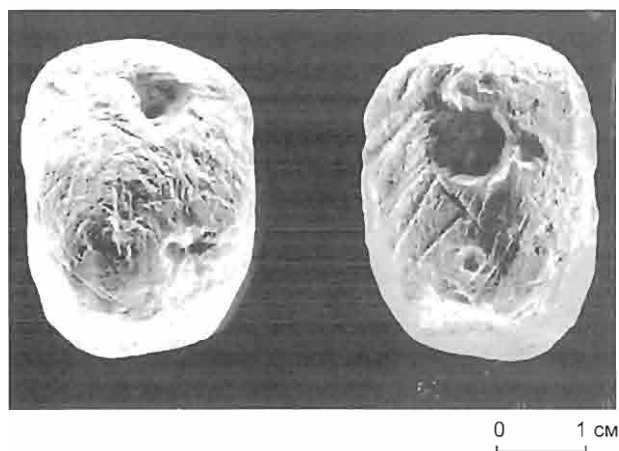

Рис. 7. Мергелевая подвеска из V слоя Костенок-1.

ее возраст колеблется от 27 до 21 тыс. лет (в том случае, если даты, полученные для грота Чунту, “неомоложенные”). Техника первичного скола призматическая в сочетании с леваллуазской. Двусторон-

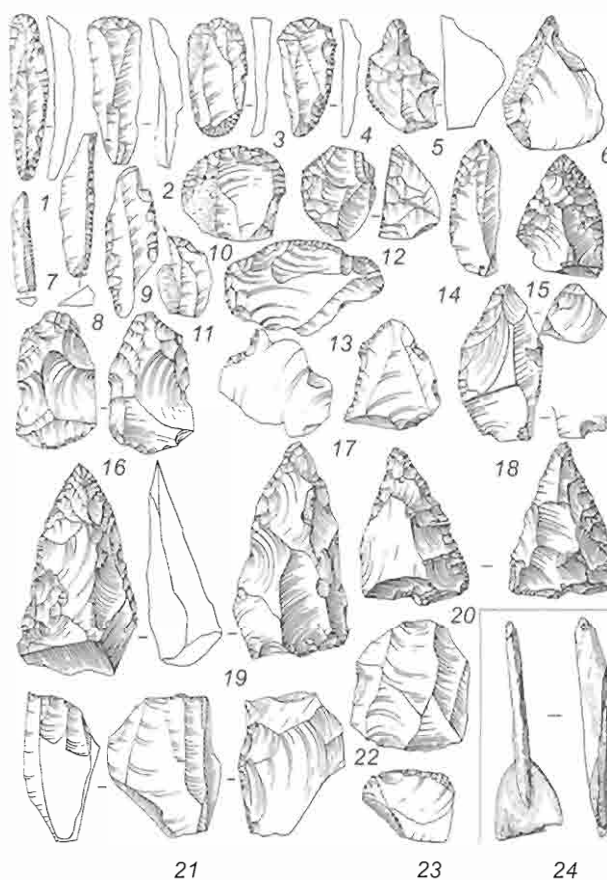

Рис. 8. Каменные орудия и бивневый “амулет” (24). Селетоидный технокомплекс. Брызненская культура. Брызнены-1, III культурный слой.

ние формы, подтреугольные и овальные, в целом грубее стрелецких (рис. 8, 16, 18 – 20), хотя имеют обломки наконечников, выполненных в технике “тонкого” бифаса. Верхнепалеолитические формы – скребки, резцы, пластины с притупленным краем – изготавливались преимущественно из пластин (рис. 8, 1 – 4, 8, 9). Скребла в основном простые однолезвийные (рис. 8, 13), остроконечники “классической” треугольной формы (рис. 8, 15). Характерно значительное количество зубчато-выемчатых изделий (рис. 8, 17).

Чрезвычайно интересен слой С крымского памятника Буран-Кая-3, содержащий наряду с двусторонними формами набор выразительных трапеций вполне мезолитического облика (рис. 9). Судя по публикациям, эти изделия не могут рассматриваться как посторонняя примесь и датируются по ^{14}C , вкпе с остальным инвентарем, временем порядка 32 тыс. л.н. В культурном отношении данная индустрия, названная крымскими археологами восточным селетом, выглядит совершенно изолированно.

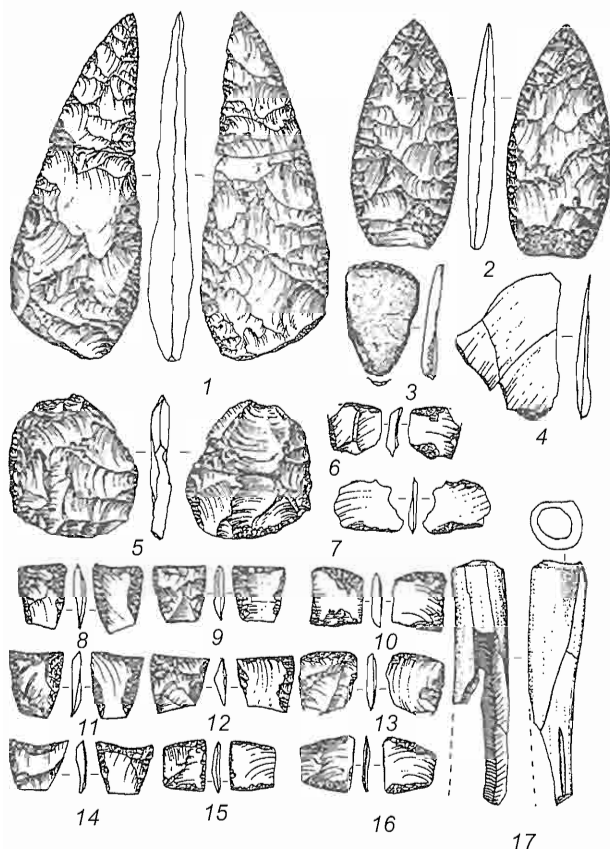

Рис. 9. Каменные и костяные орудия. “Восточный селет”.
Буран-Кая-3, слой С. По: [Чабай, 2000, рис. 13].

Изолированные в культурном отношении индустрии селетоидного ТК известны также на северо-востоке, в бассейне Печоры (Бызовая, нижний слой) и в Поволжье (многослойная стоянка Непряхино).

Афонтовский ТК. Индустрии, относимые к данному ТК, отличаются от селетоидного ТК двумя особенностями: двусторонне обработанные листовидные формы в них отсутствуют или очень редки, но обязательно присутствует большое количество орудий с чешуйчатой подтеской. Во всем остальном афонтовский ТК похож на селетоидный, а именно: 1) в нем представлен достаточно выразительный набор среднепалеолитических форм орудий; 2) пластинчатая техника скола известна, но не доминирует; 3) техника резцового скола развита значительно слабее, чем в индустриях ориньякоидного и граветтоидного ТК.

Я не случайно назвал этот ТК афонтовским: относящиеся к нему индустрии более распространены в Северной Азии, чем в Европе. Тем не менее и здесь мы можем их обнаружить. В первую очередь это памятники городцовой АК. В настоящее время к ней единодушно относят Костенки-12/1, 14/II

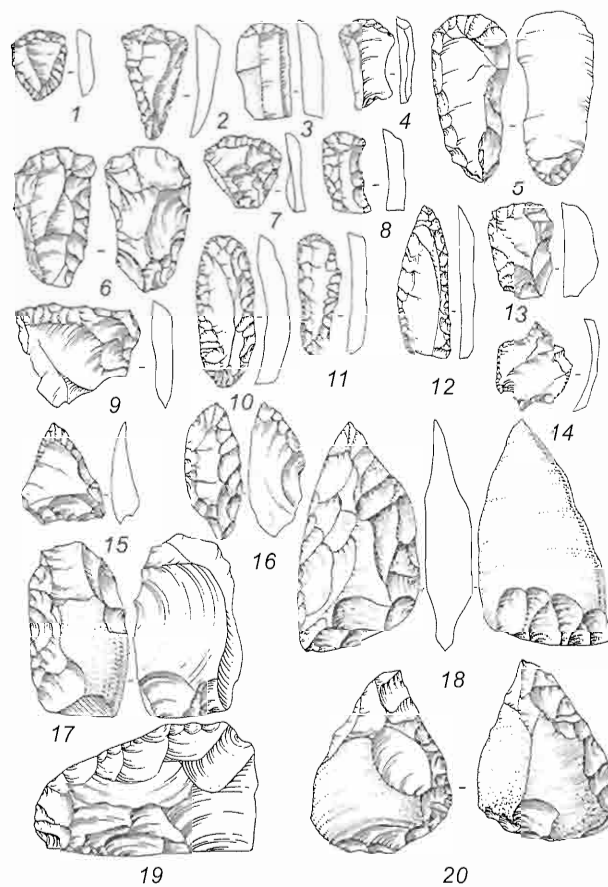

Рис. 10. Каменные орудия. Афонтовский технокомплекс.
Городцовская культура. Костенки-15.

и 15. Помимо перечисленных общих признаков, свойственных всему афонтовскому ТК, индустрии городцовой культуры отличаются следующими специфическими чертами. В верхнепалеолитическом наборе орудий преобладают скребки, формы которых весьма разнообразны (рис. 10, 1 – 11, 13), но среди них выделяются изделия с субпараллельными краями, с краями, расширяющимися к лезвию и близкие к округлым, причем каждый из этих вариантов, в свою очередь, подразделяется на типы. Много орудий с чешуйчатой подтеской, особо выделяются маленькие чешуйчатые орудия “городцовского типа”. Проколки отличаются короткими жалами (рис. 10, 14). Резцов немного, и они мало-выразительные. В архаичном наборе орудий выделяются многолезвийные скребла, в т. ч. с вентральной подтеской основания (рис. 10, 18), остроконечники (рис. 10, 15), лимасы (рис. 10, 16) и маленькие “рубильца” (рис. 10, 20). Костяной инвентарь богат. Наиболее специфический тип – костяные лопаточки с рукоятью, оканчивающейся шляпковидным навершием.

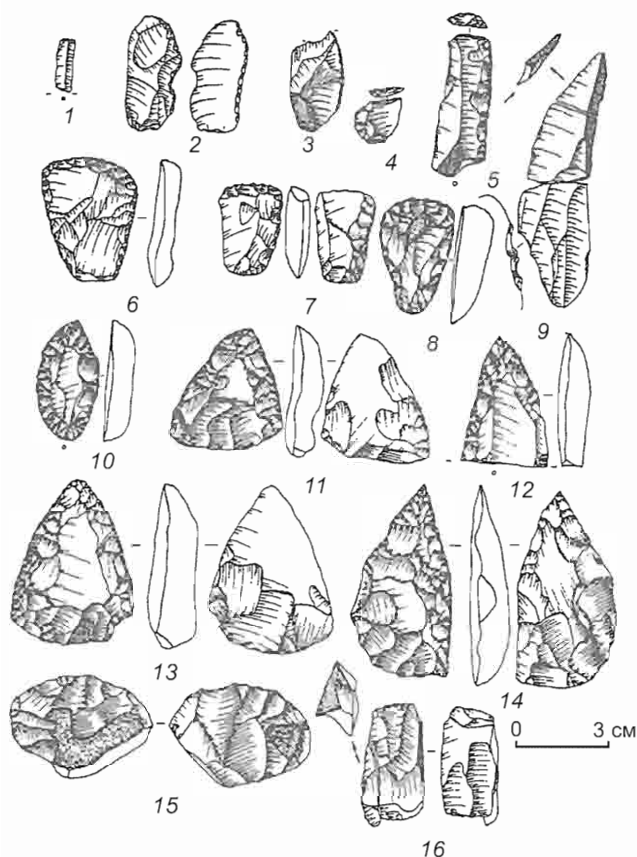

Рис. 11. Каменные орудия. Афоновский технокомплекс. Городцовская культура. Стоянка Мира.

До недавнего времени ареал памятников городцовой АК ограничивался Костенковско-Борщевским районом. С открытием стоянки Мира он расширился до бассейна Днепра (см. рис. 1). Работы на памятнике только начаты, и коллекция кремневых изделий со вторичной обработкой невелика – не более 50 экз. [Коев, Степанчук, 2000]. Тем показательнее, что и в технологическом, и особенно в типологическом отношении здесь отчетливо проявляются специфические черты городцовой АК: скребки с расширяющимися к лезвию и с параллельными краями, мустьерские острокопечники и конвергентные скребла, в т. ч. с вентральным утончением основания, лимасы (рис. 11). Исследователи стоянки совершенно справедливо указывают на особую близость этой индустрии городцовским комплексам. На мой взгляд, можно с достаточной уверенностью говорить об их однокультурности.

Костенковские памятники городцовой АК и по стратиграфическому положению, и по радиоуглеродным датам определенно датируются дунаевским потеплением. Судить о возрасте стоянки Мира пока преждевременно.

Индустрии ориньякоидного ТК со “среднепалеолитическими пережитками”. Давая определение ориньякоидному ТК, я подчеркивал, что наличие в таких индустриях архаичных элементов вовсе не обязательно. Но в тех случаях, когда устойчивая их совокупность налицо, нет никаких оснований исключать подобные индустрии из числа ранних верхнепалеолитических с архаичными элементами. На Русской равнине к ним относятся комплексы стоянок Куличивка на Волыни (рис. 12) и Радомышль в Приднпровье. Индустрии этих памятников основаны на пластинчатой технике скола, направленной на получение крупных и достаточно массивных пластин, в сочетании с хорошо выраженной леваллуазской техникой, представленной типичными леваллуазскими острями и нуклеусами для их получения. Сочетание нетрадиционно для типичного ориньяка, но как способ изготовления (“избыточная” красная ретушь, многофа-

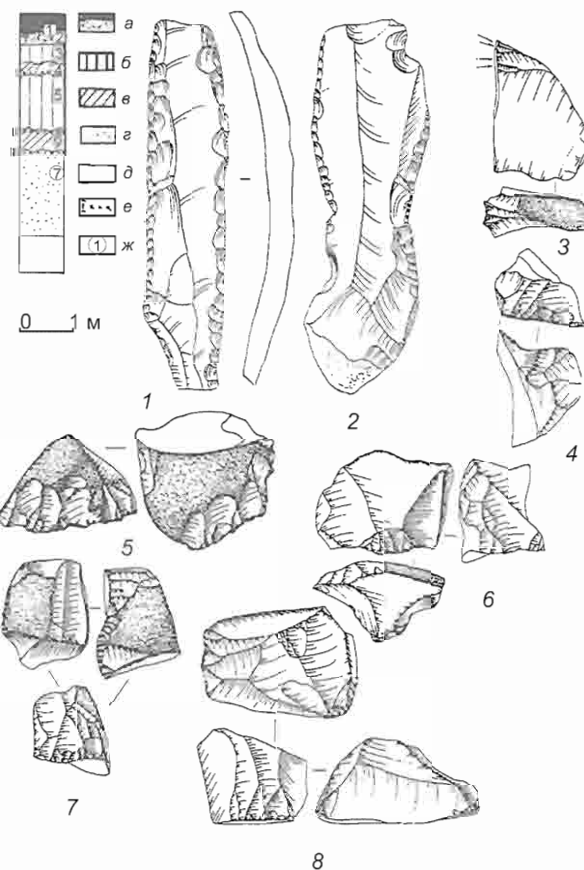

Рис. 12. Схематический разрез и каменные орудия (3 – 8 по: [Коев, Степанчук, 2000, рис. 9]). Ориньякоидный технокомплекс с архаичными чертами. Куличивка, III слой. а – современная почва; б – лессовидные суглинки; в – гумусированные суглинки, погребенные почвы; г – опесчаненные горизонты или суглинки с меловой крошкой; д – осветленные суглинки; е – культурные слои; ж – номера литологических горизонтов.

сеточные резцовые сколы), так и формы орудий (скребки и острия на ориньякских пластинах, высокие скребки, скребки “с носиком”, пластины с захватом, многофасеточные резцы) вполне укладываются в предложенное выше определение ориньякоидного технокомплекса. Выразительный архаичный компонент свидетельствует лишь о том, что разнокультурные индустрии, относящиеся к ориньякоидному ТК (как, впрочем, и к любому другому), вырастают из разных генетических корней. В данном случае гипотеза о связях волыно-днепровских ориньякоидных индустрий с центрально-европейским богунисьеном [Коев, Степанчук, 2000] представляется вполне правомочной.

К сожалению, вопрос о возрасте восточно-европейских ориньякоидных памятников с леваллуазскими чертами остается открытым. Вполне возможно, что комплекс из III слоя стоянки Куличивка древнее дунаевского потепления и относится к началу верхнего палеолита. Однако обращает на себя внимание единственная и весьма “молодая” радиоуглеродная дата, полученная для Радомишльской стоянки, – порядка 19 тыс. л.н. Что это: результат “омоложения” или свидетельство длительного существования таких индустрий?

Культуры “развитого” типа

Древнейшие культуры ориньякоидного ТК. Теперь нам предстоит убедиться в том, что наличие или отсутствие архаичных черт в индустриях ориньякоидного ТК не зависит напрямую от их геологического возраста. Как отмечалось, костенковские памятники I хронологической группы относятся ко времени, предшествующему дунаевскому потеплению. И среди них наряду с архаичными комплексами раннего этапа стрелецкой АК имеются индустрии, не содержащие сколько-нибудь выраженных архаических признаков, представляющие высокоразвитую технику обработки кости и камня. Это прежде всего памятники спицынской АК. К ним я отношу Костенки-17/II и 12/II.

Обе индустрии – эпонимная (Костенки-17/II, рис. 13) и менее представительная, но рассматриваемая как однокультурная (Костенки-12/II), – демонстрируют достаточно развитые технические приемы, свойственные верхнепалеолитической эпохе: не только пластинчатую технику, основанную на призматическом нуклеусе, и широкое употребление резцового скола, но также сверление по кости и камню и шлифовку. Следует отметить, что наборы орудий этих двух индустрий не тождественны: в инвентаре Костенок-17/II есть такие черты, которые не обнаруживаются в материалах Костенок-12/II, и наоборот. Но основные особенности, технико-типологическое “ядро” этих двух комплексов аналогичны друг другу и резко выделяются

на фоне как одновременных индустрий раннего этапа костенковско-стрелецкой АК, так и более поздних, но принадлежащих тому же ориньякоидному ТК (Костенки-1/III, 4/I, 8/I). Это позволяет рассматривать характеристики индустрий Костенок-17/II и 12/II как *взаимодополняющие* в освещении культурного единства спицынской АК. Коллекция с эпонимного памятника насчитывает около 9 800 единиц каменного инвентаря, в т. ч. около 300 изделий со вторичной обработкой. Материалы из Костенок-12/II невелики: всего около 80 орудий, но в них проявляются некоторые важные типологические характеристики, не представленные в индустрии Костенок-17/II.

В обеих индустриях техника первичного раскалывания типично призматическая, ведущая форма заготовки – массивная пластина. В Костенках-12/II найдены два вторичных клиновидных нуклеуса для снятия микропластинок, а сами микропластинки с мелкой краевой ретушью известны в Костенках-17/II (рис. 13, 10 – 12). Концевые скребки на пластинах сочетаются с высокими скребками, в т. ч. типичными “карене” (рис. 13, 13 – 15, 21, 22). Много резцов; в Костенках-17/II это самая представительная группа орудий (свыше 50%). Преобладают различные формы многофасеточных резцов (рис. 13, 19, 20, 23 – 25, 29). В Костенках-12/II имеются фрагменты типично ориньякских пластин, в т. ч. от крупных экземпляров. В той же индустрии обнаружен своеобразный тип прокола: жало, смещенное к правому углу заготовки, образовано прямым и выпуклым краями, обработанными крутой ретушью. В коллекции из Костенок-17/II подобных проколов нет, но имеются резцы, у которых сколы снимались со сходным образом выделенного “носика” (рис. 13, 24, 25). Долотовидные орудия с чешуйчатой подтеской есть в обеих индустриях, но в Костенках-12/II они более выразительны. И там, и там немногочисленны типичные стамески, тесно связанные переходными формами с группой резцов (рис. 13, 20).

Костяной инвентарь известен только в Костенках-17/II. Он исчерпывается двумя шильями из локтевых костей зайца или песка (рис. 13, 8), двумя обломками костяных острий, двумя фрагментами поделок из бивня и обломком ложила. Подвесок собрано около 50 экз. Это древнейшие из известных в Восточной Европе изделий такого рода. К ним относятся 37 просверленных клыков песка (рис. 13, 1, 2), 4 просверленные подвески из белемнитов (рис. 13, 3, 4), несколько из ископаемых раковин и кораллов (рис. 13, 6) и 7 из камня (рис. 13, 7). По заключению С.А. Семенова, сверление производилось вручную, без использования лучкового сверла (см.: [Борисковский, 1963, с. 104]).

В литературе с середины 1980-х гг. наблюдается тенденция связывать индустрию Костенок-17/II с граветтоидным технокомплексом [Debrosse,

Koslovski, 1988]. На мой взгляд, это неверно. Достаточно массивные пластины с “нерегулярной” спинкой, характерные для этой индустрии, уже сами по себе отличаются от тонких “правильных” пластин и пластинок, свойственных граветтоидному технокомплексу. Пластины и острия с притупленным краем здесь полностью отсутствуют, а единичные микропластинки с тонкой краевой ретушью (рис. 13, 10 – 12) характерны именно для ориньякоидного технокомплекса. Преобладание многофасеточных резцов, наличие кареноидных скребков (рис. 13, 22) говорит о том же.

Стоянки начальной поры верхнего палеолита с небольшим количеством инвентаря. С нижней гумусовой толщей связаны материалы Костенок-8/IV и 14/IVa, б. К сожалению, они ничтожно малы: в Костенках-8/IV собрано всего 29 изделий, изготовленных из черного мелового кремня. Техника явно пластинчатая. Имеются три концевых скребка на пластинах. Несмотря на бедность коллекции, можно с уверенностью сказать, что данная индустрия относится к числу развитых и, вероятнее всего, также принадлежит ориньякоидному ТК.

К развитым относятся и древнейшие индустрии, открытые А.А. Силиным на Костенках-14 (слои IVa, б). Несмотря на несомненную глубокую древность, костяные и бивневые изделия из слоя IVб свидетельствуют о развитой культуре. В их числе роговые мотыги, ребро с продольным пазом, орнаментированные стержни, украшения. Кремневый инвентарь представлен нуклеусами – призматическими, торцовыми и параллельного снятия; в числе орудий скребки, резцы, долотовидные, овальные двусторонне обработанные и чопепоровидные [Силин, 2000].

Относительно “молодые” культуры ориньякоидного ТК. В Костенковско-Боршевском районе сравнительно поздно (26 – 22 тыс. л.н.) проявляется пласт индустрий несомненно ориньякоидного облика (Костенки-1/III, II, 4/I, 8/I, 11/III) или таких, в которых ориньякоидные элементы сочетаются с выразительными граветтоидными чертами (Костенки-9). Эти памятни-

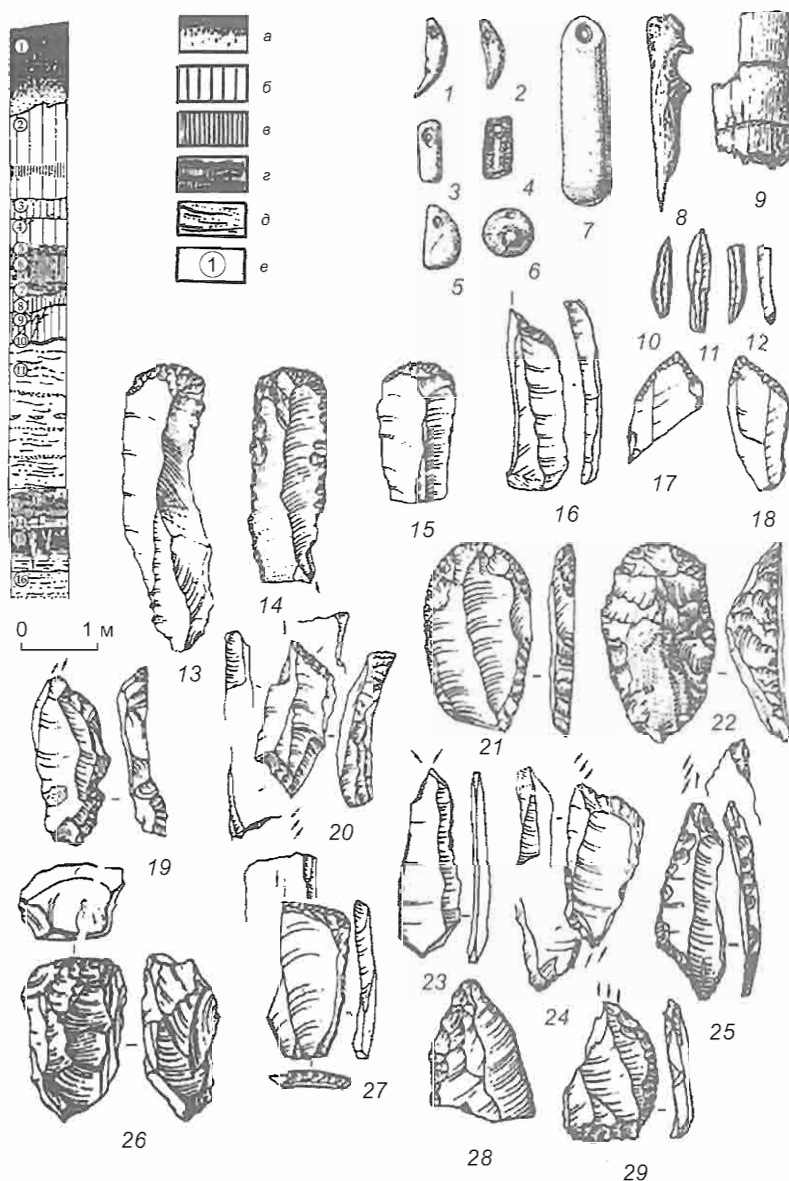

Рис. 13. Схематический разрез, украшения (1 – 7), костяные поделки (8, 9) и каменные изделия (10 – 29). Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт. Спицынская культура. Костенки-17, II культурный слой.
а – современная почва; б – лессовидные суглинки; в – гумусированные суглинки, пегребенные почвы; г – линзы интенсивной гумусированности; д – слоистые суглинки; е – номера литологических горизонтов.

ки по своему облику разнокультурны. Костенки-8/I и 11/III я выделяю в аносовско-тельманскую АК, отличающуюся, наряду с ориньякоидными формами (соответствующим образом ретушированные пластины, острия и скребки на таких пластинах, высокие формы), довольно выразительным комплексом двусторонне обработанных орудий разных типов, но выполненных не в технике “тонкого бифаса”. Костенки-1/III, по довольно единодушному мнению, самый “ориньякский” памятник Восточной Европы, т.к. содержит все

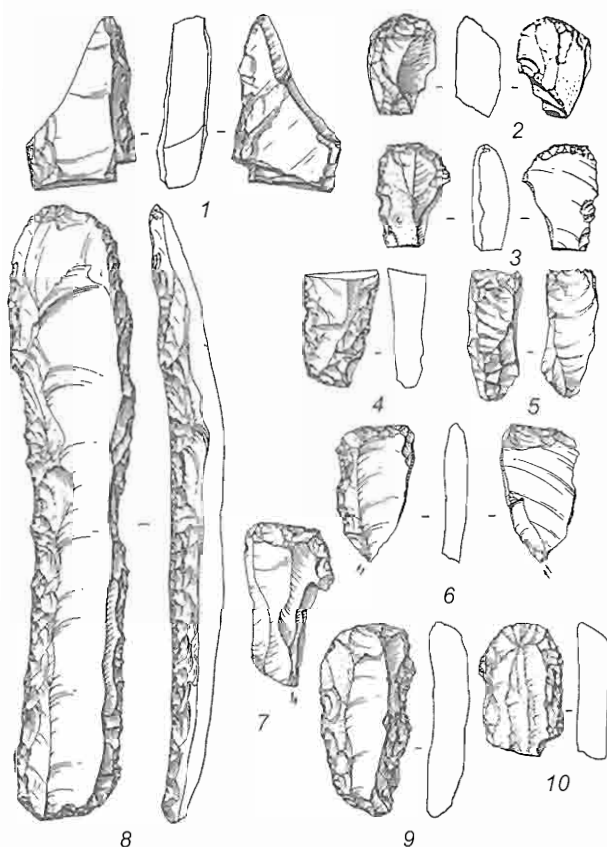

Рис. 14. Каменные орудия. Ориньякоидный технокомплекс без архаичных черт. Костенки-1, III слой.

“необходимые” компоненты: от пластин с перехватом, соответствующих типов скребков и острий до пластинок дюфур (рис. 14). Его ближайший аналог – Сюрень-1, нижний слой (по терминологии Г.А. Бонч-Осмоловского) – находится не в Костенках, а в Крыму, и является несколько более древним: его возраст определяется в настоящее время радиоуглеродными датами порядка 29 – 27 тыс. л.н. [Демиденко, 2000]. По заключению того же автора, памятники относятся к “позднему ориньяку типа Кремс-Дюфур”. Костенки-4/1 в культурном отношении остается изолированным памятником.

Материалы перечисленных индустрий многократно опубликованы и хорошо известны. Важно подчеркнуть: нет никаких оснований для предположения об их генетической связи друг с другом, равно как с ранними ориньякоидными индустриями Костенковско-Борщевского района или с индустриями типа Кулички – Радомышля.

Появление в Восточной Европе граветтоидного ТК. На данной территории это явление возникает примерно в то же время, что и в других регионах Европы, –

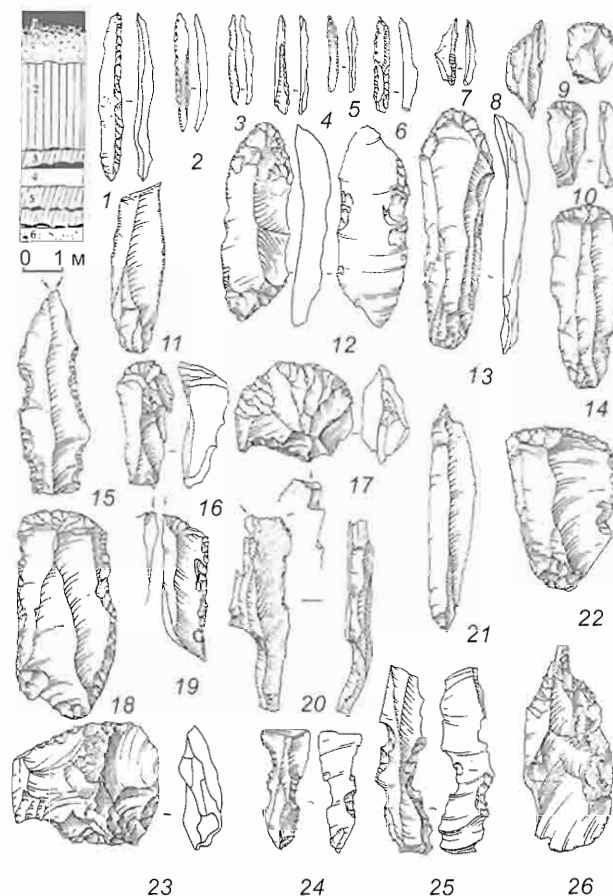

Рис. 15. Схематический разрез (усл. обозн. см. на рис. 12) и каменные орудия. Граветтоидный технокомплекс. Тельманская культура. Костенки-8, II слой.

около 30 тыс. л.н. В Костенковско-Борщевском районе оно представлено комплексом Костенок-8/II (рис. 15), залегающим в верхней гумусированной толще и имеющим радиоуглеродную дату порядка 27 тыс. л.н., на юго-западе Русской равнины – индустриями раннего этапа молодовской АК (Молодова-5/X – VIII), наиболее достоверные радиоуглеродные даты которых также порядка 29 – 28 тыс. л.н. Но расцвет граветтоидного ТК приходится на более позднее время – начало позднего валдая, что особенно хорошо прослеживается в Костенковско-Борщевском районе, на памятниках, залегающих выше гумусированных толщ.

Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы: проблема генезиса

Прежде всего следует определить, в чем же состоит принципиальное различие между средним и верхним палеолитом? В сущности, это проблема критерия дифференциации археологических эпох. Учитывая ограниченность объема статьи, кратко остановлюсь только на одной из самых последних попыток

предложить критерии, разграничивающие средний и верхний палеолит, предпринятой М. Оттом и Я. Козловским. По мнению авторов, "...средний палеолит в Европе выявляют по технологическим признакам: орудия изготовлены из заготовок, форма которых задана в ходе предварительной подготовки ядрищ. <...> Верхний палеолит определяют по признакам использования стандартных пластинчатых заготовок. <...> Верхний палеолит отмечен существенным сдвигом в производстве изделий: пластинчатая технология стала доминирующей. <...> Технологическая трансформация представляется эволюционным изменением в сторону уменьшения размеров заготовок и может оцениваться как прогресс..." [Отт, Козловский, 2001, с. 51].

На мой взгляд, предложенные критерии слишком узки даже для разграничения двух упомянутых эпох. С одной стороны, далеко не все среднепалеолитические индустрии однозначно связаны с леваллуазской техникой; если же говорить о предварительной подготовке ядрищ "вообще", то верхнепалеолитическая пластинчатая техника особенно требует такой подготовки (т.н. гигантолиты). О пластинчатых среднепалеолитических индустриях упоминали в своей статье и мои оппоненты. С другой стороны, как показано выше, имеется целый ряд верхнепалеолитических индустрий (Брынзены-I/III, три слоя Куличивки, Радомышль), где призматическая пластинчатая техника прекрасно уживается с леваллуазской в ее "классическом" виде. Наконец, и в среднем ("микок" в широком смысле термина), и в верхнем (стрелецкая, городцовская АК) палеолите есть индустрии, которые нельзя однозначно связать ни с леваллуазской, ни с призматической техникой скола. Точно так же невозможно говорить об уменьшении размера заготовок при переходе к верхнему палеолиту как о всеобщем явлении: массивные пластины куличивских индустрий, например, ничуть не уступают среднепалеолитическим стандартам. В тех же редчайших случаях, когда между средним и верхним палеолитом удастся проследить, хотя бы гипотетически, конкретные культурно-генетические связи — например, между "крымским микоком" и стрелецкой АК [Аникович, 1997, в печати], — говорить об уменьшении размеров заготовок вовсе не приходится.

Конечно, при анализе ряда конкретных индустрий предложенные критерии успешно работают, но в качестве всеобщих они явно недостаточны. Тем более если мы хотим логически упорядочить верхнюю ступень археологической периодизации и определить единый критерий для разграничения археологических эпох. В свое время я предложил в качестве такого критерия *активное внедрение в человеческую практику нового материала, использовавшегося прежде sporadически и неадекватно своим технологическим возможностям*. С этой точки зрения верхний палеолит — "эпоха кости", неолит — "эпоха керамики", далее следуют эпоха бронзы и эпоха железа. Мезолит и энеолит утрачивают значение археологических эпох, оставаясь, впрочем, важными периодизационными подразделениями, завершающими соответственно верхнепалеолитическую и неолитическую эпохи [Аникович, 1992].

Таким образом, смена археологических эпох есть не что иное, как *глобальная смена технологий*, но в более глубоком смысле, нежели простая смена техники снятия заготовок. Активное использование кости, рога и бивня требовало нового инструментария, который, впрочем, мог прекрасно уживаться с типично среднепалеолитическими формами ("архаичные" индустрии). Это, в свою очередь, действительно вело к усовершенствованию техники скола, но далеко не однозначно в сторону усиления пластинчатости. В ряде случаев новым задачам вполне отвечала техника "тонкого бифаса", возникшая в раннюю пору верхнего палеолита [Bradely, Anikovitch, Girya, 1995].

Учитывая неизбежные изменения техники скола, следует признать, что *генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам — среднему и верхнему палеолиту, — должны, как правило, различаться в технологическом отношении*. Культурно-генетическое родство есть не что иное, как преемственность культурных традиций. Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о передаче их в сильно редуцированном виде. Поскольку в каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в *формообразовании*, при попытках установить связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими индустриями следует ориентироваться именно на сходство специфических форм орудий. Понятно, что сходство не одной, а ряда таких форм делает заключение о генетическом родстве более весомым.

Учитывая неизбежные изменения техники скола, следует признать, что *генетически связанные комплексы, принадлежащие разным эпохам — среднему и верхнему палеолиту, — должны, как правило, различаться в технологическом отношении*. Культурно-генетическое родство есть не что иное, как преемственность культурных традиций. Естественно, при такой глобальной трансформации, как смена археологических эпох, речь может идти только о передаче их в сильно редуцированном виде. Поскольку в каменных индустриях культурные традиции наиболее ярко проявляются в *формообразовании*, при попытках установить связи между среднепалеолитическими и ранними верхнепалеолитическими индустриями следует ориентироваться именно на сходство специфических форм орудий. Понятно, что сходство не одной, а ряда таких форм делает заключение о генетическом родстве более весомым.

Костенковско-стрелецкая АК. Исходя из предложенного критерия, непосредственным генетическим источником костенковско-стрелецкой АК следует считать "микокские" индустрии Крыма, поскольку только там прослеживается сходство не одной, а целого ряда форм орудий: треугольные наконечники с вогнутым основанием, листовидные наконечники с округлым основанием, подтреугольные скребки (рис. 16). Само собой разумеется, технологические характеристики крымских и стрелецких индустрий различны. По-видимому, Днестровско-Прутское междуречье являлось районом, испытывавшим известное влияние тех же среднепалеолитических традиций, но уже в иной трансформации [Аникович, в печати].

Городцовская АК. Памятники этой культуры в Костенках более молодые. Тем не менее обратим внимание на сходные формы орудий городцовской АК

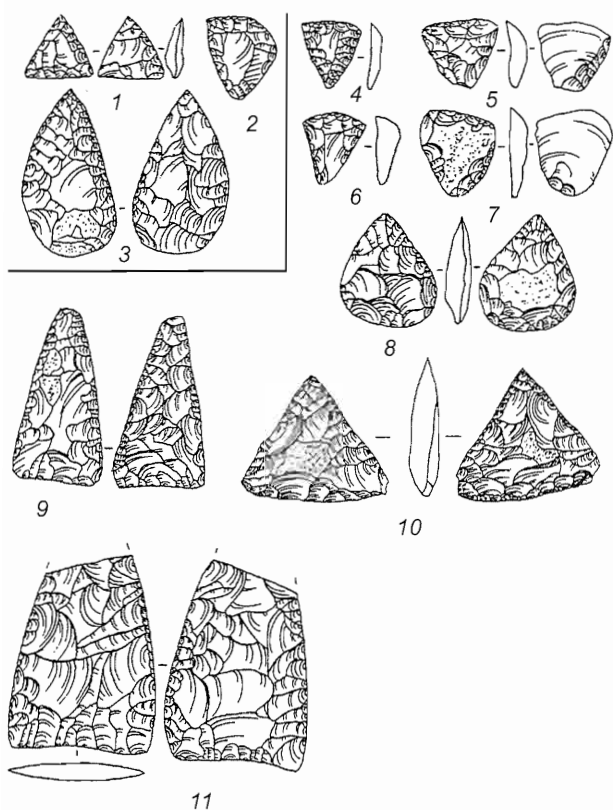

Рис. 16. Типы, характерные для костенковско-стрелецкой АК, в среднепалеолитических индустриях Крыма и юго-запада Восточной Европы.

1 – 3 – Чокурча; 4 – 8, 10 – Заскальная-5, слой II – IV; 9 – Пролом; 11 – Тринка-3, слой III.

и Ильской стоянки (рис. 17). К сожалению, в данном случае мы лишены возможности распределить ильские орудия послойно, что в значительной степени обесценивает указанное сходство. Но вовсе его игнорировать едва ли правомочно; рис. 17 следует рассматривать как “информацию к размышлению”.

Как отмечалось, высказанная украинскими коллегами гипотеза о связях куличивского “ориньяка” с центрально-европейским “богунисьеном” представляется вполне правомерной. А индустрии спицynской АК настолько высоко развиты, что искать для них какие бы то ни было среднепалеолитические аналоги едва ли уместно. По всей вероятности, эта культура сформировалась где-то за пределами Восточной Европы и появилась на Русской равнине уже в развитом виде.

В настоящее время вопрос о происхождении верхнепалеолитических индустрий из среднепалеолитических – как конкретная археологическая проблема – ставится не только для Европы или Ближнего Востока, но и для Северной Азии, благодаря сделанным там замечательным открытиям многослойных стоянок

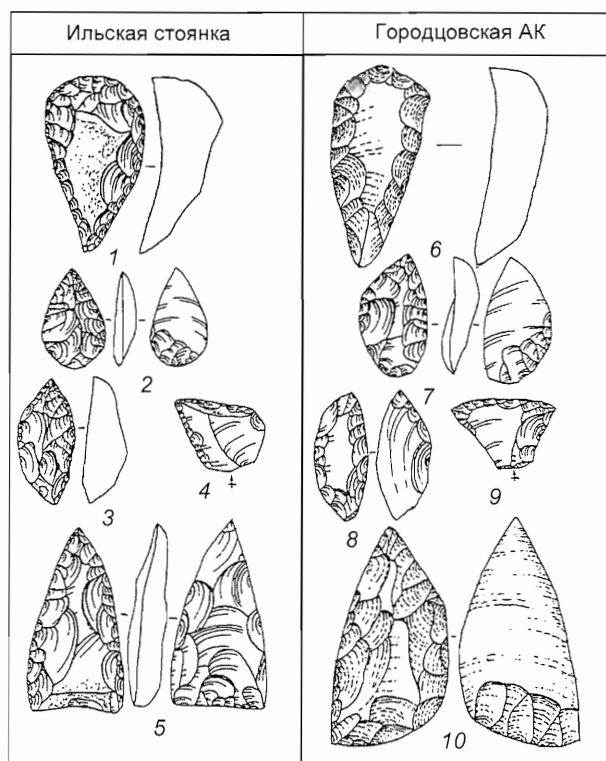

Рис. 17. Типологическое сходство между комплексом из среднепалеолитических слоев Ильской стоянки и индустриями городцовской АК.

(в первую очередь Кара-Бом), сочетающих среднепалеолитические и ранневерхнепалеолитические слои. При сопоставлении этих памятников с материалами Восточной Европы бросается в глаза одно существенное расхождение: североазиатские (горно-алтайские) комплексы демонстрируют постепенное изживание среднепалеолитических традиций, происходящее на одной территории [Деревянко, 2001]. В Восточной Европе картина совершенно иная. Здесь хорошо выраженный комплекс памятников начальной поры верхнего палеолита (Костенковско-Борщевский район) не обнаруживает связей со средним палеолитом ближайших территорий. И напротив, там, где прослеживается хорошо выраженный комплекс поздних среднепалеолитических индустрий (Приднестровье, Крым), нет убедительных оснований говорить об их связях с местным верхним палеолитом в его наиболее ранних проявлениях. На территории Восточной Европы наблюдается не плавное перерастание среднепалеолитических индустрий в “архаичные” верхнепалеолитические (“переходные”) и затем в развитые верхнепалеолитические, а их длительное сосуществование.

Заключение

Из проведенного анализа следует, что на территории Восточной Европы древнейшие верхнепалеолитические индустрии появились рано (около 40 тыс. л.н., если не раньше), причем в весьма развитом виде (спичинская АК, нижние слои Костенок-8 и 14). Вполне вероятно, что самые ранние верхнепалеолитические индустрии “архаичного” типа, обнаруживающие корни в местном (в широком смысле слова) среднем палеолите, возникли под их влиянием. Население, очевидно, вело достаточно подвижный образ жизни, коль скоро ни на одной из многочисленных многослойных стоянок Восточной Европы не обнаруживается постепенное перерастание среднепалеолитических индустрий в верхнепалеолитические.

Особо следует подчеркнуть различный генезис археологических культур, относящихся к одному технокомплексу. Поэтому нет оснований говорить о происхождении “ориньяка” (равно как “селета” или “граветта”) “вообще”, вопросы такого рода следует ставить и решать на уровне конкретных археологических культур. Вполне вероятно, горно-алтайские ориньякоидные индустрии типа Усть-Каракол-1 (по терминологии Ж. Жобера, “напоминающие ориньяк” [Жобер, 2001]) имеют местную подоснову, но отсюда не следует, что обнаружение такой подосновы является одновременно решением проблемы происхождения различных вариантов ориньякоидного ТК Европы или Ближнего Востока.

Список литературы

- Аникович М.В.** К определению понятия “археологическая эпоха” // РА. – 1992. – № 1. – С. 85 – 94.
- Аникович М.В.** О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // Петербургский археологический вестник. – 1993. – № 3. – С. 3 – 19.
- Аникович М.В.** Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археологические вести. – 1994. – № 3. – С. 144 – 157.
- Аникович М.В.** Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид: Материалы симп. “Первичное расселение человечества”. – М., 1997. – С. 143 – 155.
- Аникович М.В.** Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от “восточного граветта” к “восточному эпиграветту” // Восточный граветт. – М.: Научный мир, 1998. – С. 35 – 60.
- Аникович М.В.** Начальная пора верхнего палеолита Восточной Европы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 11 – 30.
- Аникович М.В.** Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустье и верхним палеолитом // Stratum plus (в печати).
- Аникович М.В., Хоффекер Дж.Ф., Форман Ст., Попов В.В.** Новые данные о многослойной стоянке Костенки-12 (Волковская) в свете проблематики верхнего палеолита Восточной Европы // Верхний палеолит – верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. – СПб.: АкадемПринт, 2002. – С. 68 – 72.
- Борисковский П.И.** Очерки по палеолиту бассейна Дона: Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках // МИА. – 1963. – № 121. – С. 5 – 200.
- Вишняцкий Л.Б., Нехорошев П.Е.** Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине в свете изучения стоянки Шлях в Волгоградской области // Нижневолжский археологический вестник. – 2001. – Вып. 4. – С. 8 – 24.
- Демиденко Ю.Э.** “Крымская загадка” – среднепалеолитические изделия в раннем ориньяке типа Кремс-Дюфур, Сюрени-1: альтернативные гипотезы для решения проблемы // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 97 – 124.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 70 – 103.
- Жобер Ж.** Комментарий к статье М. Отта, Я.К. Козловского // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 68 – 69.
- Заррина Е.П., Краснов И.И.** Стратиграфическая корреляция четвертичных отложений европейской части СССР // Четвертичная геология и структурная геоморфология СССР: Тр. ВСЕГЕИ. Нов. сер. – 1977. – Т. 222. – С. 18 – 24.
- Коев В., Степанчук В.** Вариативность перехода от среднего к верхнему палеолиту // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 31 – 53.
- Отт М., Козловский Я.К.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 51 – 62.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879 – 1979 /** Ред. Н.Д. Праслов, А.Н. Рогачев. – Л.: Наука, 1982.
- Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии /** Ред. А.А. Силицын, Н.Д. Праслов. – СПб.: АкадемПринт, 1997. – 141 с.
- Силицын А.А.** Нижние культурные слои Костенок-14 (Маркина Гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 125 – 146.
- Спиридонова Е.А.** Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. – М.: Наука, 1991. – 221 с.
- Чабай В.П.** Особенности перехода от среднего к позднему палеолиту в Крыму // Stratum plus. – 2000. – № 1. – С. 54 – 83.
- Bradely B., Anikovitch M., Giryа E.** Early Upper Palaeolithic in the Russian Plain: Streletskayan flake stone artefacts and technology // Antiquity. – 1995. – Vol. 69. – November. – P. 989 – 998.
- Debrosse R., Koslowski J.** Hommes et climats a l’age du mammoth. Le Paleolithique superieur d’Eurasie Centrale. – Paris; Milan; Barcelone; Mexico: MASSON, 1988. – 144 p.

МАТЕРИАЛЫ МОГИЛЬНИКА СОЛОНЦЫ-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры)*

Введение

Одним из важнейших аспектов в изучении неолита является выявление компонентов, участвовавших в формировании культур и процессе их трансформации. Нередко самым ценным источником информации о культурных преобразованиях, содержащим как автохтонные, так и приобретенные элементы, может оказаться могильник либо отдельные погребения. Кузнецко-алтайская культура была выделена на основе погребений [Окладников, Молодин, 1978]. До сих пор остается недостаточно аргументированным культурное единство поселений и погребений Салаиро-Алтая [Бобров, 1997, с. 140 – 143; 1999, с. 32; Кирюшин, 2002], это усложняет понимание процесса формирования кузнецко-алтайской культуры и ее роли в культуругенезе неолитического населения Салаиро-Алтая. Инвентарь погребений устойчив и выразителен, содержит черты, сближающие данное культурное образование с неолитом Прибайкалья [Окладников, Молодин, 1978; Молодин, 1999, с. 45, 48]. На территории Горного Алтая в настоящий момент известны одиночные погребения в Нижнетыткескенской [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995] и Каминной [Маркин, 2000] пещерах, могильники Усть-Иша и Большой Мыс в северных предгорьях и на Бийско-Чумышской возвышенности [Молодин, 1999; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000]. В результате сравнительного анализа антропологических серий из этих могильников В.А. Дремов пришел к выводу о принадлежности популяций данного региона к большой расовой общности эпохи неолита, включавшей население При-

байкалья и Забайкалья, отметив проявление здесь европеоидных компонентов [Дремов, 1980; 1997, с. 33]. Изучив краниологические материалы из пещер Каминная и Нижнетыткескенская I, Т.А. Чикишева пришла к заключению о их сходстве с черепами из погребений Красноярско-Канского региона (Базаиха, Долгое Озеро) [Чикишева, 2000; Ким, Чикишева, 1995].

В данной публикации вводятся в научный оборот новые материалы из могильника Солонцы-5, относящегося к кузнецко-алтайской культуре. Ограничиваясь лишь теми фактами, которые, на мой взгляд, способны проиллюстрировать механизм культурных влияний и аргументировать датировку памятника, обращаю главное внимание на материалы погребения 1. Основные результаты исследований могильника Солонцы-5 представлены в публикации Н.Ю. Кунгуровой, Т.А. Чикишевой [2002] и впоследствии будут рассмотрены в специальной работе.

Материалы могильника Солонцы-5

В 2000 г. мной был обнаружен и исследован могильник Солонцы-5. Он находится в 0,5 км к СВ от с. Пильно в Красногорском районе Алтайского края, размещается на левом берегу р. Бии на останце террасы высотой до 50 м над уровнем реки, в устье речки Чепшушки (рис. 1, 2). Местность характеризуется расчлененным низкогорным рельефом, крутые склоны левобережья Бии и Чепшушки покрыты березовым лесом, по бортам террасы прослеживаются скальные выходы. Геоморфологическое положение памятника весьма напоминает ситуацию, зафиксированную В.И. Молодиным при раскопках неолитического могильника Корчуган [Молодин, Новиков, Чикишева, 1999].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00102а.

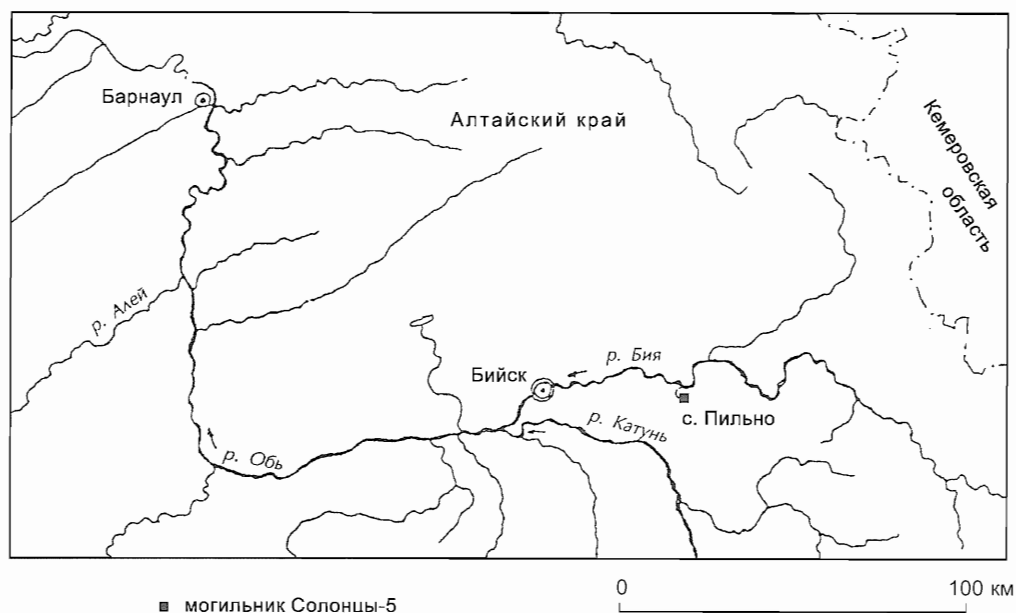

Рис. 1. Расположение могильника Солонцы-5.

Погребения были обнаружены в ходе исследования многослойного поселения, ранний слой которого содержал большемысскую керамику. Они залегали в слое суглинка на глубине 0,60 – 0,70 м от современной дневной поверхности. Пятна могильных заполнений отсутствовали, поэтому проследить дневную поверхность, с которой устраивался данный могильник, не удалось. Всего обнаружено девять погребений, сгруппированных, как установлено по антропологическим данным Т.А. Чикишевой, по половому признаку в два ряда, ориентированные по оси СЗ – ЮВ. Умершие были уложены головой на СВ и В. Семь погребений совершены по единому обряду – в вытянутом положении на спине, руки вдоль тела. Двое погребенных (мог. 2 и 3) были уложены на спине с повернутой в левую сторону головой, согнутыми в коленях и заваленными влево ногами. Оба погребения безынвентарные. Дети были захоронены (мог. 1, 5, 6, 8) в общих со взрослыми могильных рядах, возможно, в соответствии с их половой принадлежностью.

В первом ряду, по определениям Т.А. Чикишевой, находятся мужские захоронения (мог. 3 – 5, 7, 1), из них погр. 1 является самым восточным. В нем обнаружено большое количество предметов, связанных с охотой и рыболовством, а также с производством каменных орудий. Соседнее погр. 7 отличается от всех остальных богатейшим набором нашивок на одежду, их комбинациями. Вероятно, оба эти мужчины имели особое положение в обществе. Во втором ряду находились женские погр. 2, 8, 9, 6.

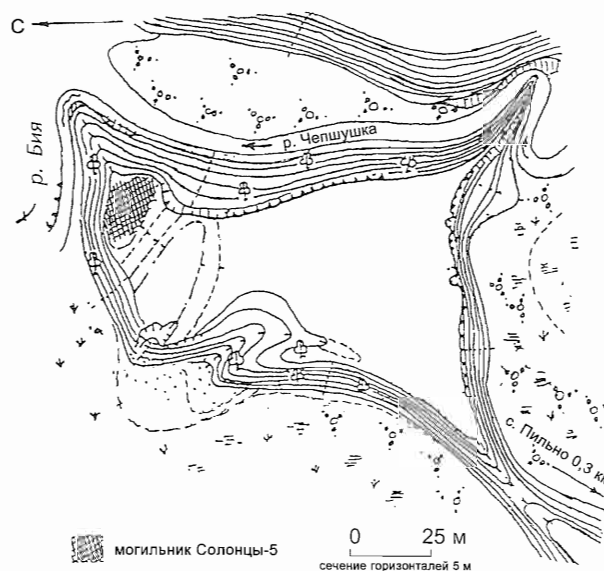

Рис. 2. План могильника.

Для могильника Солонцы-5 набор сопроводительного инвентаря устойчив – это длинные каменные и костяные вкладышевые клинки, украшения: нашивки из зубов животных, кости и перламутра, которые требуют специального изучения и реконструкции.

В ходе анализа костных остатков из Солонцов-5 Т.А. Чикишева выделила морфологические признаки, близкие антропологическим сериям Салаиро-Алтая, Верхнего Приобья, серовской группе бассейна

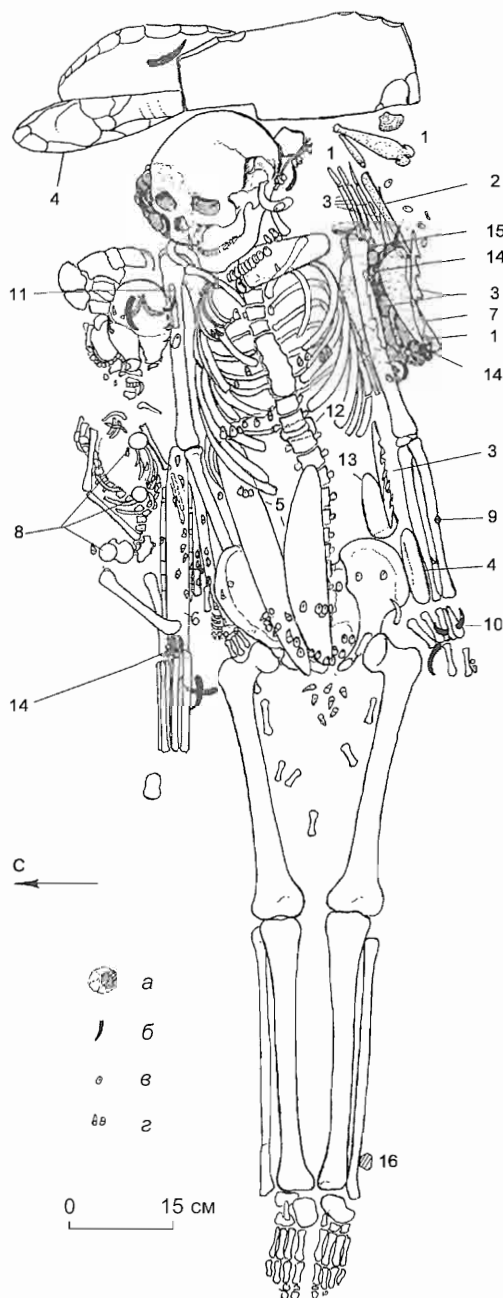

Рис. 3. План погребения 1.

1 – рыболовные стерженьки, 2 – брусочек, 3 – наконечники гарпунов, 4 – рубящие и тесловидные орудия, 5 – клинки, 6 – вкладышевый клинок, 7 – “рукоятный утюжок”, 8 – раковины, 9 – речные ракушки, 10 – стерженьки с крючками, 11 – фрагмент трубчатой кости, 12 – скребок из плитки песчаника, 13 – отбойник, 14 – наконечники стрел, 15 – скребок из отщепы, 16 – кусочек камня.
а – отщепы, б – клыки кабарги, в – нашивки из кости, г – нашивки из зубов животных.

р. Лены [Кунгурова, Чикишева, 2002]. У мужчин отмечено наличие характеристик смешанного происхождения, у женщин – признаков, характерных для монголоидной расы. В частности, выявлено ощути-

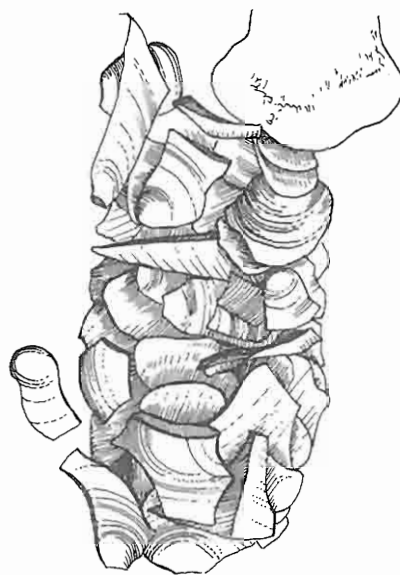

Рис. 4. Скопление отщепов около черепа мужчины из погр. 1 (прорисовка).

мое влияние монголоидного компонента, тяготеющего к неолитическому населению Прибайкалья. Улавливается компонент, известный по материалам Саяно-Алтая (погребений в Красноярско-Канской лесостепи, в пещерах Каминная и Нижнетыткескенская I Горного Алтая). Основные антропометрические показатели материалов могильника тяготеют к сборной серии Верхнего Приобья (могильники Большой Мыс, Усть-Иша, Костёнок-Избушка, Ордынское), Кузнецкой котловины (Васьково-4, Лебеди-2, Заречное-1) и серовской группе бассейна р. Лены. Таким образом, антропологический тип популяции Солонцов-5 сформирован на той же основе, что и тип населения Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, с участием серовского компонента.

В изучении проблемы трансформации культур и их взаимовлияний важное, на мой взгляд, значение имеет погр. 1, содержащее самый многочисленный и насыщенный набор предметов сопроводительного инвентаря (178 изделий и несколько десятков нашивок).

Погребение 1

Скелет взрослого мужчины 35 – 40 лет, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на СВ, лежал на глубине 0,75 м от дневной поверхности (рис. 3). Возле костей правой руки находился скелет 1,5-годовалого ребенка. Затылочная поверхность черепа мужчины вплотную прилежала к двум каменным плитам. Вдоль края одной из них было уложено крупное рубящее орудие – бифас. На этой плите находился клык кабарги с зубуринами по вогнутому краю. Череп пра-

вой стороной лежал на плотном скоплении из 73 отщепов (рис. 4). На верхних ребрах, под нижней челюстью находился шлифованный топор. Под левой плечевой костью располагалось плотное скопление вещей: предмет в форме песта с расширенным основанием, каменный длинный брусок, пять костяных наконечников гарпунов, одна костяная концевая накладка на лук, пять каменных наконечников стрел и их обломков, костяное острие, каменный стержень для крючка. Под этими вещами и плечевой костью находилось плотное скопление из 34 кремневых отщепов. Среди них скребок и четыре отщепа с ретушью. Выше этого набора инструментов, ближе к каменной плите, располагались два каменных рыболовных стерженька. Возле локтевой кости левой руки находились два наконечника гарпуна, наложенные друг на друга, рядом – роговой отбойник, ниже – узкое шлифованное тесловидное орудие. На фалангах левой кисти лежали два костяных стерженька с вставленными в них остриями крючков. С правой стороны от нижних ребер до лобковых костей располагались два крупных каменных клинка-бифаса: длинный кинжал и широкий нож асимметричной формы. Под серединой позвоночного столба лежал скребок из плитки песчаника. У дистального конца левой берцовой кости находился кусочек камня. Возле черепа, плечевых и тазобедренных суставов найдены острия из клыков кабарги. Украшения из крупных зубов марала и костяные нашивки лепестковой формы размещались в области шеи и груди (рис. 5). Последние и большей частью нашивки из зубов крупных копытных животных находились в области таза и между бедренными костями.

Детский скелет, располагавшийся возле мужского, чуть развернут влево – нижней частью к костям предплечья мужчины. Ребенок был захоронен в вытянутом положении на спине. Между погребенными лежал костяной кинжал с каменными вкладышами. Кости левой руки ребенка были под ним, возможно, кисть правой при погребении находилась на нем (сохранились только локтевые кости без фаланг). Берцовые ко-

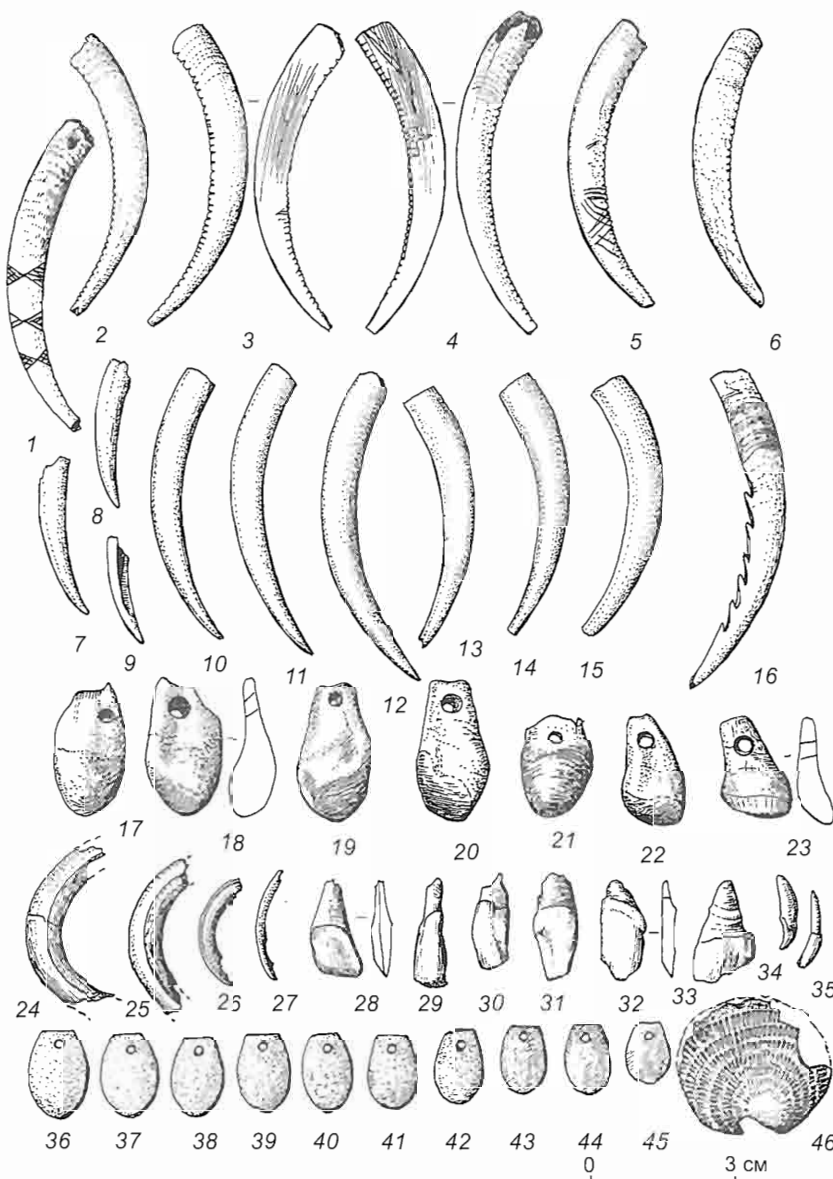

Рис. 5. Украшения одежды.
1 – погр. 7, 2 – 46 – погр. 1.

сти также были под кинжалом и на нем. В области колена правой ноги под кинжалом располагалось скопление из 11 каменных наконечников стрел и их обломков. На сочленении правого бедра и таза лежала створка крупной раковины (рис. 5, 46), еще две такие же находились в центре нижней части грудной клетки и у левого плечевого сустава (видимо, первоначально на груди). Под челюстью располагались четыре каменных отщепа. Под позвоночником в области пояса лежал кусочек гематита (красной минеральной краски). Под кинжалом, на костях левой руки, на ребрах левой половины грудной клетки и между ними размещались расщепленные зубы крупного копытного.

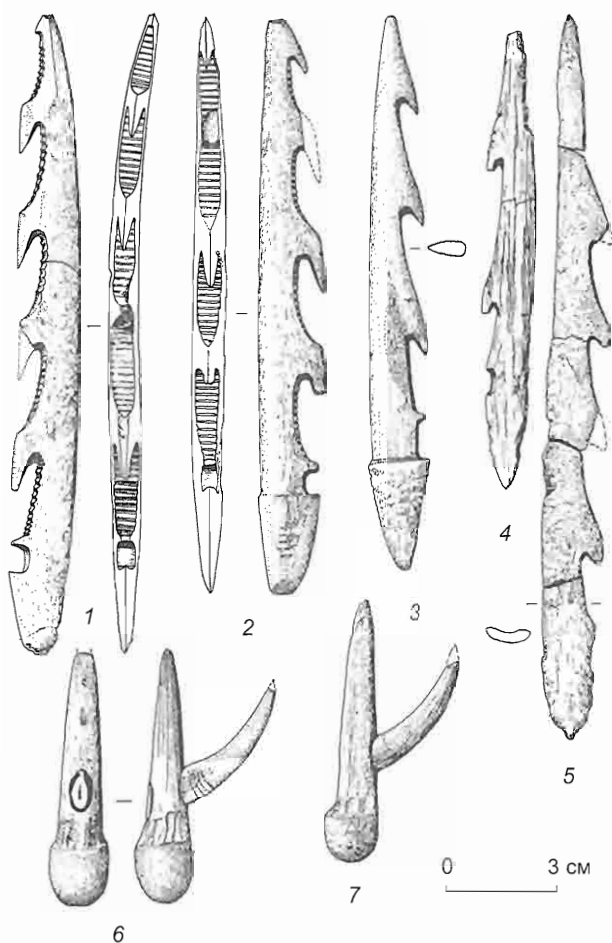

Рис. 6. Костяные вещи из погр. 1.

Вещественный комплекс погребения 1

Вещи из погребения довольно разнообразны и многочисленны.

Костяной инвентарь. Наконечники гарпунов (5 экз.) имеют одностороннее расположение зубцов, конусовидный уплощенный насад с полукруглой выемкой для крепления линия (рис. 6, 1, 2, 4), в одном случае ее заменяет шип (выступ) (рис. 6, 3). На самом крупном изделии приспособление для крепления не сохранилось (рис. 6, 5). У двух экземпляров насад отделен от острия карнизом. Они оснащены четырьмя зубцами, наиболее короткие наконечники гарпунов имеют по два-три зубца. Особый интерес вызывают два экземпляра, лежавшие один на другом у левой локтевой кости. Длина изделий 17 и 15,5 см. Оба украшены поперечными нарезками в выемках между зубцами (рис. 6, 1, 2). Два наконечника гарпунов сделаны из стенок трубчатых костей (рис. 6, 4, 5). У них выражен длинный конец острия. Длина одного изделия 19,8 см, другого – 12,5 см. Они хрупки, плохого качества.

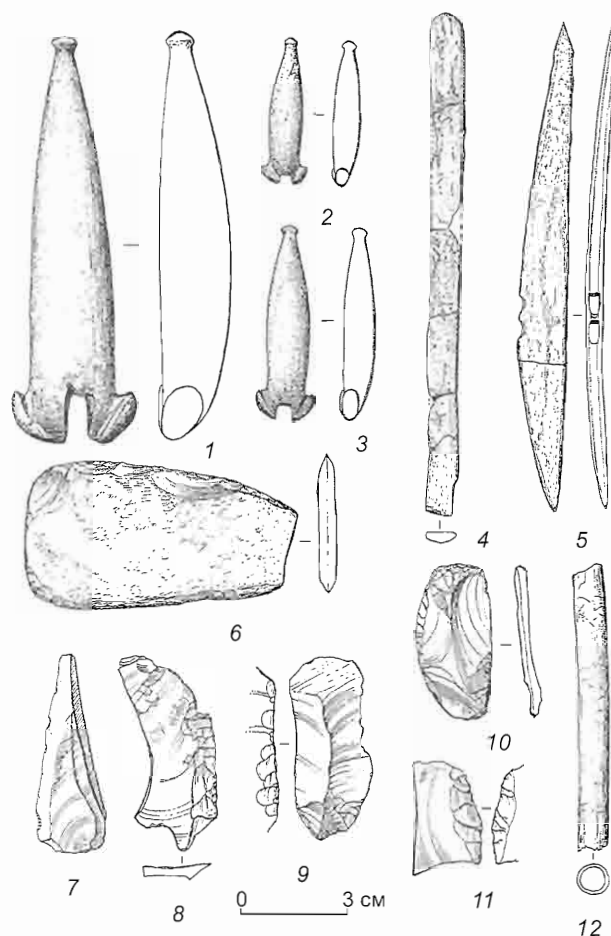

Рис. 7. Погребальный инвентарь из погр. 1.

Среди скопления наконечников гарпунов находилась концевая накладка на лук (рис. 7, 4). Она плоская, узкая, длиной 14 см, шириной 0,8 см, концевая часть овальная, чуть приостренная. В наборе присутствовало костяное острие с двумя выемками на выпуклой стороне (рис. 7, 5).

Поверхность крупного рогового отбойника длиной 11,5 см, диаметром 4,3 см плохо сохранилась, а конец его повдоль выломан (рис. 8, 2).

Два костяных составных стерженька рыболовных крючков с выделенными головками имеют сквозные отверстия, в которые закреплены когти животных (см. рис. 6, 6, 7).

Функциональное назначение фрагмента тонкой (птичьей?) трубчатой кости длиной 8 см, находившегося между погребенными, не ясно. Он мог быть как игольником, так и деталью колчана (см. рис. 7, 12). Аналогичная вещь в погр. 8 могильника Усть-Иша находилась в районе места размещения предполагаемого колчана [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 28].

Костяной вкладышевый клинок длиной 29,5 см (рис. 9, 1) оснащен двумя пазами со вставленными

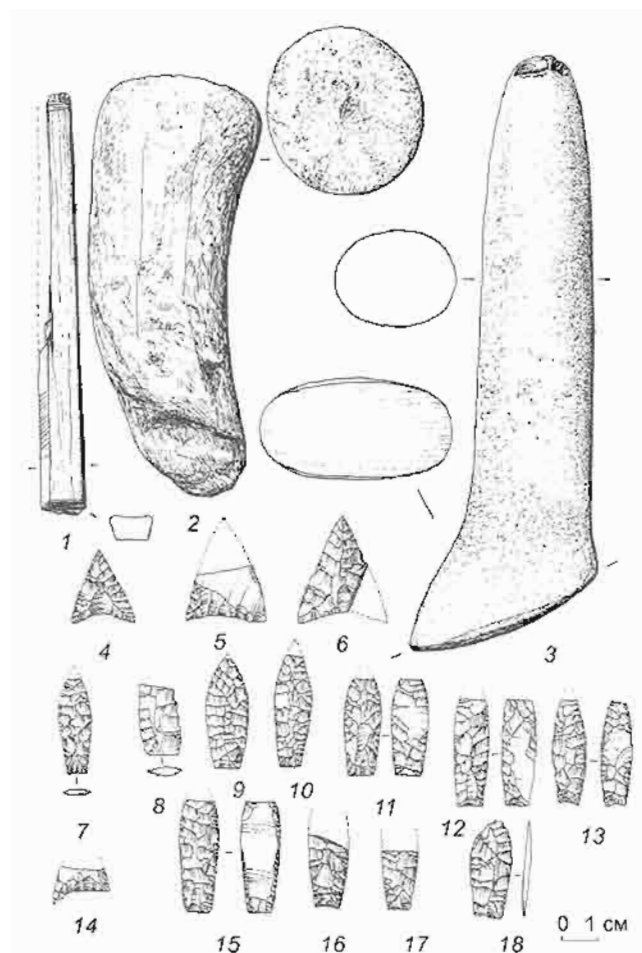

Рис. 8. Погребальный инвентарь из погр. 1.

в них вкладышами. В рукояточной части имеется небольшое отверстие. Вкладыши изготовлены из длинных прямых пластин и их фрагментов. Они ретушированы с двух сторон по краям.

Каменный инвентарь. Плиты размерами $32 \times 14 \times 3$ и $28 \times 11,5 \times 4$ см оббиты по боковым сторонам (рис. 10, 2, 3), один из краев имеет участок, оформленный последовательными фасетками широких сколов. У большей плитки фасетированный край приострен под углом в 45° . Меньшая имеет конвергентные боковые стороны, использованные как плоскости снятия, с вертикальными фасетками. Ее тыльная сторона обработана последовательными широкими сколами. Обе плитки сильно патинированы (заизвесткованы).

Бифас – массивное рубящее орудие длиной 25 см, двусторонне оформленное широкими встречными сколами (рис. 10, 1). Два концевых овальных края уплощены посредством продольных снятий.

Предмет в форме песта с расширенным основанием – довольно редкая вещь в неолитических комплексах. Изделие хорошо отшлифовано. Его длина 16 см, рукоять круглая в сечении. В основании имеется

Рис. 9. Костяной вкладышевый кинжал (1) и каменный нож (2) из погр. 1.

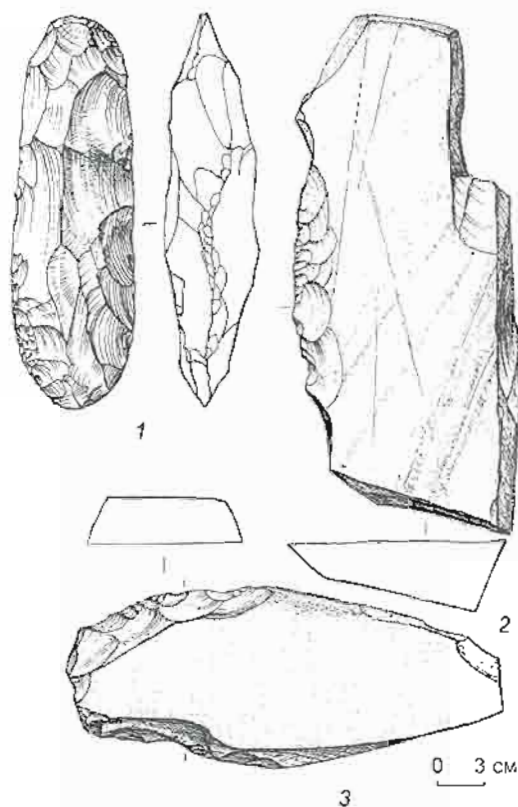

Рис. 10. Топор-бифас (1) и каменные плиты (2, 3) из погр. 1.

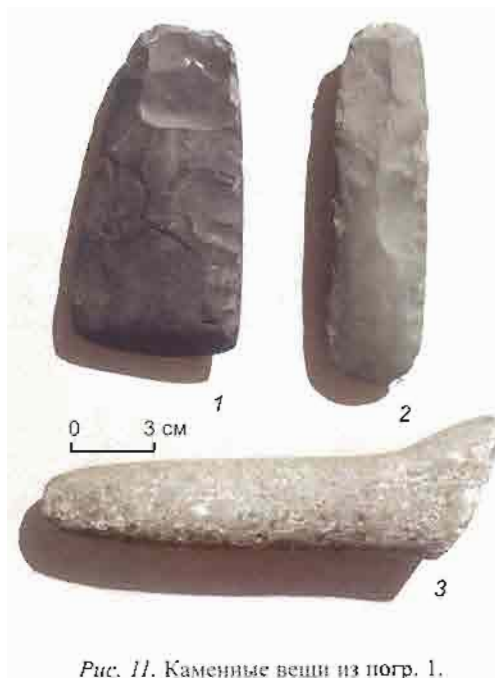

Рис. 11. Каменные вещи из погр. 1.

выступ, нижняя поверхность которого прямая, заполированная до блеска (см. рис. 8, 3; 11, 3). В публикации М.Ф. Косарева подобный предмет упоминается как "сапожковидный терочник" или "гладилка" [1981, с. 83, 84]. Признаки утилитарного износа, присутствующие на этой вещи, соответствуют таковым на "утюжках" (продольное распространение по всей поверхности тонких слабых и четких царапин, зеркальная заполировка; по концевому краю выступа прослеживаются лунки утилитарной забитости).

Узкий каменный брусок длиной 11,5 см с продольным разломом (см. рис. 8, 1). На небольшом участке одной боковой поверхности имеются поперечные нарезки. Стороны бруска отшлифованы, на них видны продольные царапины утилитарной этимологии, концы спилены.

Наконечники стрел (см. рис. 8, 4 – 18): три – треугольные широкие, один – с опущенным шипом, остальные – листовидные с прямой узкой базой. Одна сторона наконечников обработана полностью встречной ретушью, другая – чаще всего у конца и основания. На одном экземпляре ретушь только по краям и на базе (см. рис. 8, 15).

Стерженьки рыболовных крючков (3 экз.) разных размеров, но одного стандарта. У них выпуклая спинка, в основании пропилен выемка для крепления крючка и выделены симметричные ушки (см. рис. 7, 1 – 3; 12).

Топорик трапециевидной вытянутой формы (см. рис. 11, 1). Поверхность его оббита с обеих сторон, рубящий участок зашлифован и заострен под углом в 30°. Признаки сработанности на орудии не прослеживаются.

Рис. 12. Каменные стерженьки из погр. 1.

Узкое шлифовальное тесловидное орудие с овальным лезвием использовалось как долото-стамеска. Тело его округлое в сечении, рабочий участок уплощен и равномерно заострен под углом в 30°. Изделие зашлифовано с обеих сторон (см. рис. 11, 2). Следы шлифовки перекрывают признаки утилитарного износа (пучки царапин, прослеживаемые с двух сторон, глубокие фасетки утилитарной ретуши).

Плитчатое изделие, найденное под позвоночником мужчины, оформлено по краям двусторонней ретушью (см. рис. 7, 6). Орудие использовалось в качестве скребка по коже. Признаки интенсивного износа отмечаются на кромке концевой края.

Каменные клинки крупные, листовидные, обработанные встречными снятиями с двух сторон. Один длиной 34 см, другой – 26 см. Меньший клинок сегментовидной формы: один край его прямой, другой – овальный (см. рис. 9, 2). Признаки утилитарного износа не выявлены.

Сравнительный анализ вещественного комплекса и поиски аналогов дали любопытные результаты.

Костяные наконечники гарпунов с выемками для крепления линия и односторонним расположением зубцов встречены в китойских погребениях Глазковского и Китойского могильников, а также в погребениях на поселении Усть-Белая [Гришин, 2000, с. 32; Георгиевская, 1989, с. 48, 98]. Круто срезанные зубцы, нарезки в межзубцовых выемках отмечены у аналогичных изделий со стоянки Кюнкю на р. Амге в бассейне Алдана и Лены (Якутия) [Археологические памятники..., 1983, с. 364]. Наибольшее сходство нако-

нечники гарпунов из мог. 1 обнаруживают с таковыми из погребений могильника кузнецко-алтайской культуры Лебеди-3 на р. Ине в Кемеровской области. У них также одностороннее расположение зубцов и уплощенный отсеченный насад с уступчиками [Бобров, 1990]. Такие же наконечники гарпунов найдены на большемысском поселении Танай-4а в западной части Кузнецкой котловины [Бобров, 1997, с. 141]. Известные по публикации материалов Кузнецкого могильника наконечники гарпунов оснащены двумя противоположными шипами в основании насада [Чернышов, 1953].

Костяная накладка на лук и острие, которое, скорее всего, имеет отношение к системе накладок, представляют большой интерес, поскольку в погребальном инвентаре кузнецко-алтайских могильников они встречены впервые. В Верхнем Приобье аналогичная накладка найдена в могильнике Тузовские Бугры-1, предварительно датированном III – II тыс. до н.э. [Абдулганеев и др., 2000]. В Прибайкалье накладки на лук были распространены в серовское время и встречаются в большей части погребений.

Костяные крючки с “набалдашниками” известны по материалам Верхоленского могильника и считаются характерными для китойских памятников бассейна р. Лены [Окладников, 1978, с. 86 – 87, 100]. Они названы А.П. Окладниковым крючками верхоленского типа.

Вкладышевые костяные клинки из погр. 1 находят аналогии в китойских материалах Восточной Сибири. Эти орудия характерны для китойского погребального инвентаря, формы их стандартны. Например, в мог. 1 и 5 Фофановского могильника было по два таких клинка, в мог. 6 – три [Герасимов, Черных, 1975], аналогичная картина наблюдается и на Верхоленском могильнике [Окладников, 1978, с. 85]. Такие клинки распространены также и на Алтае в могильнике Усть-Иша. Костяной вкладышевый кинжал найден в женском погребении в Каминной пещере [Маркин, 2000]. Вообще традиция изготовления подобных изделий в Западной Сибири своими корнями уходит в палеолитическую эпоху [Генинг, Петрин, 1985, с. 50] и сохраняется до раннего энеолита включительно [Молодин, 2001, с. 51; Молодин, Новиков, 1999].

Маркирующей категорией погребального инвентаря могильников Алтая Солонцы-5 и Усть-Иша являются крупные каменные клинки-бифасы. Как правило, в погребениях они встречаются вместе с костяными вкладышевыми клинками. Подобные каменные клинки найдены в Прибайкалье в отдельных серовских погребениях могильников Серово, Серёдкино, Кежемка, Семёново, Братский Камень [Окладников, 1950, 1975, 1976]. По частоте их встречаемости в погребальном инвентаре близки могильники Кузнецкий и Старое Мусульманское Кладбище. Формы клинков с территории Салаиро-Алтая подразделяются на группы с характерными локальными морфологическими

признаками [Кирюшин, Кунгурова, 1996], а техника изготовления и вторичной обработки этих орудий стереотипные. Клинки нельзя однозначно интерпретировать как производные от серовских. Они, скорее, являются автохтонным атрибутом кузнецко-алтайских могильников. Распространение каменных клинков-бифасов в серовской среде – явление нестабильное, вероятно, дисперсное в едином культурно-хронологическом пространстве.

Каменные стерженьки рыболовных крючков из Солонцов-5 по форме близки стерженькам китойского типа, имеют сквозную прорезь для крепления крючка и выделенные ушки. В Прибайкалье эти изделия являются обязательной принадлежностью китойских могил [Георгиевская, 1989, с. 36, 40, 74]. На Алтае они встречаются лишь в отдельных погребениях. В погребальном инвентаре из Нижнетыткескенской пещеры I их насчитывалось 8 экз. [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 34 – 35]. В мог. 1 могильника Усть-Иша было три стерженька различной длины, как и в погр. 1 Солонцов-5. Не исключено, что в отдельных погребениях Алтая стерженьки выступали в качестве своеобразного символического атрибута.

“Рукояточные утюжки”, подобные солонцовскому, встречены на большемысском поселении Тыткескень-6 [Кирюшин, Кунгуров, 1994, с. 112] и афанасьевском Нижняя Соору [Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998, с. 68 – 69] на Катунь, в Западной Сибири на самусьских поселениях, где рукояти некоторых экземпляров увенчаны зооморфными изображениями [Косарев, 1981, с. 83 – 84, 103], скорее всего, вследствие изменения назначения этих предметов в эпоху бронзы. Орудия аналогичного типа, только сделанные из рога, обнаружены в Оленеостровском могильнике на Кольском п-ове. Они имеют вытянутую форму, округлые в сечении. Их основания косо срезаны и зашлифованы до блеска. Орудия интерпретированы как ложила для разглаживания швов кожаной одежды [Гурина, 1953, с. 371 – 372].

Украшения и острия из зубов животных (см. рис. 5) находят аналогии в могильниках Алтая и Верхнего Приобья, Кузнецкой котловины, Прибайкалья. Однако наиболее широко они представлены в погребениях северных предгорий Алтая и Кузнецкой котловины. Острия из клыков кабарги с зазубринами и нарезками (см. рис. 5, 2 – 6, 16) встречены в погребальном инвентаре из Нижнетыткескенской пещеры I и китойских захоронений [Окладников, 1950, с. 369; Георгиевская, 1989, с. 82, 84]. На отдельных украшениях есть прочерченный рисунок в виде заштрихованных треугольников (см. рис. 5, 1, 4, 5). Геометрическое оформление отмечено на костяных предметах из погребений на поселении Усть-Белая [Георгиевская, 1989, с. 85 – 86], Китойского могильника [Окладников, 1950,

с. 387 – 390] и на игольнике из погр. 612 эпохи раннего металла могильника Сопка 2/3 [Молодин, 2001, с. 77, 79].

Сравнительный морфологический анализ вещей из погр. 1 свидетельствует о их сходстве и даже идентичности с культурно-хронологически близкими изделиями из Кузнецкой котловины и Горного Алтая, китойскими образцами с территории Прибайкалья и бассейна Лены.

Культурно-хронологическая идентификация погребальной практики и вещественного комплекса

Человек, погребенный в мог. 1, скорее всего, имел особый общественный статус в группе населения, проживавшего во второй половине – середине IV тыс. до н.э. на р. Бие, о чем свидетельствует ряд отличий этого погребения от остальных захоронений могильника Солонцы-5: укладывание каменных плит над головой усопшего, захоронение взрослого с маленьким ребенком, помещение в могилу компактных скопленных отщепов и инвентаря, вещей, которые до этого не встречались в неолитических погребениях Алтая (отдельных типов наконечников гарпунов, накладок на лук, костяных составных рыболовных крючков, каменных “рукоятчных утюжков”).

Попытаемся рассмотреть каждый элемент в отдельности.

Захоронение ребенка с мужчиной не характерно для кузнецко-алтайских могильников Усть-Иша, Солонцы-5, Кузнецкого, а также и для могильника Большой Мыс. Эта особенность встречена только в погребениях китойской культуры, например, на могильниках Фофановский и Локомотив [Герасимова, 1992, с. 108]. Для погребального обряда неолитического населения Алтая характерно помещение в могилы детей самого раннего возраста охотничьего оружия (Усть-Иша). В сопроводительном инвентаре 1,5-годовалого ребенка из погр. 1 Солонцов-5 присутствуют кинжал и наконечники стрел. Это может свидетельствовать о том, что уже в таком возрасте ребенок считался потенциальным охотником. Данный элемент обрядности не прослежен на могильнике Большой Мыс, где также имеются детские захоронения.

Помещение в могилу компактных скопленных вещей, отщепов характерно для китойского погребального обряда, в серовских захоронениях такая черта не прослеживается. В ряде погребений китойских могильников фиксируются скопления вещей справа от черепа и на уровне таза, они ассоциируются с “сумочками”, заполненными отщепами и орудиями промыслов [Окладников, 1978, с. 14, 63; Мамонова, Базалийский, 1991, с. 95].

Вещевой комплекс из погр. 1 обнаруживает наибольшее сходство с сопроводительным инвентарем из захоронений Горного Алтая, Кузнецкой котловины, что, несомненно, свидетельствует о близости культурных традиций. Для данной территории самыми распространенными предметами в погребальном инвентаре являются крупные каменные и костяные вкладышевые клинки. Комплекс объединяющих памятники признаков также включает: наконечники гарпунов с односторонним расположением зубцов, каменные рыболовные стерженьки с серединным пропилом и выделенными ушками, богатый набор украшений одежды, изготовленных из зубов животных и кости. Вместе с тем инвентарь из мог. 1 выделяет это погребение среди других на могильнике Солонцы-5 и из всех известных до сих пор захоронений кузнецко-алтайской культуры. В нем более всего выражены признаки сходства с китойскими материалами. Это сходство указывает на участие неолитической культуры Восточной Сибири в формировании кузнецко-алтайской культуры. Наличие наряду с аналогичными китойским костяными вкладышевыми клинками, крючками “верхоленского типа” близких, но не идентичных китойским форм каменных стерженьков, костяных наконечников гарпунов может свидетельствовать о культурной трансформации.

По мере удаления от Салаиро-Алтая в северо-западном направлении (Барнаульское Приобье, Барабинская лесостепь) в материалах неолитических могильников обнаруживается все меньше сходства с погребальным обрядом населения северных предгорий Алтая эпохи неолита. Различия в первую очередь проявляются в ориентации погребенных относительно сторон света, инвентаре и украшениях [Молодин, 2001; Полосьмак, Чикишева, Балугева, 1989]. Отдельные признаки сходства с материалами Оленеостровского могильника Карелии могут свидетельствовать как о формировании культур на общей основе, так и о их конвергентном развитии [Молодин, 2001, с. 23].

Во второй половине IV тыс. до н.э. имели место события, которые привели к миграции носителей китойской культуры и смене данного населения новым “серовско-глазовским сообществом”. Усложнение ситуации с промысловыми ресурсами – основным источником питания – неизбежно вело к изменению социальных отношений, инфильтрации групп населения из Байкальского региона в соседние области с близкими природно-ландшафтными условиями. Вероятно, смешанные и трансформированные компоненты культур мигрантов вошли в культуру Саяно-Алтая. Сравнительный анализ материалов погр. 1 Солонцов-5 показал наличие генетических связей культуры населения, оставившего этот могильник,

с китайской. Палеоантропологический же материал Алтая свидетельствует не о китайском, а о серовском (групп бассейна Лены) влиянии, что подтверждают и некоторые аналогии вещей.

Хронологические аспекты

Согласно радиоуглеродным датам, в некоторых районах (например, в Приольхонье) китайская культура доживает до III тыс. до н.э., а самые ранние серовские памятники датируются концом IV тыс. до н.э., что означает сосуществование разнокультурных групп населения. А.К. Конопацкий приводит даты наиболее поздних китайских погребений Ольхона, среди которых есть захоронения моложе серовских на 210 и 35 лет [Конопацкий, 1982, с. 73 – 74, 77 – 78]. В погребальном обряде и инвентаре погр. 2 на Шаманском мысе наблюдается сочетание серовских и китайских черт [Горюнова, Хлобыстин, 1992, с. 45]. Исследователи приходят к выводу о проникновении в Приольхонье части китайского населения, что привело к культурной гибридизации. Измененные и сохраненные формы изделий, элементы обряда вошли в неолитическую культуру Салаиро-Алтая, поликомпонентную в своей основе.

На основе радиоуглеродного анализа костей из погребений могильника Солонцы-5 получены даты $5\,325 \pm 45$ л.н. (СОАН-4628) – $3\,375 \pm 45$ л. до н.э.; $5\,485 \pm 85$ (СОАН-4627) – $3\,535 \pm 85$ л. до н.э.; $5\,740 \pm 110$ (СОАН-4946) – $3\,790 \pm 110$ л. до н.э.; $5\,810 \pm 110$ (СОАН-4947) – $3\,860 \pm 110$ л. до н.э. (для погр. 3 с погребенным в скорченном положении), соответствующие середине – концу IV тыс. до н.э. Они близки данным радиоуглеродного датирования захоронения в Нижнетыткескенской пещере I, которые укладываются в интервал с $5\,440 \pm 105$ по $5\,075 \pm 35$ л.н. (3250 – 3350 г. до н.э.) [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995, с. 42]. Все эти даты согласуются с поздним этапом китайской культуры в Прибайкалье, а точнее, с периодом миграции китайцев и началом серовского этапа [Мамонова, Сулержицкий, 1986; Конопацкий, 1982; Гришин, 2000].

Рассмотренные материалы могильника Солонцы-5 демонстрируют основы формирования кузнецко-алтайской культуры и предоставляют новые факты для решения проблемы трансформации китайской культуры.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачёв Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры-I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 206 – 210.

Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олёкмы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.

Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1990. – С. 19 – 33.

Бобров В.В. Исследования поселения Танай-4а и некоторые проблемы западно-сибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 138 – 144.

Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 17 – 35.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – 89 с.

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152 с.

Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23 – 48.

Герасимова М.М. Черепа Фофановского могильника (р. Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 97 – 111.

Горюнова О.Н., Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – С. 41 – 56.

Гришин Ю.С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Изд-во ИА РАН, 2000. – 128 с.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 347 – 407. – (МИА; № 39).

Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19 – 46.

Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы: Антропологический очерк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. – 260 с.

Ким А.Р., Чикишева Т.А. Погребение из Нижнетыткескенской пещеры I – первая доафанасьевская могила на территории Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 95 – 117.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескен-6 на Катунь // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 111 – 123.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – 152 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд

древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 5 – 10.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 117 с.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 172 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Кунгурова Н.Ю., Чикишева Т.А. Результаты исследования неолитического могильника Солонцы-5 на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭт СО РАН 2002 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 121 – 129.

Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Поселение афанасьевской культуры Нижняя Соору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 67 – 72.

Мамонова Н.Н., Базалийский В.И. Могильник “Локомотив”: Некоторые биологические и демографические особенности населения китойской культуры (по материалам раскопок 1980 – 1984 годов) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 93 – 109.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: Итоги и перспективы: Тез. докл. конф., 13 – 15 окт. 1986 г. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – С. 15 – 20.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2(2). – С. 53 – 64.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных компонентов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 36 – 57.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Исследования в Северо-Западной Барабе // Археологические открытия 1997 г. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 292 – 294.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на средней Таре // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 66 – 98.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 411 с. – (МИА; № 43).

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангары (от устья Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 320 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники нижней Ангары (от Серово до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 327 с.

Окладников А.П. Верхотенский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 288 с.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 11 – 21.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.А. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Чернышов Н.А. Кузнецкий неолитический могильник // Палеолит и неолит СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 336 – 346. – (МИА; № 39).

Чикишева Т.В. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита – бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1(1). – С. 139 – 148.

Материал поступил в редколлегию 11.10.02 г.

Д.Л. Бродянский, В.А. Раков

Дальневосточный государственный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: vokar@mail.primorye.ru

ДРЕВНЕЙШИЕ ЛОДКИ И МОРЕХОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПАЦИФИКИ*

Введение

На XIV Тихоокеанском научном конгрессе выдвигались предположения о верхнепалеолитическом (40 – 35 тыс. л.н.) происхождении морской адаптации, мореходных судов и навигационных познаний у населения Тихоокеанского побережья Аляски и Канады и морских миграциях вдоль западного побережья Тихого океана из южных районов – от Японии и Китая [Айгнер, 1979; Флэдмарк, 1979]. В капитальной сводке П. Беллвуда [Беллвуд, 1986] убедительно показано, что заселение Океании, ее самых удаленных островов (Новая Зеландия, о-в Пасхи), происхождение аустронезийских языков, генезис культур меланезийцев, микронезийцев, полинезийцев связаны с материковой Юго-Восточной Азией, с ее палеолитическими и мезолитическими культурами. Оба направления миграций – северное, вплоть до полярных районов, и восточное, преимущественно в тропическом поясе, – требовали от человека развития судостроения и навыков навигации и привели к созданию целого спектра мореходных судов. Высшими достижениями древних судостроителей стали байдарки-каяки, байдары на севере и лодки с аутригером, катамараны, многоместные каноэ на юге. Байдарки-каяки у алеутов были одно- и двухключными [Ляпунова, 1975, с. 90]. В XVIII в. появились байдарки-тройки. Одиночка была основной промысловой лодкой, двойка – учебной и промысловой. Открытая байдара на шесть – восемь гребцов у алеутов в основном использовалась как транспортное судно, у эскимосов и береговых чукчей

байдара была главным судном при охоте на китов и моржей [Арутюнов, Сергеев, 1969, с. 127; Богораз, 1991, с. 65 – 73, табл. XI]. На таких судах ходили на сотни миль в любую погоду, ориентировались в тумане по полету птиц и течениям. При сильной волне по бортам крепили поплавки из нерпичьих шкур или желудка сивуча, которые обеспечивали плавучесть, даже если лодка наполнялась водой. В непромокаемой одежде, с затянутым герметично люком байдарки алеут и эскимос могли одним движением поставить перевернувшуюся лодку на киль и продолжать плавание. Течь умели заделать на плаву.

Весла были двухлопастные, гребсти случалось до 20 ч. кряду. Шли со скоростью 4 – 5 узлов [Ляпунова, 1975, с. 93 – 101]. Алеутская байдарка-одиночка была длиной до 6 м. Деревянный решетчатый каркас набирали из легких прочных планок, вставляли костяные пластины-амортизаторы, форштевень делали раздвоенным по вертикали – с выступом-волнорезом внизу, корма была косо срезана. В.С. Лафлин назвал байдарку “инженерным триумфом алеутов”. Эскимосы делали корму каяков острой: теряли в скорости, но зато между льдин можно было дать задний ход. Каркас связывали волокнами китового уса, обтягивали шкурой лахтака, реже – нерпичьей, для больших байдар использовали расщепленную моржовую шкуру. Сшивали сухожилиями, швы промазывали жиром. Обшивку ежегодно меняли, следили за ее сохранностью, на нос байдары одевали специальный предохранительный чехол [Арутюнов, Сергеев, 1969, с. 113, 127]. На таких суденышках охотились на 150-тонных гренландских китов.

Первые обитатели Полинезии, по П. Беллвуду [1986, с. 324 – 326], появились на о-ве Тонга в середине II тыс. до н.э., в последующие 2 тыс. лет их по-

* Авторы благодарят Л.П. Ходзевич за рисунки, С.В. Батаршева, А.А. Крупянку, О.Л. Мореву, А.Н. Попову за помощь в сборе материалов.

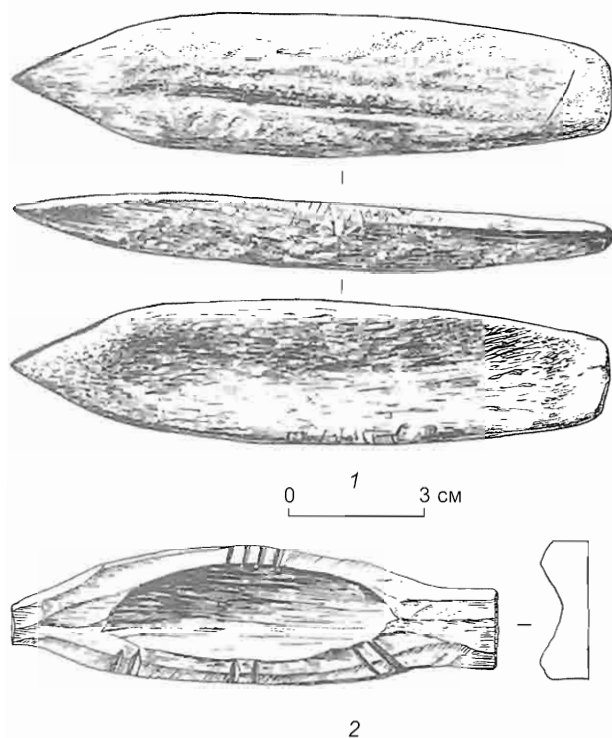

Рис. 1. Модель лодки (рог) из погр. 7 второго могильника Бойсмана II (1) и лодка-рыбка (дерево) для "кормления" Хозяина рыб с нижнего Амура (по А.Ф. Старцеву) (2).

томки заселили огромный треугольник, вершины которого составляют Гавайи, о-в Пасхи и Новая Зеландия. Балансир, придававший лодке устойчивость, был важнейшим изобретением, предшествовавшим освоению Океании. Наиболее совершенные в Океании суда строили в Микронезии. У микронезийских лодок нос не отличался от кормы. Треугольный парус наклоняли то в одну, то в другую сторону, поворачивая его вокруг мачты, по скорости и маневренности эти лодки не имели себе равных. Самыми грузоподъемными были двухкорпусные фиджийские друа, которые могли взять на борт до 200 чел. Корпуса были разными по длине, треугольный парус позволял менять направление хода на противоположное, не разворачиваясь. На о-вах Общества были двойные лодки длиной до 30 м, нос и корма, украшенные резьбой, возвышались до 8 м. Дж. Кук в 1774 г. видел на Таити флот из 160 гребных катамаранов и 170 грузовых парусных лодок, на судах этого флота находилось 7 760 чел. [Там же, с. 326]. Обширная литература, привлеченная П. Беллвудом, не содержит сведений об истоках океанийского судостроения, лишь признает его азиатское происхождение.

Древнейшая навигация аборигенов существовала задолго до появления в Тихом океане европейцев, и уникальные методы проложения курса в открытом

море без применения технических средств описаны в работе Д. Льюиса [Льюис, 1995]. Первые навигационные карты появились в ханском Китае в первой половине II в. до н.э. [Крюков и др., 1983, с. 40–41]. Как на побережье, так и в океане миграционные процессы в позднем неолите и раннем железном веке происходили целенаправленно.

Новые материалы

Авторы в материалах археологических памятников Приморья, Сахалина и других территорий на побережьях Японского и Охотского морей обнаружили ряд новых сведений, полезных для воссоздания истории судостроения и навигации в северо-западной части Тихого океана. В первую очередь, это материалы из Бойсмана II – уникального памятника на берегу бухты Бойсмана (залив Петра Великого, Японское море). В полутораметровой пачке слоев нижнего из трех культурных горизонтов Бойсмана II обнаружены отложения раковин (раковинные кучи), преимущественно из створок *Crassostrea gigas*, два могильника и два жилища. Рядом в устье р. Рязановки сохранились устричники, из которых и были добыты, а точнее, выращены, культивированы тонны тихоокеанских устриц, – древнейшие на сегодня свидетельства аквакультуры (6 500 – 4 800 л.н.). В сезонном лагере на берегу лагуны селились люди, промышлявшие ларгу, котика, сивуча и временами серого кита, ловившие в огромном количестве пелингаса и еще 15 видов рыб, охотившиеся на оленей, косуль, кабанов. Из домашних животных у них была, по крайней мере, собака.

В двух могильниках погребены арктические монголоиды [Попов и др., 1997]. Черепа с искусственной деформацией, поворотные гарпуны, украшения для губ – лабретки, образы Ворона, Хозяйки моря – персонажей берингийской мифологии [Мелетинский, 1979], запечатленные в искусстве, – все это подтверждает связь бойсманских могильников с генезисом северян – чукчей и эскимосов. Тем интереснее открытие моделей лодок в погребальном инвентаре бойсманцев.

Первая модель найдена в комплексе вторичного погребения № 7 второго могильника, возле скопления камней, на которых размещались фрагменты человеческого скелета: коленная чашечка, фаланги пальцев. Модель лодки-долбенки (рис. 1, 1) вырезана из расщепленного оленьего рога, снаружи отшлифована, размеры 130 × 31 (по миделю) × 11 мм. Нос острый, корма прямо срезанная, днище слабовыпуклое (плоскодонка), кокпит неглубокий – 85 × 20 × 5 мм. Ширина и высота бортов 4 мм. На носу и корме небольшие площадки.

Вторая модель была найдена еще в 1992 г. при раскопках первого могильника (групповое погребение № 3), но идентифицирована как изображение лодки

С.В. Батаршевым только после определения первой модели. Она также вырезана из оленьего рога (рис. 2, 1), размеры $121 \times 20 \times 11$ мм, нос и корма подшлифованы. Изображена долбленка с острым носом, слегка зауженной, прямо срезанной кормой. Размеры кокпита $100 \times 10 \times 7$ мм.

Если первая модель воспроизводит мелкосидящую и относительно широкую лодку для плавания по лагуне и реке, то вторая – узкий быстроходный каяк с более глубоким кокпитом и высоким бортом, на такой лодке бойсманцы могли выходить в море к близлежащим островам с их птичьими базарами, к лежбищам ларги, плавать вдоль побережья и совершать достаточно длительные переходы. В погр. 7 второго могильника найден также вырезанный из рога предмет, отдаленно напоминающий двухлопастное весло: один конец оформлен как голова змеи, другой – рыбы, посередине сужение. Впрочем, нельзя исключить и использование однолопастных весел-гребков.

Кроме моделей в Бойсмана II найдены и своеобразные символы лодок, изготовленные из ребер кита (рис. 3, 1; 4), всего таких предметов в погр. 7 второго могильника найдено три, в двух случаях внешний абрис глубоководной лодки сочетается с изображением животных: медведя, кабана, кита. На периферии того же погребения в прокаленной полосе, пересекающей весь второй могильник, был положен массивный лодкообразный камень – блок пермского песчаника, $423 \times 145 \times 115$ мм. На верхней широкой плоскости выскоблены девять ямок, на узких (подшлифованных) – по две, диаметр ямок 3 – 8 мм.

Очевидно, что лодки, как и в целом занятия, связанные с морем, играли в жизни и погребальном обряде бойсманцев заметную роль. Цепь памятников с типологически близкой бойсманцам керамикой тянется вдоль всего восточного побережья Корейского полуострова. На юге этого побережья вблизи залива Ульсан на скале в Бангу-Де в неолите (примерно в то же время, когда существовала бойсманская культура) были выбиты изображения акул, дельфинов, косаток, китов, рыб с точными видовыми признаками морских животных. Есть сцена охоты на кита: в лодке с приподнятыми носом и кормой, кроме гарпунера, еще 18 чел. [Hwang et al., 1984]. В неолите Северной Японии открыты древнейшие поворотные гарпуны, в позднем дзёмоне они достигают сложности алеутских [Окладников и др., 1980, с. 72 – 74]. Южнее, в районе Канто обнаружены сохранившиеся неолитические деревянные долбленки типа бата, с округлыми носом и кормой, с низкими бортами, длиной 6 – 8 м. Весла лопатообразные, с короткой ручкой, длина до 1,2 м [Там же, с. 75]. Деревянные весла известны также в древнекитайской культуре лянчжу, существовавшей около 4 – 4,5 тыс. л.н. [Крюков и др., 1978, с. 266].

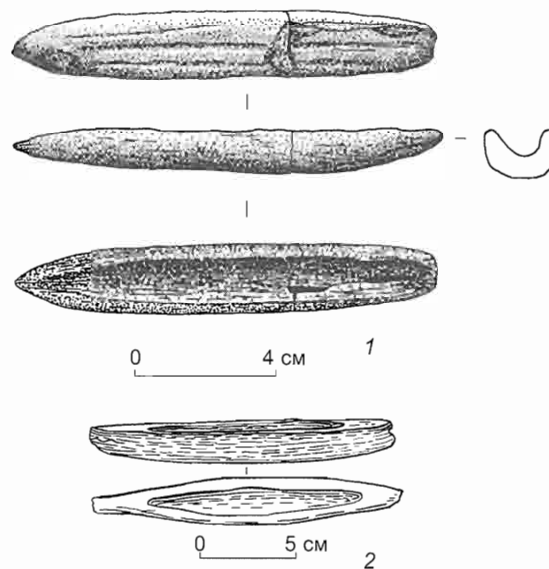

Рис. 2. Модели лодок (рог) с первого могильника Бойсмана II (1) и из Сиреников (2) (по: [Диков, 1977]).

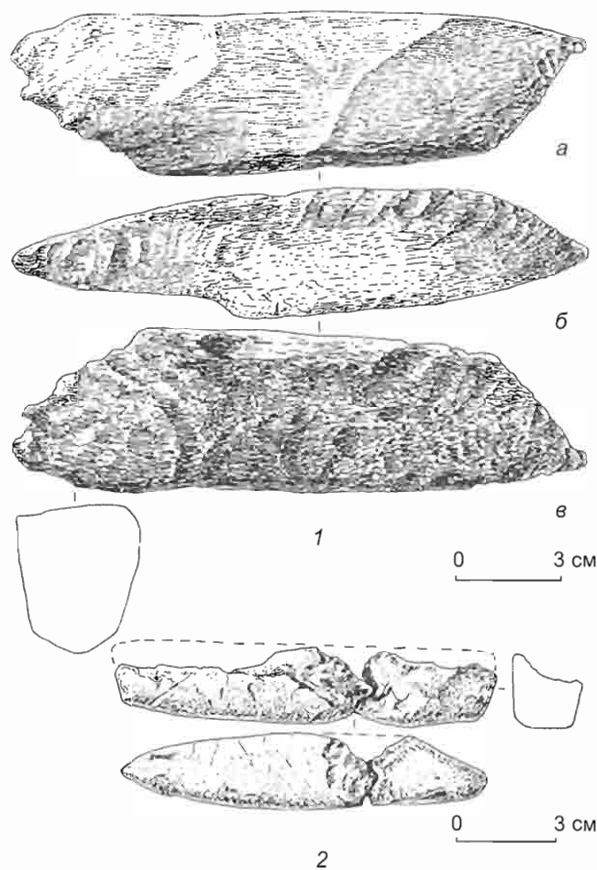

Рис. 3. Полиэikonическая фигура из кости кита из Бойсмана II (1) и модель лодки (керамика) с поселения Гася (Сакачи-Алян) (2) (по: [Деревянко, Медведев, 1993]). а – лодка, б – кит, в – медведь (слева) и кабан (справа).

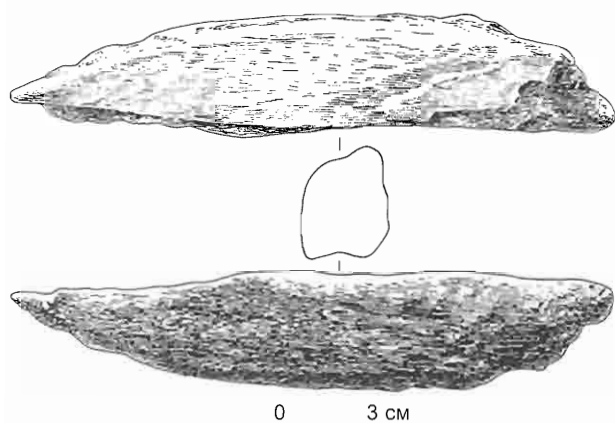

Рис. 4. Изделие из кости кита: верх – кит, низ – лодка. Бойсмана II.

Накопленные сейчас материалы по неолиту стран Японского моря свидетельствуют о том, что в период голоценового оптимума, с VI тыс. до н.э. в этом районе Тихоокеанского побережья развивались культуры морских охотников, рыболовов, по крайней мере часть из них занимались аквакультурой – контролируемым человеком воспроизводством моллюсков. Свидетельства судостроения, отраженные в наскальных рисунках [Окладников, 1971; Hwang et al., 1984] и моделях [Деревянко, Медведев, 1993, рис. 52, 7], существенно дополненные бойсманскими находками, лишь приближают нас к пониманию глубины и уровня этой сферы культуры, достигнутых в каменном веке.

Проделанный недавно одним из соавторов [Раков, 2001] анализ материалов из заливов Терпения на Сахалине [Федорчук, 1998], Чихачева и Совгавани в Хабаровском крае показал, что в неолите были успешно осуществлены опыты интродукции, акклиматизации и культивирования хоккайдской расы тихоокеанских устриц далеко на севере, куда естественным путем личинки устриц проникнуть не могли. Возможные возражения относительно более теплых климата и воды в голоценовом оптимуме снимаются данными палеогеографического анализа [Микишин, Гвоздева, 1996]. Карта течений (рис. 5) свидетельствует, что только люди в лодках, может быть, типа, переданного во второй бойсманской модели (см. рис. 2, 1), могли перевезти и поселить устриц в цепи хорошо прогреваемых лагун и озер на Сахалине и побережье Татарского пролива.

При дальних переходах на лодках вдоль берегов древние люди, несомненно, использовали общее направление морских течений, скорость которых часто превышает 1 м/с. Например, продвижение на лодках на север вдоль открытого побережья Приморья практически невозможно из-за мощного Приморского течения. В то же время плавание на север вдоль запад-

ных берегов Японских островов облегчает Цусимское течение. В Татарском проливе за счет циклонического течения Шренка удобнее передвигаться на лодках на север вдоль побережья Сахалина, пересекать пролив в западном направлении на севере, а в восточном – на юге (см. рис. 5). Поэтому знание этих течений позволяло в древности довольно легко совершать морские переходы с Сахалина на материк и обратно.

Морские течения, очевидно, не только способствовали, но и ограничивали распространение приморских культур. Например, мощное течение Соя проходит лишь вдоль северного побережья Хоккайдо с запада на восток, соединяя Южный Сахалин и Южные Курилы.

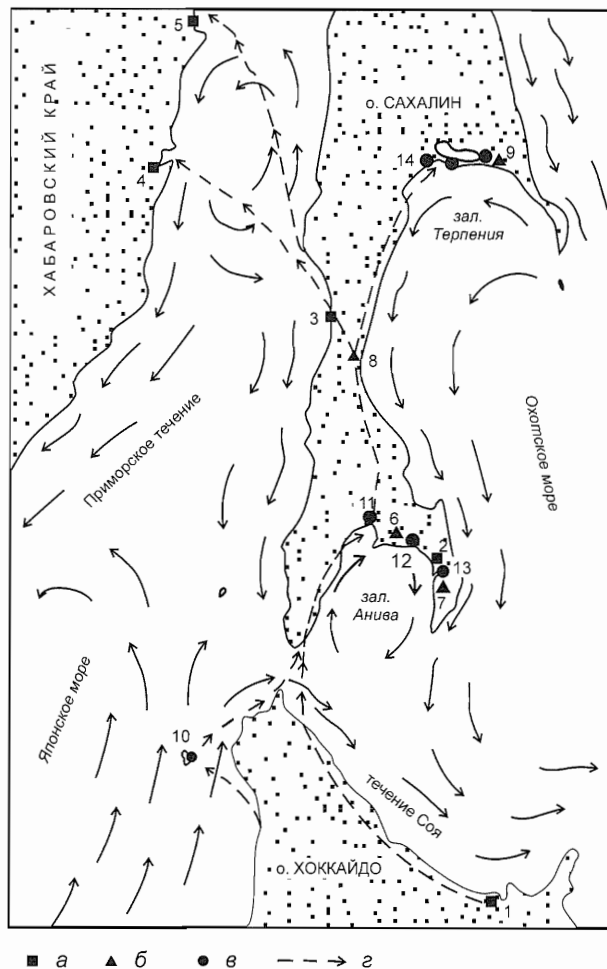

Рис. 5. Карта-схема распространения устриц *Crassostrea gigas* и современных течений.

a – современные устричники: 1 – оз. Сарома, 2 – лаг. Буссе, 3 – западное побережье, 4 – зал. Советская гавань, 5 – зал. Чихачева; *б* – устрицы в голоценовых отложениях: 6 – р. Меря, 7 – р. Игри-вая, 8 – р. Мануй, 9 – зал. Терпения; *в* – стоянки с раковинными кучами: 10 – Фунадомари, 11 – Сусуйская, 12 – Озерск, 13 – Анфельдиево-2, 14 – оз. Невское; *z* – возможные пути интродукции устриц.

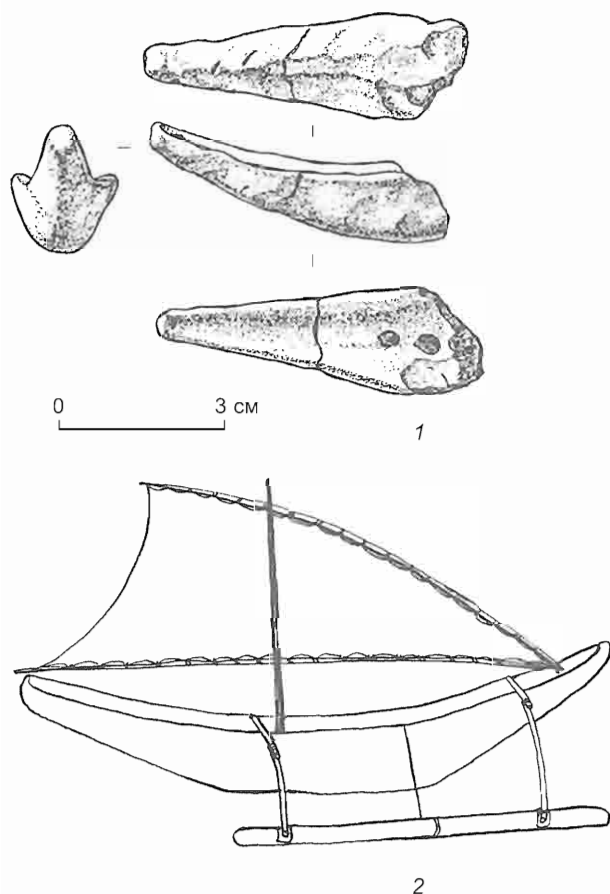

Рис. 6. Модель лодки (керамика) из бухты Теляковского (1) и реконструкция такой лодки, типа индонезийской прао (2) (по: [Бродянский, Крупяно, 2001]).

Поэтому некоторые культуры позднего неолита и палеометалла (например, охотская) получили распространение только в пределах этого региона. Несомненно, что вместе с человеком были перевезены на лодках и некоторые одомашненные животные (собака, свинья и др.), культурные растения, водные организмы. Особенно это касается жизненно необходимых пищевых объектов. На Хоккайдо и всем Японском архипелаге в неолите существовала аквакультура.

Еще одна модель лодки найдена Д.Л. Бродяским и А.А. Крупяно в бухте Теляковского (Уссурийский залив, Японское море) [Бродянский, Крупяно, 2001], в слое, относящемся к янковской культуре раннего железного века (VIII – I вв. до н.э.). Сохранилась половинка керамической модели длиной 55 мм (рис. 6, 1). Судя по всему, изделие сломано посередине, а возвышения носа и кормы симметричны. Лодочка имела длину 110 мм, ширину по миделю 18 мм, высоту борта 12 мм, возвышение носа и кормы 24 мм. В днище вдоль продольной оси лодки сделаны две ямки диаметром по 2 мм – гнезда для мачты или балансира

либо для мачты и балансира. Отсутствие на модели следов наборного корпуса позволяет предположить, что изображена лодка-долбленка типа индонезийского прао (рис. 7, 9, 11).

Размеры долбленок определяли диаметр и длина ствола дерева. Найденные в Европе древние долбленки из дуба имели ширину 85 – 86 см, длину до 8 м [Савватеев, 1983, с. 187]. Отлично сохранившаяся костяная модель лодки-долбленки из древнеберингоморской землянки в Сирениках на Чукотке [Диков, 1977, табл. 129, 4] имеет отношение ширины к длине 1:7, а высоты к длине 1:11 (см. рис. 2, 2). На долбленках плавали по Амуру и выходили в море нивхи и ульчи [Прокофьев, Павлюченко, 1995], но нос и корма у этих лодок также не были высоко приподняты.

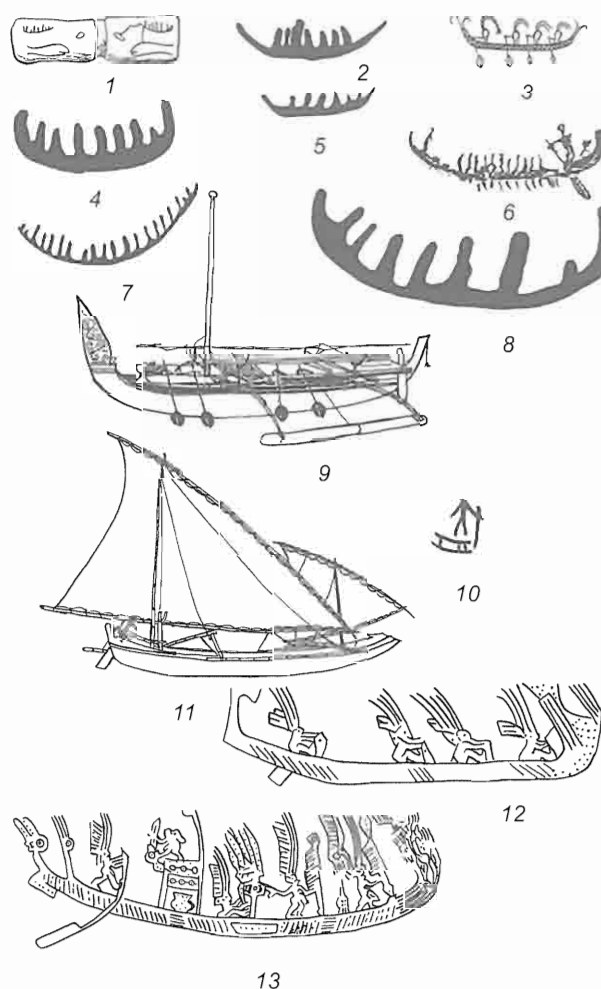

Рис. 7. Лодки Восточной и Юго-Восточной Азии.

1 – рисунок на костяном игольнике с поселения Невельского, охотская культура, Сахалин; 2, 4, 5, 7, 8 – амурские петроглифы: 2, 5, 8 – Калиновка, 4 – Сакачи-Алян, 7 – Шереметьевское; 3, 6 – рисунки на керамике и бронзовых колоколах культуры яёй, Япония; 9, 11 – индонезийская прао; 10 – иньский иероглиф “гребти” (по: [Крюков и др., 1978]); 12, 13 – изображения на бронзовых барабанах, Южный Китай.

В то же время лодки на амурских петроглифах в большинстве своем показаны с высоко и симметрично приподнятыми носом и кормой (рис. 7, 2, 4, 5, 7, 8) [Окладников, 1971]. Такая же лодка в сценах охоты на кита, выгравированных на костяных игольниках охотской культуры с поселения Невельского на Сахалине (рис. 7, 1) [Васильевский, Голубев, 1976, табл. LVIII, 6] и со стоянки Немуро на Хоккайдо [Голубев, Прокофьев, 1976, рис. 1, 1]. Похожие лодки изображены на керамике и бронзовых колоколах – дотаку культуры яёй (рис. 7, 3, 6) [Art..., 1999, с. 187, рис. 2, 3]. Почти вертикально вздымаются нос и корма у лодок, изображенных на барабанах Южного Китая [Вэнь Ю, 1954] и Юго-Восточной Азии (рис. 7, 12, 13). Все эти культуры синхронны или близки по времени янковской культуры. Каное с высокими носом и кормой делали в Полинезии [Те Ранги Хироа, 1959; Беллвуд, 1986], такое же каное видел И.Г. Вознесенский у индейцев Русской Америки в 1843 – 1845 гг. [Путешествия..., 1956, с. 377].

Кроме долбленок и лодок с наборным корпусом в Евразии известны легкие лодки-берестянки. А.П. Окладников описал модель такой лодки, найденную на Амуре [1968]. Высказывалась мысль о возможной связи берестянок и кожаных каяков, но вопрос: кто у кого заимствовал идею или эти типы судов возникли конвергентно – пока остается открытым.

Замечательной деталью янковской модели являются два гнезда в днище для крепления оснастки. Неизвестно, были ли на утраченной части модели ямки и, если были, одна или две? Возможные варианты: 1) гнезда для мачты, передвигавшейся в зависимости от направления и силы ветра; 2) одно гнездо для мачты, другое – для балансира; 3) оба гнезда – для крепления балансира. Предложенная Д.Л. Бродяским и А.А. Крупянко [2001] реконструкция (см. рис. 6, 2) сделана по второму варианту, за основу взята индонезийская прао (рис. 7, 11). Южные происхождение и связи янковцев общепризнанны, и модель из бухты Теляковского вполне может быть генетически связана с Юго-Восточной Азией.

Лодки с балансирами изображены на древних иньских иероглифических знаках. Например, иероглиф “грести” – изображение человека с веслом, стоящего на изогнутой лодке с балансирами и тремя поперечными креплениями (рис. 7, 10) [Крюков и др., 1978, рис. 29, 15].

Отметим, что керамические модели лодок известны по материалам разных археологических культур Восточной Азии. Так, в одном из погребений эпохи Хань близ г. Гуанчжоу (Китай) обнаружена глиняная модель лодки рядом с моделью заливного рисового поля, на котором работают крестьяне [Крюков и др., 1983, рис. 21]. Это яркий пример использова-

ния лодок в древней аквакультуре – рыбоводстве на рисовых полях. Иногда керамические сосуды изготавливали в форме ладьи на высоком поддоне. Например, такая модель ладьи известна в искусстве Кореи V – VI вв. [Глухарева, 1982, ил. 56].

Заключение

Бойсманская культура – предтеча северных культур, янковская – северное крыло южных, и в той и в другой очевидна морская адаптация, дополненная у янковцев земледелием, животноводством, морской аквакультурой. Первые археологические свидетельства древнего судостроения в Приморье прекрасно согласуются с морскими отраслями экономики.

У всех коренных народов Дальнего Востока существует устойчивая традиция изготовления деревянных моделей лодок [Прокофьев, Павлюченко, 1995; Пономаренко, 2000; Гончарова, 2001], использующихся в ритуалах и быту. Находки в Приморье – древнейшие на сегодня свидетельства глубокой древности этой традиции. Не исключено, что модели, сделанные опытными судостроителями, служили также наглядными образцами при изготовлении лодок. Пример такой модели строящегося судна и ската для его спуска на воду известен у чжурчжэней (государство Цзинь) [Воробьев, 1983, с. 69].

Гипотезы, высказанные на XIV Тихоокеанском конгрессе в 1979 г. в Хабаровске, пока не подкреплены археологическими находками. Косвенно о палеолитическом возрасте судостроения свидетельствуют раннее появление шлифованных деревообрабатывающих орудий в Японии, фигурки тюленей и лососей в палеолитических материалах Приморья, геоглифы, изображающие кита, рыб, на Камчатке и в Корее и ряд других аргументов в пользу верхнепалеолитических корней морской адаптации. В неолите “морские” культуры – реальность, и Бойсмана II – тому убедительное доказательство, а северные устричники свидетельствуют о высочайшем уровне “морских” неолитических культур.

Список литературы

- Айгнер Дж.С.** Значение доберингийских прибрежно-морских адаптаций для понимания истории заселения Нового Света // XIV Тихоокеанский научный конгресс: Тез. докл. – М., 1979. – Т. 2. – С. 180.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – 208 с.
- Беллвуд П.** Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. – М.: Наука, 1986. – 542 с.
- Богораз В.Г.** Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

- Бродянский Д.Л., Крупяно А.А.** Модель янковской лодки из бухты Теляковского // Вестн. ДВО РАН. – 2001. – № 3. – С. 68 – 73.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А.** Древние поселения на Сахалине: Сусуйская стоянка. – Новосибирск: Наука, 1976. – 272 с.
- Воробьев М.В.** Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). – М.: Наука, 1983. – 368 с.
- Вэнь Ю.** Гу тун лу [Рисунки и надписи на древних бронзовых барабанах]. – Шанхай: Шанхайская издательская компания, 1954. – 135 с.; 1 вкл. (на кит. яз.).
- Глухарева О.Н.** Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. – М.: Искусство, 1982. – 256 с.
- Голубев В.А., Прокофьев М.М.** Изображения животных и рыб в искусстве охотской культуры // Первобытное искусство. – М.: Наука, 1976. – С. 116 – 120.
- Гончарова С.В.** Традиционные водные средства передвижения народов северо-востока Азии конца XIX – начала XX века (по материалам фондов Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова) // Вестн. Сахалинского музея. – Ю.-Сахалинск, 2001. – № 8. – С. 228 – 239.
- Деревянко А.П., Медведев В.Е.** Исследование поселения Гася (предварительные результаты, 1980). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – 110 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 392 с.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы в эпоху централизованных империй. – М.: Наука, 1983. – 416 с.
- Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.** Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978. – 343 с.
- Льюис Д.** Мы – навигаторы: древнейшее искусство открытия новых земель в Тихом океане. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1995. – 152 с.
- Ляпунова Р.Г.** Очерки по этнографии алеутов. – Л.: Наука, 1975. – 200 с.
- Мелетинский Е.М.** Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 230 с.
- Микишин Ю.А., Гвоздева И.Г.** Развитие природы юго-восточной части острова Сахалин в голоцене. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. – 130 с.
- Окладников А.П.** Тунгусо-маньчжурская проблема в археологии // История СССР. – 1968. – № 6. – С. 25 – 42.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.
- Окладников А.П., Бродянский Д.Л., Чан Су Бу.** Тихоокеанская археология: Учебн. пособие. – Владивосток: Дальневост. ун-т, 1980. – 104 с.
- Пономаренко А.К.** Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Б.и., 2000. – 312 с.
- Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г.** Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.
- Прокофьев М.М., Павлюченко Ю.Н.** Водный транспорт аборигенов Сахалина // Вестн. Сахалинского музея. – 1995. – № 2. – С. 243 – 257.
- Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842 – 1844 гг.** – М.: Географгиз, 1956. – 455 с.
- Раков В.А.** Устрицы *Crassostrea gigas* из раковинных куч Южного Сахалина: интродукция, акклиматизация, аквакультура // Произведения искусства и другие древности из памятников Тихоокеанского региона – от Китая до Гондураса. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 25 – 36.
- Савватеев Ю.А.** Наскальные рисунки Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 216 с.
- Те Ранги Хироа (П. Бак).** Мореплаватели солнечного восхода. – М.: Географгиз, 1959. – 254 с.
- Федорчук В.Д.** Керамика поселений с раковинными кучами с северного побережья залива Терпения // Вестн. Сахалинского музея. – 1998. – № 5. – С. 143 – 162.
- Флэдмарк К.Р.** Ранний человек в море // XIV Тихоокеанский научный конгресс: Тез. докл. – М., 1979. – Т. 2. – С. 216.
- Art of Bronze Bells in Early Japan / Eds. Makoto Sahara, Hideji Harunari.** – Tokyo: National Museum of Japanese History and the Mainichi Newspapers, 1999. – 264 p. (на яп. и англ. яз.).
- Hwang, Su Young, Moon, Myung Dae.** Ban-Gu Dae Rock Picture in Ul-Ju. – Seoul: Dongguk University, 1984. – 265 p. (на кор. и англ. яз.).

Материал поступил в редколлегию 20.11.02 г.

ТОРГАЖАКСКИЕ ГАЛЬКИ (основные аспекты изучения, интерпретация)

Введение

Поселение Торгажак расположено на юге Минусинской котловины в 2,5 км южнее улуса Полтаков (Аскизский р-н Республики Хакасия) на левом берегу р. Теи (рис. 1 – 3). Раскопки поселения проводились в 1988 – 1989 гг., частичное исследование – в 1990 – 1991 гг. Общая вскрытая площадь составляет более 1 300 м². В настоящее время это одно из наиболее крупных поселений эпохи бронзы на территории Южной Сибири. Все материалы поселения Торгажак опубликованы [Савинов, 1996].

Основной комплекс сооружений Торгажака включает пять расположенных П-образно крупных наземных построек прямоугольной и подквадратной формы с “площадью” посередине, открытой на восток. Размеры жилищ от 8,4 × 10,5 до 14,2 × 18,4 м. Жилища 3 – 5 были соединены узкими переходами, жилища 2, 3 имели специальным образом оформленные выходы на “площадь”. В основании жилищ находился неглубокий (около 0,5 м) котлован. В стенках жилищ 1, 3 были сделаны глубокие ниши. Все постройки каркасно-столбового типа, с четырьмя или шестью опорными столбами, ограничивающими центральную часть сооружения. Судя по отдельным хорошо сохранившимся участкам (жилище 5), по стенам были установлены деревянные нары. В 35 м к востоку от “площади” по той же оси раскопано еще два сооружения меньших размеров (жилища 6, 7), каким-то образом связанные с основным комплексом построек Торгажака (рис. 4 – 7).

Поселение погибло в результате пожара; при этом обитатели успели унести наиболее ценные (бронзовые?)

вещи. Три массивных бронзовых серпа (жилище 1) были найдены только потому, что их спрятали (в одной связке?) за “притолоку”. Жилище 3 сгорело полностью; в остальных в той или иной степени сохранились остатки деревянных конструкций (стен, покрытия, каких-то внутренних перегородок), “спрессованные” на дне котлованов. Судя по длине сохранившихся жердей перекрытия, высота наземной части сооружений составляла около 3,5 м. По конструкции жилища Торгажака очень напоминают якутские балаганы – *дыиз*, один из наиболее древних видов якутского жилища [Савинов, 1998]. М.А. Дэвлет удачно сравнила планы этих жилищ с некоторыми планиграфическими рисунками в петроглифах Горного Алтая, Тувы и Внутренней Монголии [1992]; это сходство является косвенным свидетельством широкого распространения построек подобного типа в эпоху поздней бронзы.

Ни в одном из жилищ Торгажака не зафиксированы долговременные очаги или какие-нибудь другие очажные устройства, необходимые для отопления столь крупных сооружений, особенно в суровых зимних условиях Хакасии. В углах некоторых построек обнаружены только скопления обожженных камней (типа печки-каменки?). Учитывая это, а также определения костей диких животных и данные о практически полном отсутствии развалов глиняных сосудов, можно предположить, что поселение было сезонным и использовалось, скорее всего, в весенний (или осенний) периоды.

По отдельным характерным бронзовым изделиям (обломки ножей, желобчатого браслета и двухъярусной бляшки, перстень с двумя сферическими выступами на щитке), роговым трехдырчатым псаломом и

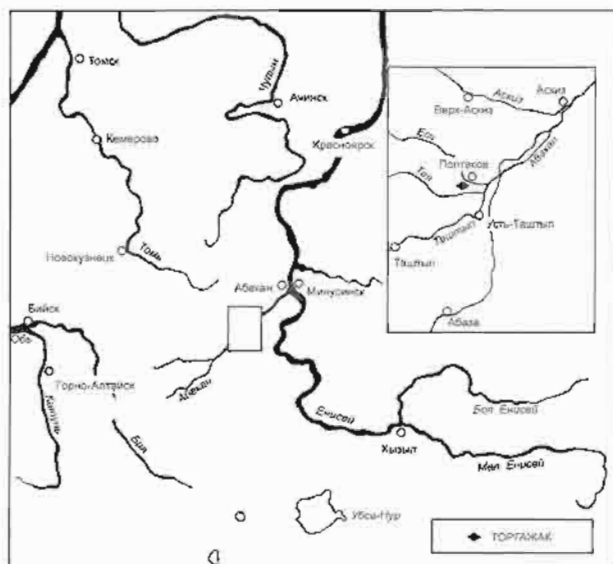

Рис. 1. Местонахождение поселения Торгажак.

Рис. 2. Долина р. Теи, в которой находится поселение Торгажак.

Рис. 3. Цветущая хакасская степь в месте расположения Торгажака.

Рис. 4. Остатки жилища 1 Торгажака (вид с юго-запада).

Рис. 5. Остатки жилищ 3 – 5 и “площали” Торгажака (вид с востока).

Рис. 6. Заполнение (окрашенное темным) жилищ 4, 5 Торгажака.

Рис. 7. Остатки жилища 3 Торгажака (вид с юго-запада).

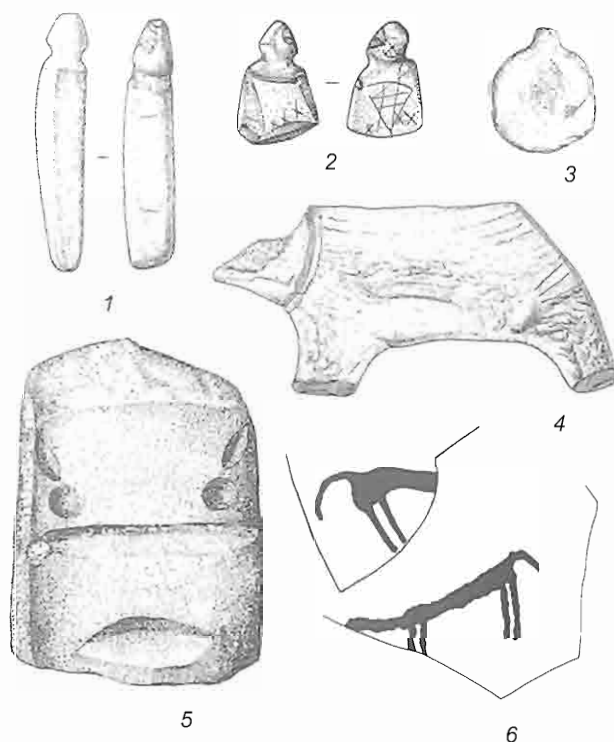

Рис. 8. Предметы ритуального назначения из Торгажака. 1 – фаллические изделия, 2 – антропоморфная фигурка из мергеля, 3 – плитка со следами краски (для растирания?), 4 – роговая фигурка медведя, 5 – каменный блок с личиной окуневского типа, 6 – плитки песчаника с петроглифами в “карасукском” стиле (по Д.Г. Савинову [1996]).

керамике* поселение Торгажак относится к завершающему этапу карасукской культуры и может быть датировано X – IX вв. до н.э., рубежом карасукского и каменоложского этапов (по М.П. Грязнову).

На внутреннем пространстве поселения, условно называемом площадью, обнаружено более 40 ям, разных по размерам и профилю. В некоторых из них находились остатки деревянных столбов, обломки каменных плиток, иногда вкопанных вертикально и затем засыпанных, фрагменты керамики и отдельные вещи. Вряд ли имеются основания для сомнений в ритуальном назначении этой части памятника. Необходимо отметить, что и в самих жилищах были найдены предметы явно ритуального назначения: каменные песты фаллической формы (рис. 8, 1), антропоморфная фигурка из мергеля с вырезанными на ней геометрическими знаками (рис. 8, 2), круглые песчаниковые плитки с выступами-ручками, на которых сохранились следы охры для растирания красок (?) (рис. 8, 3), роговая фигурка медведя (манекен (?)) (рис. 8, 4) и др. В специально сделанных нишах обна-

ружены намеренно сломанные плитки песчаника с петроглифами в “карасукском” стиле (это первая находка подобного рода в комплексе) (рис. 8, 6) и каменный блок с личиной окуневского типа, который первоначально был, видимо, установлен на обработанной каменной плите (рис. 8, 5). Независимо от того, как интерпретировать последнюю находку – в качестве примера длительного сохранения окуневской изобразительной традиции или использования сколотой верхней части изваяния окуневской культуры, изображение на ней соответствовало идеологическим представлениям жителей Торгажака. Судя по составу находок, ритуальная практика обитателей поселения была достаточно разнообразной. Самые массовые находки, представляющие этот вид деятельности жителей Торгажака, – различным образом гравированные гальки. Они были обнаружены как внутри жилищ, так и на “площади”. Основным аспектам изучения и интерпретации галек посвящена настоящая статья.

О гальках “торгажакского типа”

В результате исследования карасукского поселения Торгажак на юге Хакасии была открыта самая крупная из всех известных в настоящее время серия галек с различного рода гравировками (более 220 экз.), представляющих широкие возможности для изучения изобразительной деятельности и духовной культуры населения Южной Сибири эпохи бронзы. Первая информация об этом была опубликована в 1991 г. [Савинов, 1991]. В статье 1995 г., посвященной антропоморфным изображениям на торгажакских гальках, были выделены две группы фигурок – “одетые” и “запеленутые”, и опубликованы наиболее выразительные образцы [Савинов, 1995]. В монографии 1996 г., представившей все материалы Торгажака, приводились изображения найденных на памятнике гравированных галек; обосновывалось их деление на семь групп (две первые – с антропоморфными, остальные – с геометрическими рисунками); определялись их иконографические особенности и (предварительно) круг представлений, с которыми могло быть связано изготовление подобного рода изображений [Савинов, 1996, с. 38 – 47; табл. XX – XXIX]. Одной из главных задач данной работы было оперативное введение в научный оборот всей серии торгажакских галек. Естественно, что при этом вопросы интерпретационного характера, как наиболее сложные и требующие длительного осмысления, были только намечены или отошли на второй план.

Как и следовало ожидать, торгажакские гальки, особенно с антропоморфными изображениями, привлекли к себе внимание исследователей. В статье И.В. Асеева они приведены в качестве аналогов орнаменти-

* Проанализирована И.П. Лазаретовым [1996].

рованным галькам, найденным на берегу Иркутского водохранилища (неолит?), а также изображениям на гальках с мыса Крузенштерна и сланцевых плитках с о-ва Кадьяк (Аляска). “В коллекции из Торгажака, – отмечает автор, – есть схематические изображения антропоморфов, которые по композиционному построению рисунка близки к галькам из эскимосских жилищ на Аляске. Более того, они идентичны в этом плане гравированным сланцевым плиткам с острова Кадиака” [Асеев, 1998, с. 112]. В совершенно ином ареале культурных традиций находят параллели антропоморфным изображениям на торгажакских гальках Д.А. Мачинский и К.В. Чугунов. “Отправной точкой” для них послужили колоколовидные подвески из женских погребений саглынской культуры в Туве, которые А.Д. Грач интерпретировал как изображения Великой богини-матери [1980, с. 66 – 69]. Отметив, что «археологическая ситуация нахождения “колоколовидных” подвесок в памятниках ранних кочевников Тувы поразительно совпадает с ситуацией находок известных костяных пластинок с изображением женского лица и каменных головок в могилах окуневской культуры», Д.А. Мачинский и К.В. Чугунов объединили их в один (типологический (?), семантический (??) ряд. “Связующим звеном здесь является... Торгажак, где найдена большая серия орнаментированных галек”, в основе изображений на которых лежит “женский образ” той же Великой богини-матери [Мачинский, Чугунов, 1998, с. 183 – 184, рис. I]. Ее же воплощением эти специалисты считают многогрудую богиню из Сард (Лидия), изображенную на римских монетах II – III вв. н.э. [Там же, с. 187, рис. II]. Таким образом, диапазон ассоциаций, возникающих при рассмотрении торгажакских галек, необычайно широк – от памятников палеоэскимосской культуры на территории Аляски до эллинистических культов Ближнего Востока.

Антропоморфные рисунки на торгажакских гальках в качестве аналогов (или примеров сохранения изобразительной традиции) были использованы также в работах Л.А. Соколовой [1995, рис. 1, 4], В.И. Молодина [Molodin, Kiseleva, 1998, fig. 5, 2 – 4], С.Н. Леонтьева [2000, рис. 2, 8 – 11], И.В. Ковтуна [2001, табл. 92, 6, 7; 106, 6; 108, 1, 2]. Особо стоит отметить статью С.Н. Леонтьева, опубликованную в 2001 г. В ней автор, отметив, что “сам Д.Г. Савинов не дал торгажакским гравировкам однозначной (? – Д.С.) интерпретации” [2001, с. 111], при “расшифровке” отдельных элементов изображений на торгажакских гальках пользуется набором уже ставших привычными штампов: рисунки пространственного характера – “модель вселенной (мандала)”, елочный орнамент – “мировое дерево”, дугообразная фигура на обратной стороне некоторых галек – “небосвод”, отходящие от нее параллельные линии – “струи дождя”,

такие же линии, но с копьевидными окончаниями – “молнии” и т.д. В заключительном абзаце этой работы говорится о “зародышевой субстанции вселенной” и “материальном выражении брачного союза Неба и Земли, в результате которого возникло мироздание” [Там же, с. 115]. Вряд ли все это могло быть известно жителям Торгажака! Мнение С.Н. Леонтьева о том, что на торгажакских гальках изображена Богиня-мать, главный персонаж “пантеона позднекарасукских племен”, в принципе соответствует заключению Д.А. Мачинского и К.В. Чугунова. Однако в таком случае не понятно, почему многие гальки, передающие образ этой “великой богини”, сломаны, затерты, использованы для нанесения других изображений.

В годы, прошедшие после раскопок Торгажака, количество галек с аналогичными гравировками существенно не увеличилось. На поселении Усть-Куюм (Горный Алтай), один из периодов существования которого относится к “развитой бронзе”, обнаружено “скопление галек с орнаментом”. Одна из них – овальной формы с рядом заштрихованных треугольников по краям – опубликована (рис. 9, 13) [Кунгурова, 1991, с. 10; рис. 6, 7]. Похожий образец, но не с одним, а тремя рядами расположенных по кругу заштрихованных треугольников, имеется и в коллекции из Торгажака (рис. 10, 2).

Серия орнаментированных изделий из Тувы опубликована В.А. Семеновым. Среди них пять галек прямо сопоставимы с торгажакскими (см. рис. 9, 9 – 11) [Семенов, 1992, рис. 19, 1, 2, 5, 7, 9]. Поскольку они опубликованы вместе с материалами из 7-го слоя стоянки Тоора-Даш, относящимися к окуневскому времени, в литературе сложилось мнение о более раннем, чем это показывают находки из Торгажака, появлении орнаментированных галек подобного типа в Туве. Однако это не совсем так. На стоянке Тоора-Даш найдены только три сланцевые плитки с процарапанным геометрическим орнаментом. “Такие плитки, – отмечает В.А. Семенов, – встречаются как в других слоях стоянки, так и на других памятниках окуневского времени в Туве” [Там же, с. 36]. Изображения на них по характеру наиболее близки некоторым рисункам на каменных плитках из погребений окуневской культуры в Минусинской котловине [Лазаретов, 1997, табл. XII, 1 – 3]. Что касается гравированных галек “торгажакского типа”, то все опубликованные В.А. Семеновым образцы обнаружены на развешанной стоянке Этекшил [Семенов, 1992, с. 56]. Раскопки здесь не производились и дата памятника остается неопределенной. Учитывая, что в Туве неоднократно находили бронзовые изделия карасукского облика [Кызласов, 1979, рис. 14, 15, 19], отнесение к этому же времени гравированных галек, аналогичных торгажакским, представляется наиболее оправданным.

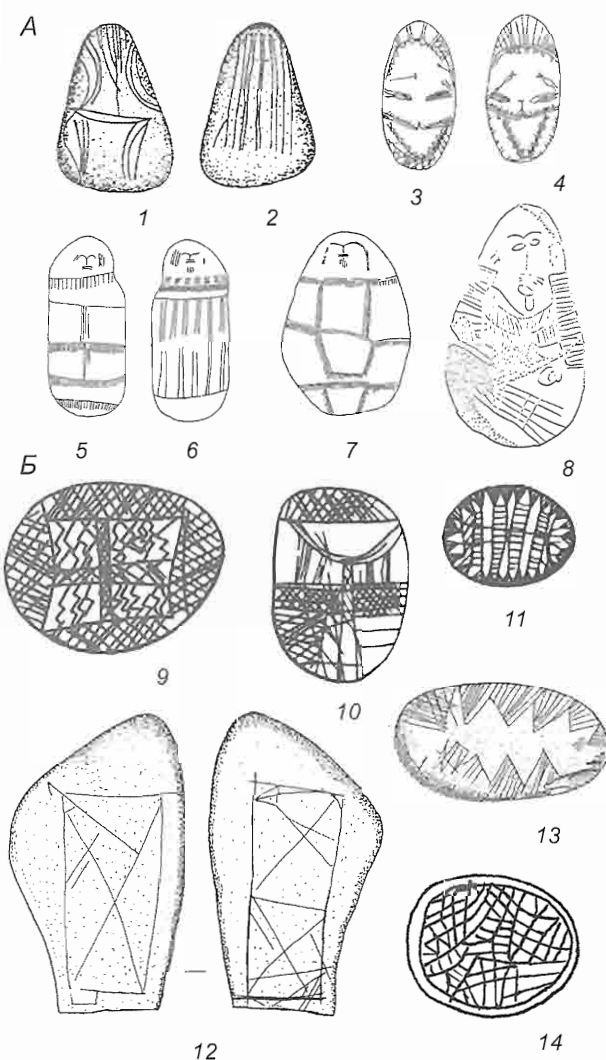

Рис. 9. Орнаментированные гальки.

А – “мнимые” аналоги: 1, 2 – Рудная Пристань, Приморье (по А.А. Крулянку, А.В. Табареву [1996]); 3, 4 – Иркутское водохранилище, Ангара (по Э.А. Климашевскому [1974]); 5 – 7 – мыс Круженштерна (по И.В. Асееву [1988]); 8 – Южная Аляска (по Р. Аккерману [Askerman, 1965]); Б – гальки торгажакского типа: 9 – 11 – Этекшил, Тува (по В.А. Семенову [1992]); 12 – Чебаки, Минусинская котловина (по А.И. Готлибу [2002]); 13 – Усть-Кулом, Алтай (по Н.Ю. Кунгуровой [1991]); 14 – Быстрая, Минусинская котловина, случайная находка (по Н.В. Леонтьеву [1997]).

С территории Минусинской котловины пока известны только две такие находки. Одна из галек (хранится в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартынова) – результат сборов на песчаных выдувах у д. Быстрой*. Галька уплощенной формы серовато-коричневого цвета по характеру изображения несколько отличается от торгажакских (см. рис. 9, 14),

* Приношу глубокую благодарность Н.В. Леонтьеву за сведения об этой находке (ММ, кол. 11862) и предоставленную прорисовку.

но, видимо, относится к тому же кругу памятников. Других подобных предметов, по данным Н.В. Леонтьева, в богатейшем собрании Минусинского краеведческого музея нет. Вторая галька была найдена А.И. Готлибом при раскопках горного укрепления-све на горе Чебаки [Готлиб, 2002, рис. 1]. На обеих ее сторонах нанесены прямоугольные фигуры, пересеченные на одной поверхности одним, а на другой – двумя крестами (см. рис. 9, 12). Гальки с пересеченным крестом и прямоугольной фигурой в центре также представлены в коллекции из Торгажака (см. рис. 10, 4 – 6).

Таким образом, все известные сегодня специалистам орнаментированные гальки, аналогичные торгажакским, были обнаружены на территории Саяно-Алтайского нагорья и, по-видимому, относятся к одному времени. В количественном отношении они не сопоставимы с найденными на поселении Торгажак, что еще раз подчеркивает значение последнего как ритуального центра древнего населения юга Минусинской котловины. В пользу данного предположения свидетельствует и то, что при раскопках расположенных в этом же районе отдельных сооружений подобного типа – Тунчух ([Севастьянова, 1977, с. 241]; Архив ИА. Р-1. № 6378) и Бырганов V (раскопки

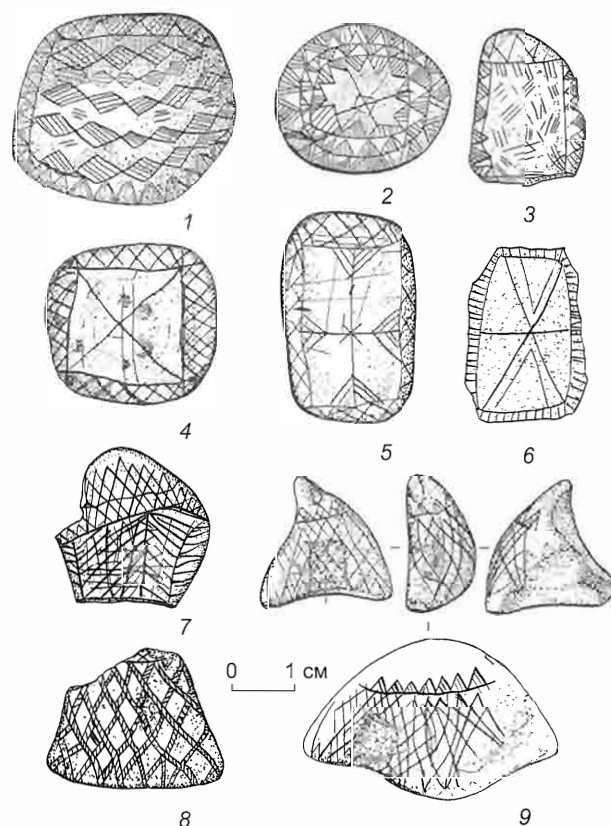

Рис. 10. Изображения геометрического характера из Торгажака.

И.П. Лазаретова, 1990 г.; Архив ИИМК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 91) – ни разу не были обнаружены гравированные гальки. Можно предположить, что до открытия нового комплекса, аналогичного торгажакскому, эта серия существенно не пополнится.

Основные аспекты изучения

При анализе торгажакских галек следует учитывать в первую очередь характер нанесенных на них изображений. Он лежит в основе деления на два вида – с антропоморфными и геометрическими изображениями. Однако строгого разграничения между изображениями нет: многие элементы повторяются, переходят с одной гальки на другую, создают как бы общий фон, присущий этому виду изобразительного искусства. Гальки с антропоморфными изображениями делятся на две группы – “одетые” и “запеленутые” фигурки (рис. 11). Вместе с отдельными фрагментами они составляют около половины всей коллекции. Гальки с геометрическими рисунками более вариативны. В книге о Торгажаке было выделено пять групп таких изображений [Савинов, 1996, с. 43 – 46]. Возможно, на самом деле их несколько меньше; не исключено, что некоторые гальки, по характеру орнамента отнесенные к “геометрическим”, на самом деле представляют крайне схематизированную форму антропоморфных изображений. Наиболее “читаемая” группа образцов с геометрическими рисунками – гальки с изображением замкнутого “поля”, украшенного разными дополнительными деталями (см. рис. 10, 1 – 6). Однако их оформление следует рассматривать не как орнамент, а как своеобразную геометризованную форму выражения понятных их создателям образов.

Даже это краткое перечисление свидетельствует о многоплановом назначении торгажакских галек. В интерпретационном плане наиболее интересны и информативно содержательны гальки с антропоморфными изображениями. Рассмотрение их возможно в пяти взаимосвязанных между собой аспектах: 1) формационном, 2) иконографическом, 3) культурно-генетическом, 4) предметно-аналитическом, 5) функциональном. Каждый из этих аспектов отражает одну сторону явления, но позволяет с большей или меньшей долей вероятности реконструировать его содержание в целом.

Формационный аспект. Антропоморфные изображения характерны для обществ, существовавших в условиях анимистического мировоззрения. Для их изготовления использовались различные материалы, но в первую очередь те, естественная форма которых в наибольшей степени соответствовала очертаниям человеческой фигуры. Примером устойчивос-

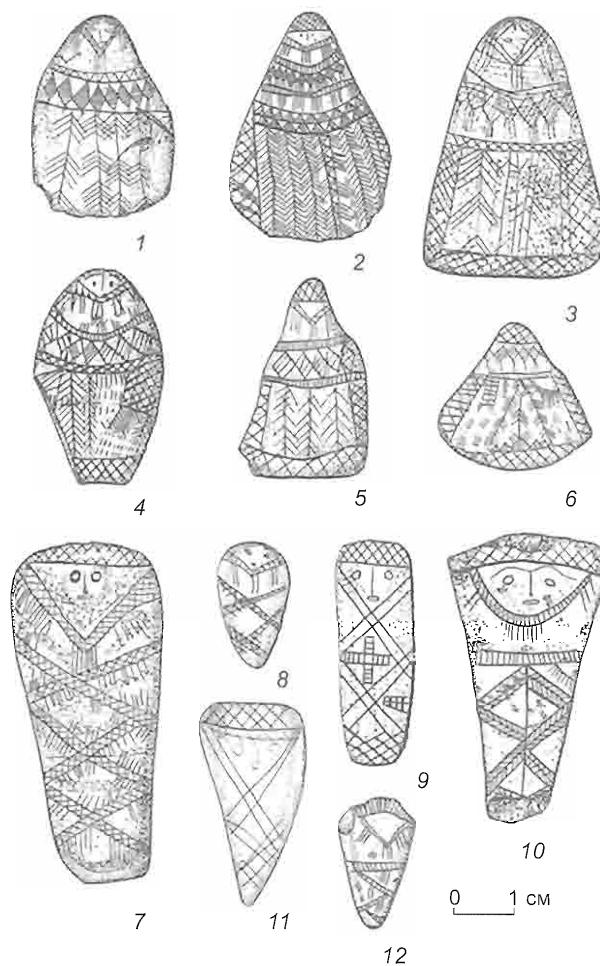

Рис. 11. “Одетые” (1 – 6), “запеленутые” фигурки (7 – 12) из Торгажака.

ти подобного рода изображений, “перекрывающих” границы археологических культур и даже целых исторических эпох, могут служить фаланги лошади, т.н. бабки, антропоморфный облик которых требовал лишь незначительных добавлений для придания им сходства с фигурой человека. Такие по-разному украшенные бабки обнаружены в энеолитическом поселении Ботай в Северном Казахстане [Зайберт, 1993, рис. 21; Ченченкова, 1995, рис. 1], зольнике ирменской культуры на верхней Оби [Грязнов, 1956, рис. 8, 6], на поселении эпохи поздней бронзы Усть-Нарым в Восточном Казахстане [Черников, 1960, табл. XXVII, 5], в Большом Полтаковском кургане тагарской культуры в Минусинской котловине [Курочкин, 1993, рис. 9], погребениях средневекового Троицкого могильника на р. Амур [Деревянко, 1977, табл. II, 6; XI, 8; XIII, 7]. На первый взгляд, никакой связи между этими изображениями и торгажакскими гальками нет; однако на формационном уровне все они (пожалуй, за исключением средневековых) относят-

Рис. 12. Галька в виде антропоморфного изображения.

ся к одному кругу представлений. В этом плане следует отметить реконструкцию М.П. Грязнова, убедительно сопоставившего ирменскую находку с *мэнгедерами* – женскими семейными покровителями у северных алтайцев [1962, с. 26 – 27].

Столь же широко были распространены специально подобранные гальки продолговатой или подтреугольной формы, которым при помощи дополнительных гравировок придавался антропоморфный облик. Так, на берегу Иркутского водохранилища найдено девять орнаментированных галек, отнесенных по обнаруженным здесь же кремневым орудиям и керамике к эпохе неолита [Климашевский, 1974, рис. 1 – 4]. По мнению И.В. Асеева, на двух из них изображены личины-маски (см. рис. 9, 3, 4) [1998, с. 109]. Серия орнаментированных галек (21 экз.) найдена в 1986 г. на раскопе № 5 неолитического поселения Рудная Пристань в Приморье. Все рисунки на этих гальках, по определению Г.И. Кузиной, геометрического характера [1987]. Однако, согласно другой публикации руднинских галек, по крайней мере три или четыре образца имеют антропоморфный облик: на узком конце гальки показаны распущенные волосы (?); на одной из галек в нижней широкой части, как на торгажакских гальках, выделено прямоугольное “поле” и концы некоторых параллельных линий раздвоены (см. рис. 9, 1, 2) [Крупянюк, Табарев, 1996, рис. 2, 3]. Не исключено, что в данном случае можно говорить о каких-то общих источниках иконографически (или семантически) сходных элементов.

Что касается антропоморфных изображений на гальках с мыса Крузенштерна и о-ва Кадьяк (см. рис. 9, 5 – 7), опубликованных И.В. Асеевым, то сходство их с торгажакскими гальками носит формальный характер и объясняется естественной близостью приемов в передаче человеческой фигуры. Такие же гальки с антропоморфными изображениями найдены и в палеоиндейских поселениях на юге Аляски (см. рис. 9, 8). Р. Аккерман, отмечая, что они были найдены около очагов и, скорее всего, намеренно разломаны, определяет их как предметы магического назначения, служивших, например, для лечения болезни. Дух болезни “входил” в камень с нанесенным на нем портретным изображением человека, после чего гальку ломали и выбрасывали [Ackerman, 1965]. Вряд ли подобное объяснение применимо для торгажакских галек, но само отношение к декорированному определенным образом предмету как посреднику в реализации каких-то действий в формационном плане является достаточно показательным.

Иконографический аспект. Как уже говорилось, антропоморфные рисунки на торгажакских гальках представляют два варианта изображения человека (условно – “одетые” и “запеленутые”). В основе каждого из них лежит определенная изобразительная схема, усложненная и индивидуализированная различными рода дополнительными деталями.

“Одетые” фигурки – плоские (или уплощенные) гальки треугольной (или подтреугольной) формы, обращенные зауженной частью вверх. Изображения обычно нанесены на обеих сторонах гальки и представляют одетую человеческую фигуру с детально проработанными аксессуарами (см. рис. 11, 1 – 6; 12). Все изображения, и тщательно сделанные и выполненные более грубо, несомненно, женские. Лицевая поверхность гальки оформлена по определенной изобразительной схеме. Наверху, в узкой части, как правило, изображены лицо треугольной формы, глаза, нос, реже – рот, круглая, покрытая сетчатым орнаментом шапочка. От лица вниз и в стороны отходят короткие параллельные линии, чаще всего по две-три с определенным интервалом между ними. На уровне “плеч” проведена двойная заштрихованная линия; ниже нее – цепочка заштрихованных ромбов с короткими линиями-“подвесками”, передающими, скорее всего, характер украшения нагрудной части одежды. На всех гальках четко выделен пояс; иногда переданы подвешенные к поясу узорчатые ленты, сумка или “мешок”, нож. В нижней, более широкой части гальки, показан прямоугольный “передник”, чаще всего украшенный вертикальной “елочкой”. Края гальки (“фон”) от пояса и ниже обычно украшены кривой сеткой. На некоторых образцах внизу имеется горизонтальный ряд заштрихованных треугольников – декор на нижнем крае одежды.

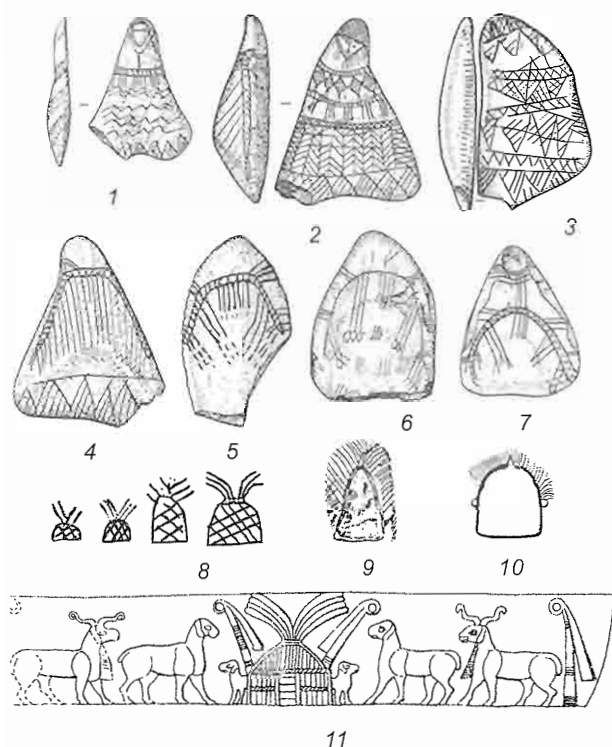

Рис. 13. Изображения “генеалогического цикла” из Торгажака и аналоги.

1 – 3 – фигуры беременных женщин из Торгажака; 4 – 7 – дугообразная фигура на оборотной стороне торгажакских галек; 8 – 11 – “хижины для рождения”. 8, 11 – Месопотамия; 9, 10 – мегалитические сооружения Бретани, Франция (по А.М. Смирнову [2001]).

Рисунок на оборотной стороне гальки, будучи композиционно связан с изображением на лицевой части, имеет самостоятельное значение. Основным мотивом украшения здесь является дугообразно изогнутая фигура, как бы “подвешенная” на плечах, от которой вниз отходят многочисленные линии (подвески?), в некоторых случаях раздваивающиеся на концах или со стреловидными окончаниями (рис. 13, 4 – 7). Иногда сверху изображена отходящая от “затылка” вниз линия (или лента) с расходящимися в обе стороны наискось черточками (подвесками?), передающая, возможно, косу или собранные в пучок волосы с наклонными украшениями. Устойчивость данной изобразительной схемы не дает основания сомневаться в том, что на “одетых” фигурках из Торгажака показаны реальные детали женского костюма.

“Запеленутые” фигурки – уплощенные или овальные в сечении гальки вытянуто-треугольной формы, обращенные концом вниз. Наиболее характерная особенность этой группы изображений – показанные на лицевой стороне (а иногда и переходящие на

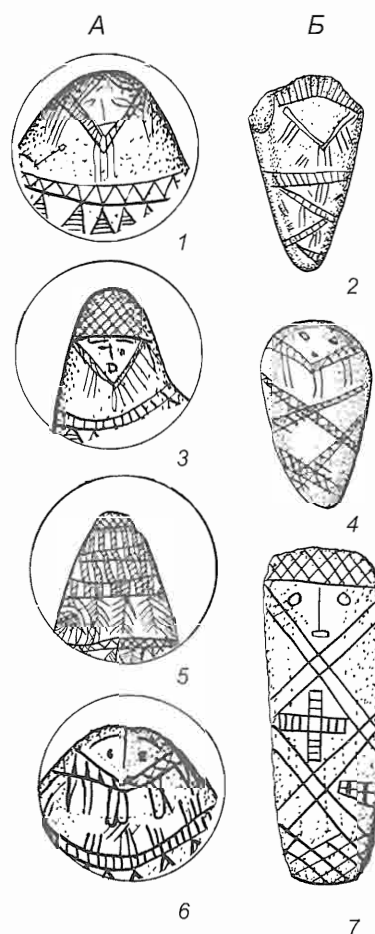

Рис. 14. “Одетые” (А) и “запеленутые” (Б) фигурки из Торгажака.

оборотную) перекрещивающиеся орнаментированные полосы, опоясывающие гальку сверху донизу (см. рис. 11, 7 – 12). В широкой верхней части показано лицо треугольной формы, иногда образованное концами перекрещивающихся линий, и шапочка с сетчатым орнаментом, такая же, как и на “одетых” фигурках. На некоторых образцах видны отходящие от “лица” вниз короткие параллельные линии. На оборотной стороне иногда прорезана вертикальная, во всю длину гальки, линия, а поверхность ее заштрихована.

При всем сходстве гальки с антропоморфными фигурами различаются, как уже говорилось, по характеру изображений, степени сохранности и индивидуальным особенностям исполнения, в частности, передаче лица и головных уборов. Исходя из этого, можно выделить четыре варианта “одетых” галек: 1 – лицо изображено, головного убора нет, волосы распущены; 2 – лицо изображено, на голове округлая шапочка; 3 – лицо не изображено, вместо него “занавеска”, на голове округлая шапочка; 4 – лицо изображено,

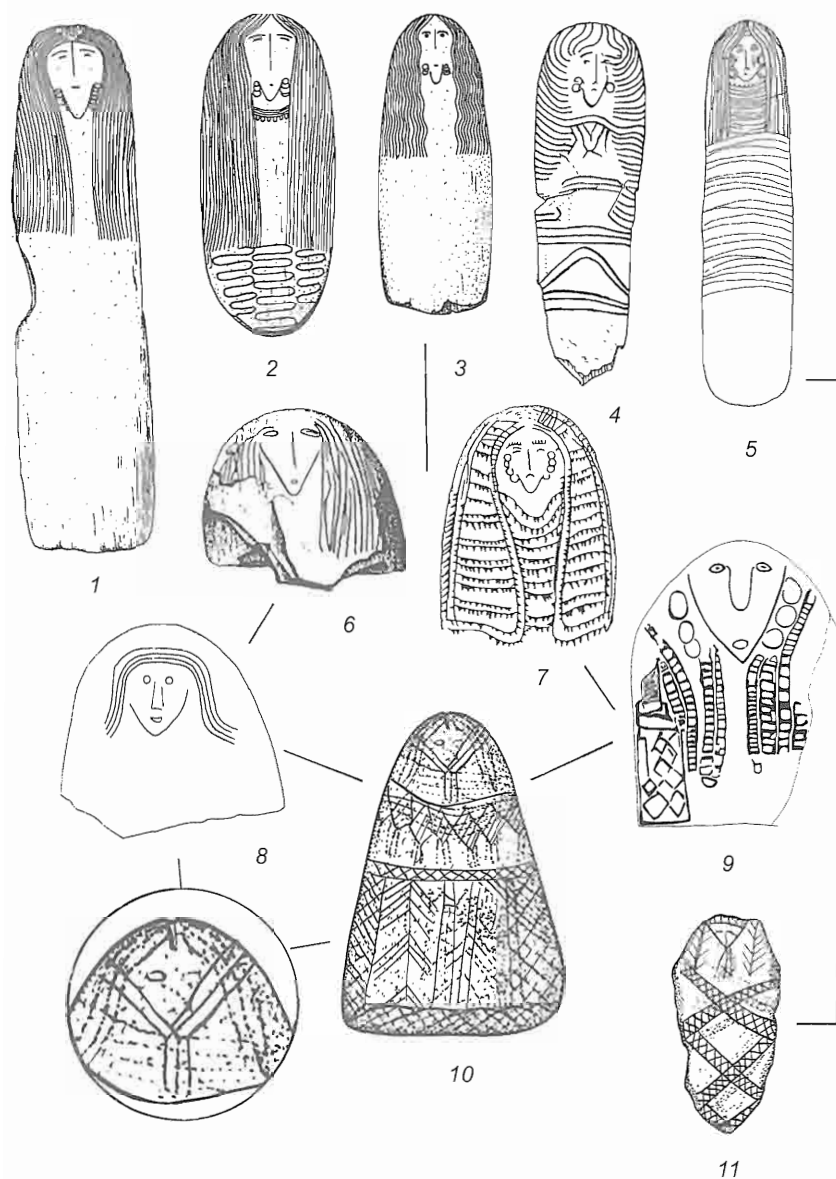

Рис. 15. "Абаканские" пластинки (1 – 7) и схема развития (8 – 11) антропоморфных изображений из Торжака.

1 – Уйбат III (по И.П. Лазаретову [1997]); 2, 3 – Верхаскиз I (по А.А. Ковалеву [1997]); 4 – Черновая VIII (по Г.А. Максименкову [1980]); 5 – Чебаки (по А.И. Готлибу [2002]); 6, 7 – Черновая XI (по С.Н. Леонтьеву [2000]); 8 – Усть-Есинская Кыс-Таш (по М.П. Грязнову [1950]); 9 – Ар-Хая (по Д.Г. Савинову [1997]); 10, 11 – Торжак, Минусинская котловина.

головного убора нет, волосы не показаны (рис. 14, А). Даже такая первичная классификация имеет значение для определения внутреннего содержания "одетых" галек. По этому признаку они неоднородны. Или это изображение одного и того же персонажа, представленного, учитывая знаковое значение костюма, в разных состояниях; или, что гораздо более вероятно, передача определенного статуса конкретных, т.е. многих, лиц. Поскольку все изображения этой группы женские, имеются основания предполагать, что они

отображают социально-семейные (они же – возрастные) градации в жизни женщины, которые необходимо было учитывать при совершении каких-то обрядовых действий.

Классифицировать по тем же признакам "запеленутые" фигурки значительно сложнее. Выделяются три варианта таких изображений (рис. 14, Б). На некоторых из них треугольником показаны только очертания лица; верхняя часть гальки никак не выделена (вариант 1). Иногда выше лица нанесены вертикальные черточки – волосы (вариант 2). Однако на большинстве изображений этой группы верхняя часть гальки покрыта сетчатым орнаментом (вариант 3). По аналогии с "одетыми" фигурками можно предположить, что это "шапочка". Показательно, что не встречены "запеленутые" фигурки с "занавешенным" лицом и с распущенными волосами, т.е. признаками, согласно приведенной выше классификации, характерными для вариантов 1 и 3 "одетых" фигурок. Вероятно, между ними были наибольшие различия и на содержательном уровне.

Культурно-генетический аспект. Говорить о происхождении гравированных галек из Торжака в целом, ввиду их разнообразия и отсутствия аналогов большинству из выделенных групп изображений, не представляется возможным. Пока речь может идти только о наиболее информативных

с этой точки зрения рисунках на "одетых" фигурках, наиболее близких в стилистическом отношении к гравировкам на костяных пластинках окуневской культуры. Эта аналогия уже была замечена всеми исследователями, но требует более внимательного рассмотрения.

Впервые пластинки с гравировками были найдены в одном из погребений в г. Абакане [Левашева, 1975, рис. 5] и поэтому получили название "абаканские". В основе представленных ни них изображений

Пластины с гравировками в погребениях окуневской культуры

Памятник	Источник информации	Кол-во пластинок, экз.	Состав погребенных
Абакан, церковь, мог. 4	[Левашева, 1975, рис. 5]	2	Женщина с младенцем
Черновая VIII, кург. 9, мог. 7	[Максименков, 1980, табл. XXIV, 12, 13, 15]	4 (?)	Ребенок (девочка?) четырех-пяти лет
Верхаскиз I, кург. 1, мог. 9	[Хаврин, 1997, рис. 1]	6	Женщина 20 – 25 лет
Верхаскиз I, кург. 2, мог. 11	[Ковалев, 1997, рис. 1]	3	Младенец
Уйбат V, кург. 4, мог. 11	[Лазаретов, 1997, табл. XIV, 8, 9]	2	Младенец около года

лежит определенный изобразительный канон: рисунок, как правило, помещается на одном конце пластинки; показаны вытянутые очертания лица, острый подбородок, длинные распущенные на две стороны волосы, по бокам кольца-серьги, в некоторых случаях показано ожерелье (рис. 15, 1 – 5). Наиболее яркое описание изображений на “абаканских” пластинках дал М.Л. Подольский: «Поражает нарочитый “вертикализм” композиции: очень вытянутое лицо с острым подбородком и прямым удлинённым носом, свисающие от ушей цепочки колец, ниспадающие пряди волос. Горизонтальных связей практически нет, двухмерность создается как сумма одномерных вертикалей... Изображался ли в каждом конкретном случае бог или обожествленный предок, его облик безусловно иконографичен, он посредник в общении с небесными силами» [1997, с. 187].

В художественном отношении рисунки на торгашакских гальках выглядят скромнее, чем на “абаканских” пластинках, хотя между ними есть и много общего: и те и другие изображения женские, тот же “вертикализм” композиции, на некоторых торгашакских гальках (вариант 1), как и на “абаканских” пластинках, показаны распущенные волосы. Отличия видны в абрисе лица: на “абаканских” пластинках он подчеркнуто-вытянутый, на торгашакских гальках треугольный. Однако в открытом недавно окуневском кургане Черновая XI найден обломок костяной пластинки “абаканского” типа, на которой показано треугольное лицо (рис. 15, б), что, по справедливому замечанию С.Н. Леонтьева, “сближает его с торгашакскими гравировками” [2000, с. 16]. Вероятно, имеются все основания рассматривать рисунок на этой находке из позднеокуневского кургана как типологически промежуточный между классическими окуневскими и более схематичными изображениями на торгашакских гальках.

Для определения смыслового содержания торгашакских галек (“одетые” фигурки) важна информация об условиях обнаружения пластинок “абаканского” типа. За исключением образца из крепости-

све на горе Чебаки [Готлиб, 2002, рис. 3], все пластинки (17 экз.) найдены (по 2 экз. и более) в женских погребениях с детьми или в захоронениях детей* (см. таблицу**). В этой связи, возможно, следует обратить внимание на разномасштабность “абаканских” пластинок (в одном наборе встречаются “большие” и “маленькие” образцы), а также на волнистые волосы некоторых персонажей (Уйбат V, кург. 4, мог. 11; Верхаскиз I, кург. 2, мог. 11) (см. рис. 15, 3), не исключено, что “кудри” были атрибутами детских или юношеских изображений.

Таким образом, можно констатировать, что изготовление и использование “абаканских” пластинок, которые являются типологическими предшественниками (во всяком случае одного из вариантов) торгашакских галек, было связано с особым отношением к обряду захоронения женщин с детьми, в основном младенческого возраста. По всей видимости, круг представлений, обуславливавших это отношение, следует учитывать в первую очередь и при интерпретации антропоморфных изображений на торгашакских гальках. О том, что данная изобразительная традиция существовала и в более позднее время, разделяющее окуневскую и карасукскую культуры, свидетельствуют два каменных изваяния – Ар-Хая и известная еще с петровских времен Усть-Есинская Кыс-таш, они открыты в том же районе, что и поселение Торгашак.

* Об условиях обнаружения двух пластинок из Черновой XI [Леонтьев, 2000, рис. 3, 4] у нас нет данных.

** В таблице учтены только пластинки с полными изображениями. Не совсем четкие данные по памятникам Черновая VIII, кург. 9, мог. 7, где в одном погребении девочки (?) было найдено сразу несколько пластин с гравировками, каменная подвеска с личиной, а также две-три стеатитовые фигурки “таштыпского” типа (такое “обилие” разнообразных культовых предметов в одном детском погребении трудно объяснить) и Верхаскиз I, кург. 1, мог. 9, давшего как бы два “комплекта” пластин, из них четыре найдены в заполнении, не исключено, что здесь могло быть еще одно разрушенное (детское?) захоронение.

Изваяние из Ар-Хая было использовано в качестве плиты ограды тагарского кургана (около улуса Полтаков). Оно представляет собой плиту подтреугольной формы размерами $0,8 \times 0,6$ м из светло-коричневого песчаника. Нанесенные на нем изображения, сильно выветренные и сглаженные, покрывают всю лицевую плоскость камня (рис. 15, 9). Показано лицо подтреугольной формы с длинным носом, миндалевидными глазами с “точкой” посередине и маленьким овальным ртом. По обеим сторонам от лица одна над другой выбито по три круглые серьги. По “плечам” изваяния спускаются узорчатые ленты – по четыре с каждой стороны. В нижней левой части плиты изображена прямоугольная фигура, украшенная ромбическим орнаментом (сумка или “мешок”?). По отдельным элементам изображения изваяние из Ар-Хая занимает как бы промежуточное положение между окуневскими костяными пластинками и торгажакскими гальками. Подтреугольные очертания лица, сумка на боку, орнаментальное заполнение всего изобразительного поля – торгажакские; расположение друг над другом кольчатых серег, передача носа и глаз – окуневские.

По форме камня, размерам (67×70 см) и общему композиционному решению ближайший аналог изваянию из Ар-Хая – знаменитая Усть-Есинская Кыс-таш, в верхней части которой также показано лицо подтреугольной формы с бровями и носом, обозначенными одной линией, глазами в виде “точки” и ртом-черточкой (рис. 15, 8). По классификации Э.Б. Вадецкой, Усть-Есинская Кыс-таш отнесена к группе реалистических изображений, с которых берет начало окуневская традиция создания изваяний [1980, с. 39 – 49]. Совершенно справедливое сомнение в этом было высказано Я.А. Шером, отметившим, что «из опубликованных памятников к первой группе – реалистической – относится только одно изображение (Усть-Есинская Кыс-таш. – Д.С.)... стилистическое подобие обнаруживается только между изображениями на костяных пластинках и усть-есинском изваянии. Но изваяние “Кыс-таш” было найдено вне комплекса. Его этнокультурная атрибуция неизвестна» [1980, с. 220 – 221]. После открытия Торгажака стало ясно, что стилистически (треугольное лицо, расчесанные на две стороны волосы) изображение на Усть-Есинской Кыс-таш ближе к рисункам на торгажакских гальках, чем на “абаканских” пластинках. Скорее всего, эти два изваяния – Ар-Хая и Усть-Есинская Кыс-таш – следует выделить как отдельную группу памятников, связанных с окуневской изобразительной традицией, но относящихся ко времени, близкому к карасукскому.

Важно подчеркнуть, что оба рассмотренных выше изваяния представляют собой очень крупные гальки с изобразительной плоскостью на одной стороне. Но

если торгажакские гальки – это предметы “индивидуального” пользования, то каменные воплощения того же образа, занимавшие более высокую иерархическую позицию, скорее всего, устанавливались в специально отведенных для этого местах при проведении действий “общественного” характера. О том, что такие места действительно существовали, свидетельствуют “алтарные” ниши в жилищах Торгажака, в одной из которых, как уже говорилось, был найден каменный блок с антропоморфной личиной окуневского типа.

К этому же кругу памятников относится замечательная находка из Черновой XI – костяная пластинка “абаканского” типа, отличающаяся от всех остальных изображением роскошного головного убора, напоминающего платок египетских фараонов. Убор покрывает голову и ниспадает по обеим сторонам остроугольного лица женщины, щеки которой украшают “связки” из четырех колец (рис. 15, 7) [Леонтьев, 2000, рис. 1, 3]*. По характеру расположения и декору этот головной убор больше всего напоминает узорчатые ленты на изваянии из Ар-Хая. В мог. 7 кург. 9 Черновой XI обнаружен также обломок костяной пластинки с изображением женского лица треугольной формы, которое уже сопоставлялось с торгажакскими (см. рис. 15, 6). Таким образом, выстраивается единая линия развития изобразительной традиции: от позднеокуневского могильника Черновая XI – к изваяниям типа Ар-Хая и Усть-Есинская Кыс-таш и от них (или одновременно с ними) – к торгажакским галькам (см. рис. 15, 6 – 10).

Предметно-аналитический аспект. Детали изображений на торгажакских гальках делятся на две группы: реалии, т.е. рисунки “узнаваемых” предметов, имеющих вещественные аналоги, и рисунки-идеогаммы с более сложным внутренним содержанием. К последним относятся изображения в основном геометрического характера. Подчеркнем, что подобное деление достаточно условно, т.к. само сочетание различного рода реалий и способы их декорировки могли иметь определенный семантический подтекст.

Реалии на торгажакских гальках связаны в первую очередь с антропоморфными изображениями. На большинстве “одетых” и “запеленутых” фигурок показана круглая, покрытая сетчатым орнаментом “шапочка” (рис. 16, 1), имеющая достаточно широкий

* По мнению В.Е. Ларичева, от этого изображения “ожидали, видимо, возрождения ушедших в небытие” [2002, с. 93]. Ср. с одним из наших определений назначения торгажакских галек, как “изображения существа, которому верят, от которого *ждут*...” [Савинов, 1996, с. 47] (в обеих цитатах курсив наш).

круг аналогов. Такие же круглые (мягкие?) “шапочки” представлены на известном ростовкинском “лыжнике” (рис. 16, 3), пестиковой фигурке из Верхнего Приобья (рис. 16, 2), нескольких оленных камнях монголо-забайкальского типа (рис. 16, 5, 6) и даже отдельных минусинских изваяниях, считающихся окуневскими (рис. 16, 4, 5). Можно предположить, что в эпоху бронзы головным уборам подобного типа придавалось какое-то особое, сакральное значение.

На большинстве “одетых” фигурок имеется изображение пояса. На одной гальке, явно использованной вторично, посередине пояса из ряда ромбических фигур показана прямоугольная пряжка, украшенная расходящимися от центра линиями (рис. 17, 3). В материалах карасукской культуры такие пряжки неизвестны, но в одном из окуневских погребений (Уйбат V, кург. 1, мог. 21) найдена каменная пластина – пряжка, очень похожая на торгожакскую (рис. 17, 4) [Лазаретов, 1997, табл. XIV, 3]. О том, что на многих гальках представлены изображения именно поясов, а не что-либо иное, свидетельствуют подвешенные к ним предметы – сумки (или “мешки”), ножи, узорчатые ленты с подвесками.

Четко определимые изображения ножей отмечены на двух торгожакских гальках. Один нож спрямленный, другой – изогнутый, характерной для ножей карасукской культуры формы (рис. 17, 5, 7). Тот и другой находят аналоги в материалах карасукской культуры (рис. 17, 6, 8). В одном случае (см. рис. 17, 5) показана свисающая с ножа бахрома. Видимо, изображен нож выгнуто-обушкового типа, подвешенный к поясу слева в чехле. Касаясь материалов карасукского могильника Торг-Аба, П.Г. Павлов отмечал: “В погребениях женщины впервые устанавливается наличие украшенного пояса с прикрепленным к нему чехлом с ножом и шилом” [1995, с. 55]. Такие же бронзовые предметы представлены и среди торгожакских находок [Савинов, 1996, табл. XI, 18 – 25].

Сумки (или “мешки”) прямоугольной формы, украшенные геометрическим орнаментом, изображены обычно, как и на изваянии из Ар-Хая, с правой стороны. Территориально далекие, но по смыслу значи-

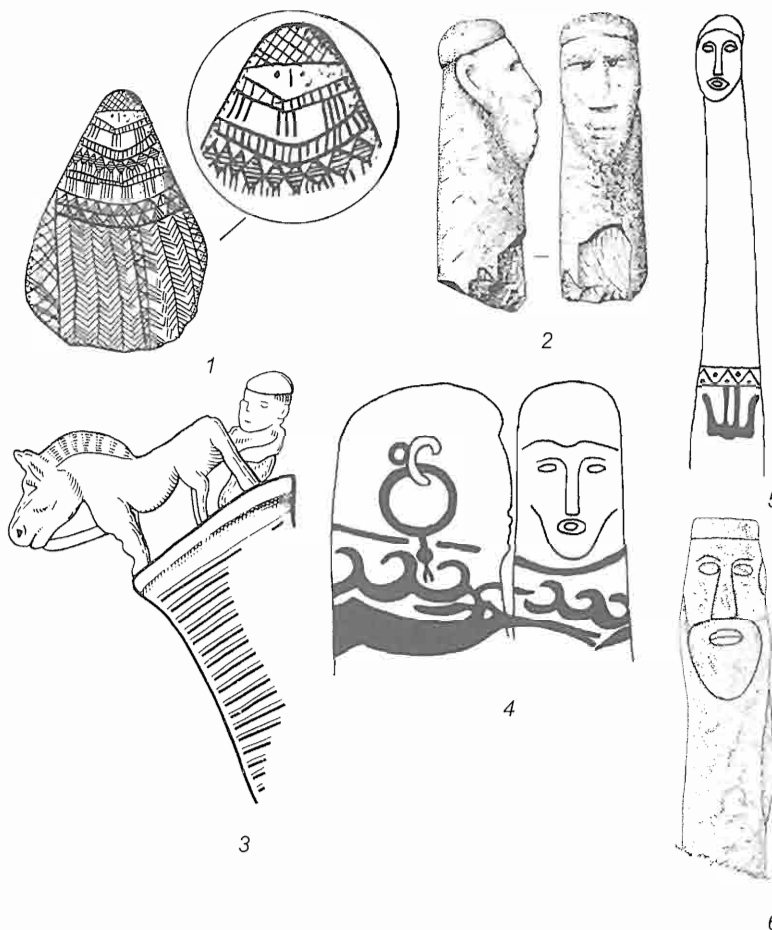

Рис. 16. Изображение “шапочки” в изобразительной традиции эпохи бронзы.

1 – торгожакская галька; 2 – “пестиковая” фигурка с Алтая (по Ю.Ф. Кириюшину [1991]); 3 – ростовкинский “лыжник” (по Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых [1989]); 4, 5 – оленные камни Монголии (по В.В. Волкову [1981]); 6 – каменное изваяние из Минусинской котловины (по Л.Р. Кызласову [1986]).

мые аналоги этим предметам – “мешки” – показаны подвешенными к поясу на оленных камнях в западных районах их распространения [Савинов, Членова, 1978, рис. 2, 2, 6].

Как подвесное украшение с определенной долей вероятности можно интерпретировать показанные на гальках отходящие от лица вниз короткие линии (рис. 17, 1). Возможно, это нагрудное украшение, напоминающее реконструируемое П.Г. Павловым по материалам карасукского могильника Сабинка II, – в виде свисающих (кожаных?) ремешков с многочисленными бронзовыми пронизками и аргилитовыми бусами на концах (рис. 17, 2) [Павлов, 1995, рис. 2]. Такие же пронизки и бусы найдены в жилищах Торгажак [Савинов, 1996, рис. 4, 4, 5; табл. XI, 6 – 8]. Приведенные аналоги показывают, что многие детали на торгожакских гальках показаны с этнографической точностью, что, вероятно, касается и передачи костюма в целом.

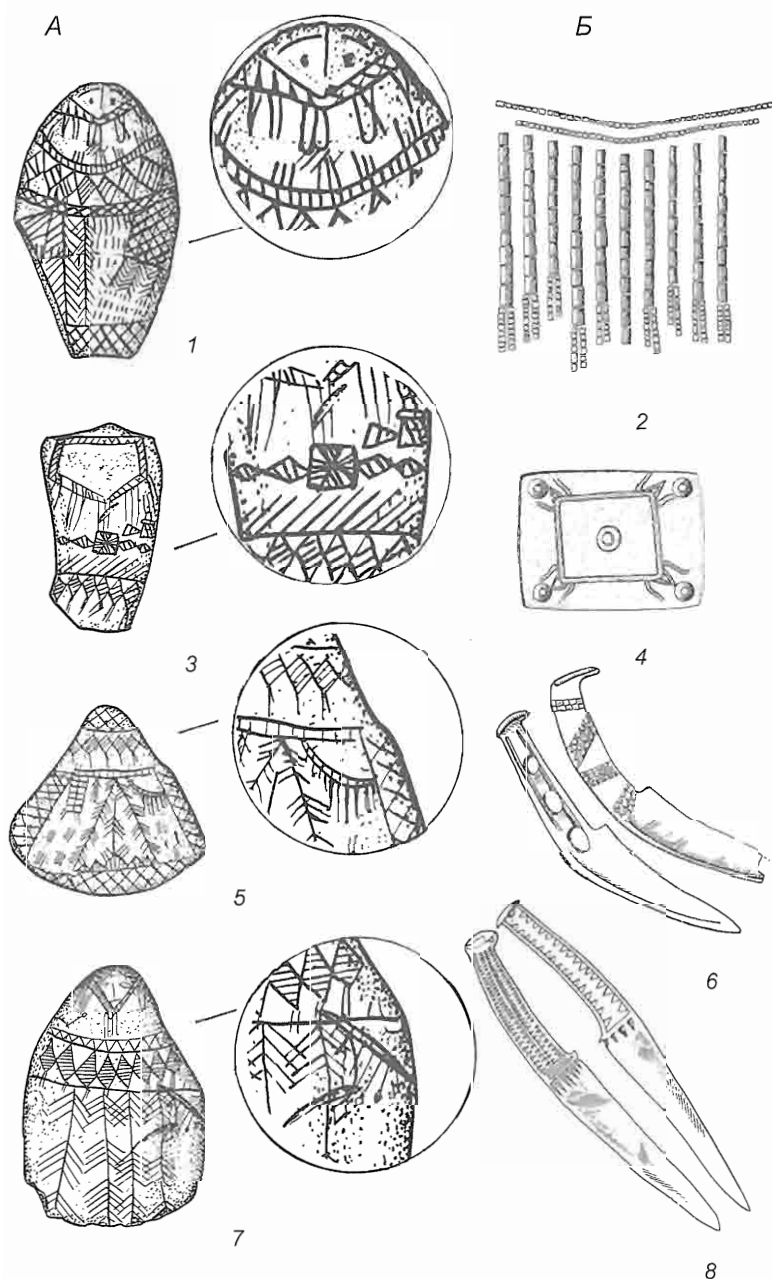

Рис. 17. Антропоморфные гальки (А) и реалии (Б).

1, 3, 5, 7 – Торгажак; 2 – нагрудные бронзовые украшения, реконструкция по материалам могильника Сабинка II (по П.Г. Павлову [1955]); 4 – камешная пряжка, Уйбат V (по И.П. Лазаретову [1997]); 6, 8 – бронзовые ножи карасукской культуры (по Н.Л. Членовой [1972]).

Отличительной чертой всех “одетых” галек является их ярко выраженное декоративное начало; ясно, что речь идет о красочности костюма, достигнутой с помощью вышивки, аппликации, комбинации шитых и подвесных украшений и т.д. Представленные на торгожакских гальках орнаментальные мотивы хорошо поддаются классификации, которая схематически может быть выражена следующим образом

(рис. 18). *Горизонтально построенный орнамент* (всего шесть мотивов): 1 – цепочка ромбов, 2 – ряды треугольников вершинами вверх (“восстановленные” треугольники), 3 – ряды треугольников вершинами вниз (“опущенные” треугольники), 4 – ряды треугольников вершинами друг к другу (“встречное” расположение треугольников), 5 – зигзаг, 6 – “полосное” построение орнамента. Каждый мотив представлен несколькими (21) вариантами. *Вертикально построенный орнамент* (два мотива): 1 – древовидный, или “елочный”, 2 – “полосной”. Выделяется 12 вариантов.

Большинство декоративных элементов на торгожакских гальках находит соответствие в орнаментах на керамике эпохи поздней бронзы, в первую очередь карасукской культуры. Однако декор на торгожакских гальках значительно богаче, чем на карасукской керамике. Некоторые из указанных мотивов встречаются и в изобразительной традиции предшествующего времени, например, прямая сетка – в гравировках на плитах андроновского могильника Сухое Озеро I [Максименков, 1978, рис. 6], крупная косая сетка – в росписях на плитах из окуневского могильника Верхаскиз I [Хаврин, 1997, рис. 4], “встречные” треугольники и ряды заштрихованных ромбов – в материалах окуневского могильника Уйбат V [Лазаретов, 1997, табл. XII, 1 – 2] и др. Сочетание их с орнаментальными мотивами эпохи поздней бронзы создает общий стиль декоративного убранства рассматриваемых галек, который с полным основанием может быть назван “торгажакским”.

Обращает на себя внимание соответствие отдельных мотивов (или их вариантов) определенным местам или элементам костюма: частая косая сетка – “шапочка” и “фон” нижней части изображений;

ряды ромбов с горизонтальной штриховкой и отходящими от них короткими вертикальными черточками – на груди; ряд треугольников с косой штриховкой или полоса, украшенная крестами, – на поясе; древовидные фигуры или “елочный” орнамент – “передник”; “восстановленные” треугольники с косой штриховкой или сеткой – на нижнем крае одежды. Совер-

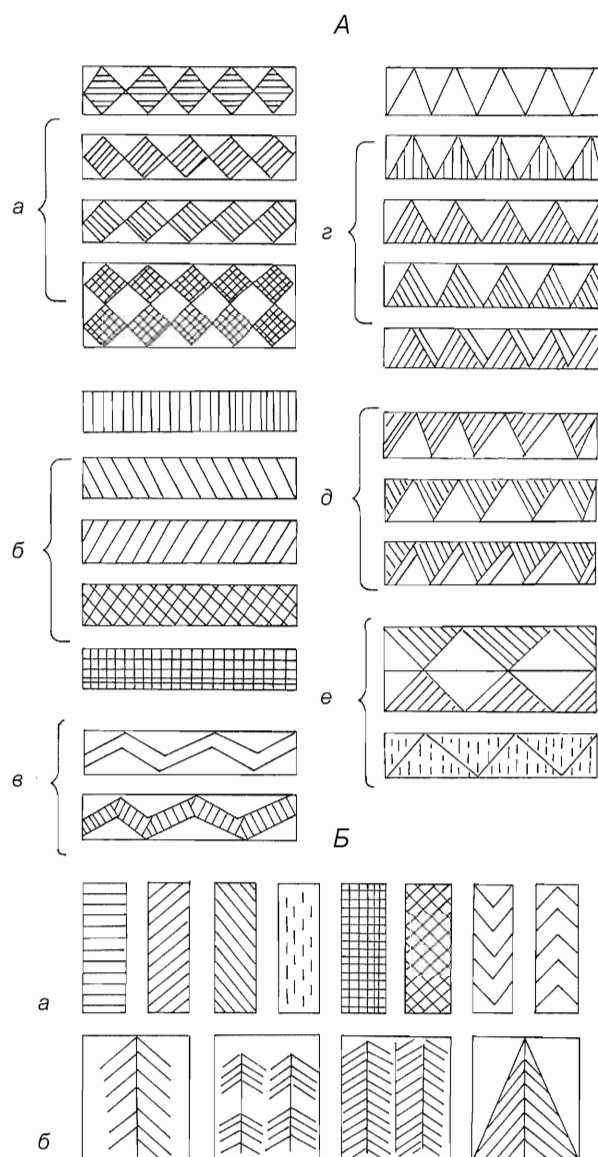

Рис. 18. Орнаментальные мотивы на торгажакских гальках.

А – горизонтальное построение орнамента: а – цепочки заштрихованных ромбов, б – “полосной” орнамент, в – зигзаг, г – “восстановленные” треугольники, д – “опущенные” треугольники, е – “встречное” расположение треугольников; Б – вертикальное построение орнамента: а – “полосной” орнамент, б – древовидные мотивы (“елочка”).

шенно очевидно, что в основе орнаментальной схемы на гравированных гальках из Торгажака лежало представление о реальном образе или костюме, и ее элементы имели не только декоративное, но и смысловое значение.

О том, как в действительности могла выглядеть женская одежда обитательниц Торгажака, можно судить по некоторым гравировкам окуневцев. Так,

Рис. 19. Изображения людей на окуневских плитах из кургана Разлив X.

1 – по М.Н. Пшеницкой, Б.Н. Пяткину [1993]; 2, 3 – по С.Н. Леонтьеву [2001]; 4 – по Н.В. Леонтьеву [1997].

на плитах из кургана Разлив X тонкими резными линиями показаны фигуры стоящих (или идущих) одетых женщин [Пшеницына, Пяткин, 1993, рис. 1]. “Особого внимания, – отмечают исследователи, – заслуживают этнографические черты одежды, реалистически воспроизведенные древними художниками: покроя одежды, аппликации и орнаментации мехом (?), различного фасона головные уборы, украшения для волос, разнообразные прически от сложных укладок до свободно ниспадающих на плечи длинных прядей” [Там же, с. 65 – 66]. К сожалению, пока опубликована только одна плита с подобными изображениями. Прорисовки нескольких (этих же?) фигур мне присланы Н.В. Леонтьевым. Еще одна фигура из Разлива X опубликована в статье С.Н. Леонтьева [2001, рис. 4, 8]. Судя по этим изображениям, окуневские женщины носили длиннополую плечевую одежду свободного покроя, украшенную в нижней части, как и на торгажакских гальках, “елочным” орнаментом (рис. 19, 2). На одном из рисунков у женщины сбоку показан прямоугольник – возможно, это сумка (рис. 19, 3). Прекрасно профильное изображение как бы идущей к “юрте” девушки в приталенной одежде с распущенными волнистыми волосами, подобными

Рис. 20. Элементы культуры нганасан, имеющие аналоги в гравировках из Торжака.
1 – 5 – по Г.Н. Грачевой [1983]; 6 – по С.В. Иванову [1962];
7, 8 – по А.А. Попову [1948].

обозначенным на некоторых “абаканских” пластинках (рис. 19, 1). Судить о конкретных особенностях костюма, изображенного на торгажакских гальках, несмотря на их внешнюю информативность, трудно. Одежда эта могла быть распашной или глухой, зимней или летней.

Самое загадочное изображение на торгажакских гальках – показанная на их оборотной стороне дугообразно изогнутая фигура, как бы подвешенная на плечах, от которой вниз отходят многочисленные линии (подвески?), раздваивающиеся на концах или имеющие стреловидные окончания (см. рис. 13, 4 – 7). Дугообразная фигура орнаментирована таким образом, что кажется плетеной. Данный мотив, судя по его повторяемости, вероятно, отражает вполне конкретную реальность, но назначение его пока не поддается точному определению. В одной из более ранних работ, посвященных Торжаку, нами было высказано предположение, что это изображение подвешен-

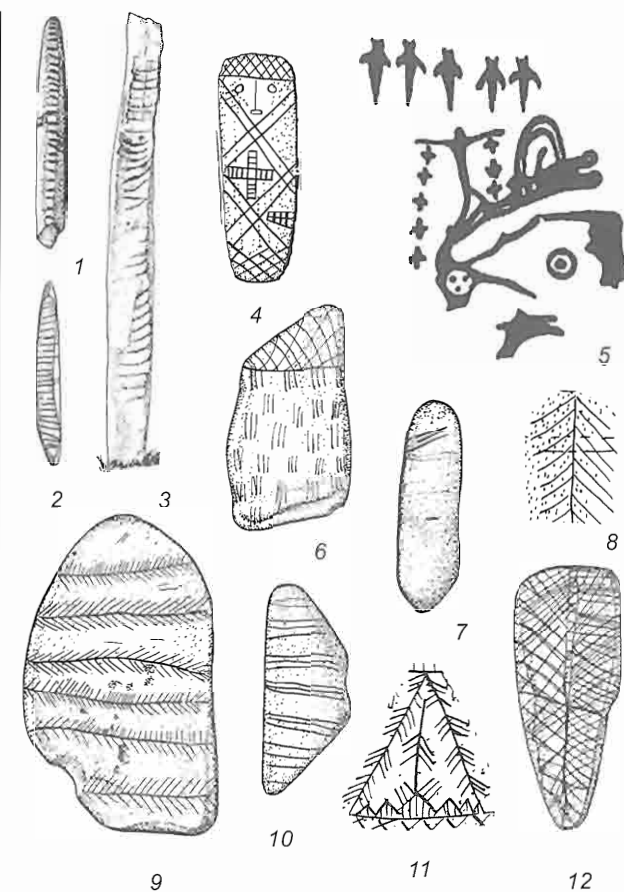

Рис. 21. Идеогаммы на торгажакских гальках
(1, 2, 4, 6 – 12) и их аналоги (3, 5).

3 – изображение на боковой поверхности окуневского изваяния (по Л.Р. Кызласову [1986]), 5 – Шаболинская писаница, фрагмент (по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову [1985]).

ной (?) колыбели, к которой, в свою очередь, крепились подвески-обереги [Савинов, 1995, с. 116]. Не исключено также, что перед нами изображение несохранившейся детали женского костюма. Подобным образом, например рядом разноцветных кожаных ремешков-подвесок, оформлялась спинка женского праздничного костюма у нганасан (рис. 20, 8). Возможно и более глубокое объяснение. В интересной статье А.М. Смирнова показаны щитовидные фигуры на плитах мегалитических гробниц в Бретани (Франция), восходящие, по мнению автора, к изображениям тростниковых “хижин для рождения” в искусстве Месопотамии [2001, рис. 2, 5]. Формально они сопоставимы с дугообразно-изогнутыми фигурами на оборотной стороне торгажакских галек (см. рис. 13, 8 – 11). “Владычица хижин для рождения”, или “Госпожа зародышей”, – богиня Нинхурсаг – один из центральных персонажей в древней мифологии Месопотамии [Мифологический словарь, 1992, с. 400].

Конечно, для каких-либо далеко идущих выводов одного внешнего сходства, а тем более разделенных огромным пространством и временем аналогов, недостаточно. Но история культуры знает немало примеров, когда смысловое содержание образа сохранялось чрезвычайно долго благодаря устойчивой передаче, даже в трансформированном и далеком от оригинала виде, его атрибутов. Если наши рассуждения верны, то становится понятным, почему по форме некоторые гальки напоминают фигуру беременной женщины (см. рис. 13, 1 – 3). Очевидно, “Хижины для рождения” были связаны с “воспроизводством жизни” [Смирнов, 2001, с. 78], а по своему значению это смыкается с предложенной интерпретацией дугообразных фигур на торгажакских гальках как колыбелей, поскольку колыбель это тоже жилище, образно говоря – “хижина для младенца”.

Рисунки-идеограммы представлены в основном на гальках с геометрическими изображениями. Помимо беспорядочно нанесенных линий, о назначении которых судить трудно, выделяются несколько устойчиво повторяющихся мотивов, явно обладающих определенным внутренним (семантическим) содержанием. На боковых сторонах некоторых галек сделаны поперечные насечки – “лесенки” (рис. 21, 1, 2). Такие же поперечные черточки, или “скобчатые” фигуры, встречаются на боковых поверхностях некоторых менгиров и изваяний окуневской культуры (рис. 21, 3) [Кызласов, 1986, рис. 93, 125]. Л.Р. Кызласов трактует их как “перекладины веревочных лестниц” [Там же, с. 196], что по смыслу – символическое изображение пути – близко. Можно предположить, что изображение прямого креста на одной из “запеленутых” галек (рис. 21, 4) соответствует понятию “душа”. Подобные кресты являются элементами известной композиции “испрашивания плодородия” на Шалаболинской писанице [Пяткин, Мартынов, 1985, рис. 68]: “кресты-души” рассыпаются из раскинутых рук небесного “сеятеля” (рис. 21, 5). На многих гальках в различной комбинации показаны три короткие параллельные линии (рис. 21, 6), которые можно было бы рассматривать как орнаментальный мотив, если бы три такие же косые параллельные линии не были одним из наиболее характерных элементов оформления оленных камней. К сожалению, данный символ пока не поддается расшифровке, хотя его присутствие в декоре торгажакских галек может иметь свое объяснение (подробнее об этом см.: [Савинов, 1996, с. 43 – 44]). Три косые параллельные линии имеются в верхней части одной из торгажакских галек сигарообразной формы (рис. 21, 7). Безусловно несут смысловую нагрузку и вертикальная линия на оборотной стороне некоторых “запеленутых” галек (рис. 21, 12), и по-разному оформленные древообразные фигуры, которые обычно показаны в нижней части лицевой поверхности “одетых” фигурок (рис. 21, 8, 11).

Особого внимания заслуживают гальки округлой или подпрямоугольной формы с изображением специальным образом очерченного “поля”. Края гальки за пределами “поля” украшены заштрихованными ромбами или сетчатым орнаментом. В пределах “поля” размещаются геометрические фигуры: прямой или косой крест с различными дополнениями; ряды параллельных, иногда пересеченных черточками линий; вытянутые или расположенные по кругу цепочки заштрихованных ромбов. На некоторых гальках центральное “поле” делится на несколько полос, украшенных “елочкой” (см. рис. 10, 1 – 6). Ясно, что это объекты пространственного значения, но что конкретно стоит за данными изображениями – обитаемое или сакрализованное пространство, образ жилища – сказать трудно. Можно лишь высказать предположение о содержании некоторых рисунков с крестом, представляющих собой, возможно, план построек каркасного типа. Так, прямой крест на одной из галек “дополнен” на концах древовидными фигурами, а посередине пересечен косым крестом (см. рис. 10, 5). По сути как такое же сооружение (типа чума), только в “профиль”, может интерпретироваться и одна из рассмотренных выше идеограмм (см. рис. 21, 11).

На гальке с изображением вписанного в прямоугольник косого креста, найденной А.И. Готлибом на горе Чебаки, с одной стороны от прямоугольника показана небольшая “пристройка”, а с другой – отходящий от креста “шест” с треугольным “флажком” на конце (см. рис. 9, 12). В этой связи обращает на себя внимание, что некоторые гальки по форме и характеру орнаментации напоминают легкие каркасные постройки со сферическим сводом – типа юрты (см. рис. 10, 7, 9). Такие же ассоциации вызывают перекрещивающиеся витые “веревки”, показанные на одной из галек (см. рис. 10, 8). Вполне вероятно, что то же самое в схематичном виде (крупная косая сетка) может быть изображено и на других гальках. О возможности использования легких каркасных построек в карасукское время свидетельствуют гравировки на упоминавшейся выше плите из окуневского могильника Разлив Х. Если приведенные прорисовки точны, то на одной из них изображена “юрта” с низким сферическим сводом и входом с боку (см. рис. 19, 1).

Приведенный анализ реалий и идеограмм, представленных на торгажакских гальках, показывает, что изображения в “торгажакском” стиле в целом основываются на достаточно конкретных, взятых из окружающей действительности элементах материальной культуры, контаминация которых является главным средством выражения одухотворенности запечатленных объектов и персонифицированных образов. Именно в таком сочетании реалистически переданных деталей и понятных создателям этих

изображений условных знаковых обозначений, по всей видимости, и состоит своеобразие торгажакских рисунков. Репродуцируемые в многочисленных повторениях, в равной степени канонические и индивидуальные, торгажакские гравировки с полным основанием могут быть отнесены к древнейшим памятникам народного (“этнографического”) искусства, характерного для носителей карасукской культуры Минусинской котловины конца эпохи бронзы, рубежа II и I тыс. до н.э.

Функциональный аспект. Назначение и характер использования торгажакских галек определяются условиями нахождения в комплексе и особенностями нанесенных на них изображений.

Как уже отмечалось, расположенные вокруг “площади” крупные постройки Торгажака, вероятно, функционировали в основном в весенний или осенний период. И сама “площадь”, имевшая ритуальное назначение, и найденные фаллические предметы, “алтарные” ниши с изображениями лошадей на плитках, орнаментированные гальки, занимающие по количеству второе место после фрагментов керамики, и т.д. достаточно четко выделяют обрядовую сторону жизни обитателей поселения. Вероятно, именно на “площади” проходили сезонные “праздники”. Постройки Торгажака можно назвать “храмовыми” сооружениями.

Гравированные гальки беспорядочно размещались как внутри жилищ, так и в ямах на “площади”. Менее половины из них могут считаться практически целыми. Остальные были разбиты или имеют следы искусственного повреждения. Больше всего разбитых галек (46 шт.) обнаружено в жилище 6, расположенном в стороне от основного комплекса построек Торгажака [Савинов, 1996, табл. II]. Это жилище неправильной формы размерами 3 × 4 м с довольно глубоким котлованом по конструкции отличается от остальных. Не исключено, что в нем гальки складывали (или хранили?), т.е. они были временно изъяты из “обращения”. Гальки, найденные в ямах на “площади”, преимущественно целые.

На многих гальках изображения наносились неоднократно. При этом прежний рисунок стирали, поверхность заново шлифовали и на нее накладывали новое изображение, обычно отличное от предыдущего. Чаще всего такой “процедуре” подвергались “запеленутые” фигурки. Значительно реже подновлялись гальки с геометрическими рисунками. Вполне вероятно, что для подшлифовки поверхности использовались найденные здесь же астрагалы овцы, некоторые из которых сработаны “до основания” [Там же, табл. XIV, 25 – 28]. Иногда новые рисунки делали на обломках уже разбитых галек. С учетом всех наблюдений можно сделать вывод, что торгажакские гальки не были объектами какого-то поклонения или дол-

го хранимыми предметами культа. Исполнение связанных с ними обрядов (или ритуальных действий) носило относительно кратковременный характер: со временем гальки теряли свою “силу”, их разбивали или обращали опять в “неодушевленный” материал.

Каким образом гальки использовались при проведении этих обрядов? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратить внимание на условия залегания галек на “площади”. Как уже отмечалось, здесь было обнаружено более 40 разных по диаметру и глубине ям. На дне выявлены остатки деревянных столбов, обломки каменных плиток, фрагменты керамики. Некоторые плитки оказались вкопанными на дне неглубоких ям, т.е. находились в вертикальном положении, а отдельные образцы были установлены в заполнении ям и возвышались над уровнем древней поверхности. Возможно, что такие ямы засыпались самими участниками обряда. По назначению вертикально вкопанные плитки, скорее всего, идентичны деревянным столбам, обнаруженным в более глубоких ямах. Те и другие могли играть роль “оси коммуникации” при исполнении обрядов, одним из элементов которых было изготовление орнаментированных галек.

Гравированные гальки были найдены на дне четырех ям (№ 16, 17, 28, 30). В подавляющем большинстве они целые, среди них зафиксированы и “одетые” фигурки. Возможно, существовала связь между характером использования галек, которые, скорее всего, помещали (закапывали?) в процессе проведения обрядов, и ритуальными действиями на “площади”. В каждой из указанных ям было найдено по несколько галек (в яме № 16 – семь, в остальных – по пять), что может говорить о возможном количестве участников обряда.

Выше уже отмечались иконографические особенности в передаче причесок и головных уборов на “одетых” (женских) фигурках. Скорее всего ими подчеркивалась социально-возрастная принадлежность женщин, переход которых из одного состояния в другое требовал соответствующего ритуального оформления. Дугообразная фигура на обратной стороне “одетых” галек, независимо от предложенных вариантов интерпретации (изображение колыбели, “хижина для рождения”), указывает на связь между социально-возрастным положением женщины и рождением ребенка, возможно, объединенных в рамках одного обрядового цикла. При этом сами изображения на “одетых” гальках вряд ли следует рассматривать как “портретные”; скорее, это симбиоз наиболее значимых символов, необходимых для успешного проведения обряда.

На “запеленутых” фигурках нет изображений с “занавешенным” лицом и распущенными волосами, поэтому, если не брать во внимание другие иконографические особенности, говорить об идентичности содержания “одетых” и “запеленутых” галек не приходится.

“Запеленутые” фигурки по форме (треугольник, обращенный вершиной вниз), согласно традиционным представлениям, можно интерпретировать как мужские (ср. “одетые” фигурки – треугольник, повернутый вершиной вверх). На некоторых “запеленутых” гальках короткими вертикальными черточками показаны торчащие (?) волосы. Можно предположить, что это “детские” изображения. Полосы или ленты, опоясывающие наискось фигурки “запеленутых” галек, несомненно, представляют реально использовавшиеся изделия, хотя из какого материала они были сделаны (кожа, волос, плетение), конечно, сказать трудно. В этой связи вряд ли можно согласиться с И.В. Ковтуном, относящим перекрещивающиеся ленты на торгajakских гальках, как и змеобразные фигуры на ирменской керамике, к “орнаментально-стилизированным параллелям антропоморфных образов”, которые символизируют профильное изображение человека с подогнутыми ногами [Ковтун, 2001, с. 139, табл. 92]. Л.А. Соколова удачно сопоставила торгajakские “запеленутые” фигурки с изображением перекрещивающихся лент и с реконструкцией детского захоронения в колыбели из окуневского могильника Уйбат V [1995, рис. 1, 1, 2, 4]. По ее мнению, “соплеменники и родственники считали, что обряд захоронения в колыбели (это касается не только детских, но и взрослых погребений. – Д.С.) помогал духу умершего возродиться в его потомках” [Там же, с. 48]. В качестве аналога автор приводит изображение на пластинке “абаканского” типа из Черновой VIII, интерпретируя треугольную фигуру в ее нижней части как “поднятые вверх колени погребенного” [Там же, с. 49]. Однако более правомерно трактовать это изображение как вертикальную дужку колыбели. В этой связи важно отметить, что нижняя часть и некоторых других пластинок “абаканского” типа показана как будто обмотанной поперечными линиями (см. рис. 15, 2, 4, 5). Вполне вероятно, что иконографическая схема “запеленутых” фигурок также восходит к окуневской изобразительной традиции, хотя отсутствие промежуточных “звеньев” не позволяет утверждать это с достаточной определенностью (см. рис. 15, 5, 11).

Известно, что в мировоззрении древних народов понятия “жизнь” и “смерть” очень тесно переплетались. Торгajakские гальки были найдены не в погребениях, а на поселении и, в отличие от окуневских параллелей, прямого отношения к обряду захоронения не имеют. Поэтому гораздо логичнее воспринимать “запеленутые” фигурки в их непосредственно образном значении – как изображения запеленутых детей (или лиц, приравненных к ним). В этом смысле галька могла являться вотивным воспроизведением колыбели с ребенком, но не реальным, а своего рода двойником, своеобразной *чуриной*, одушевление которой и проведение сопутствующих (магических?) ритуалов были необходимы для успешного рождения ребенка.

Естественно, что большинство галек, изображающих детей, теряло свою “силу” с рождением ребенка или достижением им определенного возраста. Однако некоторые образцы, представляющие неродившихся или умерших детей (?), могли отображать облик человека вплоть до его взрослого состояния. Возможно, поэтому на некоторых “запеленутых” гальках изображены “взрослые” лица, такие же, как и на “одетых”. Изображение запеленутого ребенка (или ребенка в колыбели) могло нести и определенную охранительную функцию – как “отвлекающее” от него неблагоприятные воздействия (до или после рождения).

Таким образом, все смысловые значения “одетых” и “запеленутых” галек находятся в одном семантическом поле: женщина – ребенок – колыбель – “хижина для рождения”. Судя по всему, изготовление и использование этих галек было связано с обрядами, обеспечивающими жизненный цикл женщин, благополучное рождение детей, сохранение “души” еще неродившегося (или умершего) ребенка. В этом плане использование торгajakских галек с антропоморфными изображениями типологически предшествует широко известному “культу онгонов”, получившему очень широкое распространение у народов Сибири. Что касается галек с геометрическими изображениями, то разнообразие образцов не дает возможности говорить о их назначении, а тем более содержании соответствующих обрядов в целом, хотя по условиям залегания гальки с такими рисунками не отличаются от галек с антропоморфными изображениями.

Сравнительно-этнографический анализ

Сопоставление археологических и этнографических источников вообще представляет большую сложность, даже если объектом наблюдений является такой яркий и по сути “палеоэтнографический” комплекс, как поселение Торгajak. Теоретическое обоснование возможностей такого сравнительно-этнографического анализа было дано нами в предшествующих работах [1990, 1994]. По нашему мнению, наиболее перспективно не прямое соотнесение археологических и этнографических данных, т.к. любые отдельно взятые параллели могут иметь случайный характер, а опосредованное, предполагающее моделирование системы связей на “археологическом уровне” (что и было сделано выше) и выбор соответствующей модели на этнографическом материале, за ним – поиск конкретных аналогов и реконструкция явления в целом. Ключевым условием при этом является правильный выбор этнографической модели, связь которой с археологическим комплексом должна быть подкреплена нарративными источниками.

В этом отношении наибольший интерес вызывают нганасаны, живущие на Таймыре, в самой северной зоне бассейна Енисея. Следует отметить, что в начале 1950-х гг. Б.О. Долгих выделил в этнографической культуре нганасан ряд элементов, имеющих параллели в карасукской культуре эпохи бронзы на территории Южной Сибири: отдельные виды украшений (видоизмененные лапчатые подвески и подвески-луницы), ножи изогнутой (коленчатой) формы, традиция изготовления каменных антропоморфных изображений (в середине прошлого столетия изваяния окуневской культуры относились к карасукскому времени), обряд фала-футу (прохождения через “каменные ворота”) – далекое воспоминание о погребальных сооружениях носителей карасукской культуры [1951, 1961]. Кеты, имеющие в своей культуре аналоги названных элементов, возможно, были посредниками в передаче данных традиций в среде енисейских племен, с юга на север. “Древняя северная культура, сохранившаяся в настоящее время у энцев и нганасан, – писал Б.О. Долгих, – носит следы значительного влияния карасукской культуры... Вероятно, предки кетов были связующим звеном между предками энцев (живущих южнее нганасан, но севернее кетов. – Д.С.) и носителями карасукской культуры” [1961, с. 110].

Поиски истоков отдельных элементов культуры нганасан были продолжены Г.Н. Грачевой. Она выявила сходство между “солнечными” тамгами нганасан и некоторыми деталями изображений на изваяниях окуневской культуры [1990, с. 104 – 105, рис. 1, 2]; общую цветовую гамму в раскраске шаманского костюма у нганасан и в росписях на стенках каменных ящиков из Кара-Кола [1987]; смысловое соответствие “многоярусных” антропоморфных изображений, символизирующих генеалогическое древо в петроглифах эпохи бронзы Центральной Азии и Южной Сибири, орнаментальным композициям нганасан [1990, с. 106 – 108, рис. 3 – 5].

В свете приведенных данных о длительном сохранении окуневской изобразительной традиции в карасукской культуре между наблюдениями Б.О. Долгих и Г.Н. Грачевой нет противоречия. По антропологическим материалам, часть карасукцев сформировалась на основе окуневского субстрата [Громов, 2000]. Важно и то, что этническая принадлежность окуневской культуры (и культур окуневского круга) определяется некоторыми исследователями как протосамодийская [Вадеевская, 1983]. Все это вместе позволяет говорить, если не о переселении потомков карасукцев на север, как это представлял себе Б.О. Долгих, то во всяком случае о древней субстратной основе племен бассейна Енисея и некоторых общих особенностях их культуры, удивительным образом сохранившихся и адаптировавшихся к новым условиям у нганасан. Естественно, что речь может идти только о весьма ограниченной и в

целом “заинтересованной” выборке элементов чрезвычайно своеобразной и яркой культуры нганасан; однако количество этих элементов показывает, что их соответствие карасукским, в частности торгажакским, материалам вряд ли случайно.

По своему функциональному назначению торгажакские гальки скорее всего напоминают нганасанские *койка* – “материальные воплощения второстепенных духов-хозяев, покровительствующих членам одного рода или семьи” [Попов, 1984, с. 66]. Показательно, что нганасаны предпочитали иметь *койка* из камня, “от больших каменных выступов скал... до маленьких, сглаженных водой камешков (гальки. – Д.С.)” [Грачева, 1983, с. 32]. *Койка*, связанные с рождением ребенка, делали и в виде антропоморфных изображений. Так, при неудачных родах “можно было обратиться непосредственно к Солнцу-матери, так как она держит в своих руках нити жизни – солнечные лучи, или к Огню-матери – непосредственно или через идола, сделанного из красного тальника специально для этого случая”. Этот “идол”, или *Туй-койка*, представляющий собой женскую фигурку в длинной одежде, украшенной орнаментом, с “мешком” и другими принадлежностями на поясе (см. рис. 20, 1) [Там же, с. 25, рис. 1], напоминает “одетые” женские фигурки из Торгажака.

Среди шаманских бубнов у нганасан выделяется *Ны тидупся хендир* (“женщинам помогающий бубен”), использовавшийся при камлании для облегчения родов. В нижней его части привязывалось маленькое изображение люльки – колыбели “верхнего доброго божества”. “Когда шаман спрашивает у него имя ребенка, божество до тех пор не верит, пока шаман не покажет ему эту люльку” [Попов, 1984, с. 143, рис. 25]. По своим конструктивным особенностям (овальный короб с одной вертикальной дужкой) “люлька” на шаманском бубне у нганасан аналогична колыбели, найденной в детском погребении на могильнике Уйбат V и, возможно, фигуре, представленной на оборотной стороне “одетых” галек. Положение запеленутого ребенка в Уйбате V в полной мере соответствует иконографической схеме на “запеленутых” гальках из Торгажака (см. рис. 20, 7). На одном из нганасанских бубнов были подвешены четыре изогнутые пластины – “если роженица сильно страдает, шаман снимает ремешок с пластинами и опоясывает им роженицу” [Там же, с. 143]. По своей форме и характеру расположения эти пластины соответствуют подвескам-луницам на женском *комбинэ*, которые Б.О. Долгих рассматривал как элемент культуры нганасан, связанный с карасукской культурой.

На днище детских колыбелей мальчиков, как и на некоторых гальках из Торгажака, нганасаны наносили крест [Грачева, 1983, рис. 8, а]. Фигуры вокруг этого креста (“спальное место ребенка”) по своим очертаниям напоминают гальку (см. рис. 20, 3); причем

внешняя показана красной краской, внутренняя – черной, крест – красной. “Красное перекрестие в черном овале обозначало солнце и огонь” [Там же, с. 41]. Крестообразная фигура из параллельных линий без внешнего оформления могла наноситься на “любой люльке”, как у мальчиков, так и у девочек (см. рис. 20, 2). “Дети, находившиеся в люльке... были как бы двух миров. Над родившимися все время висела угроза перехода в другой мир”, т.к. они еще “не успели оставить в этом мире какую-либо значительную часть своей жизни. Она живет только в люльке ребенка. ...С целью ограждать детей от болезни и смерти” на бубне также рисовали черное изображение люльки [Там же, с. 87]. Кроме того, у нганасан существовало, по-видимому, уже очень “глухое”, представление о “двойнике” ребенка, хранившемся в колыбели. Считалось, что “если отдать люльку, в которой вырос ребенок, даже если он уже взрослый, в этой семье будут рождаться больные дети” [Грачева, 1976, с. 47].

Изображенные в нижней части нганасанского бубна “тени умерших”, т.е. “людей, как бы нанизанных на одну связку” [Грачева, 1983, с. 86, рис. 13, в], внешне соответствуют древовидным фигурам в нижней части торгожакских галек (см. рис. 20, 5). Девушкам в случае смерти обязательно закрывали (“занавешивали”) лицо опушкой погребальной шапки [Там же, с. 90]. Умерших юношей клали в ножной мешок, иногда в вытянутом положении и, как и остальных покойных, обычно связывали, т.е. “пеленали” [Там же, с. 91, 118]. Таким образом, внешние проявления ритуалов, связанных с рождением и смертью, в некоторых случаях совпадали, что не должно вызывать удивления. Как уже отмечалось, грань между понятиями “жизнь” и “смерть” в мировоззрении древних народов была весьма относительной.

Крайне интересны материалы по одежде нганасан. Согласно исследованию Г.Н. Грачевой, у нганасан существовало три вида одежды: будничная (*лу*), без орнамента; праздничная, она же “танцевальная” (*тосодя лу*), основная особенность которой “состоит в том, что ее оформление мозаичным орнаментом и ровдужной бахромой показывало половозрастное и семейное положение ее владельца”, и “приготовленная” – свадебная, она же погребальная, (*тонгала лу*), носившаяся, в отличие от других, с поясом и головным убором (*лукуа*), которым можно было закрывать лицо [Там же, с. 80]. Особое внимание уделялось оформлению спинки одежды: ее украшали многочисленными ремешками-подвесками, например, на шаманской парке были ровдужные подвески красного цвета с тремя, иногда двумя разветвлениями на концах. “Вся подвеска изображала мать, детей, их возможное потомство” [Там же, с. 139, рис. 23]. Такие же линии, раздваивающиеся на концах, изображены на “спинках” торгожакских галек (см. рис. 20, 4).

Для ношения культовых предметов были специальные орнаментированные сумки [Иванов, 1954, рис. 66]. Считается, что нганасаны пользовались и глухой, и распашной одеждой; однако, как предполагают Б.О. Долгих и Л.А. Файнберг, прежде, до переселения на Север, вся одежда нганасан была распашной, близкой по крою тунгусскому костюму [1960, с. 42 – 43]. В целом одежда, изображенная на торгожакских галках, распашная, украшенная геометрическим орнаментом, элементы которого расположены рядами, друг над другом, с подвешенными к поясу предметами и специальным образом оформленной спинкой, удивительным образом напоминает свадебную (погребальную) одежду нганасан, которую изготавливали в соответствии с принадлежностью девушки/женщины к определенной возрастной группе [Попов, 1948, табл. 24 – 25, 27 – 28 и др.; Грачева, 1983, рис. 11].

Все элементы орнамента на нганасанском костюме имели свое строго определенное место и смысловое значение [Симченко, 1963а]. “До наступления совершеннолетия, – отмечает Ю.Б. Симченко, – юноши и девушки носят только один орнамент... Вступление в матримониальное состояние влечет за собой изменение орнаментальных украшений в одежде” [Там же, с. 171]. При орнаментации металлических предметов нганасаны использовали целый ряд элементов, о которых говорилось в связи с анализом горизонтально построенных орнаментов: штриховка – косая и прямая, треугольники – “опущенные”, “восстановленные” и с “удвоенным контуром” и др. [Иванов, 1962, рис. 9]. Как отдельный мотив встречаются три короткие параллельные линии, столь характерные для орнаментации торгожакских галек.

Обычай нганасан создавать специальные ритуальные (“праздничные”) сооружения запечатлен в знаменитом празднике “чистого чума”, который блестяще описан А.А. Поповым [1936, с. 61 – 83]. Участники этого праздника, как правило, пользовались одеждой *тосодя лу* [Грачева, 1983, с. 80]. Однако, как было установлено Ю.Б. Симченко, шаманскому празднику “чистого чума” стадийно предшествовал другой праздник – *Аны’ о-дялы* (“большой день”), приуроченный “к тому времени, когда начнет таять снег и покажется земля”, т.е. к весне. На праздник *Аны’ о-дялы* надевали свадебную, или погребальную, одежду (*тонгала лу*), украшенную орнаментами красного, черного и желтого цвета, а также “медными металлическими пластинами, аналоги которых Б.О. Долгих находит в археологических материалах карасукской культуры” [Симченко, 1963б, с. 171]. Распорядительницами на нем были самые старые женщины. Одним из основных был обряд “испрашивания плодородия”. При этом все жертвоприношения носили коллективный характер, “независимо от того, люди каких ро-

дов участвовали в празднике и в каком количестве присутствовали представители каждого рода [Там же, с. 173]. Г.Н. Грачева отмечает, что *тангала лу* (“обрядовая одежда”) “предназначалась исключительно для случаев, подобных инициациям – для праздника *Аны’ о-дялы*, свадьбы, смерти”, когда “все общество, участвующее в обряде, как бы обновляется за счет притока молодых сил и переживает момент нового рождения” [1983, с. 82 – 83]. Нечто подобное можно предполагать и для всего цикла ритуальных действий, проводившихся на Торгажаке.

Ни один из приведенных примеров не противоречит интерпретации, вытекающей из условий залегания торгажакских галек и нанесенных на них изображений. Взятые по отдельности, они носили бы достаточно общий или случайный характер, но все вместе характеризуют определенную этнографическую среду, ту “ауру” культуры, в которой могли появиться и использоваться ритуальные постройки и гравированные гальки из Торгажака.

Заключение

Гравированные гальки из Торгажака представляют собой пример “народного” (в этнографическом значении термина – традиционного) искусства, видимо, вообще характерного для эпохи поздней бронзы. Практика использования галек для нанесения различного рода изображений, имеющая чрезвычайно глубокие корни (начиная от знаменитых “азильских” галек), получила широкое распространение (имеются северо-американские и восточно-сибирские параллели). Однако приемы украшения торгажакских галек, в частности, с антропоморфными изображениями, достаточно специфичны и отражают вполне определенную изобразительную традицию, связанную с окуневской культурой. Пластинки “абаканского” типа, обнаруженные преимущественно в окуневских женских и детских (младенческих) захоронениях, не только имеют стилистическое сходство, но и указывают на тот круг представлений, с которыми было связано изготовление орнаментированных галек, найденных на “площади” и в жилищах Торгажака. Судя по всему, это были сезонные праздники, отражающие идеи культово-генсалоогического порядка, направленные на регуляцию жизненного цикла женщин, благополучное рождение детей и в целом обеспечение процессов “перехода” и реинкарнации, являвшихся важнейшим условием существования любого архаического общества. Сами гравированные гальки, использовавшиеся при проведении соответствующих обрядов и затем терявшие свою “силу”, могли играть роль посредников или символического (материализованного) обозначения желаемого результата. В этом плане они сопоставимы с более поздними *онгонами*, получив-

шими, как известно, широкое распространение в анимистических культах народов Сибири. Вместе с тем антропоморфные рисунки из Торгажака могли иметь и более глубокое содержание, представляя изображения “двойников” или каких-то других объектов “иррациональных”, в первую очередь магических действий.

Несомненно заслуживает внимания несколько неожиданная, но интересная параллель дугообразным фигурам на оборотной поверхности “одетых” галек с изображениями “хижин для рождения”, характерных для более западных культур. Сложную и еще во многом не ясную символику имеют разнообразные рисунки геометрического характера, также каким-то образом использовавшиеся в ритуале. Контаминация всех этих мотивов – антропоморфных образов с чрезвычайно выразительным декоративным оформлением, геометрических рисунков и идеограмм – составляет отличительную особенность *торгажакского изобразительного стиля*. Можно предположить, что генезис этого стиля был достаточно сложным, многолинейным, хотя, кроме четко выделяемого окуневского компонента, пока говорить о его других составляющих трудно. По своему назначению гравированные гальки из Торгажака могут быть определены как произведения *ритуально-прикладного искусства*, в которых изобразительная сторона была четко подчинена задачам функционального использования соответствующей группы изображений. Отраженная в них анимистическая сфера представлений, конечно, уже в трансформированном, но все же узнаваемом виде, сохранилась у нганасан, “степень доверия” к материалам которых вполне обоснована в свете проведенных выше аналогий. Вероятно, нечто подобное дошаманистскому “празднику” *Аны’ о-дялы*, но еще в своих первоначальных формах, происходило в весенние (или осенние?) месяцы в “храмовых” постройках Торгажака.

Список литературы

- Асеев И.В. Аналогии в первобытном искусстве Сибири и Аляски на примере гравированных галек // Гум. науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 109 – 114.
- Вадцкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Вадцкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37 – 87.
- Вадцкая Э.Б. Поиски “самодийцев” на Енисее // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1983. – С. 20 – 23.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 253 с.
- Готлиб А.И. Горные сооружения-“све” – новый вид археологических источников в Минусинской котловине // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Т. 1. – С. 129 – 133.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Гл. ред. вост. лит., 1980. – 255 с.

Грачева Г.Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 44 – 66.

Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (по материалам XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – 172 с.

Грачева Г.Н. Еще одна северная параллель окуневским изображениям // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – С. 119 – 122.

Грачева Г.Н. Следы ранних представлений о природных связях у нганасан // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – М.: Наука, 1990. – С. 98 – 117.

Громов А.В. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 33 с.

Грязнов М.П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. – 1950. – № 12. – С. 128 – 156.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. – М.; Л., 1956. – № 48. – 160 с.

Грязнов М.П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби // Сб. Гос. Эрмитажа. – 1962. – № 22. – С. 26 – 27.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 222 с.

Долгих Б.О. Обрядовые сооружения нганасан и энцев // КСИЭ. – 1951. – № 13. – С. 8 – 14.

Долгих Б.О. О похоронном обряде кетов // СА. – 1961. – № 3. – С. 102 – 112.

Долгих Б.О., Файнберг Л.А. Таймырские нганасаны // ТИЭ. Нов. сер. – 1960. – Т. 56. – С. 9 – 62.

Дэвлет М.А. О жилищах эпохи бронзы по материалам петроглифов // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1992. – Ч. 1. – С. 112 – 116.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука, 1993. – 244 с.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 838 с. – (ТИЭ; Т. 22).

Иванов С.В. Культурно-исторические связи энцев и нганасан по данным орнамента // КСИЭ. – 1962. – № 37. – С. 57 – 66.

Кирюшин Ю.Ф. Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // История, филология и философия. – Новосибирск: Наука, 1991. – Вып. 2. – С. 66 – 69.

Климашевский Э.Л. Орнаментированные гальки из района истока Ангара // Древняя история народов юга Восточной Азии. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. – Вып. 2. – С. 159 – 164.

Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз I, кург. 2 // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 80 – 112.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 181 с.

Крупянка А.А., Табарев А.В. Графика и пластика в искусстве каменного века Дальнего Востока // Гум. науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 68 – 72.

Кузина Г.А. Орнаментированные гальки руднинской культуры // Духовная культура Урала: Тез. докл. – Свердловск, 1987. – С. 8 – 9.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куяма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. НИИ языка и лит., 1991. – С. 3 – 22.

Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири. – СПб.: ИИМК РАН, 1993. – 44 с. – (Археол. изыскания; Вып. 7).

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 206 с.

Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 294 с.

Лазаретов И.П. Керамика поселения Торгажак // Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – С. 33 – 37.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 19 – 64.

Ларичев В.Е. Magna Mater и время (к проблеме астрального характера богов окуневской культуры) // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство. Время. Культура. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 86 – 93.

Левашева В.П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 99 – 104.

Леонтьев Н.В. Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222 – 236.

Леонтьев С.Н. Мелкая пластика окуневской культуры из кургана Черновая XI // Вест. Сиб. ассоц. исследователей первобытного искусства. – 2000. – Вып. 3. – С. 15 – 17.

Леонтьев С.Н. Гравированные гальки Торгажака (к семантике некоторых изображений) // Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Д.Г. Савинова. – СПб.: СПб. ун-т, 2001. – С. 111 – 116.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Максименков Г.А. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 3 – 34.

Мачинский Д.А., Чугунов К.В. Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая (пути генезиса, археологический и семантический аспекты) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. – СПб., 1998. – С. 183 – 188.

Мифологический словарь. – М.: Лада-Маком, 1992. – С. 400.

Павлов П.Г. К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. – СПб.: ИИМК РАН, 1995. – С. 47 – 56. – (Археол. изыскания; Вып. 24).

Подольский М.Л. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 168 – 201.

- Попов А.А.** Тавгийцы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 110 с.
- Попов А.А.** Нганасаны: Материальная культура. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 116 с.
- Попов А.А.** Нганасаны: Социальное устройство и верования. – Л.: Наука, 1984. – 150 с.
- Пшеницына М.Н., Пяткин Б.Н.** Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. – 1993. – № 209. – С. 58 – 67.
- Пяткин Б.Н., Мартынов А.И.** Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Краснояр. ун-т, 1985. – 192 с.
- Савинов Д.Г.** Об основных принципах археолого-этнографических реконструкций // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – С. 5 – 8.
- Савинов Д.Г.** Открытие карасукского поселения Торгажак в Хакасии (предварительное сообщение) // Древние культуры и археологические изыскания. – СПб.: ИИМК РАН, 1991. – С. 17 – 21.
- Савинов Д.Г.** Основные вопросы теории палеоэтнографических исследований // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Материалы Всерос. семинара “Интеграция археологических и этнографических исследований”. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1994. – Вып. 2. – С. 130 – 132.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфные изображения на гальках из Торгажака (новые материалы о южных истоках культуры нганасан) // “Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...”: Сб. статей, посвящ. памяти этнографов Г.Н. Грачевой и В.И. Васильева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 107 – 120.
- Савинов Д.Г.** Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – 105 с.
- Савинов Д.Г.** Жилища Торгажака – якутский балаган: опыт историко-культурной корреляции // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Междунар. симп. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 514 – 522.
- Савинов Д.Г., Членова Н.Л.** Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 72 – 94.
- Севастьянова Э.А.** Работы у станции Аскиз // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 241 – 242.
- Семенов В.А.** Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – 135 с.
- Симченко Ю.Б.** Праздник Аны’ о-дялы у авамских нганасан // ТИЭ. Нов. сер. – 1963а. – Т. 84. – С. 168 – 179.
- Симченко Ю.Б.** Нганасанские орнаменты // СЭ. – 1963б. – № 3. – С. 166 – 171.
- Смирнов А.М.** Изображения храмовых структур и сюжетов в европейском мегалитическом искусстве в IV – III тыс. до н.э.: опыт идентификации // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 60 – 89.
- Соколова Л.А.** Погребение в колыбели окуневского могильника Уйбат V // Археол. вестник. – 1995. – № 4. – С. 45 – 50.
- Хаврин С.В.** Могильник Верхний Аскиз I, кург. 1 // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 65 – 79.
- Ченченкова О.П.** Некоторые особенности семантики орнаментированных костей эпохи энеолита из Северного Казахстана // Проблемы изучения окуневской культуры: Тез. докл. – СПб., 1995. – С. 63 – 67.
- Черников С.С.** Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. – 1960. – № 88. – 271 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.
- Членова Н.Л.** Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 246 с.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 327 с.
- Ackerman R.E.** Art or Magic: the incised pebbles from Southern Alaska // Michigan Archaeologist. – 1965. – Vol. 11, N 3/4. – P. 181 – 188.
- Molodin V.J., Kiseleva E.A.** The dogu phenomenon within the context of Eurasian and American cultures (Statement of the problem) // Northeast Asian Study. Ser. 2. – 1998. – P. 1 – 14.

Материал поступил в редколлегию 6.01.03 г.

УДК 903.5

В.И. Молодин, А.В. Новиков, А.И. СоловьевИнститут археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА КАЛЬДЖИН-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции)*

Введение

В 90-х гг. XX в. двумя археологическими отрядами Института археологии и этнографии СО РАН на плоскогорье Укок (юго-западная часть Горного Алтая) проводились археологические работы, в ходе которых была открыта серия курганов пазырыкской культуры с мерзлотой, обогативших человечество уникальными образцами пластического и декоративно-прикладного искусства скифского времени [Полосьмак, 1994, 2001; Феномен..., 2000], результаты анализа которых стали основой концепции культурно-исторического развития обитателей региона от эпохи палеолита до этнографической современности [Древние культуры..., 1994; Молодин, 1997; Молодин, Черемисин, 1999; и др.]. Важное место в этих исследованиях отводилось изучению памятников древнетюркского времени. Экспедициями было раскопано несколько погребальных и культовых комплексов, относящихся к периоду расцвета курайской культуры – господства в Центральной Азии Уйгурского каганата [Савинов, 1994а, с. 150].

Раскопки могильника Кальджин-8, в т.ч. кургана пазырыкской культуры (№ 2) [Полосьмак, Молодин, 2000, с. 81] и погребения эпохи позднего средневековья (кург. № 4), позволили получить оригинальные материалы, интересные как с точки зрения динамики этнокультурной ситуации в регионе, так и семантики отдельных

черт погребальной обрядности древнетюркской эпохи. В одном из захоронений *in situ* были обнаружены остатки седла, по которым можно создать его реконструкцию.

Характеристика погребальных комплексов

Могильник Кальджин-8 расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Ак-Алаха (рис. 1, 2) в 0,45 км к юго-западу от устья р. Кальджин, в 0,35 км к югу от его правого берега (рис. 3). Памятник состоял из четырех объектов, представлявших собой задерно-

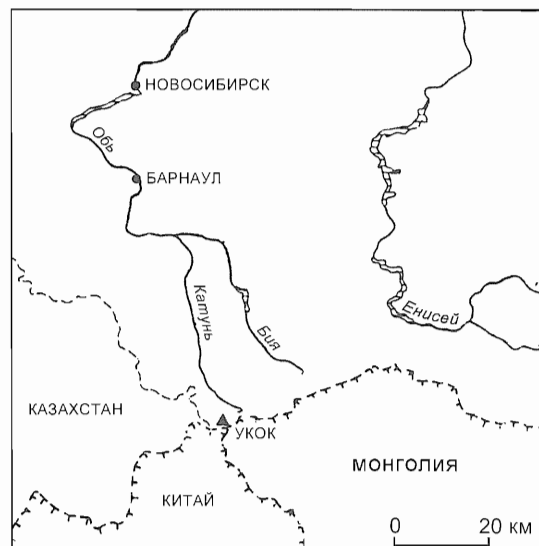

Рис. 1. Схема расположения плоскогорья Укок.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Этнокультурные взаимодействия в Евразии".

Рис. 2. Ландшафт в районе расположения памятника Кальджин-8.

Рис. 3. Карта-схема расположения археологических памятников на плоскогорье Ужук (стрелкой обозначен могильник Кальджин-8)

ванные насыпи из крупных окатанных рекой валунов и плиток сланца (рис. 4). Это были разновременные погребальные комплексы, два (кург. № 1, 3) из которых датированы древнетюркским временем. Именно об этих объектах и пойдет речь в настоящей статье.

Курган № 1 овальной в плане формы, длина по линии север – юг составляет 3,4 м, по линии запад – восток – 5,8 м, высота насыпи над уровнем современной поверхности 0,21 м (рис. 5). В конст-

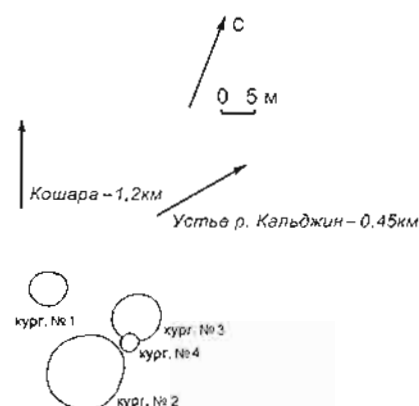

Рис. 4. План курганного могильника Кальджин-8.

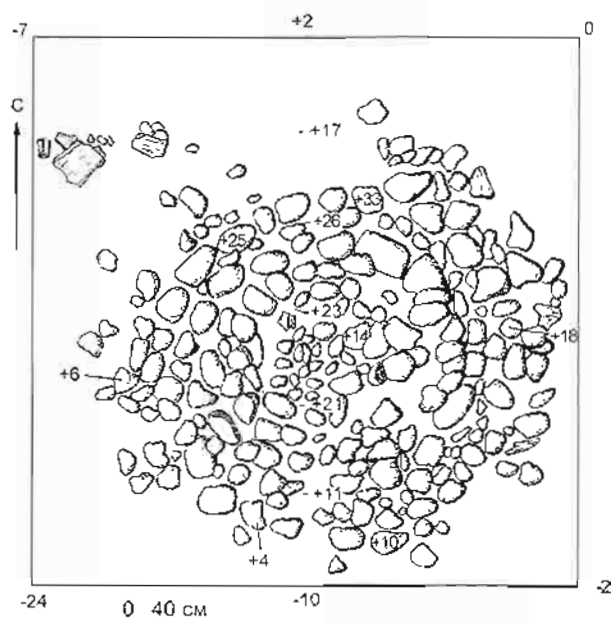

Рис. 5. Насыпь кург. № 1 после расчистки дерна. Курганый могильник Кальджин-8.

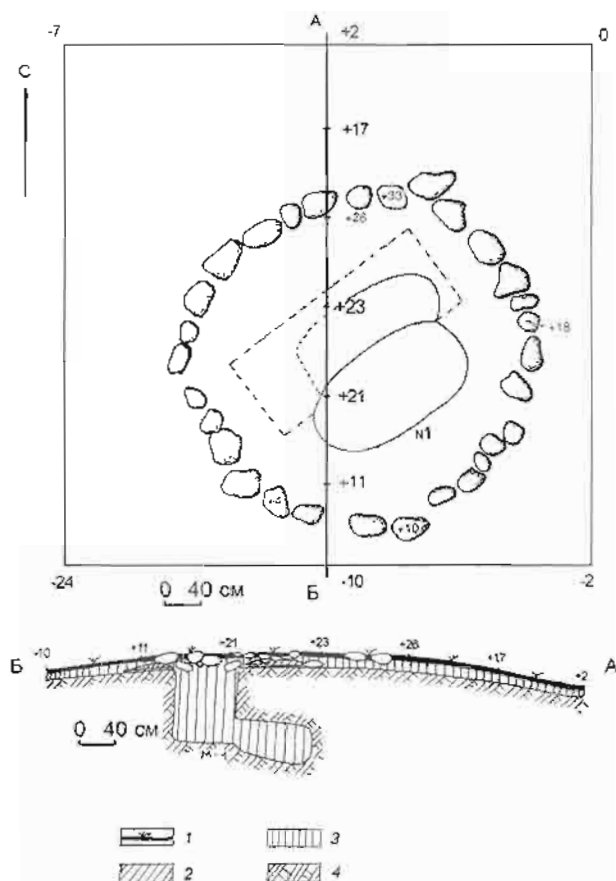

Рис. 6. Кольцо из крупного валунистика вокруг погребения и разрез насыпи и могилы кург. № 1.
1 – дерн, 2 – светло-коричневая супесь, 3 – серая супесь без вкрапления щебня, 4 – желтый суглинок.

рукции кургана отчетливо прослеживалось кольцо-ограда из наиболее крупного валунистика (приблизительно 0,5 м в поперечнике) диаметром 3,5–4 м (рис. 6, 7). Погребение находилось в центре ограды.

Могильная яма овальной формы размерами 1,8 × 1,12 м и глубиной от уровня материка 0,75 м была ориентирована продольной осью по линии северо-запад – юго-восток. На глубине 0,38 м от уровня материка в юго-западной части могилы находилась полная скелет лошади (рис. 8, 9). Судя по хорошо сохранившимся зубам, это была молодая особь. Животное было положено в могилу на животе с поджатыми ногами, ориентировано на юго-запад, голова повернута вдоль корпуса (“внутри” могилы). Лошадь погребения взнузданной и “под седлом”. Между челюстями были обнаружены железные удила (рис. 10, 9) и железное 8-образное стремя (рис. 10, 8), а на правых ребрах – еще одно стремя этого же типа. Среди костей лошади выявлены роговые фрагменты лука седла (рис. 11). На костях скелета зафиксированы остатки

Рис. 7. Кольцо из крупного валунистика вокруг погребения кург. № 1. Курганный могильник Кальджин-8.

древесного тлена. У правых ребер найдена костяная пряжка, скорее всего подпружная (рис. 10, 3), рядом с ней – кость ноги овцы.

В процессе зачистки стенок в северо-западной части были выявлены следы подбоя. Для дальнейших исследований сделана прямоугольная прирезка размерами 2,6 × 1,1 м. На этом участке на глубине 0,85–1,0 м от уровня материка (чуть глубже захоронения лошади) находился костяк человека.

Погребенная – пожилая женщина* небольшого роста (приблизительно 1,5–1,6 м), судя по расположению костей скелета, была положена в яму на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток (см. рис. 8, 12), с согнутой в локтевом суставе левой рукой и вытянутой вдоль туловища правой. Кость левой кисти находилась на костях таза. Под костями прослеживался слой черной органики толщиной 1–1,5 см, который можно связать, скорее всего, с остатками войлочной подстилки на дне могильной ямы. У левой височной кости обнаружена бронзовая серьга (см. рис. 10, 7), а на правой плечевой кости – костяная рукоять плети (см. рис. 10, 5), от которой до правого крыла таза прослеживались волокна растительного происхождения. У левого крыла таза была найдена костяная концевая накладка ремня (см. рис. 10, 4). У правой бедренной кости с внешней стороны лежала роговая пряжка (рис. 10, 2). Между бедренными костями находилась небольшая подвеска из зуба марала. На грудной клетке и части тазовых костей были зафиксированы фрагменты ткани (остатки одежды или погребального савана).

Курган № 3 округлой формы диаметром до 7 м. Насыпь высотой до 0,3 м от уровня современной поверхности была сложена из речного галечника, с юго-

* Все половозрастные определения выполнены канд. биол. наук Т.А. Чикишевой, за что авторы выражают ей свою признательность.

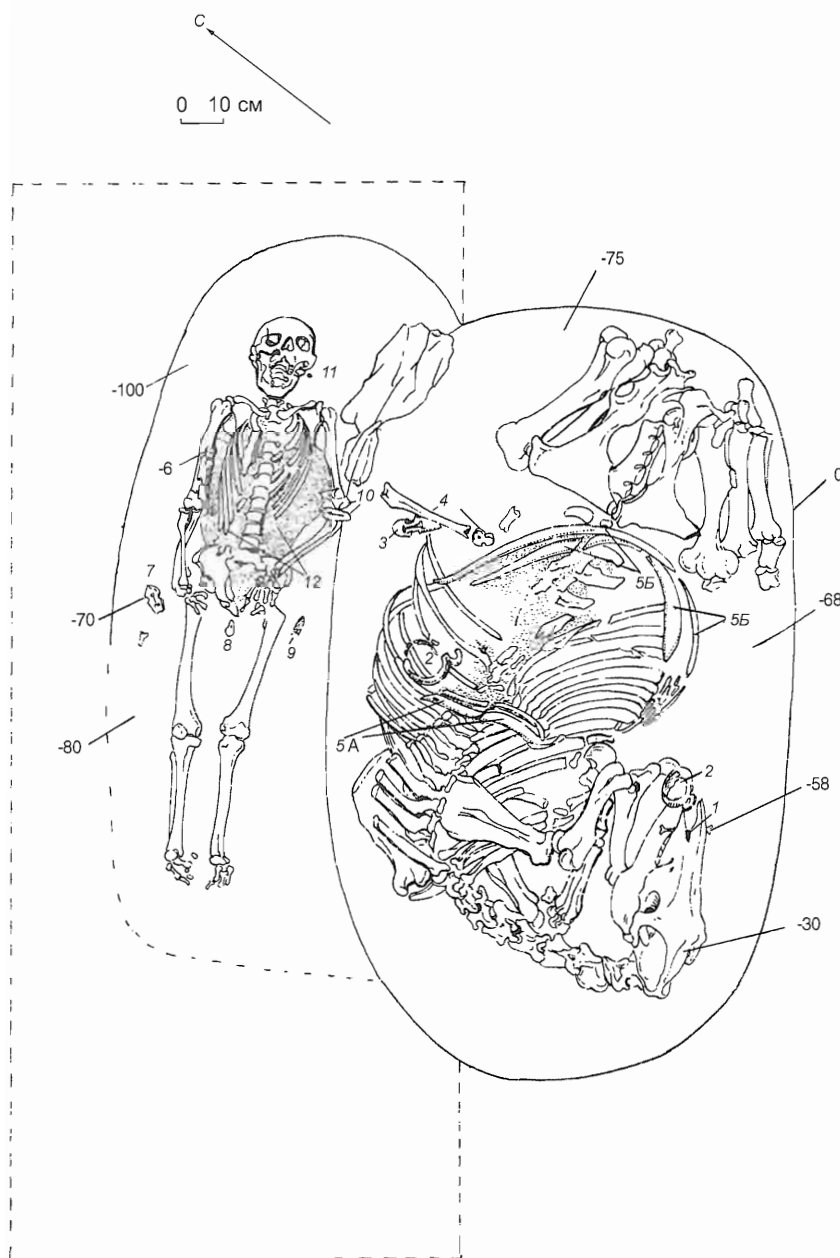

Рис. 8. План погр. № 1 кург. № 1. Курганный могильник Кальджин-8.

1 – удила, 2 – стремяна, 3 – пряжка, 4 – кости барана, 5 – седло (передняя (А) и задняя (Б) луки), 6 – навершие плети, 7 – поясная пряжка, 8 – подвеска, 9 – наконечник ремня, 10 – фрагмент таза барана, 11 – серьга, 12 – органические остатки.

запада к ней примыкала небольшая насыпь кург. № 4 (рис. 13). В ходе разборки насыпи кург. № 3 между камнями были обнаружены мелкие фрагменты костей животных и раздавленный череп лошади без нижней челюсти, лежавший теменной частью вниз.

Исследование позволило выявить некоторые конструктивные особенности и порядок сооружения на-

сыпи кург. № 3: сначала в почве вырыли круглый котлован диаметром 3,8 м и глубиной 0,1 м, затем его стенки по всему периметру укрепили крупными (0,5 м в поперечнике) валунами, а после этого с внешней стороны котлована, вплотную к его краю, выложили внешнее каменное кольцо из валунов (рис. 14), которое завалили более мелкими камнями. Интересно, что сходная последовательность сооружения надмогильной конструкции восстанавливается по материалам погребальных комплексов пазырыкской культуры на Укоке [Молодин, 1992, с. 103 – 106].

В кург. № 3 могильная яма подпрямоугольной формы находилась в центральной части каменного кольца и была ориентирована продольной осью по линии северо-восток-восток – юго-запад-запад (см. рис. 11). Ее размеры 2,7 × 1,85 м, глубина 1,1 м от уровня материка. На дне ямы обнаружены костные остатки человека и лошади (рис. 15).

В могиле находился костяк женщины (?). Умершая была захоронена на спине в вытянутом положении, судя по расположению костей, головой на юго-запад-запад. Череп отсутствовал, на его месте лежал деревянный гребень (рис. 16). На скелете отмечен темно-коричневый органический тлен – очевидно, остатки одежды или ткани, в которую, вероятно, было завернуто тело умершей. Под костями зафиксированы следы подстилки из какого-то растительного материала, покрытого войлоком. При погребении обе руки умершей были слегка разведены, согнуты в локтях и уложены кистями друг на

друга на животе – кости кистей обнаружены на правом крыле таза. В районе таза был обнаружен небольшой железный нож (см. рис. 10, б).

Останки лошади находились слева от скелета человека, на 0,1 м выше него. Между костями зафиксировано несколько вертикально поставленных деревянных колышков; очевидно, это остатки перегород-

Рис. 9. Останки лошади, погребенной в кург. № 1.
Курганный могильник Кальджин-8.

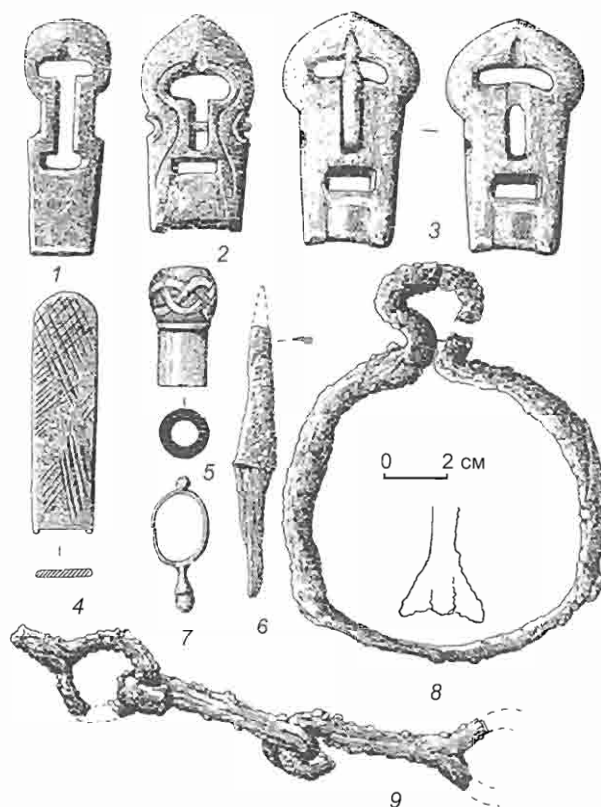

Рис. 10. Предметы тюркского времени
из могильника Кальджин-8.
1, 6 – насыпь кург. № 3; 2 – 5, 7 – 9 – насыпь кург. № 1. 1 – 5 –
рог, кость; 6, 8, 9 – железо; 7 – бронза.

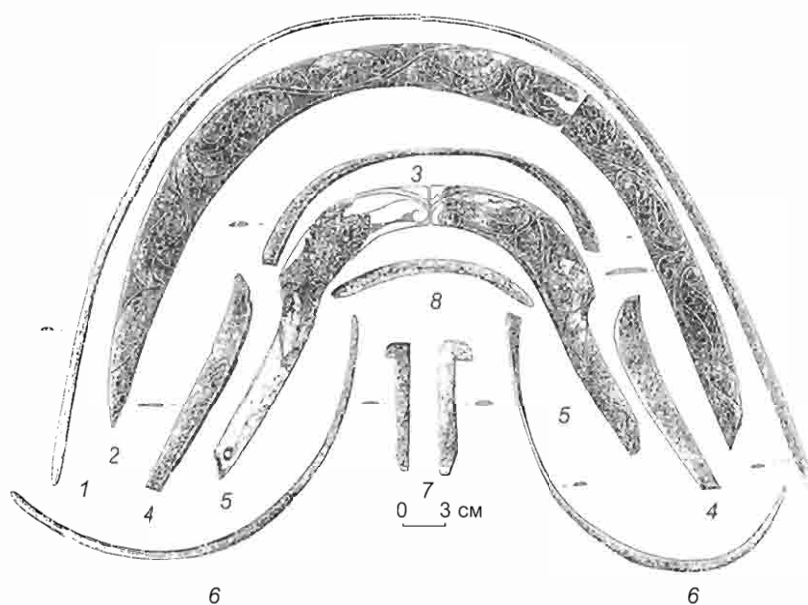

Рис. 11. Фрагменты седла из погребения под насыпью кург. № 1.
1 – кант задней луки, 2 – тыльная обкладка задней луки, 3 – верхний кант передней луки,
4 – боковые канты передней луки, 5 – фронтальная накладка передней луки, 6 – канты
полок седла, 7 – декоративные накладки на фиксирующие клинья, 8 – кант.

Рис. 12. Погребение женщины. Кург. № 1, курганный могильник Кальджин-8.

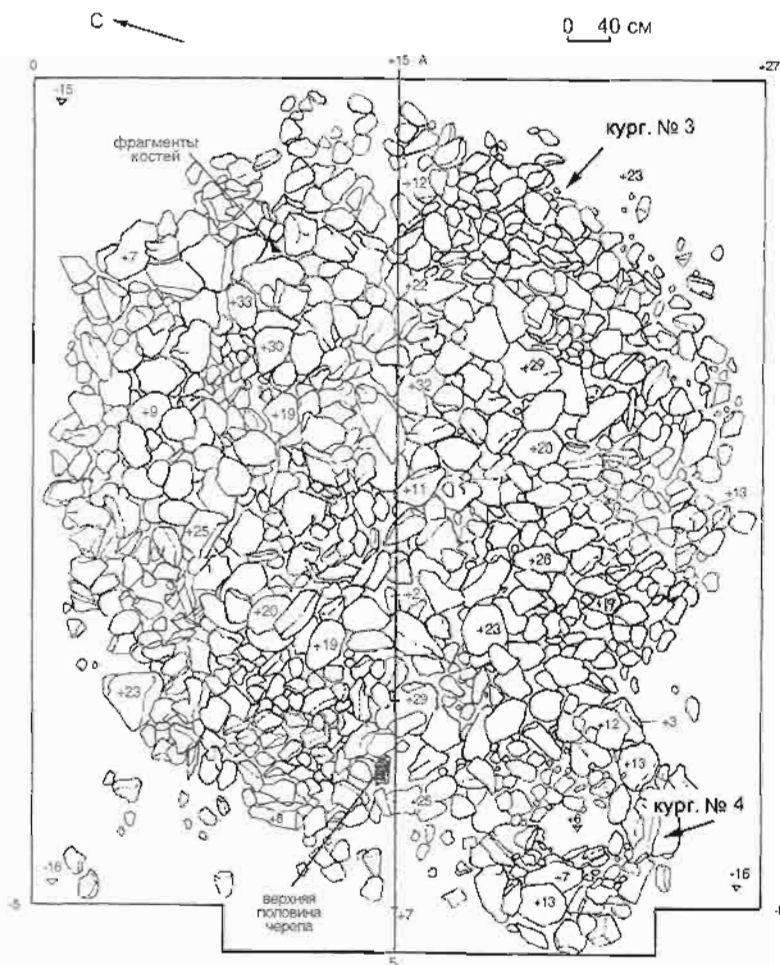

Рис. 13. Насыпи кург. № 3, 4 после снятия дерна. Курганный могильник Кальджин-8.

ки. Судя по положению костей, при погребении лошадь положили на живот с подогнутыми ногами, приподняв голову и развернув шею к корпусу. Сказать что-либо о положении черепа трудно, поскольку участок, где он должен был находиться, сильно потревожен грызуном. Вокруг фаунистических остатков зафиксирован обильный органический тлен, часть которого, несомненно, является следами убранства лошади. На позвоночнике отмечена древесная труха – очевидно, остатки жесткого каркаса седла. Близ кости правой передней ноги лошади найдена роговая пряжка (см. рис. 10, 1). Под костяком животного обнаружены берестяная накладка с кончика ремня и следы окисленного железа, которые, к сожалению, не позволяют судить о типе и форме изделий.

Характеристика инвентаря

Инвентарь в целом невелик, но позволяет делать выводы о хронологии и некоторых культурных особенностях комплексов.

Пряжки. Обнаружено три образца из рога (см. рис. 10, 1 – 3). Все разнотипные.

Ременная пряжка из кург. № 1 (см. рис. 10, 2) относится к однотазовым выделеннорамчатым с рамкой, имеющей ярко выраженный острый носик дужки, и щитком трапецевидной формы. Дата подобных пряжек – IX – XI вв. н.э. Наибольшее распространение изделия этого типа получили у носителей сродкинской культуры и у кимаков Восточного Казахстана [Неверов, 1985, с. 202].

Подпругная пряжка из кург. № 1 (см. рис. 10, 3) довольно своеобразна – все три прорези на ней отделены друг от друга. Она имеет подвижный костяной язычок и относится к отделу выделеннорамчатых, типу сердцевидных. Опубликованные аналоги трехпрорезным пряжкам немногочисленны; некоторые из них (могильник Кокзель) относятся к VII – VIII вв. н.э., но большая часть датируется X – XII вв. н.э. (памятники аскинской культуры, напр., могильник Узун-хай) [Са-

винов, 1984, табл. III, 22; Могильников, 1981, рис. 74, 59, 66]. Известна пряжка (Ташанта III, кург. 10, основное погребение (раскопки В.Д. Кубарева)), которая датируется концом VII – VIII вв. н.э.*

Пряжка из кург. № 3 с круглой рамкой и трапециевидным щитком (см. рис. 10, 1) относится к разделу двухтавровых (приемная прорезь соединена с концевой сплошной прорезью), отделу выделеннорамчатых [Неверов, 1985, с. 196]. Определяющим хронологию данной пряжки признаком является размер щитка, значительно превышающий размер рамки. Эта особенность сближает данную находку с изделиями предмонгольского и монгольского времени. Однако, по нашему мнению, пряжку из кург. № 3 следует связывать с X – XI вв. н.э.

Стремена. В кург. № 1 среди костей погребенной лошади обнаружена пара однотипных железных стремян (см. рис. 10, 8), которые принадлежат к отделу петельчатых, типу округлопетельчатых [Неверов, 1989, с. 91 – 93].

Вопросы хронологии металлических стремян второй половины I тыс. н.э. рассматривались в целом ряде работ (см., напр.: [Амброз, 1973; Кызласов, 1973; Кирпичников, 1975; Вайнштейн, Крюков, 1984; Савинов, 1977]). В отличие от выделеннопластинчатых стремян, петельчатые являются, по мнению С.П. Нестерова, южно-сибирским изобретением [1988, с. 177]. Хронология данного типа достаточно широкая – конец VI – X в. н.э., уточнить дату пока не представляется возможным. Стременам данного типа С.П. Нестеров приводит многочисленные аналоги из могильников второй половины I тыс. н.э. на территории Алтая, Тувы и Минусинской котловины. По его наблюдениям, в VII – VIII вв. н.э. стремяна обозначали социальные различия, например, петельчатые соответствовали рядовым членам общества. Позднее, в IX – X вв. н.э., эта функция утратила свое значение [Нестеров, 1988, с. 180 – 182].

Удила (см. рис. 10, 9). Железные удила из кург. № 1 представляют собой соединение двух асиммет-

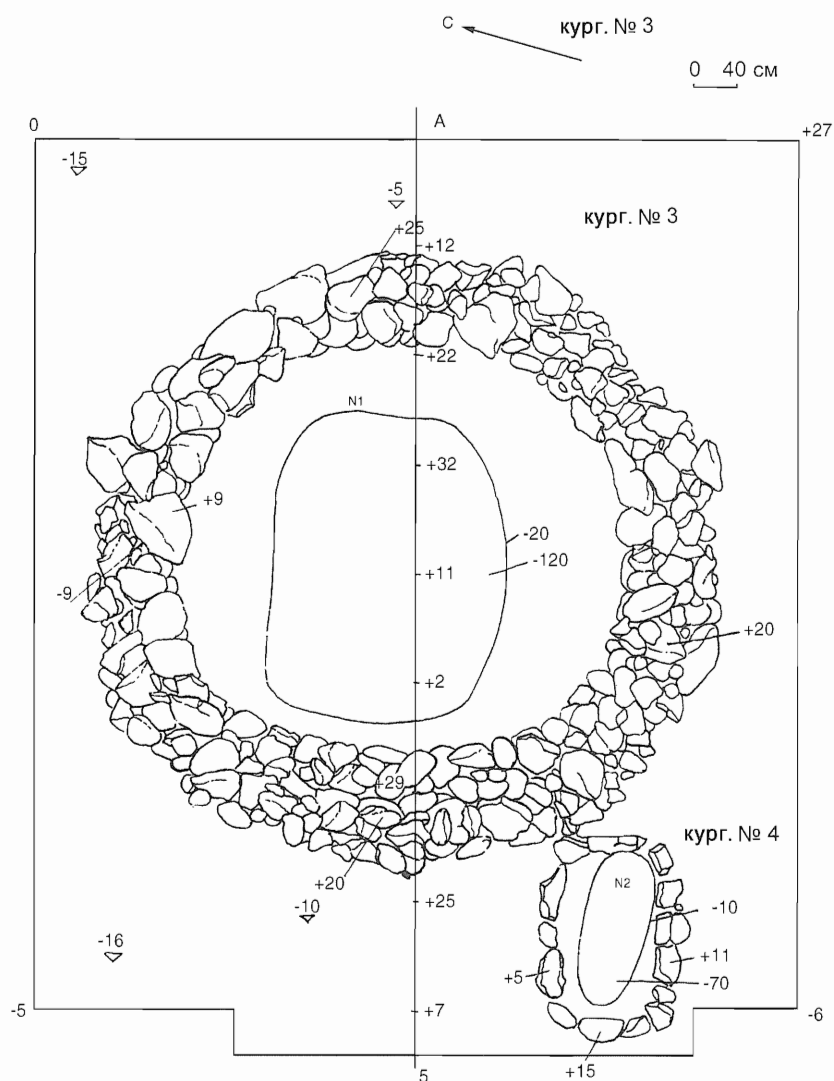

Рис. 14. Каменные кольца и расположение погребений под насыпями кург. № 3, 4. Курганный могильник Кальджин-8.

ричных звеньев (одно из них с кольцом диаметром 32 мм (по внешнему контуру), другое с небольшим кольцом, в которое вставлено еще одно кольцо с “шипом”). Подобные удила, имеющие кольца с “шипами”, известны по находкам из памятников лесостепной Евразии конца I тыс. н.э.

Нож (см. рис. 10, 6). Трехгранный в сечении небольшой черешковый нож обнаружен в кург. № 3. Подобные изделия на территории Алтая бытовали с эпохи ранних кочевников. Нож имел бытовое назначение и, поскольку принадлежит к категории простейших, широкого хронологического диапазона, не может быть использован для уточнения даты погребения.

Подвеска из резца марала из погребения кург. № 1 представляет собой практически необработанный зуб

* Благодарим В.Д. Кубарева за любезно предоставленные сведения из неопубликованных материалов.

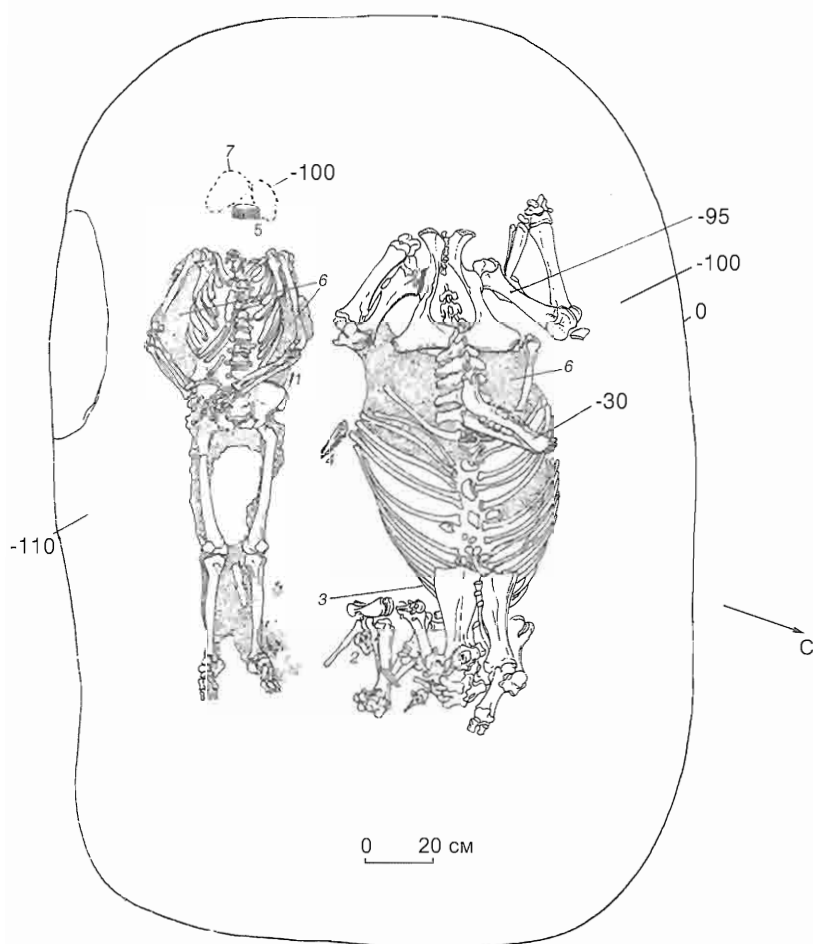

Рис. 15. План погр. № 1 кург. № 3. Курганный могильник Кальджин-8. 1 – нож, 2 – пряжка, 3 – наконечник ремня, 4 – фрагменты жердей, 5 – гребень, 6 – органические остатки, 7 – камни.

животного с небольшим круглым отверстием в корне. Традиция использования подвесок из зубов различных животных в Евразии сохранялась от палеолита до современности.

Рукоять плети. Найдена в кург. № 1. Навершие из кости украшено художественной резьбой (см. рис. 10, 5) и имеет достаточно широкий круг аналогов [Бородовский, 1987, с. 28 – 39; 1993, с. 179 – 189], напр., образец из Хакасии, найденный в 1903 г. В.С. Андриановым у улуса Серова, относящийся к позднему средневековью [Кызласов, 1979, с. 54]. В домонгольский период плети с роговыми рукоятями, оформленными резьбой в виде плетенки, получили очень широкое распространение, не менее популярными были плети с неукрашенными рукоятями [Грач, 1960, с. 138, рис. 86].

Серьга (см. рис. 10, 7). Обнаружена в области черепа женщины в кург. № 1. Представляет собой бронзовое цельнолитое несомкнутое овальное ко-

лечко из проволоки с небольшой шишечкой в верхней части и каплевидной подвеской. Подобные серьги салтовского типа хорошо известны по находкам из памятников в евразийской лесостепи и датируются второй половиной VIII – X в. н.э. [Амброз, 1971, с. 122, рис. 8, 18 – 32; Распопова, 1980, с. 112, рис. 75].

Наконечник ремня (см. рис. 10, 4). Найден в кург. № 1. Выполнен из кости, орнаментирован насечками. Копирует бронзовые наконечники поясных гарнитур тюркского времени. Исследователи неоднократно отмечали связь между социальным статусом владельца ремня и материалом, из которого были изготовлены поясные накладки [Добжанский, 1990, с. 41]. Рассматриваемая находка свидетельствует о низком социальном статусе погребенной.

Гребень (см. рис. 16). Изготовлен из дерева, плохой сохранности. Обнаружен на месте отсутствующего черепа человека в погребении кург. № 3. В средневековых памятниках Южной Сибири деревянные гребни очень редки. Они были обнаружены в Туве – на Салдаме [Кызласов, 1979, с. 194, рис. 151, 2] и Монгун-Тайге (кург. МТ – 57-IX) у головы погребенного в шелковой шапочке вместе с китайским зеркалом [Грач, 1960, с. 22, рис. 21, 24].

Средневековые захоронения людей без головы (на ее месте помещался какой-либо предмет) известны в Южной Сибири. Так, в могильнике Чааты-1 в Туве в погребении кург. № 18 на месте отсутствующей головы находился сосуд [Кызласов, 1979, с. 175 – 177]. Погребения с костяками без черепов зафиксированы и в Западной Сибири, в лесном Приобье, в ареале современного обско-угорского и самодийского населения [Чиндина, 1977, с. 102, 103; Пелих, 1972, с. 264 – 265].

Корректная интерпретация детали погребальной обрядности, зафиксированной в кург. № 3, чрезвычайно сложна. Многочисленные археологические и этнографические реалии свидетельствуют об особом отношении тюркоязычных народов Южной Сибири к голове, волосам и их атрибутам [Шуклина, 2002, с. 558 – 560]. Можно предположить наличие семантической связи – голова – волосы – гребень. У южно-сибирских тюркоязычных народов волосы считались

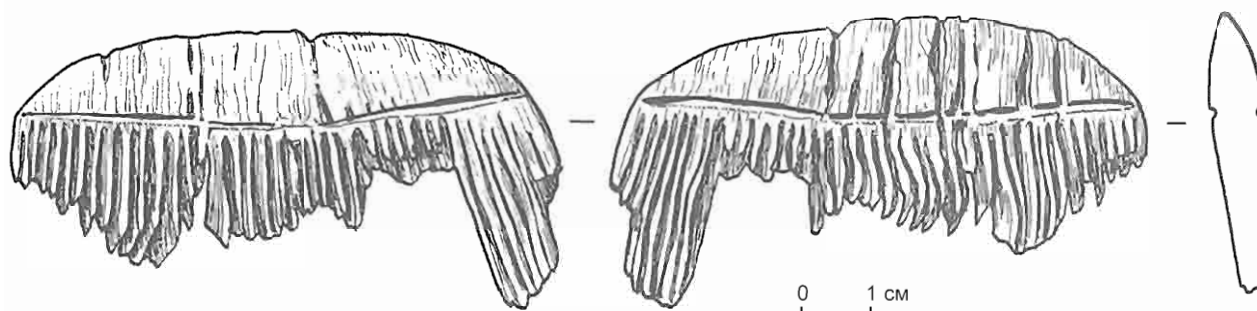

Рис. 16. Деревянный гребень из погр. № 1 кург. № 3. Курганный могильник Кальджин-8.

воплощением непреодолимой силы роста. “В повседневной культуре и обрядовой практике волосы окружались особой заботой. У теленгитов, например, запрещалось выходить с распущенными волосами (распущенные волосы как универсальный признак траура (смерти)) на улицу ночью, так как злые духи могли схватить и унести человека. Женщины, особенно замужние, обязательно закрывали голову платком. Прежде теленгиты избегали стричь волосы, выпавшие же собирали и копили в течение всей жизни. Затем их сплетали в косу и клали в могилу – это была подушка покойного на том свете” [Львова и др., 1989, с. 59]. Напомним, что Албасты – общетюркский мифологический персонаж – обычно изображали в виде уродливой женщины с длинными распущенными светлыми волосами. Считалось, что она обитает вблизи водоемов и обычно является людям, расчесывая волосы. Гребень – один из ее атрибутов [Басилов, 1991, с. 29]. Не исключено, что в кург. № 3 представлены следы ритуального замещения преднамеренно отчлененной и отсутствующей в погребении головы либо гребнем (символ волос), либо волосами вместе с гребнем. Как показывают этнографические параллели, подобное замещение несло в себе значительную смысловую нагрузку.

Археологические материалы, к сожалению, не дают информации для рассуждений о причинах отсутствия головы в рассматриваемом погребальном комплексе. Объяснения этой особенности могут быть разные, например, военный травматизм или специфика обряда погребального цикла. Согласно широко распространенным представлениям у различных народов, эта часть тела связана с какой-то особой жизненной силой и может являться вместилищем души или, как это отчетливо фиксируется в системе традиционных представлений аборигенного обско-угорского и самодийского населения Западной Сибири, одной из душ человека. По данным Г.И. Пелих, предки селькупов, если подозревали, что человек при жизни общался с нечистой силой и одна из его душ (*кэдо*)

была заменена чертом (*кава-лоз*), то стремились не сохранить такую “душу в черепе, а, наоборот, выгнать ее оттуда и уничтожить”. Для этого умершему при погребении отсекали голову, которую затем сжигали или варили над костром, а остатки закапывали в землю [Пелих, 1972, с. 117, 264 – 265].

Седло (см. рис. 12). Вопросам убранства верхового коня – одного из важнейших компонентов культурного наследия кочевых народов – посвящен целый ряд исследований, в которых на материалах Южной Сибири и Юго-Восточной Азии рассмотрен генезис седел с жесткой основой, выделены их типы и основные направления эволюции, закономерности развития стремян, псалий в древнетюркское и монгольское время [Амброз, 1973, с. 81 – 98; Вайнштейн, 1966а, с. 67 – 74; 1972, с. 126 – 136; Гаврилова, 1965, с. 80 – 87; Кызласов, 1979, с. 135 – 140; Савинов, 1977, с. 31 – 47; 1984, с. 131 – 132; Овчинникова, 1990, с. 86 – 129]. В северо-западных предгорьях Алтая В.А. Могильниковым обнаружено несколько костяных накладок (окантовок) седельных луков, в т.ч. полностью сохранившиеся наборы (Гилево XII, кург. № 2; Гилево XIII, кург. № 5) [Могильников, 2002, с. 96, рис. 87; 108, 6]. Исследователь привел небольшую сводку накладок из погребений второй половины I – начала II тыс. н.э. тюркоязычного населения Саяно-Алтая, Тувы, Верхнего Прииртышья, лесостепи Западной Сибири и степей Восточной Европы [Там же, с. 96]. Он отметил, что большинство седел без накладок было обнаружено в могилах рядовых общинников, седла с костяными накладками являлись принадлежностью людей, вероятно, более высокого социального ранга [Там же, с. 96 – 97]. В Горном Алтае, на очень значимом “участке древнетюркского мира”, найдено относительно немного предметов материальной культуры, которые могут быть отнесены к деталям седел второй половины I тыс. н.э. И хотя здесь обнаружены очень яркие накладки, в целом они не расширяют представлений об устройстве собственно “алтайских” седел. Учитывая это, полный набор обкладок луков

из погребения кург. № 1 памятника Кальджин-8 следует считать важным источником информации, поскольку он позволяет восстановить (хотя бы в общих чертах) устройство жесткого каркаса седла, помещенного в могилу.

Комплект накладок включает 16 роговых пластин, которые в соответствии с их местом на деревянном каркасе седла можно отнести к передней и задней лукам и полкам. Первая группа представлена пятью обкладками, три из них торцевые (канты) (см. рис. 11, 3, 4), две – составные части единой фронтальной пластины (см. рис. 11, 5). К сожалению, последние повреждены в месте их стыка между собой. Размеры сохранившихся частей $23 \times 3,7 \times 1,6$ см (правая половинка) и $20 \times 3,6 \times 1,8$ см (левая). Хорошо сохранившаяся роговая окантовка вершины передней луки представляет собой округленно трапецевидную в сечении, плавно изогнутую пластину общей длиной 30 см, шириной 1 – 1,2 см. Лицевая часть накладки украшена орнаментом в виде стеблей растений с завитками; между ними – заштрихованные сеткой участки. На оборотной поверхности видны зоны с характерной для рога пористой структурой, покрытые длинными косыми царапинами. Кант сохранил в боковой проекции уплощенно-арочную форму, некогда соответствовавшую абрису верхней части луки седла. Это подтверждается полным совпадением радиуса кривизны продольной плоскости канта и контура верхней части фронтальной накладки. Иными словами, при совмещении поверхности внутренней части канта и ребра накладки их плоскости плотно, практически без зазоров, примыкают друг к другу. Благодаря этому есть возможность не только восстановить ширину арки луки в верхней части, но и определить размеры недостающих фрагментов накладки. Как представляется, фронтальная накладка передней луки была двусоставной, причем ее части монтировались встык. В комплекте накладных деталей передней луки имеются еще два боковых канта, которые располагались на ребрах деревянного каркаса у правого и левого крыльев фронтальной накладки. Это практически симметричные пластины удлиненно-прямоугольной формы с плавным расширением в верхней трети и небольшим сужением к концам, трапецевидные в сечении. Их размеры $15 \times 1,5 \times 22$ см. На концах пластины несколько изогнуты, наподобие носка лыж (см. рис. 11, 4). Внутренняя поверхность их также заштрихована рядами косых царапин. При совмещении поверхности ребер лицевой накладки и брюшка канта пластины полностью смыкаются по всем плоскостям, включая кривые. Однако канты длиннее крыльев фронтальной накладки и заметно выступают в нижней трети за ее пределы. Таким образом, судя по длине кантов, деревянная часть передней луки седла была намного больше лицевого декоративного рогового покрытия.

Вторая группа пластин относится к облицовке задней луки и представлена четырьмя образцами, которые попарно составляют кант и фронтальную обкладку (см. рис. 11, 1, 2). Кант собирается из длинных односторонне выпуклых дугообразно изогнутых и скрепленных внахлест роговых полосок размерами $62 \times 1,3$ и $25 \times 1,3$ см. Фронтальная обкладка также монтируется из двух плоских дугообразно изогнутых (по оси) разновеликих пластин, соединенных встык. В собранном виде она напоминает слегка зауженный в середине полумесяц. Места стыка аккуратно обрезаны и подогнаны друг к другу. По характеру декора лицевая часть накладки аналогична передней луке. Накладка на заднюю луку короче опоясывающего ее канта, т.е. деревянная основа луки седла, как и передней луки, была больше.

Третья группа (см. рис. 11, 6) объединяет изделия, относящиеся к фронтальным декоративным элементам окантовки торцов полок. Типологически она достаточно однородна и включает четыре узкие односторонне выпуклые дугообразно изогнутые роговые пластины, примерно одинаковой ширины, которая колеблется от 0,6 до 1,2 см. Они составляют попарно. К этой же категории относится фрагмент изделия со слегка скошенными концами. В состав комплекса входят также два Г-образных парных роговых изделия (см. рис. 11, 7) размерами $8,4 \times 1,5 \times 0,9$ и $8,4 \times 2 \times 1$ см. Их внутренняя поверхность, как и у всех других накладок комплекса, заштрихована косыми насечками.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет достаточно полно и точно восстановить целый ряд элементов седла и рассмотреть его конструктивные особенности. Прежде всего отметим, что его луки были разные по очертаниям. Форма передней определяется контуром фронтальной орнаментированной накладки, которая в реконструированном виде по силуэту (рис. 17, 3) весьма близка к накладке на пластине из Кудыргэ.

Передней луке седла из могильника Кальджин-8 в ее реконструированном виде можно найти аналоги среди материалов памятников VIII – X вв. на территории Европы, Сибири и Юго-Восточной Азии. Стилистически с ней очень схожи (хотя имеются некоторые различия) луки седел из кург. 22 могильника Кокэль, погребения начала VIII в. в Шалиате на Северном Кавказе, погр. 960 – 961 гг. в Жэхэ в Китае и могильника Большие Луки-1 в Барабинской лесостепи [Вайнштейн, 1966б, рис. 7, 12, 16, 20; Бороодовский, Новиков, 1983, с. 71, рис. 31]. Из территориально более близких аналогов можно назвать уже упоминавшуюся обкладку из Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XVI, 4] и типологически схожую по орнаментальным мотивам роговую обкладку луки седла из

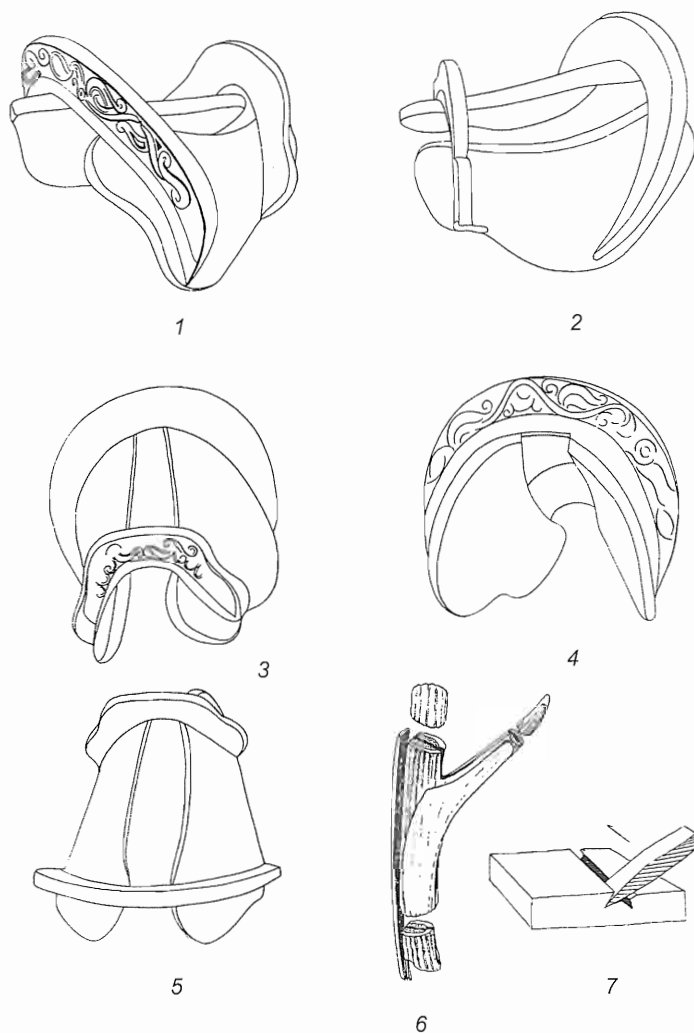

Рис. 17. Проекция модели седла (1 – 5) и схемы раскроя рога (6) и прорезки орнамента (7).

могильника Джолин [Молодин, 1995, рис. 151]. Правда, морфологически последняя значительно отличается от обкладки из Кальджина-8.

Передние концы полок каркаса калджинского седла имели, судя по округлому контуру составленных друг с другом узких роговых пластин окантовки его торца (см. рис. 11, 6), форму неправильного (асимметричного) сегмента (см. рис. 17, 2). Ширина полок седла в месте установки передней луки определяется по длине хорды, стягивающей концы дуги этой роговой окантовки. Именно по этой хорде на полки устанавливались основания крыльев луки.

К сожалению, мы не знаем, имели ли деревянные луки калджинского седла шипы, призванные обеспечить надежное сцепление с краями ленчика, но, очевидно, что скреплялись все эти детали каркаса между собой характерным для древнетюркского

времени способом: их связывали ремешками, которые пропускали через специальные отверстия [Гаврилова, 1965, с. 85, 86; Савинов, 1977, с. 35; Вайнштейн, 1966а, с. 326; Бородовский, Новиков, 1983, с. 71, рис. 31]. В пользу этого предположения свидетельствует отверстие в левом крыле фронтальной костяной обкладки из Кальджина-8. Отсутствие других аналогичных следов скрепления можно легко объяснить тем, что монтажные отверстия проходили сквозь деревянную основу, которая, как отмечалось, была шире накладки. Вероятно, сочленение испытывало достаточно большие нагрузки, поэтому для предотвращения продольного смещения на полках у основания лук детали укрепляли двумя Г-образными брусками. Об этом свидетельствуют роговые “крючки”, декорировавшие поверхность данного узла.

Задняя лука седла, насколько можно судить по конфигурации накладок, имела полулунную форму. Ее лицевая обкладка спинкой по всей длине смыкалась с кантом, который был длиннее, его концы выступали на 8 см. Характерные следы вдоль внутренней поверхности канта и на узкой поверхности внешнего ребра обкладки свидетельствуют о плотном сочленении этих деталей. Это позволяет говорить о том, что орнаментированная роговая пластина фронтальной декоративной накладки была смещена вверх к самой внешней кромке задней луки седла, а следовательно, о наличии неприкрытых деревянных участков и у приостренных вершин ее рогов, и вдоль внутренней вогнутой части “полумесяца” между ними. Пластина была установлена на задней луке. Плоскостная ориентация изделия в купе с пространственными особенностями распространения волокон древесного тлена каркаса седла свидетельствуют о сильном скосе луки назад, что согласуется с принципом установки ее на полки в наклон, зафиксированном по изображениям и “реальным” седлам тюркского времени [Савинов, 1977, с. 31 – 32; Амброз, 1973, с. 96 – 98; Вайнштейн, 1966а, рис. 40, 41]. Говоря об устройстве спинки калдьжинского седла, нельзя не отметить некоторое сужение декоративной пластины в ее центральной части. Возможно, на этот участок приходился небольшой арочный вырез в основании каркаса луки (над хребтом лошади). Наклонные спинки в виде полумесяца с арочным вырезом были характерны для седел древнетюркской эпохи [Савинов, 1977, с. 31; Амброз, 1973, с. 96 – 98; Кызласов, 1979, рис. 96; Вайнштейн, 1966а, табл. XI].

Для проверки правомерности предложенной реконструкции проводилось объемное моделирование седла. Для этого в масштабе были изготовлены декоративные элементы и воссозданы деревянные части жесткого каркаса. В ходе макетирования нашло объяснение характерная изогнутость роговых деталей оригинала, интерпретированная при визуальном анализе материала как следствие его деформации. Выяснилось, что такой профиль деталей в общих чертах согласуется с конструкцией луки, отклоненной назад и вместе с тем слегка вогнутой, как спинка кресла (см. рис. 17, 2). Аналогичный профиль имеет задняя лука седла из кург. № 1 могильника Большие Луки-1 [Бородавский, Новиков, 1983, с. 70 – 71].

В процессе моделирования сочленения спинок седла с полками выяснилось, что последние также должны иметь выгнутую поверхность. В противном случае невозможно достичь ее плотного примыкания к основе наклонной задней спинки и, самое главное, добиться равномерного распределения веса всадника на бока лошади.

Судя по отчетливо различимым кровеносным каналам губчатого вещества рога на внутренней поверхности лицевых обкладок передней луки, сырьем для

них послужил рог марала, точнее, фрагмент части стебля и плоскости короны в зоне ответвления отороска (см. рис. 17, 6). Таким образом, стадию предварительного отбора сырья можно охарактеризовать как поиск материала с заведомо определенными линейными параметрами и степенью кривизны. Аналогичным образом подбирался материал и для кантов, и для обкладки задней луки. Только в этих случаях главным критерием была длина заготовки, поэтому продуктами утилизации являлись тыльные и боковые участки стебля рога, не имеющие разветвлений. Следующий этап первичной обработки сырья заключался, видимо, в расщеплении материала и отчленении необходимых плоскостей. Процедура получения длинных пластин из рога для неолитических луков серовского типа по этнографическим материалам подробно описана А.П. Окладниковым [1950, с. 206 – 207]. В древнетюркское время количество операций, видимо, осталось прежним, правда, последовательность, на наш взгляд, изменилась. Впрочем, эти нюансы не имеют принципиального значения. Они могут зависеть от естественных качеств и состояния рога, определяемых сезоном добычи, был это “живой” или сброшенный вырост и т.д.

После разметки подходящих участков и поперечного расчленения ветви на блоки следовала, по всей видимости, их первичная обработка. Она состояла в стесывании наружных бугорков и сглаживании поверхности. Далее верхнюю плотную корку прорезали на всю глубину до внутренней губчатой массы. На следующем этапе с помощью ножа ее отделяли от основного массива заготовки будущего изделия. Как показали эксперименты, внутреннее пористое вещество быстро размачивается в горячей воде и легко срезается обычным лезвием. Параллельно с удалением внутренней губчатой массы шло выскабливание наружного покрова заготовки до гладкого состояния и равномерной толщины, необходимой для последующего ее распрямления. На этом подготовительные операции для изготовления деталей окантовки заканчивались. Полуфабрикаты фронтальной и тыльной обкладок, сохранявшие выпуклую форму поверхности стебля рога, подвергались распрямлению до плоского состояния. Судя по толщине накладок из могильника Калдьжин-8, заготовки для них были распарены и высушены. Когда “пластины” стали плоскими, их подвергли окончательной формовке.

Подгонка плоскостей деревянного каркаса и роговых накладок также осуществлялась в несколько этапов. Размоченные накладки поочередно укладывали на поверхности лук в местах их будущего расположения, затем обе детали плотно стягивали по всей длине тонким ремешком или бечевкой и в таком состоянии сушили. Аналогичной операции подвергались и роговые канты. В первую очередь к лу-

кам приклеивали их фронтальные обкладки. Далее верхние их части, проходившие вдоль спинок деревянных каркасов передней и задней лук седла, выравнивали напильником заподлицо с поверхностью их ребер. Следы этого инструмента хорошо заметны на верхних ребрах обкладок. В процессе обточки поверхности канта рифтовались для лучшего сцепления деталей. После того как кант был приклеен, все выступы и заусеницы над боковыми плоскостями лук срезали, швы заравнивали, ребра самого канта обтачивали и скругляли. И, наконец, всю роговую поверхность заглаживали шабрением, характерные следы которого отчетливо прослеживаются под микроскопом.

Учитывая толщину накладок, орнамент, вероятно, наносили на приклеенный материал. В противном случае при сильном нажиме режущего инструмента можно было проколоть пластины насквозь. При орнаментации использовалась техника “прорезки”: остро заточенным лезвием под углом к поверхности заготовки надсекались линии, соответствующие контуру предполагаемого изображения, затем вдоль них под встречным углом прорезались другие линии (рис. 17, 7), дно и стенки образовавшегося желобка обрабатывались, по всей видимости, обушной частью того же инструмента и окончательно затирались чем-то вроде деревянной палочки. Следует отметить, что не весь орнамент (преимущественно зоны пальметок тыльной обкладки) выполнялся в такой технике. “Клеточная” штриховка между “волютами” выполнялась простыми насечками, которые лишь слегка подрабатывались в отдельных местах. В целом рисунок выгравирован весьма небрежно, хотя поверхность готового изделия дополнительно отполирована. Эта упрощенность техники особенно заметна, если сравнить орнамент на кальджинских накладках и сюжетно близкий декор на седельной пластине из Катанды [Гаврилова, 1965, рис. 8, 13]. Последний сделан рельефно, пальметки выступают над углубленным фоном. Резьба на кальджинской находке плоскостная, хотя очевидно стремление мастера усилить выразительность за счет пологого стесывания внешнего края “волютов”. На катандинской пластине участки фона углублены, а на кальджинской покрыты насечками, затирающие которых каким-нибудь жировым красителем либо просто землей делает гравировку хорошо видимой. Создается впечатление, что поверхность была подготовлена для окрашивания и насечки предназначались для улучшения сцепления красочного слоя с поверхностью. Наконец, не исключено, что в данном случае мы имеем своего рода экстраполяцию – перенос на рог техники, применяемой для металла. Бронзовые и серебряные изделия, выполненные в такой манере, известны среди тюркских древностей [Савинов,

1982, рис. 7; Могильников, 1981, рис. 23, 1/]. На некоторых из них наблюдаются подобные особенности построения орнаментальной композиции и изобразительных мотивов (Гилево V) [Могильников, 2002, рис. 5, 6]. Сходная техника нанесения изображений в древнетюркское время получила воплощение в граффити на скалах [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 27].

К сожалению, мы не располагаем достаточным материалом для однозначного ответа на вопрос, чем же является рассматриваемый предмет – примером общей деградации косторезной техники, новым художественным решением традиционного сюжета конкретной изобразительной школы или же продуктом хорошо налаженного ремесла, нацеленного на изготовление “полуфабриката”, которые покупатель по своему усмотрению мог сделать рельефным или инкрустированным. Последнее предположение нам кажется более предпочтительным. В качестве косвенного свидетельства можно рассматривать материалы из погребений могильника Джолин и памятника в долине Алагаил у с. Акташ в Горном Алтае [Молодин, 1995, рис. 151; Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985, рис. 9, 1, 2]. На роговых фронтальных накладках седельных лук из этих памятников имеются контурные рисунки, стилистически и технически родственные кальджинским, с аналогичным заштрихованным фоном. Однако пока мало данных для обоснования сделанного заключения, ведь искусство резьбы по кости алтайских тюрков как отдельная проблема все еще находится на начальном этапе исследования.

В погр. № 1 кург. № 3 памятника Кальджин-8 на костяке лошади были найдены предметы, которые могут быть соотнесены с убранством верхового коня. К сожалению, целостность костяка была нарушена сурками, в частности, сам череп оказался за пределами могильной ямы в поле кургана, а нижняя челюсть сдвинута в область позвоночника. Очевидно, перемещенными оказались и удила, с которыми с известной долей условности можно связать лишь несколько сильно окисленных обломков железа в заполнении могильной ямы. Надежным свидетельством того, что лошадь была взнуздана и оседлана, служат роговая подпружная пряжка и густые следы древесного тлена на позвоночнике. Хотя стремяна в комплексе не обнаружены, по локализации и плотности пачки органических древесных остатков можно сделать вывод о том, что в могиле находилось седло жесткого типа. Скорее всего, стремяна были деревянные, с металлическими оковками, которые представляют мелкие плоские окисленные кусочки железа. Отметим, что в эпоху позднего средневековья, близкую к этнографической современности, деревянные стремяна продолжали бытовать наряду

с прекрасными образцами кузнечного и бронзолитейного ремесла. Одно из таких деревянных изделий обнаружено вместе с каркасом седла в погребении алтайца-теленгита XIX в. на средней Катунь [Мыльников, Тэцу Масумото, 1994, с. 93 – 97].

Таким образом, в двух женских погребениях тюркского времени могильника Кальджин-8 находились седла жесткого типа. Отметим, что синхронное им женское захоронение на плато Укок (могильник Бертек-34) также содержало остатки лук деревянного каркаса [Савинов, 1994б, с. 118, рис. 102]. С учетом этого к тезису С.И. Вайнштейна о длительном использовании древнетюркскими женщинами мягкого седла уже после появления жесткого [1972, с. 135] и о том, что отсутствие стремян в погребальных комплексах с верховой лошастью может свидетельствовать о наличии мягкого седла, следует относиться с известной осторожностью.

Хронология и этнокультурная атрибуция

Анализ позволяет достаточно надежно датировать предметы из захоронений кург. № 1 и 3 памятника Кальджин-8 в интервале IX – XI вв. При этом захоронение в кург. № 1, по нашему мнению, следует отнести к IX – X вв., а погребение в кург. № 3 – к X – XI вв. Дата кург. № 3 основана на аналогах обнаруженной в нем пряжки. Западная ориентация погребений характерна для могильников позднего тюркского времени Евразии, а восточная и северо-восточная соответствовала тюркской погребальной обрядности VIII – X вв. [Моги́льников, 1981, с. 190].

Исследователи неоднократно отмечали, что кимакские курганы часто соседствуют с памятниками раннего железного века и образуют планиграфически единые, но разновременные могильники [Трифонов, 1987, с. 115 – 116; Моги́льников, 2002, с. 71]. “Присоединение” средневековых к значительно более ранним курганам мы наблюдаем и на могильнике Кальджин-8.

Что касается определения этнической принадлежности погребенных в кург. № 1 и 3, то оно базируется преимущественно на результатах анализа погребальной обрядности. Зафиксирована двухкомпонентность погребальной обрядности в кург. № 1 и 3. Оба захоронения совершены в близких по устройству надмогильных конструкциях. В каждом кургане совершено по одному захоронению в могильных ямах по обряду трупоположения с конем, при этом кони были положены слева от погребенных и ориентированы в противоположную от людей сторону. Роли коня в погребальной обрядности тюркоязычного населения Южной Сибири посвящена обширная литература (см., напр., [Нестеров, 1990]). В кург. № 1 в северной стенке могилы, в который находилась умершая, был подбой, а в кург. № 3 погребение совершено в одной камере.

Захоронения человека в подбое с сопровождением коня как синхронные по времени калдьжинскому, так и относящиеся к иным периодам, обнаружены в разных регионах Евразии – Монголии, Туве [Кызласов, 1979, с. 158 – 188; Овчинникова, 1979, с. 71 – 72], Хакасии [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 83 – 103], Восточном Казахстане [Арсланова, 1963, рис. 4; Арсланова, Самашев, 1966, с. 122 – 133; Суворова, Ткачев, 1995, с. 255; Ткачев, Ткачева, 1998, с. 62], Верхнем Приобье [Моги́льников, 1981, с. 192], Киргизии [Заднепровский, 1971, с. 27 – 36], Поволжье [Федоров-Давыдов, 1984, с. 80 – 94; Плетнева, 1989, с. 259] и др. По поводу этнической принадлежности погребенных в подбое на территории Южной Сибири существует несколько точек зрения. Так, тувинские могильники Чататы I, II Л.Р. Кызласов считает уйгурскими [1979, с. 158]. Б.Б. Овчинникова видит в подбое уйгурское влияние [1979, с. 72]. По мнению А.А. Гавриловой, для связи катакомбных погребений Тувы с уйгурами нет оснований [1974, с. 180]. С ней согласны Ю.С. Худяков и Д. Цвэндорж; они полагают, что подобные памятники могло оставить население, находившееся в подчинении у уйгуров, но отличавшееся от них в этническом отношении [1982, с. 93]. С точки зрения Д.Г. Савинова, это предположение вполне допустимо, однако оно не противоречит тезису о возможной принадлежности тувинских погребений уйгурам [1984, с. 88].

Захоронения с подбоем, обнаруженные на юге Хакасии (могильники Сабинка-1 и Кирбинский Лог), исследователи связывают с разными этносами – кимаками, азами, курлуками или представителями какого-то другого населения [Савинов, Павлов, Паульс, 1988, с. 101]. Многочисленные погребения человека в подбое с конем в Поволжье и на Дону исследователи относят к хазарам [Семенов, 1978, с. 180 – 182], тюркютам или печенегам, причем все версии выдвигаются как предположения.

Таким образом, можно констатировать, что погребальный обряд трупоположения в подбое с конем сам по себе не является устойчивым этническим маркером. Более того, у южно-алтайских казахов А.В. Коноваловым зафиксированы синхронные подбойные и ямные погребения [1983, с. 116 – 117]. Учитывая, что подбой как разновидность погребальной обрядности отмечен у разных этносов, этническую принадлежность анализируемого погребения необходимо устанавливать, опираясь прежде всего на ближайшие (в географическом смысле) аналоги в Восточном Казахстане (напомним, что с высокогорных пастбищ плоскогорья Укок вниз по течению р. Бухтармы до территории Восточного Казахстана один день конного пути). Кстати, на территории Казахстана начиная с III в. до н.э. получает распространение традиция захоронения в погребениях с под-

боем. После IV в. н.э. она затухает, в VIII – IX вв. вновь возрождается и в IX – X вв. максимально проявляет себя. В Казахском Прииртышье эта традиция просуществовала до позднего средневековья, что позволяет говорить о ее связи с местным населением, входившим в сложное полиэтническое объединение кимаков [Арсланова, 1985, с. 64; Савинов, 1976, с. 94 – 104; 1997, с. 134 – 139]. Подбой с уступом считается прототипом аналогичных мусульманских погребальных конструкций в Средней Азии и Казахстане. Причем к кимакам относят восточно-казахстанские подбойные погребения как с конем, так и без него. Учитывая пограничное положение плоскогорья Укок, а также наличие здесь захоронений с подбоем и без него, причем в одном могильнике, правильное всего, на наш взгляд, будет говорить о том, что в кург. № 1 и 3 были похоронены носители разных этнокультурных традиций, испытывавшие влияние политического объединения кимаков. На факты сосуществования различных этнокультурных традиций у кимаков (в т.ч. в погребальной обрядности) исследователи уже обращали внимание [Арсланова, 1985, с. 64]. Результаты изучения могильника Кальджин-8 подтверждают выводы, сделанные по этому поводу ранее.

Список литературы

- Амброз А.К.** Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1 // СА. – 1971. – № 2. – С. 96 – 123.
- Амброз А.К.** Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (VI – VIII вв.) // СА. – 1973. – № 4. – С. 81 – 98.
- Арсланова Ф.Х.** Бобровский могильник // Изв. АН КазССР. – 1963. – Вып. 4. – С. 86 – 106.
- Арсланова Ф.Х.** К вопросу о взаимосвязях урало-алтайского населения в IX – X вв. // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 63 – 69.
- Арсланова Ф.Х., Самашев З.С.** Курганы кимаков в Семипалатинском Прииртышье // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. – Уфа: Б.и., 1966. – С. 122 – 133.
- Басилов В.Н.** Албасты // Мифологический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 29.
- Бородавский А.П.** Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 28 – 39.
- Бородавский А.П.** Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 179 – 189.
- Бородавский А.П., Новиков А.В.** Раннесредневековые могильники Юго-Западной Барабы, Северо-Западной Кулунды // Бараба в тюркское время. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 68 – 75.
- Вайнштейн С.И.** Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. – 1966а. – № 3. – С. 67 – 94.
- Вайнштейн С.И.** Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966б. – С. 292 – 347. – (Тр. ТКАЭЭ; Т. 2).
- Вайнштейн С.И.** Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. – М.: Наука, 1972. – 315 с.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** Седло и стремя // СЭ. – 1984. – № 6. – С. 114 – 130.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.: Наука, 1965. – 145 с.
- Гаврилова А.А.** Сверкающая чаша с Енисея: К вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае // Древняя Сибирь (бронзовый и железный век Сибири). – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 177 – 183.
- Грач А.Д.** Археологические исследования в Кара-Холе и Мойгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 73 – 150. – (Тр. ТКАЭЭ; Вып. 1).
- Добжанский В.Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. – 162 с.
- Древние культуры** Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.
- Заднепровский Ю.А.** Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н.э. – V в. н.э. // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1971. – Вып. 10. – С. 27 – 36.
- Кирпичников А.Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. // САИ. – 1975. – Вып. Е1-36. – 112 с.
- Коновалов А.В.** Погребально-поминальная обрядность казахов Южного Алтая // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. – Новосибирск: Новосибир. пед. ин-т, 1983. – С. 112 – 122.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
- Кызласов И.Л.** О происхождении стремян // СА. – 1973. – № 3. – С. 24 – 36.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 207 с.
- Кызласов Л.Р.** Резная костяная рукоятка плетки из могилы Ак-Кюна (Алтай) // КСИИМК. – 1951. – Вып. 36. – С. 50 – 55.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова Л.С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С.** Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Алт. ун-т, 1985. – С. 147 – 172.
- Могильников В.А.** Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности XI – XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 190 – 207. – (Археология СССР).
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX – XI веках. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
- Молодин В.И.** Надмогильные сооружения пазырыкской культуры (к реконструкции этапов погребальной обрядности) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Ом. ун-т, 1992. – С. 103 – 106.

- Молодин В.И.** Итоги археологических исследований на плоскогорье Укок // Изучение древних культур и цивилизаций. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1994. – С. 69 – 73.
- Молодин В.И.** Древние тюрки // The Altai Culture. Алтай мунменджон: [Каталог выставки в Республике Корея]. – Сеул: Центр. музей Республики Кореи, 1995. – С. 126 – 141 (на кор. яз.).
- Молодин В.И.** Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая // РА. – 1997. – № 1. – С. 37 – 49.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.
- Мыльников В.П., Тэцу Масумото.** Погребение алтайца-теленгита на Средней Катуні // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Алт. ун-т, 1994. – С. 93 – 97.
- Неверов С.В.** Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII – X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Алт. ун-т, 1985. – С. 192 – 206.
- Неверов С.В.** Проблемы классификации стремян // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 91 – 93.
- Нестеров С.П.** Стремена Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 173 – 183.
- Нестеров С.П.** Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 142 с.
- Овчинникова Б.Б.** Захоронения в подбоях средневековой Тувы // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. ун-т, 1979. – С. 71 – 72.
- Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 221 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с. – (МИА; Вып. 18).
- Плетнева С.А.** На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989.
- Пелях Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – 424 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы” (Ак-алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 336 с.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И.** Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 66 – 87.
- Распопова В.И.** Металлические изделия раннесредневекового Согда. – Л.: Наука, 1980. – 139 с.
- Савинов Д.Г.** Расселение кимаков в IX – X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1976. – С. 94 – 104.
- Савинов Д.Г.** Из истории убранства верхового коня в Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. – 1977. – № 1. – С. 31 – 48.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102 – 122.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 175 с.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994а. – С. 146 – 152.
- Савинов Д.Г.** Могильник Бертек-34 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994б. – С. 104 – 123.
- Савинов Д.Г.** Иртыш – река кимаков // Природа и цивилизация. Реки и культуры. – СПб.: Европейский дом, 1997. – С. 134 – 139.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д.** Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 83 – 103.
- Семенов А.И.** Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – Вып. 2. – С. 180 – 183.
- Суворова Г.И., Ткачев А.А.** Кимакские погребения могильника Ахмирово I // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Б.и., 1995. – С. 253 – 266.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А.** Этническая и культурная характеристика новых средневековых памятников верхнего Прииртышья // Сибирские татары: Материалы I Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1998. – С. 61 – 64.
- Трифонов Ю.И.** Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 115 – 246.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Погребения хазарского времени из урочища “Кривая лука” в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степей Евразии. – Кемерово: Кемеров. ун-т, 1984. – С. 80 – 94.
- Феномен алтайских мумий.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 319 с.
- Худяков Ю.С., Цэвэндорж Д.** Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 85 – 94.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.
- Шуклина Ю.К.** Волосы и прически в традиционном представлении тюркоязычных народов Южной Сибири // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 2002. – С. 558 – 560.

УДК 903'1

А.И. Лебединцев

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН
 ул. Портовая, 16, Магадан, 685000, Россия
 E-mail: archaeol@neisri.magadan.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВНИХ ПРИМОРСКИХ КУЛЬТУР СЕВЕРА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

Исследование приморских культур Севера Дальнего Востока является одной из важнейших тем в тихоокеанской археологии. Особенно важными представляются проблема их происхождения и этнокультурные контакты в этом регионе. В результате археологических работ на Чукотке, Камчатке и Северном Приохотье получены значительные материалы по приморским культурам. Однако установление их генезиса осложнено неравномерностью археологического обследования территорий и недостаточной изученностью самих культур, отсутствием более ранних памятников или же каких-либо элементов преемственности, многокомпонентностью и многолинейностью процессов развития.

Эскимосская проблема все еще далека от разрешения. Большинство исследователей считает, что центр формирования популяции эскимосов находился на Юго-Западной Аляске, откуда во II тыс. до н.э. могло начаться движение в сторону Берингова пролива [Александров, Арутюнов, Бродянский, 1982]. Палеоэскимосский период представлен пока только временной сезонной стоянкой на о-ве Врангеля, датируемой концом II тыс. до н.э. – началом I тыс. до н.э. [Диков, 1979; Теин, 1983]. Здесь найдены кости моржа, лахтакса, нерпы и белого медведя. Значительное количество костей принадлежало белому гусю, на основе чего участники экспедиции 2000 г. сделали вывод, что основным занятием обитателей стоянки была охота на гуся [Герасимов и др., 2002]. Однако наличие малого количества костей морских млекопитающих, возможно, объясняется тем, что врангельские охотники использовали их в качестве топлива [Теин, 1979]. Предположительно охотничий лагерь существовал в летнее время (июль – август). Остается открытым вопрос истоков этой палеоэскимосской стоянки. Предпола-

гают, что врангельские охотники могли прийти через Берингов пролив с Аляски [Питулько, 2001]. Гипотеза о принадлежности стоянки Чертов Овраг на о-ве Врангеля к культуре древних китобоев с Аляски требует более веских доказательств [Герасимов и др., 2002].

С конца I тыс. до н.э. в Берингоморье развиваются неоэскимосские культуры, которые имели различную локализацию и иногда сосуществовали [Арутюнов, Сергеев, 1975; Диков, 1979]. Гипотеза о том, что “древнеберингоморье, бирнир и пунук” являются традициями одной “древнеэскимосской культуры Чукотки” [Днепровский, 2001], не обоснована и противоречит материалам многих исследователей [Руденко, 1947; Арутюнов, Сергеев, 1969, 1975; Диков, 1974, 1977, 1979; История Чукотки..., 1989; Гусев, 1999]. Вернее всего, все эти неоэскимосские культуры относятся к традиции Туле. Каких-либо связей их с более древним населением Чукотки не прослеживается [Гусев, 2001]. В то же время Берингоморье являлось наиболее мощным центром морского зверобойного промысла, который оказывал определенное влияние на развитие гарпунного комплекса окружающих культур.

Лахтинская культура Северо-Западного Берингоморья датируется А.А. Ореховым [1987] серединой II тыс. до н.э. – XVII в. Несколько в стороне находятся две самые ранние даты: $3\,340 \pm 100$ л.н. (МАГ-407) по углю из печи Лахтина II и $3\,300 \pm 140$ л.н. (МАГ-405) для нижнего горизонта жертвенника на поселении Орианда II.

В районе лагуны Лахтина выявлены несколько стоянок. Лахтина I оказалась разрушенной и имеет смешанный материал [Там же, с. 100]. Нахождение призматического нуклеуса и ножевидных пластин

в подъемном материале не исключает того, что эти предметы более раннего времени и ошибочно отнесены к лахтинской культуре. Распространяя пластинчатую технику на весь ранний период существования лахтинской культуры (до середины I тыс. до н.э.), А.А. Орехов выделяет в ее составе “прелахтинскую культуру” [Орехов, 2001б, с. 23], что в переводе на русский язык означает “долахтинская” (от лат. *prae* – перед, впереди), и еще более запутывает предложенную ранее им самим периодизацию для лахтинской культуры (неолитические памятники с пластинчатой техникой, без керамики – II тыс. до н.э.; неолитические памятники без пластинчатой техники, с керамикой – первая половина I тыс. до н.э.; стоянки периода палеометалла – III в. до н.э. – XVII – XVIII вв. [Орехов, 1987, с. 116 – 117]). При этом А.А. Орехов считает, что культурозначимые своеобразные черты данной культуры не претерпевают изменения со II тыс. до н.э. до XVII в.

Лахтина II расположена в 70 км от Лахтина I. На этом местонахождении обнаружена печь, сооруженная из вертикально поставленных плит, такая же как на более поздних лахтинских поселениях. Рядом с ней найдено тесло трапецевидной формы, сопоставимое с комплексами Орианда I (середина I тыс. до н.э.).

Местонахождения Лахтина III и IV, расположенные рядом с Лахтина II, имеют культурный слой, бедный находками.

Жертвенник Орианда II находился в центре поселения и представлял собой ритуальную площадку с вертикально вкопанной китовой нижней челюстью. Как отмечал А.А. Орехов [Там же, с. 99], жертвенник и поселение возникли и функционировали синхронно. Однако даты, полученные для нижнего горизонта этого жертвенника, оказались более древними, чем те, которые определены по материалам нижних слоев поселений Орианда I и II (не древнее первой половины I тыс. до н.э.). Таким образом, даты, относящиеся ко II тыс. до н.э., вызывают сомнения в их достоверности. Ранние комплексы лахтинской культуры следует датировать первой половиной I тыс. до н.э.

По мнению А.А. Орехова [1987], лахтинская культура восходит к сумнагинской и малтанской мезолитическим и даже к ушковской позднелитической традициям. Это предположение не подтверждается археологическими материалами и маловероятно. Отсутствие неолитических памятников затрудняет выявление генетических истоков лахтинской культуры. А.А. Орехов полагает, что она послужила основой для формирования керекского этноса, и вслед за Н.Н. Диковым [1973] связывает его происхождение с древнейшими протоэскимосоалеутским и протоителменским этническими пластами, однако это до сих пор остается только на уровне

предположений. Керек, скорее всего, следует рассматривать как одно из обособленных и своеобразных подразделений северо-восточных палеоазиатских племен, возможно, родственных корякам [Лебединцев, 1998].

Канчаланская культура была выделена Н.Н. Диковым [1971], который определил критерии ее выделения. Стоянки канчаланской культуры принадлежали внутриконтинентальным охотникам, осевшим у моря и имевшим комплексное хозяйство, сочетающее охоту на оленей и морской зверобойный промысел. К ним были отнесены Канчалан, Седьмой Причал, Осиновая Коса. Датировалась канчаланская культура по наличию пунукских элементов VIII – X вв. и связывалась с чукчами. Теперь хронология пунукской культуры укладывается в интервал IX – XIV вв. [Гусев, 2002]. Затем Н.Н. Диков [1979], “отмечая генетическую близость”, добавил к канчаланским памятникам более древние поселения у м. Низкий (первая половина I тыс. н.э.), полагая при этом, что они “обнаруживают определенную историческую взаимосвязь” и в то же время не составляют единую культуру. Объединяющим для этих памятников являлось наличие скребел на галечных отщепах и изделий из моржового клыка [История Чукотки..., 1989]. В то же время стоянка Седьмой Причал отнесена Н.Н. Диковым [1979, с. 225] к пунукской культуре.

Включение А.А. Ореховым [2001б] поселения Русская Кошка I в круг памятников канчаланской культуры еще более усложнило представление о ней. Ранее это поселение считалось этнически смешанным и датировалось второй половиной XVII в. [Орехов, 1989, с. 29]. По мнению В.В. Леонтьева [1983, с. 11], жители Земли Гека (керек) добывали моржей на Русской Кошке. Теперь же это поселение становится опорным памятником для канчаланской культуры. Причем керамика с поселения Русская Кошка I круглодонная, с налепными наружными ушками, хотя встречаются сосуды с уплощенным дном. По мнению И.Ю. Понкратовой [2000], сравнительный анализ керамических комплексов поселений Русская Кошка I и Гека I подтверждают возможность единой культурной принадлежности территориально близких поселений, т.е. не исключено, что Русская Кошка I относится к позднему этапу лахтинской культуры. В то же время, как отмечает А.А. Орехов [2002], для памятников канчаланской культуры характерны керамические сосуды усеченно-конической формы с уплощенным дном. Пунукская круглодонная керамика с ушками, которая встречается на канчаланских памятниках, а также на поселении Гека I воспринимается только как влияние культуры пунук.

Работы, проведенные на стоянках канчаланской культуры (Канчалан, Красненская Коса, Осиновая Коса), а также на других памятниках, отнесенных к этой

культуре А.А. Ореховым (м. Тонкий, бух. Тихая, Краснено I), до сих пор не дали ясности, в чем заключается их своеобразие. Стоянки на косах являются мастерскими, где происходил сбор и обработка гальки [История Чукотки..., 1989]. Канчаланское поселение, состоящее из 12 жилищ, было исследовано в 1953 – 1954 гг., но раскопки, по заключению Т.М. Диковой [1964], проведены некачественно. Отсутствуют планы жилищ, не велась фиксация находок, материалы раскопок были переданы в Чукотский краеведческий музей частично.

Как отмечают исследователи, сходство ряда материалов, возможно, объясняется влиянием культуры пунук [Диков, 1979; История Чукотки..., 1989; Орехов, 2001б, 2002]. Появление большого количества скребел на галечных сколах может быть связано с возросшей ролью этих орудий для обработки шкур, что проявляется во многих приморских культурах Севера Дальнего Востока периода палеометалла в начале II тыс. н.э. и особенно характерно для памятников середины II тыс. н.э.

Неопределенным остается этническая принадлежность стоянок, отнесенных к канчаланской культуре. Ссылаясь на антрополога А.А. Зубова, А.А. Орехов [2001б, с. 23] сообщает, что канчаланцы отличались неспециализированностью черт арктической расы, смягченной монголоидностью и грациальностью. Однако череп, обнаруженный в обнажении берегового обрыва рядом с жилищем у м. Низкий, характеризуется, по предварительному определению А.А. Зубова (см.: [Диков, 1979, с. 230]), неспециализированностью монголоидных признаков. Дав описание черепа, антропологи высказали мнение, что в настоящее время слишком рано делать далеко идущие выводы по рассмотренному палеоантропологическому материалу [Зубов, Лебединская, 1985]. Кроме того, не исключено, что этот череп не связан с культурными комплексами стоянки у м. Низкий, т.к. находился в обнажении в переотложенном состоянии.

Согласно заключению А.А. Зубова, исследовавшего антропологические материалы могильника Седьмой Причал, одонтологические признаки свидетельствуют о монголоидном расовом типе населения и о наличии ряда арктических черт. В то же время он отмечал, что недостаток материала, а также неполная дифференцированность арктических особенностей не позволяют провести каких-либо определенных параллелей между изученными сериями и современными группами Арктики и Северо-Восточной Сибири (см.: [Диков, 1977, с. 263]). По-видимому, объединять все археологические памятники в низовьях р. Анадырь и на примыкающем к этому району морском побережье в одну культуру пока преждевременно. Многие стоянки исследованы еще плохо.

Что касается проблемы общих генетических истоков таких разных культур, как лахтинская, канчаланская и тарьинская [Орехов, 2001б], то простого утверждения о их наличии мало. Тарьинские памятники севернее долины р. Камчатки пока не выявлены [Пономаренко, 2000]. Уже то, что тарьинская культура непластинчатая, говорит о различиях в развитии культур этого региона и северных территорий. Канчаланская культура довольно поздняя, не древнее VIII – IX вв., что подтверждается материалом стоянок: скребла на массивных галечных отщепах, наконечники гарпунов “типа туле” и толстостенные керамические сосуды с наклепными наружными ушками [История Чукотки..., 1989]. Включение А.А. Ореховым [2001б] стоянки Русская Кошка I в канчаланскую культуру является необоснованным. Объединение собственно канчаланских памятников (Канчалан, Седьмой Причал, Осиновская Коса) с более древними стоянками (м. Низкий, Краснено I) неоправданно. Взаимосвязи с позднелитическими памятниками не прослеживаются. Следует отметить дискуссионность интерпретации материалов Краснено I, которые датируются ранним неолитом, мезолитом и даже плейстоценом [Орехов, 2001а].

В Северном Приохотье наиболее древней приморской культурой является токаревская [Лебединцев, 1990; Lebedintsev, 2000]. Ее нижний хронологический рубеж пока точно не определен. Самая древняя дата – $3\,540 \pm 60$ (МАГ-554), остальные в пределах VII в. до н.э. – II в. н.э. В формировании токаревской культуры участвовали, вероятно, неолитические культуры Колымы [Слободин, 2001]. Об этом свидетельствуют местонахождения с ножевидными пластинками, которые были обнаружены в устье р. Окса, на р. Дукча, в бух. Гертнера, на п-ове Кони и стоянке Уптар, расположенной в 30 км от побережья [Слободин, 1999]. По всей видимости, бродячие охотники посещали побережье и в более позднее время. Неолитом датируются стоянки с микропластинками в устье р. Кухтуй [Мочанов, 1977; Лебединцев, 1990], в районе Малкачанского залива [Лебединцев, Слободин, Реймерс, 2000], в устье р. Вилига, в заливе Пестрая Дресва и у с. Гижига [Воробей, 1990]. О связях колымских племен с населением Охотского побережья и Камчатки в I тыс. до н.э. свидетельствует черешковый нож, найденный на стоянке Лев. Хета [Слободин, 2001, рис. 59, 1].

Значительное влияние на формирование токаревской культуры оказывали культуры Приамурья – польцевская [Деревянко, 1976] или талаканская [Древности Буреи, 2000], что особенно отразилось в керамическом производстве, орнаментике, в распространении изделий из металла и копирования их в камне. В конце I тыс. до н.э. племена Приамурья в силу определенных социально-экономических причин начина-

ют распространяться к северу и югу. В III – I вв. до н.э. носители польцевской культуры проникают в северную часть Приморья [Деревянко, 2000, с. 11]. В это же время, вероятно, имело место и движение в северном направлении вдоль Охотского побережья. А.П. Деревянко [1976, с. 275] предполагает, что часть польцевских племен переселяется на север в район Охотского побережья.

По мнению Р.С. Васильевского [2001], в формировании приморских культур Северо-Западного Приохотья могли принимать участие носители культуры раннего железа Приамурья, связанные с памятниками типа Тэбах. Однако это, скорее всего, справедливо для древнекорякской культуры I тыс. н.э., в материалах завьяловской стадии которой обнаруживаются аналогии керамике “тэбахского типа” [Дерюгин, 1998]. Сосуды токаревской культуры с о-ва Спафарьева, отнесенные В.А. Дерюгиным к керамике типа эноура-В, датированы более ранним временем (II в. до н.э. – II в. н.э.) по сравнению с периодом существования данного типа керамики в устье Амура (VI – VII вв.). Поэтому предположение о влиянии носителей культуры, к которой относится комплекс Тэбах, на токаревскую культуру пока неоправданно. В каменном инвентаре последней можно отметить древние традиции, имеющие южные истоки и тяготеющие к Прибайкалью и Приамурью. Появление этих традиций связано с интенсивным продвижением древних племен вдоль Охотского побережья к северу от нижнего Амура, которое, вероятно, начинается уже во II тыс. до н.э. и особенно усиливается в I тыс. до н.э.

Важно также отметить, что первоначальное формирование северо-восточных палеоазиатов, к которым относятся предки коряков, произошло в процессе интеграции различных компонентов при доминировании южных (тихоокеанских) [Васильевский, 1998].

В верховьях Колымы и континентальном Приохотье выявлены археологические памятники, относящиеся к раннему, среднему и позднему неолиту [Слободин, 1999]. Наряду со сходством колымского каменного инвентаря с материалами Прибайкалья, Амура, Якутии и Чукотки отмечаются и существенные различия как по отдельным изделиям, так и по комплексам в целом.

Что касается предполагаемого некоторыми исследователями влияния более северных внутриконтинентальных культур на культуры Охотского побережья, то убедительных свидетельств этому пока не нашлось [Лебединцев, 1990, 1999; Слободин, 2001].

Типологическая близость некоторых каменных орудий со стоянок Западной Чукотки с материалами токаревской культуры не может свидетельствовать о выходе неолитического населения Чукотки к Охот-

скому побережью, как полагает М.А. Кирьяк [Kirjak, 1994]. Также нет оснований для утверждения о влиянии ымыяхтахской культуры на приморские Охотского моря [Федосеева, 1980] и о расселении усть-милцев Якутии к востоку от Колымы вплоть до устья р. Пенжина [Археологические памятники..., 1983, 1991].

Раньше оппоненты в своих доводах относительно влияния ымыяхтахской культуры в Приохотье приводили в доказательство наличие на о-ве Завьялова наконечников с ромбовидным сечением, которые получились, скорее всего, в результате обработки заготовок плитчатых отделностей с сечением, близким к ромбовидному, тогда как самыми характерными для ымыяхтахской культуры типами орудий являются напильниковидные (трехгранные) наконечники стрел, прямоугольные вкладыши, многофасеточные резцы.

Типично корякские гладкостенные керамические сосуды со стоянки Зеленый Мыс в устье р. Пенжина, а также керамика с корякских памятников Кулка и Кавран на Камчатке почему-то относятся к усть-милской культуре [Эртюков, 1990, 1992]. При этом игнорируется остальной материал стоянок [Иохельсон, 1930; Васильевский, 1971] и не учитывается огромный хронологический разрыв между усть-милской культурой и этими поздними памятниками [Кренке, Сулержицкий, Плихт, 2002].

Недавно М.А. Кирьяк [2000] на основе керамики с Охотского побережья попыталась снова выявить следы влияния северных внутриконтинентальных соседей на приохотские культуры, сделав при этом ряд ошибочных выводов, что связано, по-видимому, с плохим знанием материалов из Северо-Западного Приохотья и Приамурья. В частности, по ее мнению, носители токаревской культуры восприняли кругло-и остродонную керамику с вафельным штампом, а также с налепными валиками от ымыяхтахцев и усть-милцев Якутии.

Исследования стоянок токаревской культуры показали, что плоскостенная керамика самая древняя на Охотском побережье и может датироваться II в. до н.э. – II в. н.э. Остродонные глиняные сосуды с ложнотекстильным орнаментом появляются на завьяловской стадии древнекорякской культуры в V – VIII вв. н.э. Круглодонная ложнотекстильная керамика широко распространяется на богурчанской стадии – около X в. н.э. [Васильевский, 1971].

Остродонные сосуды со стоянок Токарева и Онацевича II гладкостенные, очень маленького размера и, скорее всего, относятся к началу I тыс. н.э. Каких-либо аналогов в северных внутриконтинентальных культурах не обнаружено.

Небольшой фрагмент ложнотекстильной керамики с Ольского поселения, скорее всего, относится к древнекорякской культуре, т.к. на этом памятнике

в подперновом слое найдены древнекорякские орудия (наконечники гарпунов, ложила), которые можно датировать атарганским временем, т.е. не ранее X в. н.э.

Керамика с ложнотекстильным орнаментом существует в древнекорякской культуре в V – VIII вв. н.э. Происхождение этой орнаментации, вероятнее всего, связано с мохэской культурой, датируемой IV – VIII вв. н.э. Предположение о том, что от ымыяхтахцев или усть-мильцев могла быть воспринята приморскими культурами Охотоморья кругло- и остродонная керамика с вафельным штампом, сомнительно. Это подтверждают также технико-технологические и морфологические особенности древнекорякской керамики [Понкраторова, 2000].

Налепные валики в древнекорякской культуре появляются в завьяловский период (V – VIII вв. н.э.). Керамика с валиками, которая во многом близка нижеамурской, найдена на стоянках раннего железного века Охотского побережья к югу от р. Кухтуй. Вероятнее всего, источником этой традиции в оформлении глиняных сосудов были древние культуры Приамурья и Приморья, а не усть-мильская, которая сама испытывала влияния сопредельных культур с юга [Эртюков, 1990]. К тому же следует отметить, что подобной керамики не обнаружено в континентальном Приохотье – ближайшем регионе к Охотскому побережью.

Попытка А.А. Орехова [2001б] определить токаревскую культуру как северный вариант более поздней охотской, существовавшей, по современным данным, с V в. н.э., выглядит крайне нелогично [Лебединцев, 2002]. На основе токаревской культуры в первой половине I тыс. н.э. формируется древнекорякская. Об этом свидетельствует наличие корякского материала в подперновом слое на токаревских поселениях Ольское и Спафарьева, технологическая преемственность в каменном и костяном инвентаре. В то же время появление круглодонной керамики в древнекорякской культуре на Охотском побережье связывается с приходом в конце I тыс. до н.э. континентальной группы населения [Васильевский, 1971]. Отмечаются различия (технико-технологические, морфологические, орнаментальные) токаревской и древнекорякской керамики, однако это не дает оснований полностью отрицать участие токаревской культуры в формировании древнекорякской [Понкраторова, 2000].

Процесс образования приморских культур Охотоморья является довольно сложным, и необходимы дальнейшие исследования в этом направлении. По своему происхождению культуры Северного Приохотья связаны с тихоокеанской культурной общностью. Вероятно, в прошлом существовала циркумохотская культурная общность, имеющая глубокие связи с сопредельными культурами азиатского побережья и ос-

тровов северо-западной части Тихого океана и Северной Америки [Лебединцев, 2001].

На Камчатке в V – I тыс. до н.э. существовала тарьинская культура. Н.Н. Диков [1979; История Дальнего Востока..., 1989] датировал ее II тыс. – серединой I тыс. до н.э. Т.М. Дикова [1983] объединяла все памятники Южной Камчатки с V тыс. до н.э. до середины XVII в. н.э. в единую тарьинскую культуру, выделяя три периода: ранний, средний и поздний. Уже на ранних этапах тарьинцы занимались морским зверобойным промыслом.

А.В. Пташинский [2001] полагает, что тарьинская культура имеет южные истоки и относится к кругу специализированных неолитических приморских культур, изначально не имевших ничего общего с предками ительменов. А.К. Пономаренко [2000] относит стоянки периода V тыс. – I тыс. до н.э. к тарьинскому этапу древнеительменской культуры. Тарьинские памятники распространены на Камчатке от м. Лопатка до долины р. Камчатки. А.К. Пономаренко также считает, что материалы древнеительменских стоянок I тыс. н.э. Западной и Северной Камчатки свидетельствуют о генетических связях обитателей этих стоянок с тарьинцами. Однако, по его мнению [Там же], проблема происхождения древнеительменской этнической общности сложна и едва ли разрешима на нынешнем этапе исследований. Существует хронологический разрыв между ранне-неолитическими и тарьинскими памятниками.

На основе тарьинской с I тыс. н.э. развивается древнеительменская культура [Пономаренко, 1985, 2000], в которой уже были специализированные орудия морского промысла – наконечники гарпунов. Вывод А.А. Орехова [2001б], что древнеительменскую культуру нельзя отнести к приморским, в корне неверен. На северо-западном побережье Камчатки выделяется культура или памятники типа Теви [Пташинский, 1996, 2002]. Древние приморские стоянки в этом районе изучены пока довольно слабо [Лебединцев, 1999]. Высказываются различные точки зрения на их культурную принадлежность [Пташинский, 2002; Пономаренко, 2000]. Возможно, памятники типа Теви представляют один из локальных вариантов древнекорякской культуры I тыс. н.э. на Камчатке. Следует отметить, что Северная Камчатка, несомненно, была местом оживленных культурных контактов между древним населением Камчатки, Северного Приохотья и Чукотки [Пономаренко, 1991], и это не могло не отразиться на материалах стоянок, изучение которых требует особого внимания и тщательности.

В заключение подчеркнем сложность проблемы происхождения приморских культур Севера Дальнего Востока и необходимость целенаправленных исследований по этой тематике.

Список литературы

- Александров А.В., Арутюнов С.А., Бродянский Д.Л.** Палеометалл северо-западной части Тихого океана. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1982. – 104 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов: (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – 205 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья: (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олекмы.** – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.
- Археологические памятники Якутии: Бассейны Вилюя, Анабара и Оленека.** – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Васильевский Р.С.** Происхождение и древняя культура коряков. – Новосибирск: Наука, 1971. – 250 с.
- Васильевский Р.С.** О проблеме этногенеза северо-восточных палеоазиатов и эскимосов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1998 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 219 – 225.
- Васильевский Р.С.** Генезис и взаимодействие культур Северной Пасифики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 31 – 38.
- Воробей И.Е.** Неолитическая стоянка у села Гижига // Древние памятники Севера Дальнего Востока: Новые материалы и исследования СВАКАЭ). – Магадан: СВКНИИ ДВО АН СССР, 1990. – С. 123 – 136.
- Герасимов Д.В., Гиря Е.Ю., Питулько В.В., Тихонов А.Н.** Новые материалы к интерпретации стоянки Чертов Овраг на о. Врангеля // П Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 379 – 383.
- Гусев С.В.** Археологический аспект истории заселения Берингии // Каталог предметов материальной и духовной культуры чукчей и эскимосов Чукотского полуострова из собрания Провиденского музея. – Анкоридж; Провидения: Б.и., 1999. – С. 14 – 19.
- Гусев С.В.** Приморская адаптация на Чукотском полуострове // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 71 – 78.
- Гусев С.В.** Шаманский комплекс с о. Идлидья // П Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 441 – 446.
- Деревянко А.П.** Приамурье: I тыс. до н.э. – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.
- Деревянко А.П.** Польцевская культура на Амуре. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 67 с.
- Дерюгин В.А.** Керамика “тэбахского типа”: предварительная классификация и периодизация // Россия и АТР. – 1998. – № 2. – С. 71 – 80.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Камчатки и Чукотки: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1971. – 48 с.
- Диков Н.Н.** Основные контуры этнической истории Северо-Восточной Сибири в свете археологических данных // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Всесоюз. конф. – Новосибирск, 1973. – С. 31 – 33.
- Диков Н.Н.** Чинийский могильник: (К истории морских зверобоев Берингова пролива). – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.
- Диков Н.Н.** Археологические памятники Камчатки, Чукотки и верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). – М.: Наука, 1977. – 391 с.
- Диков Н.Н.** Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
- Дикова Т.М.** Новые данные к характеристике Канчанской стоянки // История и культура народов Северо-Востока СССР. – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1964. – С. 41 – 53.
- Дикова Т.М.** Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. – М.: Наука, 1983. – 232 с.
- Днепровский К.А.** Динамика древнеэскимосской культуры Чукотки в эпоху бирнирка и раннего пунука (по материалам археологического комплекса Эквен): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 27 с.
- Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.
- Зубов А.А., Лебединская Г.В.** Реконструкция внешнего облика людей по черепам, найденным во время археологических работ на Камчатке и Чукотке // Новое в археологии Севера Дальнего Востока (материалы СВАКАЭ). – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1985. – С. 126 – 142.
- Иохельсон В.И.** Археологические исследования на Камчатке // Изв. Гос. рус. геогр. об-ва. – 1930. – Т. 62, вып. 3. – С. 199 – 242; вып. 4. – С. 346 – 384.
- История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века.** – М.: Наука, 1989. – 375 с.
- История Чукотки с древнейших времен до наших дней.** – М.: Мысль, 1989. – 492 с.
- Кирьяк (Дикова) М.А.** Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник: (Каменный век). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – 288 с.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д., Плихт Г.** Исследования в долине реки Ковран на северо-западе Камчатки и разработка радиоуглеродной хронологической шкалы // Северный археологический конгресс: Тез. докл. 9 – 14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 295 – 296.
- Лебединцев А.И.** Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.
- Лебединцев А.И.** Проблемы археологии Северо-Востока России // Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения: Материалы Регион. науч. конф. “Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее”. Магадан, 31 марта – 2 апреля 1998 г. – Магадан: ОАО “Северовостокзолото”, 1998. – С. 160 – 166.
- Лебединцев А.И.** Становление и развитие приморского хозяйства в Северном Приохотье и на Камчатке // История, археология и этнография Северо-Востока России. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – С. 42 – 69.
- Лебединцев А.И.** Происхождение древних приморских культур в Северном Приохотье // Человек в прибрежной зоне: опыт веков: Материалы Междунар. науч. конф.

(г. Петропавловск-Камчатский, 18 – 20 сентября 2001 г.). – Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчатского гос. пед. ун-та, 2001. – С. 92 – 94.

Лебединцев А.И. К дискуссии о выделении токаревской культуры // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 388 – 393.

Лебединцев А.И., Слободин С.Б., Реймерс А.Н. Находки на побережье заливов Малкачанский, Бабушкина и Дукче // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – С. 19 – 34.

Леонтьев В.В. Этнография и фольклор кереков. – М.: Наука, 1983. – 130 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.

Орехов А.А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. – М.: Наука, 1987. – 174 с.

Орехов А.А. Древнее поселение Русская Кошка I на побережье Анадырского лимана // Древние культуры Дальнего Востока СССР: (Археологический поиск). – Владивосток, 1989. – С. 25 – 29. – (Препр. / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР).

Орехов А.А. Археологические комплексы оз. Красное (Восточная Чукотка) // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001а. – С. 58 – 64.

Орехов А.А. Северная Пасифика в голоцене (проблемы приморской адаптации): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2001б. – 48 с.

Орехов А.А. Канчаланская приморская культура Восточной Чукотки // Северный археологический конгресс. 9 – 27 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск: Тез. докл. – Екатеринбург: Академкнига, 2002. – С. 31 – 33.

Питулько В.В. Морские адаптации на Северо-Востоке Азии // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 64 – 71.

Понкратова И.Ю. Гончарство Северо-Востока Азии (как культурно-историческое явление): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2000. – 24 с.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. – М.: Наука, 1985. – 216 с.

Пономаренко А.К. Археологические памятники долины реки Тигиль и ее притоков – рек Напана и Кульки // Краеведческие записки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1991. – Вып. 7. – С. 16 – 44.

Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 2000. – 312 с.

Пташинский А.В. Культура Тэви – новая приморская культура Северо-Восточного Приохотья // Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. “Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему”. – Владивосток, 1996. – С. 99.

Пташинский А.В. Некоторые проблемы археологии и этногенетических реконструкций на Камчатке // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-кор. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – С. 111 – 114.

Пташинский А.В. Культура охотников на морского зверя северо-восточного побережья Охотского моря (I – II тыс. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2002. – 23 с.

Руденко С.И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. – 132 с.

Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. – 234 с.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Теин Т.С. Археологические исследования на о. Врангеля // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока (по данным СВАКАЭ). – Магадан: СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 53 – 63.

Теин Т.С. Тайна Чертова оврага. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 94 с.

Федосеева С.А. Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.

Эргюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы в Якутии. – М.: Наука, 1990. – 152 с.

Эргюков В.И. Усть-мильская культура бронзового века и ее роль в древней истории Якутии // Археологические исследования Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 144 – 160.

Kirjak M.A. The adaptation of ancient population in interior of West and Central Chukotka (by author's materials) // Bridges of the Science Between North America and the Russian Far East: Abstracts. – Vladivostok: Dalnauka, 1994. – Bk. 2. – P. 146.

Lebedintsev A.I. Early Maritime Cultures of Northwestern Priokhot'e. – Anchorage: S.n., 2000. – 288 p.

Материал поступил в редколлегия 14.10.02 г.

ЮЖНОСИБИРСКО-СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИЕ СВЯЗИ В ОБЛАСТИ МИФОЛОГИИ*

Сто лет назад в процессе подготовки Джесуповской экспедиции и осмысления ее результатов Ф. Боас пришел к выводу, что фольклорные сюжеты относительно эфемерны, состоят из “элементов” (мотивов), имеющих кросс-культурное распространение и свободно преодолевающих языковые границы [Boas, 1891, p. 20; 1896, p. 9; 1916, p. 878; 1928, p. 149 – 150; 1940, p. 290 – 294, 312 – 315, 331 – 343, 437 – 490]. Мотивы, по мнению Ф. Боаса, сохраняют свою форму продолжительное время, тогда как трактовка целостных текстов меняется сравнительно быстро. Многочисленность одинаковых мотивов в разных традициях может свидетельствовать о контактах между этими традициями. Стремясь к достоверности выводов, Ф. Боас анализировал лишь мотивы, имеющие сплошные ареалы, поскольку при разрывах повышается вероятность независимого возникновения мотивов. Нам это ограничение не кажется необходимым. Предположение о неслучайности совпадений учитывает не только целостность ареалов, но и уникальность мотивов, степень их сложности, нейтральность по отношению к природным и социальным факторам, совпадение ареалов многих мотивов. Наличие общих элементов как в географически удаленных друг от друга, так и в соседних традициях логично объяснить

одинаковыми причинами – заимствованием мотивов одной группой от другой. Но поскольку есть уверенность, что в недавнюю эпоху обитатели удаленных друг от друга регионов не составляли культурной общности, время предполагаемого единства должно быть отодвинуто в прошлое. Какое именно – это может подсказать только археология.

Среди тысячи прослеженных мотивов нам удалось выявить две группы, специфичные для фольклора Евразии и Северной Америки. Одна из них связывает Западную Сибирь с притихоокеанскими областями севера Азии и северо-запада Северной Америки. О ней речь должна пойти в отдельной статье. Вторая группа представлена в центральных районах Евразии (в частности, в Южной Сибири) и Америке к востоку от Скалистых Гор. Ее мы намерены рассмотреть сейчас. Знакомство с южно-американскими, японскими, меланезийскими и австралийскими материалами поддерживает уверенность в том, что параллели в них не являются результатом произвольной выборки и не просто фиксируются в определенных регионах, а специфичны только для них. Уникальность южносибирско-североамериканских аналогий повышает вероятность их исторической обусловленности. Ниже мы рассмотрим девять мотивов второй группы.

Змей угрожает птенцам. Водное чудовище поедает или калечит птенцов гигантской могучей птицы. Птицы бессильны перед чудовищем, но человек убивает его. *Птицы, несущие бурю.* Огромная птица несет с собой тучи, дождь, снег и т.п. В Америке и реже в Евразии самец и самка приносят разные виды осадков, а птенцы предупреждают об этом героя, попавшего к ним в гнездо.

Первый мотив представлен на севере Великих Равнин у ассинибойн, кроу, хидатса и арикара [Beckwith, 1938, № 7, p. 92 – 94; Lowie, 1909a, № 25,

* Каталог мифологических мотивов, который послужил базой данных работы, подготовлен при поддержке IREX (1992 – 1993), Smithsonian Institution (1992), РГНФ (грант 97-00-00085), Dumbarton Oaks Libraries and Collections (2000). Резюме к более 25 тыс. фольклорно-мифологических текстов составлены на основе 2,5 тыс. публикаций на восьми европейских языках. Объектом исследования являются встречающиеся в текстах наборы мотивов. Под мотивом понимается любой эпизод или образ или комбинация эпизодов и образов, которые обнаружены в двух разных текстах или более.

р. 181 – 183; 1918, № 1, р. 144 – 145; Parks, 1996, № 15, р. 209 – 215]. Кроу и хидатса разделились недавно и относятся к языковой семье сиу. Как и мандан, они были в числе первых сиу, проникших с востока на Великие Равнины в конце I тыс. н.э. [Dyck, Morlan, 2001, р. 129; Wood, 2001]. Ассинибойн, одна из групп собственно сиу, появилась на Равнинах* несколькими веками позже. Арикара относятся к семье кэддо, проникшей на Равнины с юга в конце I тыс. н.э. Ко времени европейских контактов арикара, хидатса и мандан образовали особую культурную общность, которая населяла среднюю Миссури. Одинаковые элементы в их фольклоре легко объяснимы тесными контактами между тремя этносами.

В рассматриваемой серии текстов птицы воплощают грозу. Чудовище – это водный змей, иногда рогатый, со второй пастью на затылке или с головами на обоих концах тела. Птица обычно намеренно переносит героя в свое гнездо для того, чтобы он одолел ее врага. У мандан есть похожий мотив: двое охотников женятся на дочерях Грома-орла и убивают чудовищных змею, бобра и кролика, с которыми всю жизнь боролся тесть [Beckwith, 1938, № 4, р. 57 – 62].

В вариантах кроу птенцы рассказывают человеку, что их мать принесет с собой дождевую тучу, а отец – град. Мотив *птицы, несущие бурю* связан преимущественно с народами атапаскской семьи. Повествования нередко основаны на мотиве трудных задач, предлагаемых тестем зятю. Так, у аляскинских кучин тесть-медведь требует достать перья орлов-людоедов. Герой спрашивает птенца, каким образом прилетят его родители. Тот отвечает, что отец – с дождем и градом, мать – с пургой [McKenna, 1965, р. 102]. В другом тексте птенец говорит, что мать прилетит со снегом, отец – с градом [Schmitter, 1910, р. 21 – 23]. Герой убивает взрослых орлов и превращает птенца в обычную птицу.

В близкой форме эпизод встречается у многих атапасков Аляски, Юкона и севера Британской Колумбии, в частности у коюкон, танана, верхних танана, тагиш и каска [Chapman, 1914, № 30, р. 101 – 102; Goddard, 1912, № 1, р. 46 – 49; Jetté, 1908, 1909, р. 498; McKenna, 1959, р. 179 – 180; Norman, 1990, р. 111 – 113]. В других вариантах человек попадает в гнездо по собственной инициативе либо случайно. Таковы тексты коюкон, хэа, бивер, слейви, чипевайян, йеллоунайф [Goddard, 1912, № 1, р. 46 – 49; 1916, р. 233 – 234; Lowie, 1912, р. 189 – 192; Petitot, 1886, № 3, 5, 13, р. 141 – 144, 321 – 327, 352 – 361; Wright A., 1908, р. 33 – 34], а также тлинкитов [Swanton, 1909, № 31, р. 97] и кутенаи [Linderman, 1997, № 9, р. 90 – 107]. Язык тлинкитов отдаленно родственен атапаскским. Кутенаи (в языковом отношении – изолят), ви-

димо, пришли на Плато с севера, где могли контактировать с атапасками [Brunton, 1998, р. 224]. Рассматриваемый мотив не зафиксирован у западных, северных и юго-восточных соседей атапасков – эскимосов и кри. Считается, что атапаски расселились 2 500 – 1 500 л.н. из района на стыке Аляски, Юкона и Британской Колумбии [Campbell, 1997, р. 110 – 112; Dumond, 1977, р. 52 – 53; Wright J., 1981, р. 91 – 92]. Мотив *птицы, несущие бурю* отсутствует в мифологиях эскимосов и кри, поэтому вряд ли стоит предполагать, что атапаски заимствовали его у поглощенного ими в таежной зоне субстрата. Скорее мотив был принесен атапасками с территории их первоначального обитания и поэтому не успел проникнуть к новым соседям.

На юге область распространения мотива достигает Техаса и Аризоны. В пределах Великих Равнин он зафиксирован у арапах и родственных им гровантр. Как и все алгонкины данной территории, эти группы, соседи кроу, скорее всего пришли на Равнины из области Великих Озер [Goddard, 2001, р. 76 – 77]. Миф гровантр [Cooper, 1975, № 11, р. 482 – 487; Kroeber, 1907, № 20, р. 82 – 90] наиболее сходен с атапаскским – тесть велит зятю достать перья для стрел. На юге Равнин у вичита (по языку – кэддо) стервятник уносит человека в свое гнездо. Тот выбрасывает двух птенцов, воплощающих плохую погоду, и оставляет двух, которые символизируют хорошую [Dorsey G., 1904a, № 16, р. 122 – 123]. У арапах мотив представлен в рассказе о подвигах близнецов [Dorsey, Kroeber, 1903, № 139, р. 346; № 140, р. 353]. Обитатели Юго-Запада эпизод с птицами, как правило, также включают в отдельные мифы о приключениях близнецов. У этих групп и у северных атапасков эпизоды с птицами одинаковы (“мать прилетит с дождичком, отец с ливнем”; чудовищные птенцы превращаются в обычных орлов, сов или воронов). Подобные сюжеты среди индейцев пуэбло известны только у хопи [Stephens, 1929, № 7, р. 17 – 18], но они зафиксированы у всех апачей и навахо [Goddard, 1918, р. 16 – 19, 67 – 68; 1919, р. 132 – 135; Matthews, 1994, р. 119 – 121; Mooney, 1898, р. 200 – 209; Opler, 1940, № 1, р. 19 – 21; 1942, р. 3 – 9, 12; Russel, 1898, р. 255 – 258]. Очень вероятно, что на Юго-Запад мотив *птицы, несущие бурю* был принесен именно атапасками.

Оба мотива – *птицы, несущие бурю* и *змей угрожает птенцам* – в мифологиях этносов в других областях Нового Света не имеют параллелей, но находят аналоги в фольклоре в Старом Свете. У обитателей Алтая первый мотив включен в тот же контекст, что и у этносов Америки, – тесть посылает зятя за перьями птицы, чтобы оснастить ими стрелы. Эти же мифы содержат мотив *змей угрожает птенцам*. Наиболее явные параллели представлены у челканцев [Кандаракова, 1988, с. 44 – 72]. Мака-Маатыр женится на дочери хана, тот велит принести перо беркута.

* Границы историко-культурных регионов Северной Америки см., напр.: [Driver, 1961, map 2].

Мака-Маатыр убивает змея, который выходит из озера, чтобы съесть птенцов беркута. Птенцы говорят, что их отец прилетит с редким снегом, мать – с крупным дождем (это слезы беркутов). Прилетевший беркут не убивает героя, а дает ему свое перо. В мифах южных алтайцев и у барабинских татар птицы приносят ветер и дождь, но самец и самка друг другу не противопоставляются [Дмитриева, 1981, с. 5, 67 – 68; Никифоров, 1915, с. 31 – 64].

Мотив *змей угрожает птенцам* распространен от Кавказа до Монголии и от Поволжья до Индийского океана. Он отмечен у чувашей, кабардинцев, абазин, осетин, ингушей, грузин, армян, курдов, турок, персов, казахов, каракалпаков, киргизов, узбеков, таджиков, белуджей, различных групп памирцев, тувинцев, калмыков, монголов, бурят, манси [Алиева, 1978, № 11, с. 111 – 119; Брудный, Эшмамбетов, 1989, с. 20 – 21; Григорьев, 1971, с. 57 – 64, 78 – 85; Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, № 8 – 10, с. 113 – 139; 1981, № 2, с. 24 – 39; Дзагуров, 1973, № 45, с. 162 – 177; Джалил, 1989, № 2, с. 46 – 59; Дмитриев, 1967, № 1, 2, с. 31 – 48; Долидзе, 1954, с. 28 – 33; Жирмунский, 1974, с. 278; Забанов, 1929, с. 19; Зарубин, 1932, № 6, 14, с. 69 – 90, 173 – 190; Каракалпакские народные сказки, 1959, с. 3 – 13; Курдованидзе, 1988, № 31, с. 79 – 83; Лукина, 1990, № 134, с. 346 – 352; Мальсагов, 1983, № 1, 3, с. 23 – 28, 33 – 39; Неклюдов, Тумурцерен, 1982, с. 58; Османов, 1987, с. 56 – 71, 109 – 124; Розенфельд, 1958, с. 112 – 117; Самдан, 1994, № 2, с. 227 – 248; Сидельников, 1952, с. 178 – 190; 1971, т. 1, с. 7 – 33, т. 3, с. 66 – 75; Тревер, 1937, с. 22 – 23; Тугов, 1985, № 33, с. 75 – 80; Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, № 2, с. 30 – 33; Уланов, 1974, с. 39 – 41; Хангалов, 1960, № 107, 111, с. 156 – 158, 250 – 253; Чувашские сказки, 1937, с. 67 – 83; Шевердин, 1984, с. 167 – 177; Элиасов, 1973, № 8, с. 78 – 81; Эр Тоштюк, 1958, с. 150]. Связь гигантской птицы с определенной погодой (без противопоставления видов погоды, приносимых самцом и самкой) подчеркивается в мифах осетин, грузин, казахов, киргизов и каракалпаков. Чаще всего говорится, что герой брошен спутниками в нижнем мире. Там он спасает птенцов, их благодарная мать выносит его на землю. В вариантах бурят, калмыков, монголов, а также манси обычно описывается, как герой, выполняющий трудные поручения тестя, попадает к птице. Древнейший текст, в котором содержится неполная параллель рассматриваемому мотиву, – шумерский миф о Лугальбанде и орле Анзуде [Афанасьева, 1997, с. 192 – 203].

Южная Сибирь является крайней северо-восточной областью Евразии, где мотивы *птицы, несущие бурю* и *змей угрожает птенцам* хорошо известны. Их американский и евразийский ареалы разделены якутско-тунгусским, палеоазиатским и эскимосским

регионами, на территории которых эти мотивы не зафиксированы. В Западной Сибири известна лишь мансийская версия. В селькупской сказке о герое, попавшем в нижний мир, при общем сходстве со многими евразийскими вариантами эпизода со спасением птенцов нет [Головнев, 1995, с. 495 – 498]. В Южной Америке известны и мотив *птиц, олицетворяющих дождь и грозу*, и мотив *птицы-людоеда*, но они никогда не сочетаются. Мотивы *мать прилетит с дождем* и *герой помогает птенцам* там не встречаются.

Бегство из пещеры хозяина стада. Герой, оказавшись в жилище чудовища-пастуха или владельца диких животных, опасается, что тот его убьет. Чтобы выбраться на свободу, он цепляется за брюхо одного из животных, выходящих из загона или пещеры, либо прикрывается его шкурой. Данный мотив можно найти в фольклоре практически всех тюркских, а также многих других народов от Атлантики до Центральной Азии [Алиева, 1978, № 7, с. 85 – 86, 359 – 360; Афанасьев, 1985, № 302, с. 340 – 341, 451; Жирмунский, 1974, с. 589 – 601; Турсунов, 1975]. Гомеровская версия и указания на еще одну версию в “Сатириконе” свидетельствуют о том, что на западе мотив стал известен не в ходе поздних тюркских миграций, а раньше. Однако к северо-востоку от Южно-Сибирского региона он не фиксируется. Текст, записанный у юкагиров [Николаева и др., 1989, ч. 1, № 31, с. 95 – 115], русский по происхождению.

Американские параллели евразийским историям о чудовищном пастухе отмечены преимущественно в фольклоре индейцев на севере Великих Равнин и касаются только эпизода выхода из пещеры. Мотив Th K603 (*бегство героя, спрятавшегося под животом или под шкурой копытного животного*), который в мифах народов Евразии неизменно присутствует в истории ослепления одноглазого великана (сюжет AT1137), в историях обитателей Северной Америки не отмечен [Aarne, Thompson, 1964; Thompson, 2000, p. 365]. Наиболее северные версии записаны на востоке Плато у кутенаи и у их соседей черноногих (алгонкины по языку) в пределах Равнин. У кутенаи Ворон прячет бизонов [Boas, 1918, № 65, p. 213 – 219, 303 – 304]. Кролик и Заяц приходят к жилищу двух старух и превращаются в щенка и камень. Одна из старух подбирает их. Щенок и камень в облике юношей выгоняют бизонов и вместе с ними, ухватившись зубами за мошонку самца, выбираются на волю. Старухи следят за выходящими бизонами, но не обнаруживают беглецов. В мифе черноногих трикстер Напи превращает себя в собаку, а сына вождя – в палку. Сын Ворона подбирает собаку, жена – палку. Собака и Палка находят подземную нору и выгоняют оттуда бизонов, чтобы выйти с ними, прицепившись к шерсти старого самца [Spence, 1985, p. 208 – 212]. Во вто-

ром варианте в щенка превращается Бобр [Wissler, Duvall, 1908, № 1, p. 50 – 52]. У гровантр мотив добычания первопредками бизонов соединен с рассказом о похищении ими лета, обычно самостоятельным [Kroeber, 1907, № 4, p. 65 – 67]. Нишант (трикстер, аналогичный Напи) велит мальчику плакать и требовать мяса и земли без снега, а сам превращается в щенка, которого подбирает дочь старухи. Став снова человеком, Нишант насилует девушку, старуха бежит на крик. В это время Нишант проникает в жилище, выпускает бизонов, выбрасывает мешок с летом наружу. Чтобы выйти самому, он цепляется за мошонку последнего бизона.

На юг Равнин и на Юго-Запад рассматриваемый мотив проник, по-видимому, недавно. Там он зафиксирован у атапасков липан и хикарилья [Goddard, 1911, № 20, 21, p. 212 – 214; Opler, 1940, № 11, p. 122 – 125], а также у кайова и интегрированных с ними политически и культурно кайова-апачей [McAllister, 1949, № 9, p. 52 – 53; Parsons, 1929, № 9, p. 21 – 26]. Хотя кайова отдаленно родственны по языку восточным пуэбло, их непосредственные предки пришли с севера Равнин, о чем свидетельствуют как племенные предание, так и набор известных кайова мифологических мотивов.

Опознавание жены или сына. Чтобы вернуть или получить жену или сына, человек должен опознать их среди нескольких одинаковых людей или животных. Этот мотив (H161, H324 [Thompson, 1955 – 1958; 2000, p. 352]) есть в мифах коми [Новиков, 1938, № 41, с. 146 – 148, 149 – 153] и чувашей [Григорьев, 1971, с. 70 – 77; Чувашские сказки, 1938, с. 17 – 26, 89 – 94, 177 – 187], а также бурят, байкальских (но не прочих) эвенков, барабинских татар и киргизов [Брудный, Эшмамбетов, 1989, с. 108 – 115; Воскобойников, 1967, № 10, с. 35 – 37; Дмитриева, 1981, № 6, с. 111 – 115; Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, № 16, с. 63 – 68]. Он известен ульчам на Дальнем Востоке, которые, судя по встречающимся в рассказе реалиям, заимствовали его с юга [Аврорин, 1981, № 2, с. 130]. В японском фольклоре этот мотив весьма популярен [Ikeda, 1971, № 400, p. 96 – 97].

В Америке мотив распространен лишь на Великих Равнинах. Он представлен у алгонкинов, включая степных оджибва, черноногих и арапахо [Dorsey, Kroeber, 1903, № 144 – 146, p. 388 – 418; Josselin de Jong, 1914, p. 52 – 59; Skinner, 1919, № 4, p. 293 – 295], сиу, включая кроу, мандан, оглала, санти, омаха и понка, осэдж [Bowers, 1950, p. 276 – 281; Dorsey G., 1904в, № 23, p. 27 – 30; Dorsey J., 1888, p. 74; 1890, p. 55 – 57, 172 – 175, 604 – 609; Lowie, 1918, p. 110 – 115; McLaughlin, 1990, p. 170 – 178; Simms, 1903, № 12, p. 289 – 290; Walker, 1917, p. 183 – 190; 1983, p. 109 – 118], кэздо, включая арикара, пауни и вичита [Dorsey G., 1904а, № 29, p. 199 – 206; 1904б, № 79,

p. 284 – 393; 1906, № 16, p. 62 – 71; Parks, 1996, № 9, p. 162 – 165]. В вариантах этих групп индейцев чаще всего требуется опознать жену или сына, принявших облик бизонов. К сэлишам группы томпсон [Teit, 1917, № 36, p. 56 – 62] мотив мог попасть в ходе их недавних (XVII – XIX вв.) контактов с индейцами Равнин. В фольклоре других индейцев Плато он не встречается.

Комар и Гром. Некий персонаж спрашивает насекомое, где оно насосалось крови. Насекомое не может сказать правду, и благодаря этому персонаж не убивает сейчас людей. В большинстве индейских текстов Гром расспрашивает Комара, Муху или Москита. Насекомое отвечает, что пило древесный сок, поэтому ныне молнии поражают деревья. В данной форме мотив представлен на Плато у шусвап, томпсон и калапуя [Jacobs, 1945, № 12, p. 132; Teit, 1898, № 11, p. 56; 1909, № 35, p. 709] и далее на восток у алгонкинов США и Канады, а именно у кри, оджибва-чиппева и микмак [Barnouw, 1977, № 42, p. 158; Parsons, 1925, № 17, p. 84 – 85; Ray, Stevens, 1971, p. 92]. На территории Калифорнии он известен пенути – вину и майду [Dubois, Demetrascopoulou, 1931, № 70, p. 393, 400]. В Южной Америке мотив зафиксирован у яруро на севере Льянос-Ориноко и харакмбет на юге перуанской Монтаньи [Calnfano, 1995, № 18, p. 186; Wilbert, Simoneau, 1990, № 52, p. 82]. У матако (аргентинское Чако) в сюжете отсутствует этиологическая концовка – Комары явились к Дождю в красных плащах, но не сказали, что напился для этого человеческого крови [Metraux, 1935, p. 141]. У атапасков Аляски, Юкона и Британской Колумбии носителем опасности является не Гром, а иной персонаж [Teit, 1919 – 1921, № 22, p. 243; Tenenbaum, 1984, p. 73 – 75]. В мифе танайна человек лжет Дятлу – в котле варится не кровь, а пихтовый сок. Поэтому дятлы долбят лишь деревья. У талтан Комар лжет Древооточцу, будто напился крови деревьев. Если бы он сказал правду, древооточцы бы пожирали людей.

В Южной Сибири повсеместно распространен миф о том, как могущественное существо посылает насекомое узнать, чья кровь вкуснее. Посланец выясняет, что человеческая, и летит назад. Чтобы спасти людей, Ласточка вырывает ему язык. Сам посланец или отправитель пытается убить Ласточку, ему удается лишь схватить ее за хвост, который с тех пор раздвоен [Бурятские народные сказки..., 2000, с. 14]. Отправителем может быть змей, владыка демонов, людоед, птица Хангаруди и пр. Одна из бурятских версий [Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, № 21, с. 80] особенно близка индейским, ибо тоже объясняет, почему молнии поражают деревья. Громовержец Хугдэ-мэргэн посылает Осу к хозяину земли Ульгену узнать, в кого бить молнией. Тот отвечает – в человека. Ласточка просит Осу повторить, что сказал ей Ульген, и отрывает ей язык, а Хугдэ-мэргэну говорит, что Оса хотела похвалить вкус сока

лиственницы. С тех пор молнии метят в деревья. Нередко встречается противопоставление человека змее. В соответствующей бурятской версии [Там же, с. 78 – 79] царь птиц Орел посылает Ласточку и Осу узнать, чье мясо вкуснее. Оса признается Ласточке, что человечье. Ласточка вырывает ей язык и говорит Орлу, что самое вкусное мясо – змеиное. Поэтому с тех пор орлы питаются змеями. Разные варианты этого рассказа записаны у алтайцев, хакасов, тофаларов, бурят, монголов, а за пределами Южной Сибири – у удмуртов, чувашей, крымских татар, абхазов, ингушей, черкесов, казахов, киргизов [Алексеев, 1980, с. 103; Бурятские народные сказки..., 2000, № 24, с. 91 – 93; Бгажба, 1983, с. 94; Беннингсен, 1912, с. 21; Брудный, Эшмамбетов, 1989, с. 369 – 370; Вардугин, 1996, с. 249; Гарф, Кучияк, 1978, с. 49 – 50; Егоров, 1995, с. 132; Катанов, 1963, № 582, с. 157; Клабуков, 1948, № 17, с. 56; Потанин, 1881, с. 159; 1883, с. 183, 768; Сидельников, 1971, т. 2, с. 165 – 166; т. 3, с. 221 – 223; Шерхунаев, 1975, с. 254; Thompson, 1955 – 1958, мотив А 2236.П].

Домашний и Выброшенный. Этот мотив обычно предваряет историю близнецов, освобождающих мир от чудовищ. В конце рассказа близнецы превращаются в солнце и месяц, звезды, гром и молнию. Обратимся к версии кроу [Lowie, 1918, р. 74 – 98]. В дом жены охотника входит женщина. Она отказывается есть на посуде, говорит, что ее тарелка – живот беременной. Хозяйка кладет угощение себе на живот, гостя вспарывает его и бросает одного близнеца у входа в дом, а второго – в реку. Мальчика, брошенного около дома, воспитывают мыши. Охотник слышит голос ребенка. Сын появляется из укрытия и остается с отцом, встречает своего брата, выходящего из реки поиграть. У Речного мальчика большие острые зубы. Домашний выпрашивает у отца двойные порции пищи, просит сделать ему второй лук и рассказывает о брате. Речной мальчик утверждает, будто под водой у него есть другой отец. Отец с Домашним сыном с трудом ловят Речного и подпиливают ему зубы. После этого тот признает земного отца. Далее следует история о том, как братья убивают опасных существ. Примерно в том же контексте мотив известен многим североамериканским индейцам, жившим к востоку от континентального водораздела и в прилегающих областях Юго-Запада и Большого Бассейна. У микмак, хидатса, арапах, кайова-апачей, вичита, северных шошони, липан и тива второй брат выброшен в воду [Beckwith, 1938, р. 30 – 43; Dorsey G., 1904a, № 12, р. 88 – 102; Dorsey, Kroeber, 1903, № 139, 140, р. 341 – 355; Lowie, 1909b, № 24, р. 280 – 283; McAllister, 1949, № 6, р. 30 – 44; Opler, 1940, № 2a, р. 22 – 25; Parsons, 1925, № 1, р. 56 – 59; 1932, № 14, р. 392 – 403; Speck, 1915a, р. 61 – 62]. У меномини, чипева, оджибва, кри, саук, фокс, кикапу, сенека, черноногих, гровантр, омаха, понка, айова, кэддо, натчез, криков, семинолов, вероятно, у

алабама и коасати (их миф известен отрывочно), второй мальчик брошен в дупло, пень, кусты [Bell, 1897, р. 2 – 8; Cooper, 1975, № 10, р. 462 – 482; Curtin, Hewitt, 1918, № 34, р. 176 – 180; Dorsey G., 1905, № 17, р. 31 – 36; Dorsey J., 1888, р. 76 – 77; 1890, р. 215 – 219; Greenlee, 1945, р. 142 – 143; Jones, 1915, № 9, р. 67 – 75, 135 – 138; Josselin de Jong, 1914, р. 38 – 52; Lasley, 1902, р. 176 – 178; Martin, 1977, р. 69 – 71; Radin, 1914, № 45, р. 81 – 83; Schoolcraft, 1999, р. 183 – 190; Skinner, 1925, № 1, р. 427 – 441; Skinner, Satterlee, 1915, № 118, р. 337 – 342; Swanton, 1929, р. 2 – 7, 222 – 230; Wissler, 1936, р. 20 – 29; Wissler, Duvall, 1908, № 1, р. 40 – 53]. У пауни есть оба варианта, но преобладает первый [Dorsey G., 1904b, № 25, р. 88 – 94; 1906, № 39 – 41, р. 142 – 155, 493 – 495]. У вичита, пауни, натчез, криков и семинолов второй мальчик появляется из последа первого.

Для этносов притихоокеанских областей Северной Америки мотив не характерен. Близкий эпизод есть только у цимшиан. Сын убитой женщины вырастает в гробу матери и подбирает стрелы, которые пускают другие дети. Племянники отца находят и ловят его, мальчик вырастает и, по одной из версий, добывает солнце [Boas, 1902, р. 7 – 10; 1916, № 29, р. 214 – 215]. В Южной Америке нечто похожее есть в фольклоре обитателей Западной Амазонии. В мифе ягуа старуха находит пепелище на месте дома беременной дочери, а в куче мусора – младенца. Затем она находит второго мальчика, появившегося из последа. Братья вырастают и мстят врагам [Chaumeil J., Chaumeil J.-P., 1978, р. 162; Payne, 1992, р. 199; Powlison, 1993, № 1, р. 57].

Соответствия североамериканским мотивам отмечены в мифах народов Западной Сибири и бурят Прибайкалья. Бурятский миф рассказывает о происхождении племен Булагат и Эхирит. Видимо, это проявление местной байкальской традиции, воспринятой бурятами после того, как они заселили берега озера. Монгольские параллели мне не известны (ср. фрагментарные варианты [Потанин, 1881, № 19e, 20, с. 162 – 163]). В одной из версий [Хадахнэ, 1926, с. 32 – 33] Бохо-нойон с другим быком стали гоняться друг за другом вокруг Байкала. Дочь хана прогнала их, забеременела от Бохо-нойона. Сестры-шаманки Асыхан и Хосыхан взяли родившегося мальчика и назвали его “Из-под быка найденный Булагат”. На берегу Байкала ребенок познакомился с мальчиком, жившим в береговой щели. Асыхан хитростью заполучила и его, дала имя “Эхирит, имеющий отцом пестрого налима, матерью – береговую щель”. Четыре версии приведены М.Н. Забановым [1929, с. 21 – 28]. 1) Хусыхан и Асухан усыновляют ребенка Буха-нойон-бабая, называют Булагат. Дочь тенгрия Хармуста рождает двух сыновей и дочь, оставляет их на берегу Байкала. Эти дети выходят из воды играть с Булагатом. Асухан ве-

лит Булагату дать детям еду и хмельной напиток, те засыпают. Сестры несут их домой, по дороге один мальчик кричит: “Возьми меня, молочное море-мать и скалистые горы-отец!” Волны хлынули на берег, девочка стала нерпой и уплыла; один мальчик превратился в белку и убежал в горы, другого усыновила Хусыхан и назвала Эхирит. 2) Пороз Буха-нойон-бабай бодался с другим порозом, по ночам в образе человека он приходил к дочери хана. Хан прогнал порозов. Буха-нойон вынул из утробы девицы ребенка, рогами бросил на другую сторону Байкала. Асухан взяла мальчика, назвала Булагат. Он ходил играть с другим мальчиком, выходившим из вод Байкала. Хусыхан сделала кушанье из своего молока, попросила Булагата дать его Водяному мальчику, тот заснул. Хусыхан схватила его, назвала Эхирит. До этого мальчик жил в береговой щели, и воспитывал его налим. 3) Пороз Хохо-буха переплыл Байкал, нашел мальчика Булган-хара. Асухан усыновила его. Дочь хана забеременела. Когда в щель юрты проник луч солнца, она положила ребенка в бочку и бросила в озеро. Булган-хара стал играть с вышедшим из бочки мальчиком. Асухан попросила Булган-хара накормить друга, тот заснул. Когда Асухан его понесла, тот закричал: “Молочное море, спаси! Отец, небо, спаси!” Асухан по пояс была втянута в воду, но выбралась на берег и назвала мальчика Эхирит. 4) Дочь Хун-Тайжи погнала пороза, забеременела, родившегося ребенка спустила в ящике в озеро. Перешагнув через бычье ярмо, женщина снова забеременела, оставила ящик с мальчиком на берегу. Эти дети стали выходить из воды и играть с другими детьми. Асухан оставила для них кушанья. Дети заснули, она принесла их домой, назвала Булагат и Эхирит. Записаны и другие варианты [Жамбалова, 2000, с. 191 – 192; Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, с. 139, 141; Шаракшинова, 1980, с. 114 – 130].

Главное, что объединяет булагат-эхиритские версии с америндейскими, – мотив *мальчик, который выходит из водоема играть с другим мальчиком*. Отец (у индейцев) или приемная мать (у бурят), обратив внимание на странности в поведении первого ребенка, начинает догадываться о существовании второго, а затем прибегает к хитрости, чтобы поймать его. У бурят по одной версии оба мальчика являются сыновьями Буха-нойона, по другой – Водный мальчик происходит от другого отца. Такого рода неопределенность типична также для индейских близнецных мифов. Бурятские версии сходны с индейскими и общей концепцией происхождения двух главных племенных предков, героев.

Западно-сибирские версии в жанровом отношении ближе к сказке. У манси [Казакова, 1994, с. 44 – 47; Лукина, 1990, № 130, с. 338 – 339] речь идет о традиционной фольклорной паре Мось-нэ и Пор-нэ. У первой есть сын, у второй – мальчик в образе пестрого

щенка. Пор-нэ заталкивает ребенка Мось-нэ в бочку и спускает в воду. После этого мальчик-щенок уходит жить к Мось-нэ. Он носит еду к землянке у реки, объясняя, что там живут старик и старушка, а их сын – его товарищ по играм. Этот товарищ и есть уплывший в бочке сын Мось-нэ. Мальчик-щенок пытается его схватить, но тот вырывается. Позже сын Мось-нэ соглашается жить с матерью, а не с “отцом из землянки”. Мось-нэ благополучно выходит замуж, щенок делается красавцем. В селькупской версии [Пелих, 1972, с. 351 – 352] старуха бросает ребенка невестки в прорубь, вместо него приносит щенка. То же происходит еще раз. Старуха велит сыну оставить жену со щенками в лесу, те выживают. Щенки рассказывают, что из проруби выходят два мальчика и играют с ними. Женщина просит их выманить мальчиков из воды, забирает их. Муж узнает правду, разрывает свою мать конями, кочка на болоте – ее голова.

Ни булагат-эхиритские, ни западно-сибирские версии не содержат начального эпизода индейских мифов – гибели матери близнецов. Мотив *ребенок, подмененный щенком* встречается в серии евразийских мифов, в которых женщина искалечена, а ее дети брошены в воду. Противопоставления Выброшенного Домашнему в них нет, но мотив *выманивание из воды* – тот же, что и в рассмотренных мифах. Он зафиксирован, в частности, в мифах прибайкальских эвенков, монголов, тувинцев, алтайцев [Беннингсен, 1912, с. 44 – 55; Воскобойников, 1958, с. 104 – 107; 1973, № 24, с. 111 – 114; Кандаракова, 1988, с. 125 – 127; Потанин, 1883, № 84, 181, с. 341 – 348, 600 – 618]. Параллели ему есть в версии ороков Приморья, юкагиров Колымы [Аврорин, Лебедева, 1966, № 13, с. 139 – 142; Иохельсон, 1900, № 17, с. 39 – 41]. Вообще мотив *дети, выброшенные* (часто – в воду), а затем с трудом выманные и пойманные, широко представлен в фольклоре этносов Старого и Нового Света. Однако мотивы противопоставления Выброшенного Домашнему и наличия у Речного мальчика некоего водяного отца специфичны и ограничены территориально.

Мотив *Федры* (или *жены Потифара*, K2111) известен от Средиземноморья до Бурятии и Китая* [Брудный, Эшмамбетов, 1989, с. 75 – 88; Розенфельд, Рычкова, 1990, № 16, с. 74 – 78; Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1981, № 2, с. 24 – 39; Рифтин и др., 1977, № 16, с. 126 – 133; Тугутов И.Е., Тугутов А.И., 1992, № 13, с. 57 – 58; Penzer, 1924 – 1928, vol. 2, p. 120 – 124; vol. 4, p. 104 – 107; Werner, 1922, p. 192 – 194]. Женщина ложно обвиняет юношу в посягательстве на нее, а ее муж верит ей или сам полагает, что виновен юноша. В Северной Америке мотив распространен восточ-

* Я признателен Я.В. Василькову, который помог отыскать индийские версии, не включенные в мой предыдущий обзор.

нее континентального водораздела от Канадской Альберты до Юго-Востока США и записан у бивер, кри, оджибва, собственно алгонкинов, кикапу, степных кри, наскапи, монтанье, сенека, черноногих, ассинибойн, хидатса, санти, оглала, туника, билокси [Beckwith, 1938, p. 81 – 91; Bloomfield, 1930, № 28, p. 268 – 279; Clark, 1966, p. 254 – 259; Curtin, Hewitt, 1918, № 114, p. 543 – 555; Desbarats, 1969, p. 6 – 12; Dorsey, Swanton, 1912, № 28, p. 99 – 107; Haas, 1950, № 4, p. 31 – 57; Jones, 1915, № 10, p. 75 – 89; Lowie, 1909a, № 7a, p. 150 – 154; Petitot, 1886, № 1, p. 451 – 459; Radin, 1914, № 14 – 15, p. 27 – 31; Ray, Stevens, 1971, p. 112 – 120; Ridington, 1988, p. 126 – 136; Riggs, 1893, p. 139 – 143; Speck, 1915b, № 1, p. 70 – 74; Spence, 1985, p. 184 – 187; Swanton, 1911, p. 321 – 322; Wallis, 1923, № 17, p. 78 – 83; Wissler, 1907, № 7, p. 196 – 199]. На Северо-Западном побережье он зафиксирован только у цимшиан и хайда [Boas, 1916, p. 781 – 783], обе версии явно восходят к одному источнику. На юге Плато мотив встречается у различных групп сахаптин [Farrand, Mayer, 1917, № 9, p. 157 – 159; Phinney, 1934, p. 163 – 165]. Единственная южно-американская версия записана в устье Ориноко [Roth, 1915, № 197, p. 255 – 256]. Мотив *Федры* в северо-американских мифах часто служит завязкой сюжета, эпизоды которого обнаруживают параллели в тюркской эпике, в частности в сказаниях об Алпамыше [Жирмунский, 1974].

Семь звездных братьев. Большая Медведица есть нескольких людей, обычно семь братьев, царей, воинов и т.п. Мотив характерен для Южносибирско-Монгольского региона, Казахстана и Средней Азии, Северного Кавказа, Индии [Беннингсен, 1912, с. 55 – 57; Брудный, Эшмамбетов, 1989, с. 373 – 374; Никифоров, 1915, с. 250; Потанин, 1881, с. 125; 1883, с. 711 – 715; Gibbon, 1964, p. 239 – 241], а в Америке – для индейцев Великих Равнин и прилегающих районов Среднего Запада, в частности виннебаго, сарси, черноногих, ассинибойн, гровантр, кроу, шейенов, арапахо, кайова, команчей, вичита [Dorsey G., 1904a, № 8 – 10, p. 63 – 80; Dorsey, Kroeber, 1903, № 105, p. 208 – 209; Fraser, 1990, p. 55; Gibbon, 1964, p. 237; Josselin de Jong, 1914, p. 43 – 37; Кнох, 1923, p. 401 – 403; Kroeber, 1907, № 27, p. 105 – 108; Lowie, 1909a, № 21, 23b, p. 161 – 162, 177, 179 – 180; 1918, p. 126, 205 – 211; Parsons, 1929, № 3, p. 9 – 11; Saint Clair, 1909, № 18, p. 282; Simms, 1904, p. 181 – 182; Smith, 1997, p. 28 – 30; Spence, 1985, p. 182 – 184]. В более северных областях Сибири и Северной Америки Большая Медведица есть лось (в Азии) или медведь (в Америке). С преследующими зверя охотниками иногда отождествляются лишь звезды ручки ковша. В Южной Сибири – Центральной Азии мотив *Космическая охота* тоже известен, но зверь ассоциируется там не с Большой Медведицей, а с Поясом Ориона (“Три маралухи”, “Три архара”). В северной

Сибири мотив *семь людей-звезд* практически не встречается. Лишь у чукчей Большая Медведица символизирует шесть прашников и лису, грызущую оленье рога [Богораз, 1939, с. 25]. Кетское название Кассиопеи или какого-то другого объекта (Дејтыгын) очень напоминает тюркские Иттыган, Титаган, Четтыкан и т.п. (“Семь ханов”), но не относится к Большой Медведице [Алексеев, 1976, с. 85 – 86]. Именная часть ненецкого (Со’ом) не этимологизируется и, возможно, вообще не обозначает людей [Хомич, 1976, с. 20].

Живая утопленница. В отсутствие мужа жену сталкивают в воду. Она не умирает на дне водоема, но отвечает тем, кто обращается к ней, выходит нянчить младенца. Муж возвращает ее. Мотив связывает центральные области Северной Америки с Евразией. Он представлен у персов, таджиков, белуджей [Амонов, 1972, с. 50 – 58; Османов, 1987, с. 240 – 243; Порожняков, 1989, с. 58 – 63; Розенфельд, Рычкова, 1990, № 8, с. 48 – 51], а также у этносов Восточной Европы, а в Америке характерен для аборигенов Великих Равнин и Великих Озер, в частности, ассинибойн, арапахо, осэдж, вичита, оджибва и фокс [Dorsey G., 1904a, № 17, p. 124 – 127; 1904b, № 22, p. 26 – 27; Dorsey, Kroeber, 1903, № 5, p. 8 – 12; Jones, 1907, № 8, p. 101 – 111; 1919, № 66, 67, p. 609 – 653; Lowie, 1909a, № 8b, p. 157; Spence, 1985, p. 176 – 180]. На Юго-Востоке он зафиксирован у сиуязычных билокси [Dorsey, Swanton, 1912, № 26, p. 79 – 81].

Выводы

Американский фольклор связан с евразийским множеством ниточек, образующих сложное переплетение. Мы остановили свой выбор на почти или вовсе не замеченных параллелях. Все они указывают на общие черты в мифологии двух – и только двух – регионов мира: Внутренней Евразии (в частности, Южной Сибири) и Северной Америки к востоку от Скалистых Гор, особенно севера Великих Равнин. Это видно на карте-схеме (см. рисунок).

Сибирские мифологии насыщены индийскими, иранскими и ближневосточными мотивами, проникшими в регион в последние тысячелетия [Евсюков, 1987; Кызласов, 2001; Новикова, 1991; Сагалаев, 1984; Торогов, 1989]. Некоторые мотивы представлены в Евразии столь широко, что об ареале и времени их первоначального бытования судить невозможно. Южная Сибирь – Монголия могли быть как донором, так и реципиентом. К XIX – XX вв. этот регион выделялся главным образом тем, что у населявших его народов волшебная сказка еще сохраняла связь с актуальными мифологическими представлениями. Поэтому при определении области концентрации американских аналогий в Евразии следует указывать не на Прибайкалье или Алтай, а в целом на аридный пояс

этого континента. В данную зону, однако, не входят Япония, Российский Дальний Восток, Якутия, Колыма и Чукотка.

Рассмотренные мотивы отличаются сходной типологией персонажей. Протагонисты принадлежат к числу героев-прародителей. Исключение составляет мотив *бегство из пещеры хозяина стада*, в американских вариантах которого протагонист носит имя популярного трикстера. Однако и в этих эпизодах речь идет о важнейшем культурном деянии – освобождении бизонов. Вся эта серия мифов сходна и тем, что во многих версиях действуют гром, громовая или иная могучая птица и противостоящее ей (или каким-то образом с нею связанное) водное змееобразное чудовище. Мотив *змей угрожает птенцам* в азиатских сказках сочетается с мотивами *птицы, несущие бурю* и *Федра*.

Рассмотренные мотивы в Евразии и Америке вполне идентичны: пещера циклопа и пещера похитителя бизонов; ветер и дождь приносят две птицы или одна; комар специально послан узнать вкус крови или случайно встречается с громом; миф открывается сценой убийства матери близнецов или соответствующий мотив отсутствует. Это не делает параллели менее значимыми, скорее напротив. Невозможно сказать, как долго длинная цепочка эпизодов способна сохранять свою целостность, но ясно, что “возраст” каждого из них велик. После распада культурного единства, объединявшего предков народов Внутренней Азии и североамериканских индейцев, в каждом ареале перекомпоновка мотивов в мифах происходила независимо. Что же касается причин распада такого единства, то их могло быть две: либо относительно поздний уход каких-то групп из Центральной Азии далеко на северо-восток и дальше в Америку, либо внедрение новых, инкультурных групп (проточукотско-корякских, протоэскимосоалеутских, а затем тунгусских и якутских), разделивших более ранний евразийско-американский культурный континуум. Редкость конкретных мотивов в тихоокеанской зоне позволяет думать о их проникновении в южные районы Америки через Центральную Аляску – Юкон – Альберту, а не вдоль побережья. С этими параллелями можно осторожно сопоставить американоидные признаки, прослеживаемые на черепках представителей бронзового века из Южной Сибири [Козинцев и др., 1995; Моисеев, 2002; Kozintsev, Gromov, Moiseyev, 1999].

Рассмотренные мотивы обнаруживают отдельные соответствия в Южной Америке. Таковых немного, и они имеют значительный территориальный разброс. Если подобные параллели не случайны (а независимое появление такого своеобразного мотива, как *Комар и Гром*, не кажется вероятным), они дают некоторые ориентиры для датировки соответствующих ис-

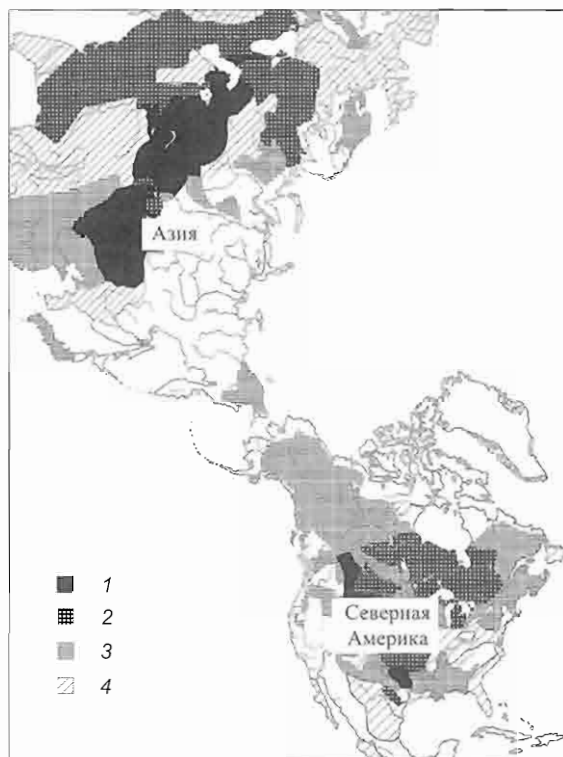

Схема распространения мотивов южно-сибирского комплекса в Евразии и Северной Америке.

1 – пять-шесть мотивов, 2 – три-четыре, 3 – один-два, 4 – данные отсутствуют или не обработаны.

торических процессов. Эти мотивы не входят в “базовый фонд” амазонской мифологии, имеющей параллели в Австралии – Меланезии и связанной скорее всего с древнейшим этапом заселения Нового Света [Березкин, 2001а, б, 2002; Berezkin, 2002]. Но они вряд ли могли появиться и после того, как области обеих Америк с тропическим и умеренным климатом оказались достаточно плотно заселены, что произошло, судя по датам памятников, примерно 9 000 – 7000 л.н. Центрально-евразийский комплекс мотивов может быть связан либо с кловисом, либо (что вероятнее) с более поздними палеоиндейскими культурами.

Список литературы

- Аврорин В.А. Ульские тексты для грамматических и этнографических исследований // Морфология имени в сибирских языках. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 129 – 164.
- Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие сказки и мифы. – Новосибирск: Наука, 1966. – 235 с.
- Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 317 с.
- Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 67 – 105.

- Алексеев Е.А.** Мифы, предания, сказки кетов. – М.: Вост. лит., 2001. – 344 с.
- Алиева А.И.** Сказки адыгских народов. – М.: Наука, 1978. – 406 с.
- Амонов Р.** Таджикские народные сказки. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 304 с.
- Афанасьев А.Н.** Народные русские сказки. – М.: Наука, 1985. – Т. 3. – 495 с.
- Афанасьева В.К.** От начала начал. Антология шумерской поэзии. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. – 494 с.
- Беннингсен А.П.** Легенды и сказки Центральной Азии. – СПб.: [Тип. А.С. Суворина], 1912. – 168 с.
- Березкин Ю.Е.** Ареальное распределение мотивов в мифологиях Америки и Северо-Восточной Азии // Тр. фак. этнологии Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. – 2001а. – Вып. 1. – С. 116 – 159.
- Березкин Ю.Е.** Мост через океан. Заселение Нового Света и мифология индейцев и эскимосов Америки. – Lewiston; N.Y.: The Edwin Mellen Press, 2001б. – 430 р.
- Березкин Ю.Е.** Мифология аборигенов Америки: результаты статистической обработки ареального распределения мотивов // История и семиотика индейских культур Америки. – М.: Наука, 2002. – С. 259 – 346.
- Бгажба Х.С.** Абхазские сказки. – Сухуми: Алашара, 1983. – 318 с.
- Богораз В.Г.** Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – Т. 2: Религия. – 195 с.
- Брудный Д., Эшмамбетов К.** Киргизские народные сказки. – Фрунзе: Мектеп, 1989. – 282 с.
- Бурятские народные сказки.** О животных. Бытовые / Е.В. Баранникова, С.С. Баржаханова, В.Ш. Гунгаров и др. – Новосибирск: Наука, 2000. – 304 с.
- Вардугин В.И.** Мифы древней Волги. – Саратов: Надежда, 1996. – 687 с.
- Воскобойников М.Г.** Фольклор эвенков Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 187 с.
- Воскобойников М.Г.** Фольклор эвенков Прибайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1967. – 183 с.
- Воскобойников М.Г.** Кто дал эвенкам солнце. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. – 241 с.
- Гарф А.Л., Кучияк П.В.** Танзаган – отец алтайцев. – М.: Худож. лит., 1978. – 286 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 1995. – 607 с.
- Григорьев С.Г.** Чувашские сказки. – М.: Худож. лит., 1971. – 222 с.
- Грюнберг А.Я., Стеблин-Каменский И.М.** Сказки народов Памира. – М.: Наука, 1976. – 536 с.
- Грюнберг А.Я., Стеблин-Каменский И.М.** Сказки и легенды Систана. – М.: Наука, 1981. – 269 с.
- Дзагуров Г.А.** Осетинские народные сказки. – М.: Наука, 1973. – 598 с.
- Джалил О.** Курдские сказки, легенды и предания. – М.: Наука, 1989. – 624 с.
- Дмитриев Н.К.** Турецкие народные сказки. – М.: Наука, 1967. – 479 с.
- Дмитрисва Л.В.** Язык барабинских татар. – Л.: Наука, 1981. – 225 с.
- Долидзе Н.И.** Грузинские народные сказки. – Тбилиси: Заря Востока, 1954. – 432 с.
- Евсюков В.В.** Древнеиндийский миф о затмениях и его типологические соответствия в фольклоре тюрко-монгольских народов // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 27 – 35.
- Забанов М.Н.** Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. – Верхнеудинск: Бурят-монгол. ученый комитет, 1929. – 37 с.
- Зарубин И.И.** Белуджские сказки. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932. – 220 с.
- Егоров Н.И.** Чувашская мифология // Культура Чувашского края. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. – Ч. 1. – С. 109 – 146.
- Жамбалова С.Г.** Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. – Новосибирск: Наука, 2000. – 394 с.
- Жирмунский В.М.** Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974. – 727 с.
- Иохельсон В.И.** Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. – СПб.: Имп. академия наук, 1900. – Ч. 1. – 240 с.
- Казакова Е.А.** Фольклор манси. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1994. – 207 с.
- Кандаракова Е.П.** Алтайский фольклор. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алтай. кн. изд-ва, 1988. – 216 с.
- Каракалпакские народные сказки.** – Нукус: Каракалпак. гос. изд-во, 1959. – 202 с.
- Катанов Н.Ф.** Хакассский фольклор. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1963. – 164 с.
- Клабуков А.** Удмуртские народные сказки. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1948. – 176 с.
- Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г.** Америка-ноиды на Енисее? Антропологические параллели одной гипотезе // Проблемы изучения окуневской культуры. – СПб.: СПб. ун-т, 1995. – С. 74 – 77.
- Курдованидзе Т.Д.** Грузинские народные сказки. – М.: Наука, 1988. – Кн. 1. – 363 с.
- Кызласов Л.Р.** Сибирское манихейство // Этногр. обозрение. – 2001. – № 5. – С. 83 – 90.
- Лукина Н.В.** Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Мальсагов А.О.** Сказки и легенды ингушей и чеченцев. – М.: Наука, 1983. – 384 с.
- Моисеев В.Г.** Этнические связи народов Западной и Южной Сибири по антропологическим данным // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2001. – С. 76 – 78.
- Неклюдов С.Ю., Тумурцерен Ж.** Монгольские сказания о Гесере. Новые записи. – М.: Наука, 1982. – 373 с.
- Никифоров Н.Я.** Аноосский сборник. – Омск: Б.и., 1915. – 293 с.
- Николаева И.А., Жукова Л.Н., Демина Л.Н.** Фольклор юкагиров верхней Колымы. – Якутск: Якут. ун-т, 1989. – Ч. 1. – 127 с.
- Новиков А.И.** Фольклор народа коми. – Архангельск: Огиз; Архоблгиз, 1938. – Т. 1. – 326 с.
- Новикова Н.И.** Об иранском влиянии в культуре обских угров // СЭ. – 1991. – № 4. – С. 28 – 36.
- Османов М.-Н.** Персидские народные сказки. – М.: Наука, 1987. – 503 с.

- Пелих Г.И.** Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. – 424 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киришбаума], 1881. – Вып. 2. – 87 с.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: [Тип. Киришбаума], 1883. – Вып. 4. – 1025 с.
- Рифтин Б., Хасанов М., Юсупов И.** Дунганские народные сказки и предания. М.: Наука. – 1977. – 572 с.
- Розенфельд А.З.** Персидские народные сказки. – Ташкент: Гос. изд-во худож. лит. УзССР, 1958. – 131 с.
- Розенфельд А.З., Рычкова Н.П.** Сказки и легенды горных таджиков. – М.: Наука, 1990. – 238 с.
- Сагалаев А.М.** Мифология и верования алтайцев. Центральноазиатские влияния. – Новосибирск: Наука, 1984. – 121 с.
- Самдан З.Б.** Тувинские народные сказки. – Новосибирск: Наука, 1994. – 459 с.
- Сидельников В.М.** Казахские народные сказки. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. – 315 с.
- Сидельников В.М.** Казахские народные сказки. – Алма-Ата: Жазушы, 1971. – Т. 1 – 280 с.; Т. 2. – 312 с.; Т. 3. – 304 с.
- Тугов В.Б.** Абазинские народные сказки. – М.: Наука, 1985. – 411 с.
- Тугутов И.Е., Тугутов А.И.** Небесная дева лебедь. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 368 с.
- Турсунов Е.Д.** Тюрко-монгольские версии сказания об ослеплении циклопа // Сов. тюрковедение. – 1975. – № 3. – С. 36 – 44.
- Уланов А.И.** Древний фольклор бурят. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 176 с.
- Хадахнэ К.** Легенды о сотворении мира и человека // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 1/3. – С. 32 – 38.
- Хангалов М.Н.** Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Т. 3. – 421 с.
- Хомич Л.В.** Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 16 – 30.
- Чувашские сказки.** – М.: Худож. лит., 1937. – 298 с.
- Шаракшинова Н.О.** Мифы бурят. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. – 167 с.
- Шевердин М.И.** Караван чудес. Узбекские народные сказки. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1984. – 256 с.
- Шерхунаев Р.А.** Сказки и сказочники Тофаларии. – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1975. – 222 с.
- Элиасов Л.Е.** Бурятские народные сказки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. – 385 с.
- Эр Тошгюк.** Киргизский народный эпос. – Фрунзе: Кирг. гос. изд-во, 1958. – 211 с.
- Aarne A., Thompson S.** The Types of the Folklore. – Helsinki, 1964. – 588 p. – (FF Communications; N 184).
- Barnouw V.** Wisconsin Chippewa Myths and Tales. – Madison: University of Wisconsin Press, 1977. – 295 p.
- Beckwith M.** Mandan-Hidatsa Myths and Ceremonies. – Boston, 1938. – 327 p. – (Memoires of the American Folklore Society; Vol. 32).
- Bell R.** The history of Che-che-puy-ew-tis // Journal of American Folklore. – 1897. – Vol. 10. – P. 1 – 8.
- Berezkin Y.E.** Some results of comparative study of American and Siberian mythologies: applications for the peopling of the New World // Acta Americana (Stockholm – Uppsala). – 2002. – Vol. 10, N 1. – P. 5 – 28.
- Bloomfield L.** Sacred Stories of the Sweet Grass Cree. – Ottawa, 1930. – 346 p. – (Canada Department of Mines, Natural Museum of Canada; Bull. 60).
- Boas F.** Dissemination of tales among the natives of North America // Journal of American Folklore. – 1891. – Vol. 4, N 12. – P. 13 – 20.
- Boas F.** The growth of Indian mythologies // Journal of American Folklore. – 1896. – Vol. 9, N 32. – P. 1 – 11.
- Boas F.** Tsimshian Texts. – Wash. D.C.: Smithsonian Institution, 1902. – 244 p.
- Boas F.** Tsimshian mythology // 31th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. – Wash. D.C., 1916. – P. 29 – 1037.
- Boas F.** Kutenai Tales. – Wash. D.C.: Smithsonian Institution, 1918. – 387 p.
- Boas F.** Keresan Texts. – N.Y., 1928. – 300 p. – (Publications of the American Ethnological Society; Pt. 1).
- Boas F.** Race, Language, and Culture. – Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1940. – 647 p.
- Bowers A.W.** Mandan Social and Ceremonial Organization. – Chicago: The University of Chicago Press, 1950. – 407 p.
- Brunton B.B.** Kootenai // Handbook of North American Indians. – 1998. – Vol. 12. – P. 223 – 237.
- Califano M.** La concepción del mundo entre los *Huachipaire* (Harakmbet). El *KÜREDN-NDÁRI* (cielo) // Scripta Ethnologica. – 1995. – Vol. 17. – P. 181 – 190.
- Campbell L.** American Indian Languages. – N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1997. – 512 p.
- Chapman J.W.** Ten'a Texts and Tales from Anvik, Alaska. – Leyden: E.J. Brill; N.Y.: G.E. Stechert, 1914. – 230 p.
- Chaumeil J., Chaumeil J.-P.** Los mellizos y la lupana en mitología Yagua // América Indígena. – 1978. – Vol. 2, N 3. – P. 159 – 184.
- Clark E.E.** Indian Legends from the Northern Rockies. – Norman: University of Oklahoma Press, 1966. – 350 p.
- Curtin J., Hewitt J.N.B.** Seneca fiction, legends, and myths. Pt. 1 // 32th Annual Report of the Bureau of Ethnology. – Wash. D.C., 1918. – P. 37 – 819.
- Cooper J.** The Gros Ventres of Montana. – Wash. D.C.: The Catholic University of America Press, 1975. – Pt. 2. – 491 p.
- Desbarats P.** What They Used to Tell about. Indian Legends from Labrador. – Toronto: McClelland and Stewart, 1969. – 92 p.
- Dorsey G.A.** The Mythology of the Wichita. – Wash.: Carnegie Institution of Washington, 1904a. – Publ. 21. – 351 p.
- Dorsey G.A.** Traditions of the Skidi Pawnee. – Boston; N.Y.: The American Folklore Society, 1904b. – 366 p.
- Dorsey G.A.** Traditions of the Osage. – Chicago: Field Columbian Museum, 1904c. – 60 p.
- Dorsey G.A.** Traditions of the Caddo. – Wash.: Carnegie Institution of Washington, 1905. – Publ. 41. – 136 p.
- Dorsey G.A.** The Pawnee Mythology. Pt. 1. – Wash.: Carnegie Institution of Washington, 1906. – Publ. 59. – 546 p.
- Dorsey G.A., Kroeber A.L.** Traditions of the Arapaho. – Chicago, 1903. – 475 p.
- Dorsey J.O.** Abstracts of Omaha and Ponka myths // Journal of American Folklore. – 1888. – Vol. 1, N 1. – P. 74 – 78.
- Dorsey J.O.** The Cegiha Language. – Wash. D.C., 1890. – Pt. 1. – 794 p.
- Dorsey J.O., Swanton J.R.** A Dictionary of the Biloxi and Ofo Languages. – Wash. D.C., 1912. – 340 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 47).

- Driver H.E.** Indians of North America. – Chicago: The University of Chicago Press, 1961. – 668 p.
- Dubois C., Demetracopoulou D.** Wintu myths // University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. – 1931. – Vol. 28, N 5. – P. 279 – 403.
- Dyck I., Morlan R.E.** Hunting and gathering tradition: Canadian Plains // Handbook of North American Indians. – 2001. – Vol. 13. – P. 115 – 130.
- Dumond D.E.** The Eskimos and Aleuts. – L.: Thames and Hudson, 1977. – 180 p.
- Farrand L., Mayer T.** Sahaptin tales // Memoires of the American Folk-Lore Society. – 1917. – Vol. 11. – P. 135 – 179.
- Fraser F.** The Bear Who Stole the Chinook. – Vancouver: Douglas and McIntyre, 1990. – 129 p.
- Gibbon W.B.** Asiatic parallels in North American star lore: Ursa Mayor // Journal of American Folklore. – 1964. – Vol. 77, N 305. – P. 236 – 250.
- Goddard I.** The Algonkian languages of the Plains // Handbook of North American Indians. – 2001. – Vol. 13. – P. 71 – 79.
- Goddard P.E.** Jicarilla Apache Texts // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1911. – Vol. 8. – 276 p.
- Goddard P.E.** Chipewyan texts // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1912. – Vol. 10, N 1. – P. 1 – 66.
- Goddard P.E.** The Beaver Indians // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1916. – Vol. 10, N 4. – P. 201 – 293.
- Goddard P.E.** Myths and tales from the San Carlos Apache // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1918. – Vol. 24, N 1. – P. 3 – 86.
- Goddard P.E.** Myths and tales from the White Mountain Apache // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1919. – Vol. 24, N 2. – P. 87 – 139.
- Greenlee R.F.** Folktales of the Florida Seminole // Journal of American Folklore. – 1945. – Vol. 58, N 228. – P. 138 – 144.
- Haas M.R.** Tunica Texts. – Berkeley; Los Angeles, 1950. – 173 p. – (University of California Publications in Linguistics; Vol. 6, N 1).
- Ikeda H.** A Type and Motif Index of Japanese Folk-Literature. – Helsinki: Suomalainen Tiedakatemia, 1971. – 375 p.
- Jacobs M.** Santiam Kalapuya myth texts // University of Washington Publications, Anthropology. – 1945. – Vol. 11. – P. 83 – 142.
- Jetté J.** On Ten'a folk-lore // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain. – 1908. – Vol. 38. – P. 298 – 367; 1909. – Vol. 39. – P. 460 – 505.
- Jones W.** Fox Texts. – Leyden, 1907. – 383 p. – (Publications of the American Ethnological Society; Vol. 1).
- Jones W.** Kickapoo Tales. – Leyden, 1915. – 143 p. – (Publications of the American Ethnological Society; Vol. 9).
- Jones W.** Ojibwa Texts. – N.Y., 1919. – 777 p. – (Publications of the American Ethnological Society; Vol. 7, pt. 2).
- Josselin de Jong J.P.B. de.** Blackfoot Texts from the Southern Piegiens Blackfoot Reservation Teton County, Montana. – Amsterdam: Johannes Müller, 1914. – 154 p.
- Knox R.H.** A Blackfoot version of the Magic Flight // Journal of American Folklore. – 1923. – Vol. 36, N 142. – P. 401 – 403.
- Kozintsev A.G., Gromov A.V., Moiseyev V.S.** Collateral relatives of American Indians among the Bronze Age Populations of Siberia? // American Journal of Physical Anthropology. – 1999. – Vol. 108, N 2. – P. 193 – 204.
- Kroeber A.L.** Gros Ventre myths and tales // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1907. – Vol. 1, N 3. – P. 55 – 139.
- Lasley M.** Sac and Fox tales // Journal of American Folklore. – 1902. – Vol. 15. – P. 170 – 178.
- Linderman F.B.** Kootenai Why Stories. – Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1997. – 166 p.
- Lowie R.H.** The Assiniboiné. – N.Y., 1909a. – 270 p. – (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History; Vol. 4, pt. 1).
- Lowie R.H.** The Northern Shoshone // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1909b. – Vol. 2, N 2. – P. 165 – 306.
- Lowie R.H.** Chipewyan tales // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1912. – Vol. 10, N 3. – P. 173 – 200.
- Lowie R.H.** Myths and Traditions of the Crow Indians. – N.Y., 1918. – 308 p. – (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History; Vol. 25, pt. 1).
- Martin H.N.** Myths and Folktales of the Alabama-Coushatta Indians of Texas. – Austin: The Encino Press, 1977. – 114 p.
- Matthews W.** Navaho Legends. – Salt Lake City: University of Utah Press, 1994. – 303 p.
- McAllister J.G.** Kiowa-Apache tales // Publications of the Texas Folklore Society. – 1949. – Vol. 22. – P. 1 – 141.
- McKenna R.A.** The Upper Tanana Indians. – New Haven: Yale University, Department of Anthropology, 1959. – 226 p.
- McKenna R.A.** The Chandalar Kutchin. – Montreal: Arctic Institute of North America, 1965. – 156 p.
- McLaughlin M.L.** Myths and Legends of the Sioux. – Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1990. – 200 p.
- Metraux A.** El universo y la naturaleza en las representaciones míticas de dos tribus salvajes // Revista del Instituto de Etnología de la Universidad Nacional de Tucumán. – 1935. – Vol. 3, N 1. – P. 131 – 144.
- Mooney J.** The Jicarilla Genesis // American Anthropologist. – 1898. – Vol. 11. – P. 197 – 209.
- Norman H.** Northern Tales. – N.Y.: Pantheon Fairy Tale and Folklore Library, 1990. – 347 p.
- Opler M.E.** Myths and Legends of the Lipan Apache Indians. – N.Y., 1940. – 296 p. – (Memoires of the American Folklore Society; Vol. 36).
- Opler M.E.** Myths and Tales of the Chiricahua Apache Indians. – N.Y., 1942. – 114 p. – (Memoires of the American Folklore Society; Vol. 37).
- Parks D.R.** Myths and Traditions of the Arikara Indians. – Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1996. – 405 p.
- Parsons E.C.** Micmac folklore // Journal of American Folklore. – 1925. – Vol. 38, N 147. – P. 55 – 133.
- Parsons E.C.** Kiowa Tales. – N.Y., 1929. – 152 p. – (Memoires of the American Folklore Society; Vol. 22).
- Parsons E.C.** Isleta, New Mexico // 47th Annual Report of the Bureau of American Ethnology. – Wash. D.C., 1932. – P. 193 – 463.
- Payne T.E.** The Twin Stories. – Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1992. – 222 p.

- Penzer N.M.** The Ocean of Story. – L.: Chas. J. Sawyer Ltd, 1924. – Vol. 2. – 375 p.; 1925. – Vol. 4. – 315 p.
- Petitot É.** Traditions Indienne du Canada Nord-Ouest. – P.: Maisonneuve Frères et Ch. Leclerc, 1886. – 521 p.
- Phinney A.** Nez Percé Texts. – N.Y.: Columbia University Press, 1934. – 497 p.
- Powlison P.S.** La Mitología Yagua. – Yarinacocha: Ministerio de Educación, Instituto Lingüístico de Verano, 1993. – 148 p.
- Radin P.** Some Myths and Tales of the Ojibwa of Southwestern Ontario. – Ottawa, 1914. – 83 p. – (Canada Department of Mines, Geological Survey; Memoir 48. Anthropological Series; N 2).
- Ray C., Stevens J.** Sacred Legends of the Sandy Lake Cree. – Toronto: McClelland and Steward, 1971. – 144 p.
- Riggs S.R.** Dakota Grammar, Texts and Ethnography. – Wash. D.C., 1893. – 239 p. – (Contributions to North American Ethnology; Vol. 9).
- Roth W.E.** An Inquiry into the Animism and Folklore of the Guiana Indians // 30th Annual Report of the Bureau of Ethnology. – Wash. D.C., 1915. – P. 26 – 745.
- Russel F.** Myths of the Jicarilla Apache // Journal of American Folklore. – 1898. – Vol. 11. – P. 253 – 271.
- Saint Clair H.H.** Shoshone and Comanche tales // Journal of American Folklore. – 1909. – Vol. 22, N 85. – P. 265 – 282.
- Schmitter F.** Upper Yukon Native Customs and Folklore. – Wash., 1910. – 30 p. – (Smithsonian Miscellaneous Collections; Vol. 56, N 4).
- Schoolcraft H.R.** Algic Researches: North American Indian Folktales and Legends. – Mineola; N.Y.: Dover Publications, 1999. – 270 p.
- Simms S.C.** Traditions of the Crow // Field Columbian Museum. – 1903. – Vol. 2, N 6. – P. 281 – 324. – (Publication 85. Anthropological Series).
- Simms S.C.** Traditions of the Sarcee Indians // Journal of American Folklore. – 1904. – Vol. 17. – P. 180 – 182.
- Skinner A.** Plains Ojibwa tales // Journal of American Folklore. – 1919. – Vol. 32, N 124. – P. 280 – 305.
- Skinner A.** Traditions of the Iowa Indians // Journal of American Folklore. – 1925. – Vol. 38, N 150. – P. 425 – 506.
- Skinner A., Satterlee J.V.** Folklore of the Menomini Indians. – N.Y., 1915. – 546 p. – (Anthropological Papers of the American Museum of Natural History; Vol. 13, pt. 3).
- Smith D.L.** Folklore of the Winnebago Tribe. – Norman: University of Oklahoma Press, 1997. – 180 p.
- Speck F.G.** Some Micmac tales from Cape Breton Island // Journal of American Folklore. – 1915a. – Vol. 28, N 107. – P. 59 – 69.
- Speck F.G.** Some Naskapi myths from Little Whale River // Journal of American Folklore. – 1915b. – Vol. 28, N 107. – P. 70 – 77.
- Spence L.** North American Indians. – N.Y.: Avenel Books, 1985. – 393 p.
- Stephens A.M.** Hopi tales // Journal of American Folklore. – 1929. – Vol. 42. – P. 1 – 72.
- Swanton J.R.** Tlingit Myths and Texts. – Wash. D.C., 1909. – 351 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 39).
- Swanton J.R.** Indian Tribes of the Lower Mississippi Valley and Adjacent Coast of Gulf of Mexico. – Wash. D.C., 1911. – 387 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 43).
- Swanton J.R.** Myths and Tales of the Southeastern Indians. – Wash. D.C., 1929. – 275 p. – (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology; Bull. 88).
- Teit J.A.** Traditions of the Thompson River Indians of British Columbia. – Boston; N.Y.: The American Folklore Society, 1898. – 137 p.
- Teit J.A.** The Shuswap // Memoires of the American Museum of Natural History. – 1909. – Vol. 4. – P. 443 – 813.
- Teit J.A.** Thompson tales // Memoires of the American Folk-Lore Society. – 1917. – Vol. 11. – P. 1 – 63.
- Teit J.A.** Tahltan tales // Journal of American Folklore. – 1919. – Vol. 32, N 123. – P. 198 – 250; 1921. – Vol. 34, N 133. – P. 223 – 253; N 134. – P. 335 – 356.
- Tenenbaum J.M.** Dena'ina Sukdu'a. Traditional Stories of the Tanaina Athapaskans. – Fairbanks: University of Alaska: Alaska Native Language Center, 1984. – 281 p.
- Thompson S.** Motif-Index of Folk Literature. – Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955 – 1958. – Vol. 1 – 6.
- Thompson S.** Tales of the North American Indians. – Mineola, N.Y.: Dover Publications, 2000. – 387 p.
- Toporov V.** About a probable Ob-Ugrian reflection of the Iranian Mithra // Uralic Mythology and Folklore. – Budapest; Helsinki, 1989. – P. 169 – 178.
- Walker J.R.** The Sun Dance and other ceremonies of the Oglala division of the Teton Dakota // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1917. – Vol. 16, N 2. – P. 51 – 221.
- Walker J.R.** Lakota Myth. – Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 1983. – 428 p.
- Wallis W.D.** Beliefs and tales of Canadian Dakota // Journal of American Folklore. – 1923. – Vol. 36, N 139. – P. 36 – 101.
- Werner E.T.C.** Myths and Legends of China. – L.; Calcutta; Sydney: George G. Harpar and Co., 1922. – 454 p.
- Wilbert J., Simoneau K.** Folk Literature of the Yurok Indians. – Los Angeles: UCLA Latin American Center Publications, 1990. – 780 p.
- Wissler C.** Some Dakota myths // Journal of American Folklore. – 1907. – Vol. 20, N 77 – 78. – P. 121 – 131, 195 – 206.
- Wissler C.** Star Legends among the American Indians. – N.Y.: American Museum of Natural History, 1936. – 29 p.
- Wissler C., Duvall D. C.** Mythology of the Blackfoot Indians // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. – 1908. – Vol. 2, N 1. – P. 1 – 163.
- Wood R.A.** Plains Village tradition: Coalescent // Handbook of North American Indians. – 2001. – Vol. 13. – P. 196 – 206.
- Wright A.** An Athapaskan tradition from Alaska // Journal of American Folklore. – 1908. – Vol. 21, N 80. – P. 33 – 34.
- Wright J.V.** Prehistory of the Canadian Shield // Handbook of North American Indians. – 1981. – Vol. 6. – P. 86 – 96.

Материал поступил в редколлегию 18.11.02 г.

УДК 903.5

Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева*Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия**E-mail: ni.ma@g23.relcom.ru**izaitseva@yandex.ru*

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ НА СЕВЕРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Археолог, ведущий сегодня раскопки древнерусских могильников, имеет дело с древностями, общий характер которых достаточно прояснен благодаря усилиям нескольких поколений его предшественников. Научные исследования древнерусских могильников продолжаются более 150 лет. Широкие раскопки курганов (по оценкам В.В. Седова, к началу XX в. было вскрыто более 20 тыс. курганных насыпей X – XIII вв. [1982, с. 6]) позволили археологической науке сначала составить общее представление о характере средневековых восточно-славянских и финских древностей, а затем перейти к изучению этнокультурной ситуации на Русской равнине, восточно-славянского расселения, культурной и этнической дифференциации населения Древней Руси и сопредельных областей в конце I – начале II тыс. н.э. Этот цикл исследований, начатый в конце прошлого века А.А. Спицыным и продолженный несколькими поколениями отечественных археологов (А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, В.П. Третьяков, В.В. Седов, А.П. Моця, Е.А. Рябинин), в основном завершен. Современные знания о культурном своеобразии и истории заселения разных регионов Древней Руси сложились главным образом в результате изучения погребальных памятников.

Сегодня на территории Европейской России трудно найти средневековую курганную группу, не тронутую раскопками. Некоторые области, относимые к Древней Руси, почти полностью очищены от курганов. Менее изученными остаются грунтовые могильники X – XIII вв., широко использовавшиеся для захоронений, как теперь выясняется, во многих древнерусских областях, но и эти памятники интенсивно исследовались в последние десятилетия [Конецкий, 1984; Моця, 1990]. Насколько оправдано в этой ситуации продолжение раскопок древнерусских могильников? Можно

ли рассчитывать, что эти раскопки послужат не только удовлетворению исследовательского любопытства, но и существенному приращению новых знаний о культурно-исторических процессах средневековья?

Нам представляется, что на современном этапе изучения древнерусских погребальных памятников наиболее актуальны две исследовательские задачи: первая – анализ социальной организации, культурного своеобразия и биологического состояния отдельных средневековых групп по материалам оставленных ими погребальных памятников и реконструкция истории отдельных средневековых палеопопуляций с использованием современного арсенала естественно-научных методов и накопленного полевой археологией опыта раскопок могильников; вторая – уточнение представлений о некоторых общих явлениях в древнерусских погребальных традициях, остающихся неясными вследствие неудовлетворительной фиксации раскопанных ранее погребальных памятников. Сегодня необходимо признать, что ввиду несовершенства полевой документации, депаспортизации коллекций и недооценки значения антропологических материалов специалисты лишены информации, раскрывающей, например, связь определенных наборов вещей с теми или иными половозрастными группами, способы ношения и положение в костюме некоторых украшений, хронологическое соотношение различных форм обряда. Материалы новых раскопок могут частично восполнить эти пробелы.

Проводившиеся в 1980 – 1990-х гг. исследования средневековых могильников в Белозерье и Поонежье, в ходе которых в 14 могильниках было изучено около 340 погребений XI – XIII вв. [Макаров, 1990, 1997], позволили не только получить обширный и разносторонний материал для характеристики “областной”

культуры этих регионов и реконструкции происходивших здесь колонизационных процессов, но и выработать некоторые новые для древнерусской археологии подходы к изучению средневековых некрополей. Раскопки могильников широкими площадями, в некоторых случаях – всей площадки, полной сбор антропологических материалов, в т.ч. остеологических остатков из разрушенных погребений, детальная фиксация положения погребального инвентаря и украшений открыли перспективу для изучения планиграфии могильников, половозрастного состава средневековых коллективов, оставивших некрополи, динамики функционирования могильников, локальных традиций, формировавшихся в тех или иных группах – проблем, которые ранее оставались вне поля зрения археологов. Антропологический материал из этих раскопок послужил надежной основой для изучения биологического состояния средневекового населения Северной Руси и палеодемографических реконструкций, заметно расширил круг вопросов, изучаемых медиевистами [Алексеева и др., 1993; Макаров, Захаров, Бужилова, 2001].

Продолжением этих работ стали ведущиеся с 1996 г. раскопки комплекса средневековых памятников у д. Минино на Кубенском озере, на территории, прилегающей к Белоозеру с востока (рис. 1) [Кубенское озеро..., 2001].

В состав Мининского археологического комплекса входят три средневековых селища и могильник, представлявший собой, по-видимому, общий для этой локальной группы некрополь (рис. 2). Центральный элемент поселенческой структуры образует селище Минино I – крупное по северным меркам (площадь около 1,5 га) поселение, основанное не позднее конца X в. и стабильно развивавшееся до конца XII – начала XIII в. Хотя мининский проект ориентирован на исследование главным образом культурного слоя средневековых поселений и палеоэкологических остатков, характеризующих средневековую природную среду, земледелие и промыслы, его существенной частью стали начатые в 1997 г. раскопки некрополя [Макаров, Зайцева, 1999]. За три полевых сезона вскрыта территория площадью около 250 м² с 46 погребениями, совершенными по обряду кремации и ингумации.

Цель настоящей работы – предварительная публикация некоторых материалов Мининского могильника, на основании которых возможна детализация наших знаний о становлении древнерусской культуры на окраинах и прояснение некоторых общих аспектов развития древнерусских погребальных традиций.

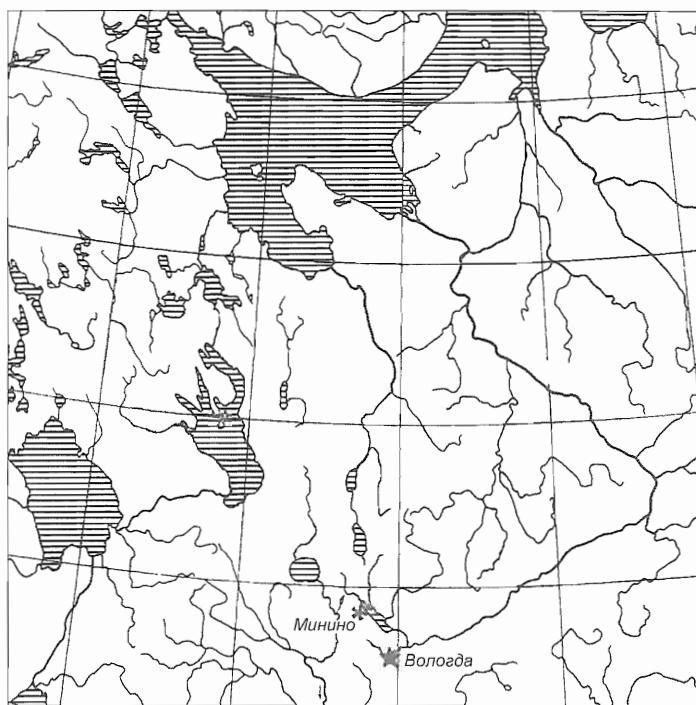

Рис. 1. Карта-схема севера Европейской России с обозначением местоположения Мининского археологического комплекса.

Общая характеристика могильника Минино II

Могильник Минино II расположен на левом берегу р. Дмитриевки в 450 м от места ее впадения в оз. Кубенское, на участке коренной террасы, возвышающейся над меженным уровнем воды на 3 – 4 м (см. рис. 2). Небольшая ложбина с пересыхающим в летнее время ручьем отделяет площадку могильника с востока от центрального поселения мининской локальной группы. Площадка могильника, одна часть которой занята лесом, а другая лугом, с запада на восток рассечена грунтовой дорогой, в восточном секторе располагаются строения турбазы. Погребения не имеют внешних обозначений на поверхности, но, судя по найденным в обнажениях костям, площадка могильника вытянута с запада на восток не менее чем на 220 м. Для исследований в настоящее время доступна лишь небольшая ее часть, свободная от леса и строений. Нам удалось заложить раскопы на трех участках в западной (раскоп 1) и восточной (раскопы 2 и 3) частях площадки (рис. 3). В западной части могильника выявлены погребения по обряду ингумации, в восточной – кремации и ингумации. Всего исследованы остатки 33 трупоположений и не менее 13 трупосожжений.

Отдельные кальцинированные кости, среди которых преобладают мелкие неопределимые фрагменты разной степени обжига, находились в слоях почвенного гумуса и пахоты на всей площади раскопов в вос-

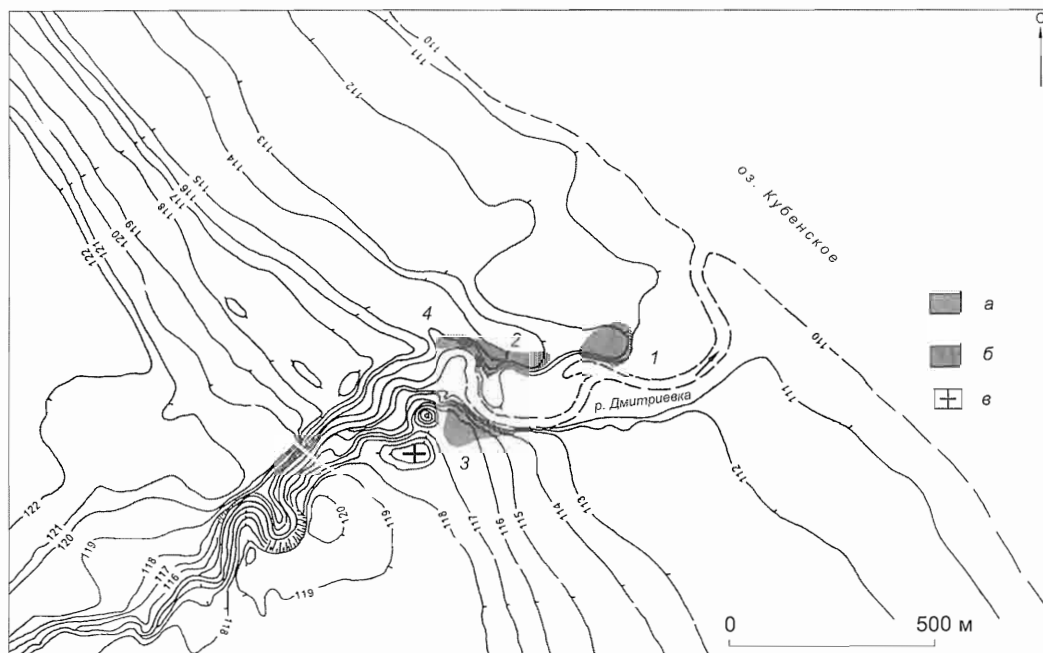

Рис. 2. План местности в зоне расположения мининской локальной группы поселений (горизонтالي проведены через 1 м).

а – участки с культурным слоем конца X – XIII в., *б* – могильник конца X – XIII в., *в* – развалины приходской церкви XIX в.
1 – Минино I, 2 – Минино II, 3 – Минино VI, 4 – Минино VII.

точной части могильника. В этих же слоях обнаружены разрозненные обожженные средневековые вещи: деформированные стеклянные бусины, кальцинированные фрагменты костяных односторонних расчесок, полностью оплавленные бесформенные кусочки цветного металла, а также отдельные средневековые предметы без следов пребывания в огне. Под верхним гумусным слоем и в заполнении больших овальных ям расчищено шесть более или менее компактных скоплений кальцинированных костей весом от 60 до 550 г. Всего с площади около 150 м² собрано чуть менее 4 кг кальцинированных костей человека и животных.

Рассмотрим погребения с признаками обряда ингумации, составляющие наиболее многочисленную и ясно читаемую при первичной полевой фиксации группу объектов. В 25 из 33 исследованных погребений находились костяки людей, помещенных в грунтовые ямы на спине в вытянутом положении. Кости семи погребенных обнаружены на площадке могильника в переотложенном состоянии, разрозненно или в виде скоплений. Одна могильная яма оказалась пустой. Могильные ямы располагались на площадке могильника рядами, ориентированными в направлении север – юг (см. рис. 3, 4). Глубина ям была незначительной, 20–37 см от поверхности материка, и лишь в одном случае достигала 50 см. Детские погребения находились иногда непосредственно под почвенным гумусом. Во многих могилах прослежен древесный тлен

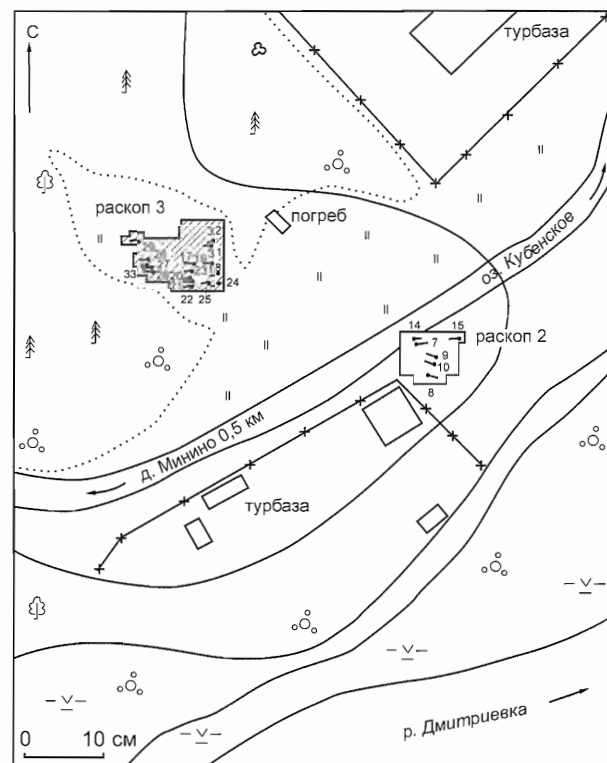

Рис. 3. План расположения раскопов в восточной части могильника Минино II с обозначением погребений по обряду ингумации, сохранившихся in situ.

от гробов, сооружавшихся без использования гвоздей (единичные экземпляры последних найдены лишь в двух погребениях). Трое умерших были ориентированы головами на запад, остальные — на восток с незначительными отклонениями. Кроме одиночных могил зафиксировано парное погребение мужчины и женщины и одно тройное — мужчины, женщины и ребенка двух-трех лет. На западном участке могильника исследовано захоронение, в котором два костяка были помещены один над другим.

Анализ остеологических остатков из погребений, проведенный А.П. Бужиловой, показал, что 6 костяков принадлежат мужчинам (преимущественно 30–45 лет, лишь один умерший был старческого возраста), 11 — женщинам (в этой серии представлены индивиды всех возрастных групп), 1 — подростку 16–18 лет и еще 12 — детям. Среди последних пять младенцев, четыре ребенка в возрасте от полутора до трех лет и три в возрасте 3–7 лет. Несмотря на некоторую диспропорцию между мужскими и женскими погребениями, по половозрастному составу исследованная группа представляет собой часть обычной средневековой палеопопуляции.

Свыше 70% погребений сопровождалось вещами. В погребальных комплексах с труположением зафиксированы более 240 украшений и деталей одежды из цветных металлов, серебра и железа, свыше 1 350 стеклянных бусин (включая бисер), 30 бытовых вещей и орудий труда из железа, бронзы, рога и камня и 6 керамических сосудов. Отсутствие сопровождающего инвентаря отмечено в девяти захоронениях, в шести из которых находились костяки детей в возрасте до двух лет. В могилах мужчин обнаружены бытовые вещи: ножи (в четырех комплексах), сумочки с бронзовыми оковками (в двух комплексах), топоры, кресало, оселок. В трех из них встречены металлические поясные украшения, в одном — стеклянная бусина, две бронзовые подвески (крупная умбоновидная и конек смоленского типа) и три бубенчика, украшавшие, вероятно, ножны. Женские погребения сопровождалось железными ножами (в восьми комплексах), роговыми гребнями и расческами (в шести комплексах), железными иглами (в одном комплексе); в районе костей ног пяти погребенных находились развалы горшков. Во всех женских захоронениях найдены различные украшения и металлические детали одежды, большая часть которых была надета на погребенных. В погр. 27 кроме украшений, составлявших убор умершей, расчищено несколько предметов (перстень, подвеска, стеклянные бусы), компактно положенные у ее головы. Украшения и бытовые вещи сопровождали также пять детских погребений. В одном из них найдены железная игла, еще в одном — керамическая писанка, в двух — железные ножи. В состав детских уборов входили стеклянные бусы (в четырех комп-

Рис. 4. Погребения 17–19 в восточной части раскопа 3 могильника Минино II.

лексах), подвески к ожерелью (денарий, подвеска “уточка”, бубенчик, лунницы — в трех комплексах), височное кольцо и крест-тельник.

Основными компонентами женского убора в могильнике Минино II были височные кольца, фибулы, ожерелья из бусин с подвесками и перстни. Сохраняя общие принципы своей композиции, этот убор видоизменялся и в разные хронологические периоды дополнялся новыми элементами — украшениями разных типов. Ансамбли украшений в женских погребениях, образующих раннюю серию, очень близки по своему составу. Их атрибутом являются наборы из двух — пяти браслетообразных височных колец диаметром 4,5–8 см, серебряных или бронзовых, с концами, скрепленными при помощи загнутых крючков или полузавязанных (рис. 5, 3–6; 6, 1, 2, 4; 7, 4, 6–8). Полузавязанные браслетообразные кольца, выделенные А.А. Спицыным в “тверской” тип, считаются характерными для Верхневолжья и связанной с ним территории Костромского Поволжья, хотя встречаются также в Смоленском Приднестровье [Седов, 1972, с. 140–141; Рябинин, 1986, с. 55–56]. Погребения с такими кольцами датируются исследователями XII–XIII вв. [Рябинин, 1986, с. 55–56], однако в могильнике Нефедьево на Волоке Славенском они представлены в захоронениях первой половины XI в. [Макаров, 1997, с. 116]. Другим обязательным компонентом уборов ранней серии являются ожерелья из 28–49 стеклянных бусин (см. рис. 5, 1; 6, 3; 7, 5). У некоторых погребенных одна-две низки таких бусин, очевидно, плотно облепали шею. Наборы бусин включают одно- и двухчастные синие и желтые лимонovidные, синие зонные, цилиндрические золото- и серебростеклянные, треугольные красно-коричневые, желтые, голубые и зеленые ягодовидные, зонные желтовато-белые, голубые битрапецеидальные экземпляры. В области груди обычно располагалась бронзовая подковообразная фибула, вероятно, стягивавшая шаль (см. рис. 5, 2; 7, 9; 8). В одном

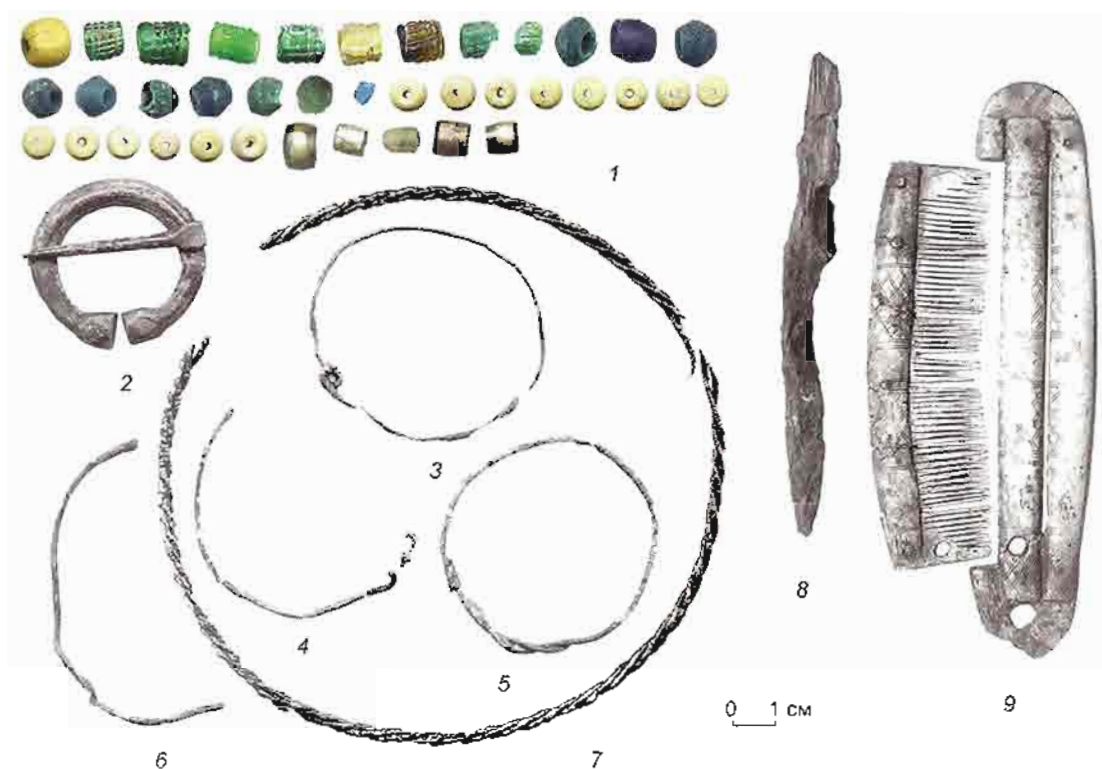

Рис. 5. Вещевой материал из погр. 18 могильника Минино II.
1 – бусины; 2 – фибула; 3 – 6 – височные кольца; 7 – шейная гривна; 8 – нож; 9 – расческа с футляром.
1 – стекло; 2 – 7 – цветной металл; 8 – железо; 9 – рог.

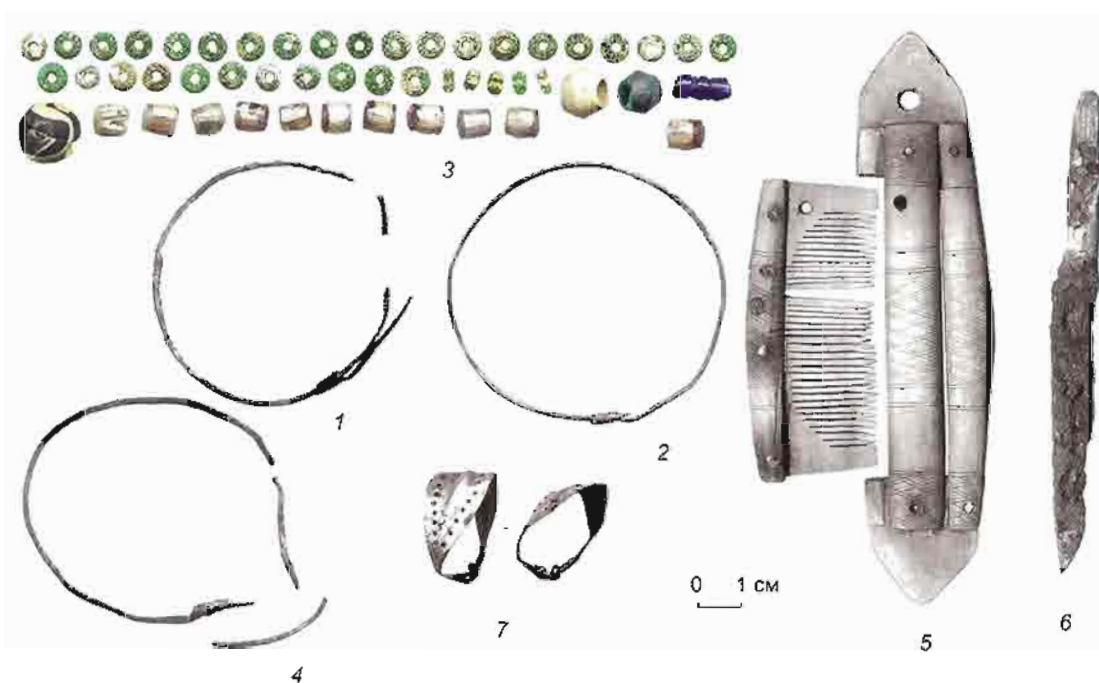

Рис. 6. Вещевой материал из погр. 19 могильника Минино II.
1, 2, 4 – височные кольца; 3 – бусины; 5 – расческа с футляром; 6 – нож; 8 – перстень.
1, 2, 4, 8 – цветной металл; 3 – стекло; 5 – рог; 6 – железо.

Рис. 7. Вещевой материал из погр. 21 могильника Минино II.

1 – пластина; 2 – подвеска к ожерелью; 3 – пряжка; 4, 6 – 8 – височные кольца; 5 – бусины; 9 – подковообразная фибула; 10 – ушко от подвески; 1 – кремль; 2, 4, 6 – 10 – цветной металл; 3 – железо; 5 – стекло.

из погребений роль нагрудной застежки выполняло серебряное браслетообразное височное кольцо (см. рис. 6, 4; 9). Во всех погребениях ранней серии присутствуют костяные односторонние расчески в футлярах (см. рис. 5, 9; 6, 5; 9, 5) и железные ножи с деревянными рукоятями, чаще всего подвешивавшиеся к поясу. Витые из бронзовых проволок шейные гривны (см. рис. 5, 7; 8), подвески к ожерелью, среди которых имеются западно-европейские денарии, браслеты и перстни дополняют этот костюм. Шумящие украшения в погребениях ранней серии отсутствуют.

Такие украшения впервые зафиксированы в составе погребального инвентаря в женских захоронениях 1, 3, 4 конца XI – первой половины XII в. Это зооморфные подвески, которые прикрепляли, как правило, к поясу на шнурах или цепочках либо носили на груди. Типы височных колец в уборах этого времени разнообразны: проволочные среднего диаметра, ромбоидные, проволочные перстнеобразные и узелковые. В ансамблях женских украшений второй половины XII – начала XIII в. (погр. 10, 26, 27) представлено по 8 – 14 перстнеобразных проволочных колец диаметром 2 – 2,5 см с заходящими концами (рис. 10, 1, 12). Количество бусин в ожерельях в этот период сокращается (в одном из комплектов бусы отсутствуют), преобладают стеклянные желтые и зеленые зонные образцы (рис. 10, 5). В качестве подвесок к ожерелью используются одна – три лунницы. Поясные украшения

Рис. 8. Общий вид верхней части костяка после расчистки в погр. 18 могильника Минино II.

представлены плоским прорезным “петушком” и полыми “уточками”, прикрепленными к поясу сбоку вместе с железными ножами на шнурах со спиральными пронизками. В комплектах украшений этого времени не представлены ни шейные гривны, ни подковообразные нагрудные фибулы, характерные для раннего периода.

Чтобы уточнить общие хронологические рамки могильника, обсудим временную принадлежность наиболее ранних и поздних погребений по обряду ингумации. Серию ранних женских погребений составляют четыре комплекса из раскопа 3 (погр. 17 – 19 и 21).

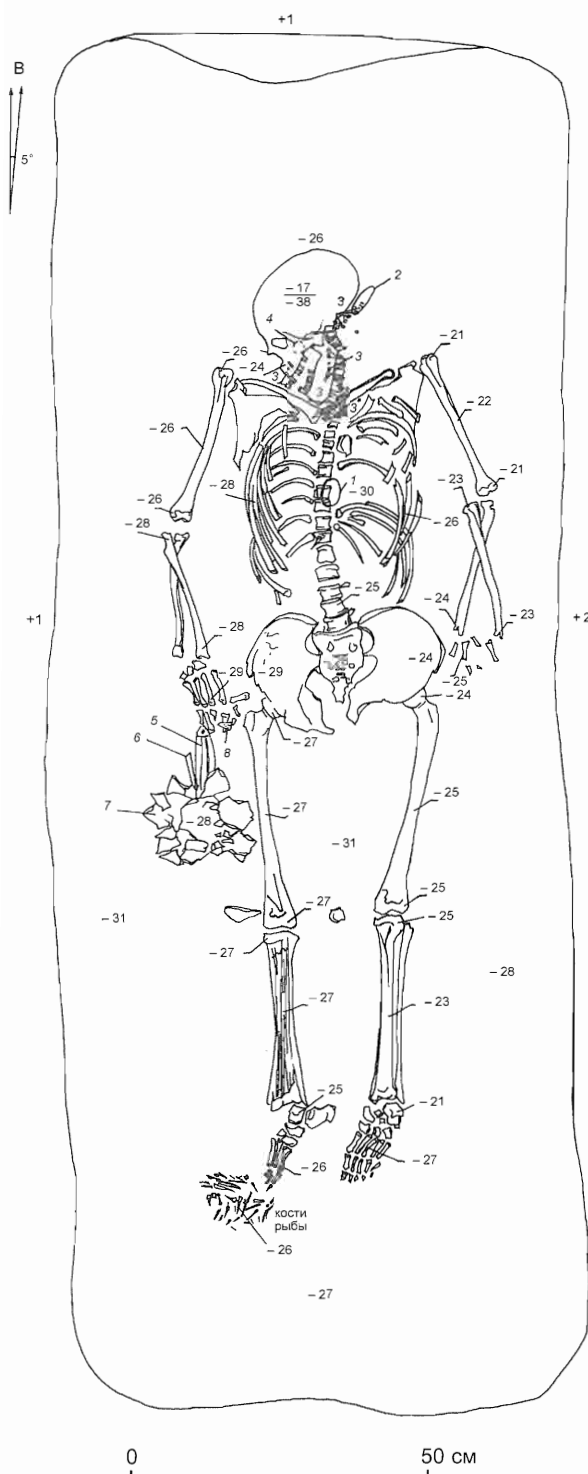

Рис. 9. План погр. 19 могильника Минино II.
1 – 2, 4 – височные кольца; 3 – бусины; 5 – расческа с футляром;
6 – нож; 7 – перстень;

образующие компактную топографическую группу и выделяющиеся значительной близостью погребально-инвентаря и деталей обряда. В этих комплексах пред-

ставлены предметы, характерные для XI – первой четверти XII в., – браслеты и перстни с разомкнутыми и перевитыми концами (см. рис. 6, 8), подковообразные фибулы, ровные по ширине, со спиральными и гранчатыми головками (см. рис. 5, 2; 7, 9), широкоугольная лунница, ножи с узким клиновидным лезвием (см. рис. 5, 8; 6, 6). В названных погребениях присутствуют костяные односторонние расчески в футлярах (см. рис. 5, 9; 6, 5; 9, 5), верхняя дата которых по новгородской хронологической шкале не выходит за рамки 1070-х гг. В наборах бусин преобладает навитой бисер (погр. 17), плоские кольцевидные бусины из непрозрачного стекла (“таблетки”), синие битрапецидальные полупрозрачные, ягдовидные и золотостеклянные бусины с каймой – типы, распространенные в XI или в XI – первой половине XII в. В трех из этих комплексов в небольшом количестве представлены также бусины, характерные для более раннего времени, – двойные и одинарные желтые и синие “лимонки” (погр. 17 и 18; см. рис. 5, 1), синие навитые полупрозрачные и глазчатые гладкие с концентрической инкрустацией (погр. 21; см. рис. 7, 5). Однако датировать эти комплексы первыми десятилетиями XI в. вряд ли возможно. В культурных напластованиях конца X – начала XI в. на Мининском поселении отмечена высокая концентрация бусин-“лимонок” и рубленного бисера, тогда как в рассмотренных ожерельях рубленный бисер отсутствует, а “лимонки” немногочисленны. Представляется более корректным связывать погр. 17 и 21 со второй четвертью, а погр. 18 и 19 – с третьей четвертью XI в. Эта дата хорошо согласуется с хронологическим определением двух западноевропейских монет из погр. 17 (Бавария, Регенсбург, Оттон II (976 – 982 гг.)*, Швабия, Страсбург, Генрих II (1002 – 1024 гг.) или Вернер I (1001 – 1028 гг.)).

К более раннему времени может быть отнесено мужское погр. 15 в раскопе 2. В области таза костяка расчищены детали пояса: два бронзовых поясных кольца овальной формы и бронзовая односоставная пряжка. Справа к поясу была привешена кожаная сумочка подковообразной формы размерами 13 × 7 см. Она состояла из двух полотен, скрепленных по краю медными заклепками из согнутых пополам тонких прямоугольных пластинок, пробитых медными гвоздиками. Верх сумочки с обеих сторон отделан пластинками длиной 6,5 см. К одной из пластинок была прикреплена петля для подвешивания. Полотна сохранились только в виде тлена. Внутри сумочки находился кресальный кремь (второй кремь лежал около нее), под сумочкой – сланцевый оселок трапециевидной формы с отверстием в верхней части, железное пластинчатое кресало, бронзовая фитильная трубочка и железный нож с остатками деревянной рукояти.

* Определение монет проведено д-ром ист. наук П.Г. Гайдуковым.

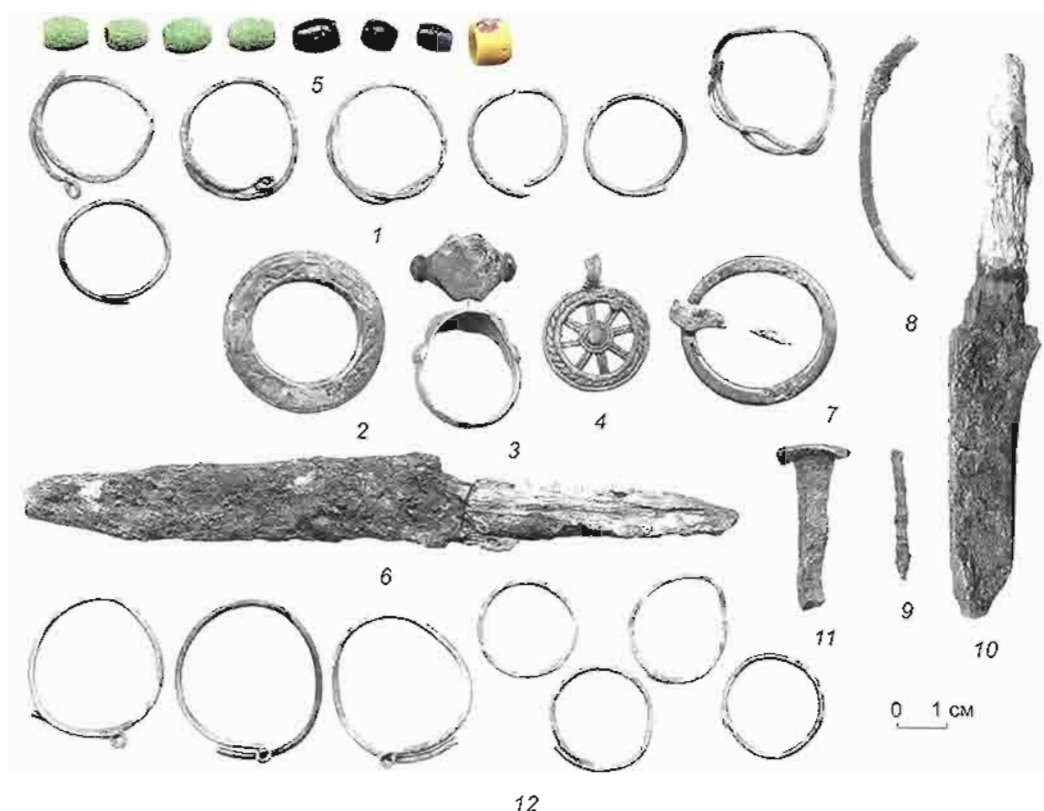

Рис. 10. Вещевой материал из погр. 27 (1 – 5, 7 – 11) и 28 (6) могильника Минино II.
1, 12 – височные кольца; 2 – поясное кольцо; 3 – перстень; 4 – подвеска к ожерелью; 5 – бусины; 6, 10 – ножи;
7 – кольцевидная фибула; 8 – фрагмент браслета; 9 – игла; 10 – гвоздь.
1 – 4, 7, 8, 12 – цветной металл; 5 – стекло; 6, 9 – 11 – железо.

Сумочки подковообразной формы, скрепленные медными заклепками, известны по находкам в мужских погребениях мордовских и марийских могильников [Архипов, 1973, с. 40, 156, 157, 159, рис. 44, 45, 48]. Близкие аналоги представлены в венгерских могильниках [The Ancient Hungarians..., 1996, p. 186 etc.]. На Севере эти предметы немногочисленны: детали еще двух сумочек выявлены в погребениях со следами обряда кремации на оз. Кубенском (могильники Минино II и Владышнево), третья найдена в мужском погребении в Челмужских курганах в Заонежье [Кочуркина, 1989, с. 251 – 252]. Верхняя дата большинства комплексов с сумочками не выходит за рамки рубежа X – XI вв., исключение составляет погребение из Челмужских курганов, относящееся, вероятно, к первой половине XI в. Сочетание в комплексе пластинчатого кресала, фитильной трубки и подковообразной сумочки с заклепками позволяет датировать захоронение периодом не позднее рубежа X – XI вв. С учетом имеющихся данных о времени появления обряда ингумации в Белозерье погр. 15 должно быть отнесено к концу X – началу XI в.

Рис. 11. Кальцинированные кости и стеклянные бусины в процессе расчистки погр. 16 могильника Минино II.

Для определения верхней даты могильника важны комплексы украшений из погр. 26 и 27, включавшие литые перстни с шестиугольными щитками (см. рис. 10, 3). Украшения этого типа появились в Новгороде не ранее 1160-х гг. [Седова, 1981, с. 135 – 136; Лесман, 1990, с. 52 – 53]. В погр. 10 зафиксированы

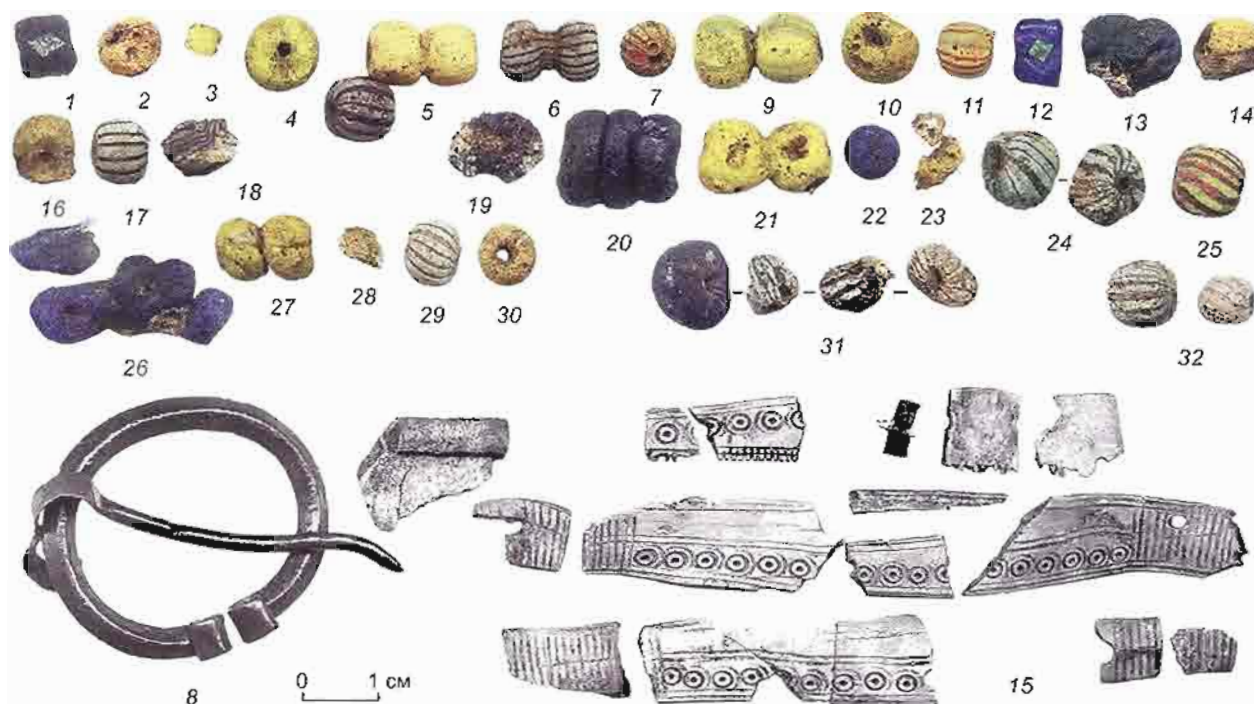

Рис. 12. Вещевой материал из погр. 16 могильника Минино II.
1 – 7, 9 – 14, 16 – 32 – бусины; 8 – подковообразная фибула; 15 – фрагменты расчески и футляра от нее
1 – 7, 9 – 14, 16 – 32 – стекло; 8 – цветной металл; 15 – рог.

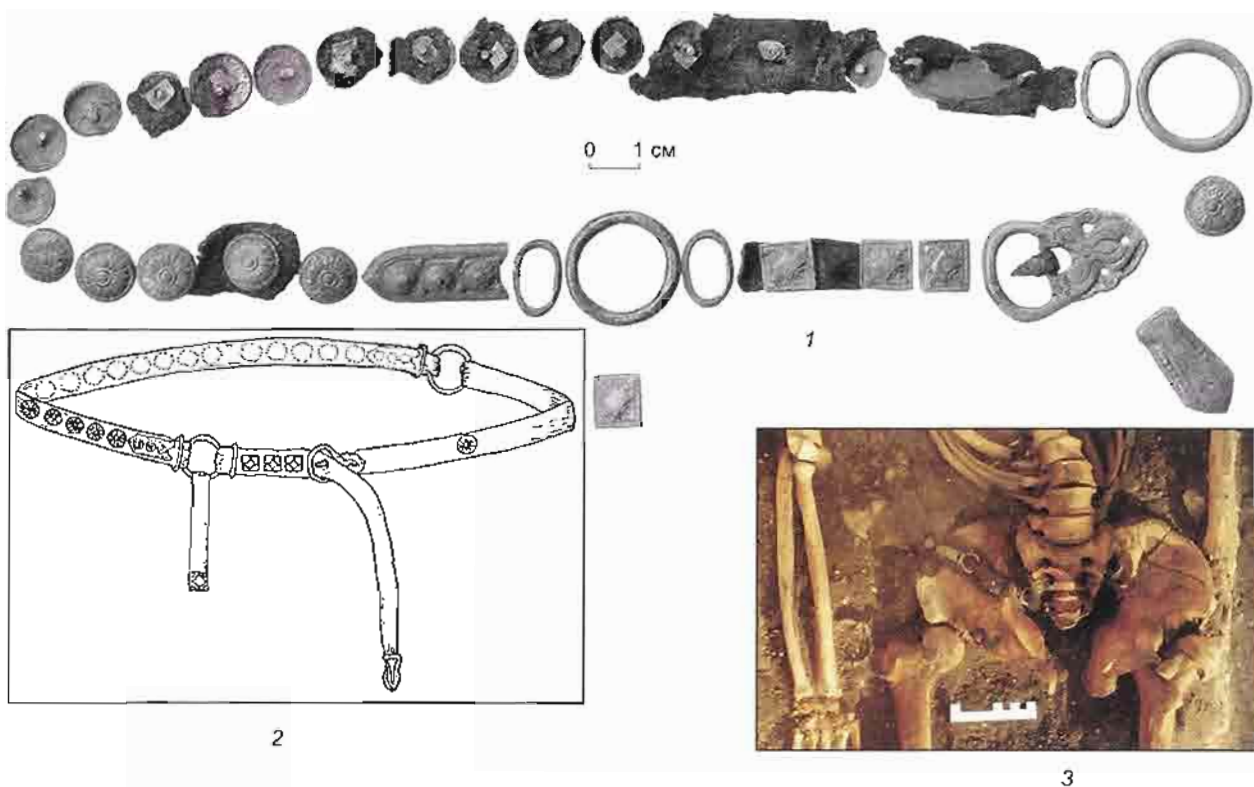

Рис. 13. Наборный пояс из погр. 9 могильника Минино II.
1 – детали поясного набора, 2 – реконструкция внешнего вида, 3 – положение пояса на костяке.

гребень типа Н, время бытования которого в Новгороде ограничено второй четвертью XII – XIV в. [Колчин, 1982, с. 166], и полая подвеска-“барашек” типа XIX, по Е.А. Рябинину. Появление последних Е.А. Рябинин датирует первой половиной – серединой XII в. [Рябинин, 1981, с. 38 – 39], однако основная масса находок приходится на конец XII – XIII в. Таким образом, три женских погребения относятся ко времени не ранее последней трети XII в. По-видимому, еще более поздний хронологический пласт представляют трупоположения с западной ориентировкой (погр. 7 и 8), не содержащие датированных вещей. Учитывая вышеизложенное, с большой долей уверенности можно утверждать, что захоронения в могильнике продолжали совершаться по крайней мере до рубежа XII – XIII вв. В целом же ингумации на могильнике Минино II производились в течение периода, протяженностью не менее двух столетий.

Таким образом, по многим характеристикам могильник Минино II близок к погребальным памятникам Белозерья и Верхней и Средней Шексны – грунтовыми могильниками с трупоположением, сопровождавшимся украшениями древнерусских и финских типов, лепной и круговой керамикой, бытовыми вещами и орудиями труда [Макаров, 1990, 1997; Кудряшов, 2001]. Он представляет собой некрополь, функционировавший в течение длительного времени. Исключительное богатство погребальных комплексов и обилие привозных вещей (западно-европейские монеты, стеклянные бусы, раковины каури) ставит его в один ряд с такими некрополями, как Нефедьево и Никольское III. Однако столь же очевидны и некоторые специфические черты могильника Минино II, заслуживающие специального обсуждения.

Переход от обряда кремации к обряду ингумации

Для изучения погребальных традиций и религиозных верований населения северно-русских областей существенный интерес представляет присутствие в могильнике Минино II погребений по обрядам кремации и ингумации. Обе эти формы погребального обряда хорошо известны по археологическим объектам на территории Белозерского края, однако представлены, как правило, на разных памятниках: кремация – в грунтовых могильниках и могильниках со срубными конструкциями, получившими название “домики мертвых”, середины – второй половины I тыс. н.э., ингумация – в грунтовых и курганных могильниках XI – XIII вв. Присутствие их на одних и тех же памятниках – относительно редкое явление, зафиксированное почти исключительно на западе Белозерского региона – на реках Суде и Колпи. Могильник Минино II дает редкую возможность уточнить хронологическое и культурное соотношение между обрядами кремации и ингумации

в рамках одного памятника. Интерес к этому вопросу в немалой степени обусловлен тем, что смена кремации ингумацией считается важнейшим моментом в трансформации погребального обряда при переходе от язычества к христианству в Восточной Европе в конце I – начале II тыс. н.э.

На могильнике Минино II остатки кремаций зафиксированы на участке, насыщенном культурными остатками эпохи первобытности (мезолит, бронзовый и ранний железный век). На нем захоронения по обряду ингумации совершались по меньшей мере до рубежа XII – XIII вв. В средневековье на краю этой площадки располагалось железоделательное производство. Неудивительно поэтому, что выделение здесь комплексов и находок, относящихся к могильнику с трупосожжениями, представляет известную сложность. Фиксируя кальцинированные кости и средневековые вещи, мы не всегда в состоянии определить, находятся ли они в своем первоначальном положении или были перемещены в ходе позднейших захоронений или хозяйственных работ.

Остатки кремаций выявлены в восточной части площадки могильника Минино II, т.е. на том его участке, который топографически наиболее близок к поселению (см. рис. 2, 3). В раскопах 2 и 3 на площади около 150 м² исследованы остатки кремации не менее чем 13 индивидов*. В этих раскопах собрано более 3,2 кг кальцинированных костей человека, около 500 г неопределимых костей и около 250 г костей животных. Концентрация кальцинированных костей в раскопах была неодинаковой: в раскопе 2 их зафиксировано в 4 раза больше, чем в раскопе 3 (всего с площади 150 м² их собрано чуть менее 4 кг). Кальцинированные кости находились в верхнем гумусированном слое в рассеянном виде и скоплениях, в специально вырытых материковых ямах, разных по форме и глубине, заполнении позднейших ям, в которых совершен обряд ингумации, и перекопах. Точно определить количество вещей, связанных с погребениями по обряду кремации, трудно, но к ним могут относиться примерно 110 вещей, найденных в верхнем гумусированном слое (на контакте с материком) и верхней части заполнения ям и перекопах, а также 43 предмета из погр. 16. Тридцать пять предметов обожжены или оплавлены. Судя по планиграфии, многие вещи, не имеющие следов пребывания в огне, также сопровождали кремацию, однако часть из них могла попасть на площадку и позднее, при совершении ингумации или в результате нарушения могил.

Шесть кремаций представляли собой более или менее компактные скопления кальцинированных костей весом 60 – 550 г (рис. 11). В пяти скоплениях найдены пережженные вещи, однако в трех это малочисленный и маловыразительный материал: в скоплении 1 –

* Определение А.П. Бужиловой.

фрагмент одностороннего гребня, оплавленная стеклянная бусина, два фрагмента керамики; в скоплении 2 – бронзовая проволока; в скоплении 5 – два железных предмета, оплавленная бусина. Кремированные останки еще пяти погребенных собраны в виде разрозненных костей, залегающих в верхнем гумусированном слое, небольших материковых ямках и перекопах. Некоторые погребения нарушены, кремированные останки в них первоначально находились, скорее всего, компактно. Однако часть кальцинированных костей и пережженных вещей из кремаций в обоих раскопах изначально была в “рассеянном” состоянии.

Два погребения по обряду трупосожжения расчищены в виде скоплений кальцинированных костей под верхним гумусным слоем. Одно из них зафиксировано в темном углистом слое в северо-восточном углу раскопа 2 на площади размерами 80 × 50 см. Рядом с небольшим камнем собраны кальцинированные кости молодой женщины (ок. 250 г) и животных (ок. 100 г), в частности бобра, а также кости (без следов пребывания в огне) мелкого млекопитающего. Среди костей расчищены вещи: железная заклепка, три обожженные стеклянные бусины, в т.ч. цилиндрическая золотостеклянная без каймы, фрагмент обожженного двустороннего гребня и кальцинированная костяная поделка (рукоять?). Второе скопление (погр. 16) расчищено в небольшой подпрямоугольной ямке размерами 60 × 30 см и глубиной 10 см (см. рис. 11, 12). Здесь обнаружены кости взрослого человека (ок. 150 г), 41 оплавленная стеклянная бусина и фрагменты кальцинированной односторонней расчески с циркульным орнаментом. Сверху на скоплении костей находилась необожженная подковообразная фибула со сломанной иглой.

Еще четыре скопления костей расчищены в заполнениях больших материковых ям овальной формы. Их глубина 50 – 80 см, длина 3,3 – 4,6 м, ширина 1,7 – 2,5 м. Ямы были заполнены темной гумусированной супесью с углями. Кальцинированные кости залегают ближе к придонной части ям, начиная от уровня около 30 см от поверхности. В ямах 2 и 11 находилось по одному скоплению, включавшему кости одного взрослого человека, в яме 3 – два скопления, в одном из которых были кости одного человека, а в другом – двух взрослых, в т.ч. мужчины, и ребенка. В большинстве скоплений представлены кости человека и животных. Находки в ямах единичны: оплавленные бусины, фрагменты костяных расчесок, железные ножи.

Основная масса вещей, связанных с погребениями со следами кремации (односторонние роговые гребни, поясные бляшки, бусины-“лимонки”, ножи с узким клиновидным лезвием), датируется в сравнительно широких хронологических рамках – X – XI вв. Лишь несколько предметов и погребальных комплексов могут служить основанием для более точного хронологического определения кремаций.

В разрушенном погребении в западной части раскопа 3 найдены массивная железная подковообразная фибула с прямоугольным сечением дужки и три поясные накладки с тревовидным орнаментом. Железные фибулы известны в основном по курганным комплексам X в. Накладки с тревовидным орнаментом не имели распространения на территории Древней Руси, но известны по находкам из мордовского Крюково-Кужновского могильника и комплексам X в. в Венгрии [The ancient Hungarians, 1996, p. 398, 399, fig. 1].

Набор бусин из погр. 16 (см. рис. 12, 1 – 7, 9 – 14, 16 – 32), включающий белые и желтые полосатые, а также желтые одно- и двухчастные “лимонки”, прозрачные навитые зонные синие и призматические синие белоромбические бусины, характерен для X – первой половины XI в. Преобладание продольно-полосатых лимонок (18 шт.) позволяет датировать этот комплекс X в.

Сложнее дать хронологическое определение для следов кремаций в раскопе 2. Найденные здесь золотостеклянная цилиндрическая бусина (остальные бусины типологически неопределимы), обломки односторонних расчесок и двусторонних гребней, ножи обозначают очень широкие хронологические рамки. Возможно, трупосожжения в этом раскопе следует датировать несколько более поздним временем, чем кремации в раскопе 3. В пользу этого свидетельствуют два факта. Во-первых, в яме 3, содержащей остатки кремации не менее чем четырех погребенных, найден нетронутый огнем денарий, чеканенный графом Германом III в Утрехте в 1048 – 1064 гг. Во-вторых, эта яма прорезает могильную яму погр. 15 с признаками обряда ингумации, которое, как показано выше, следует датировать концом X в. или рубежом X – XI вв. Перед нами редкий случай совершения трупосожжения после того, как обряд ингумации вошел в погребальную практику средневекового коллектива.

Таким образом, на могильнике Минино II обряд кремации практиковался со второй половины X до середины XI в., причем в первой половине XI столетия – параллельно с обрядом ингумации. Трупосожжения столь позднего времени не выявлены ни в одном из могильников, исследованных на оз. Белом и Шексне, редки они и в других регионах Северной Руси. Сожжению могли предаваться тела и взрослых, и детей. Переход от кремации к ингумации на оз. Кубенском не был одномоментным отказом от старой погребальной традиции. Общие черты обряда, при котором остатки кремации помещали вблизи поверхности земли, ясны. Характер кремаций, остатки которых расчищены в ямах, напротив, не вполне понятен. Необычно прежде всего малое количество погребального инвентаря, сопровождающего кремации, и залегание части его вне скоплений кальцинированных костей.

Очевидно, что население, производившее захоронения по обрядам кремации и ингумации, представляло собой единую локальную группу, спаянную общими традициями. Многие элементы культуры, характеризующие кремацию, после которой остатки сожжения помещали вблизи поверхности, не были утрачены после перехода к ингумации. В женских захоронениях с признаками обеих форм погребального обряда встречаются подковообразные фибулы, стеклянные бусы и гребни, в мужских – наборные пояса. Наиболее существенна, однако, топографическая преемственность. Место языческого могильника, первоначальное ядро которого составили погребения по обряду кремации, не было оставлено после принятия христианства и продолжало использоваться для погребения до конца XII – начала XIII в.

Наборные пояса в мужских погребениях XI – XII веков на севере Древней Руси

Среди мужских захоронений, исследованных на могильнике Минино II, исключительный интерес представляет погр. 9, сопровождавшееся поясным набором. Оно расчищено в раскопе 2 в юго-восточной части площадки памятника. Могильная яма была завалена кусками металлического и стекловидного шлака, перемешанного с камнями. Умерший был погребен на спине головой на восток с отклонением к югу, руки вытянуты вдоль тела. Около его шейных позвонков обнаружены две бронзовые спиральные пронизки, у кисти правой руки – железный топор типа V, по А.Н. Кирпичникову, положенный лезвием кверху, рукоятью вниз. На мизинец правой руки был надет бронзовый перстень из узкой пластины, свернутой в полтора оборота, и украшенный по всей длине циркульным орнаментом. На безымянном пальце левой руки – проволочное бронзовое кольцо с сомкнутыми концами. На тазовых костях погребенного зафиксирован кожаный пояс, декорированный накладными бронзовыми бляшками (рис. 13, 3).

Пояс из трех последовательно соединенных кожаных ремней шириной 1,3 – 1,5 см имел длинный спускающийся на 26 см конец. К поясу, вероятно, крепился один подвесной ремешок. Ремни соединялись между собой двумя одинаковыми бронзовыми гладкими круглыми в сечении литыми кольцами диаметром 2,4 см таким образом, что одно кольцо располагалось на теле спереди справа, а другое сзади слева. Концы ремней пропускались в кольца и заворачивались с оборотной стороны. Они фиксировались при помощи бронзовых обоймиц овальной формы и бронзовых наконечников или накладок. Всего в составе набора 3 наконечника и 24 накладки, из них 20 круглых с изображением цветка с многочисленными тонкими лепестками и 4 квадратных (см. рис. 13, 1, 2).

К поясу были подвешены нож, две железные круглорамчатые пряжки диаметром 2,3 и 4,2 см и железное кольцо с завязанными концами размерами 5 × 5,5 см, выкованное из дрота прямоугольного сечения (для крепления перевязи?). Интересно, что несмотря на наличие в составе пояса двух бронзовых колец, ремешки с предметами держались на поясе при помощи спутанной бронзовой проволоки, продетой прямо через кожу пояса под бляшками сзади справа.

В погребениях на озерах Белом, Кубенском и р. Шексне, раскопанных прежде, наборные пояса не находили. Предметы поясной гарнитуры в белозерских могильниках вообще редки, в основном это пряжки. Обнаружены четыре пояса из трех ремней с кольцами-разделителями без набора бляшек. Поясные принадлежности, отдельные образцы которых известны по материалам из раскопок и сборов на территории г. Белоозера, довольно широко представлены на селище Минино I и на некоторых среднешекснинских поселениях. Территориально наиболее близкие аналоги мининскому поясу можно найти среди находок из мужских погребений в курганах Юго-Западного Белозерья. Это около 15 поясов из трех ремней, соединенных бронзовыми кольцами. Три пояса были украшены наборами накладок (Никольское, кург. 1, погр. 2; Кобожа-1, кург. 4, погр. 8) [Тухтина, 1966, с. 126 – 127; 1990, с. 132].

Аналоги металлическим деталям поясной гарнитуры из погребений белозерских могильников встречаются на территории, относящейся к северо-западу Древней Руси, в Прибалтике, Финляндии, Швеции. Судя по составу хорошо сохранившихся комплексов, такие накладки украшали составные пояса с бронзовыми гладкими кольцами-разделителями. Конструкция этих поясов довольно устойчива и может быть выделена в особый тип наборного пояса, получивший распространение на территории Древней Руси наряду с кочевническими поясами, состоявшими из одного цельного ремня, к которому при помощи бляшек с прорезями или колец крепились многочисленные подвесные ремешки (образцы таких поясов см.: [Добжанский, 1990]), и поясами венгерского типа с длинным свисающим концом и дополнительным ремешком [Мурашева, 1998, с. 254]. Пояса реконструируются по целым наборам, которых имеется не менее 15 шт. (Минино II, погр. 9; Никольское, кург. 1, погр. 2; Кобожа-1, кург. 4, 8; Бустрыгино, кург. 2 (под Весегонском); Торопец, кург. 1 [Фоняков, 1986]; Усть-река, кург. 4 (Юго-Западное Приильмень) [Ершевский, Конечский, 1985]; Залахтове, кург. 165; Б. Борницы, кург. 24 (Ижорское плато) [Спицын, 1896]; Малы, кург. 1 (район Изборска) [Седов, 1976]; Вестерюнг, Вивален, погр. 9 (Швеция); Клинта, погр. 6 (о-в Эланд); Хевор (приход Хеблингбо) и Тьенгдарве (приход Трекумла), оба – Готланд [Зайцева, 1999]). Многие пояса сохранились лишь

фрагментарно или в описаниях (напр., Залахтове, кург. 236; Безьва, кург. 14, погр. 1; Люцинский могильник [Спицын, 1903, с. 31] и др.). К сожалению, подробная полевая документация имеется не по всем комплексам, а потому очевиден дефицит информации о наличии подвесных ремешков и месте наконечников, если их на поясе более одного. Реконструировать пояса можно по находкам из кладов, обнаруженных на территории Прибалтики и Финляндии [Urtans, 1977, L. 210, att. 118; Мугуревич, 1965, табл. XVI, 10; Lehtosalo-Hilander, 1982, p. 154, fig. 42]. Пояса состояли из трех, редко двух, кожаных ремней шириной 1,5 – 2 см, соединенных бронзовыми кольцами. Ремни загибались через кольца и крепились при помощи бронзовых обоймиц и наконечников или накладок со шпеньком длиной 4 мм, которая соответствовала двойной толщине ремня. Пояса, имевшие односоставную бронзовую пряжку со щитками разных форм, украшали бронзовые накладки, которых иногда было до 40 шт. Накладки могли равномерно распределяться по всей длине пояса или украшать только его переднюю часть. Часто на одном поясе крепились накладки нескольких видов, однако, один всегда численно преобладал. Накладки, представленные в небольшом количестве, использовались для крепления колец-разделителей и, возможно, концевых ремешков. Свободный конец пояса, который мог спускаться до середины бедра, или вообще не украшали накладками и снабжали лишь металлическим наконечником, или оформляли несколькими накладками, закрепив их на конце ремня непосредственно перед наконечником.

Пояса описанного типа появились несколько позже остальных. Наиболее ранние их образцы, относящиеся к концу X в., обнаружены в могильниках Гнездовском под Смоленском (кург. Ц-191; гибриды с венгерской конструкцией [Мурашева, 1997, с. 76 – 77]) и Юмском в бассейне р. Вятки (погр. 5) [Архипов, 1973, с. 36]*. Эти пояса состоят не из трех, а из пяти ремней и имеют больше колец-разделителей, но принцип их конструкции такой же, как у пояса из Минино.

Основная масса таких поясов относится к XI – XII вв. Можно предположить, что пояса данного типа впервые появились в Прибалтике, а их прототипами были многочисленные местные уздечные наборы и восточно-балтийские составные пояса с кольцами и гладкими пластинчатыми накладками различных форм [Urtans, 1977, L. 210, att. 118; Lehtosalo-Hilander, 1982, v. 2, p. 151, fig. 41]. Подобные пояса распространены на Готланде, в Финляндии и Карелии [Thunmark-Nulén, 1995, abb. 101, 146, 381, 395, 396, 429 etc.; Kivikoski, 1973,

abb. 891]. Они встречаются также в погребальных памятниках латгалов [Древности Северо-Западного края, 1893], на Северо-Западе Древней Руси (могильники Удрай II на р. Луге, Унотыцы на Ижорском плато) и в курганных группах в Подмоскowie (Каблуково, Черемушки, Тушино) [Савков, 1940, с. 82, рис. 4, 5].

Можно предположить, что Готланд был тем местом, где идеи уздечных наборов и балтийских поясов получили новое воплощение в поясах с кольцами-разделителями и рельефными бляшками. В XI в. пояс из трех ремней распространяется в регионах, связанных с прибалтийским миром: от Швеции до Суздальского Ополья, по волжскому пути достигает Ветлужско-Вятского края. Пояса и предметы гарнитуры начинают импортироваться и в какой-то мере тиражироваться на местах. Не исключено, что такие пояса делали по образцам и в древнерусских городах Новгороде и Пскове*.

Керамические писанки в древнерусских погребальных комплексах

К числу редких для древнерусских могильников вещей, найденных на могильнике Минино II, принадлежит глиняное яйцо-писанка, покрытое поливой с чередующимися черными и желтыми полосами. Писанка сопровождала погребение ребенка в возрасте от полутора до года (погр. 22, рис. 14). Комплекс вещей из этой могилы включал также браслетообразное височное кольцо, 40 стеклянных бусин (зонные черные, зеленые и желтовато-белые), денарий с медным пластинчатым ушком (Фризия, Эмден, граф Генрих, 1020 – 1051 гг.), маленький железный нож с остатками деревянной рукоятки, находившийся в кожаных ножнах, прошитых узкой бронзовой полоской, и три бронзовых грушевидных крестопорезных бубенчика (рис. 15). Большинство бусин расчищено в области черепа и грудной клетки, очевидно, они вместе с монетой-подвеской входили в состав ожерелья. Нож и бубенчики располагались в области живота и берцовых костей, вероятно, они были прикреплены к поясу. Писанка лежала справа, около коленной чашечки. Судя по составу украшений, в могиле была погребена девочка. Хронологические рамки захоронения могут быть определены в пределах второй половины XI – первой четверти XII в.

Вопросам географии распространения, хронологии, производства и назначения керамических поливных писанок посвящено много публикаций [Макарова, 1967; Gabriel, 1988]. Последний обзор исследований вещей этой категории написан В.В. Седовым [1998].

* Г.А. Архипов подчеркивает, что данный пояс уникален для марийских могильников IX – начала XI в., в которых пояса имеются практически в каждом мужском погребении [1973, с. 36].

* Мнение о том, что центр изготовления поясов из трех ремней с кольцами-разделителями находился в Новгороде, недавно было высказано К.А. Михайловым и В.Ю. Соболевым [2000, с. 226 – 227].

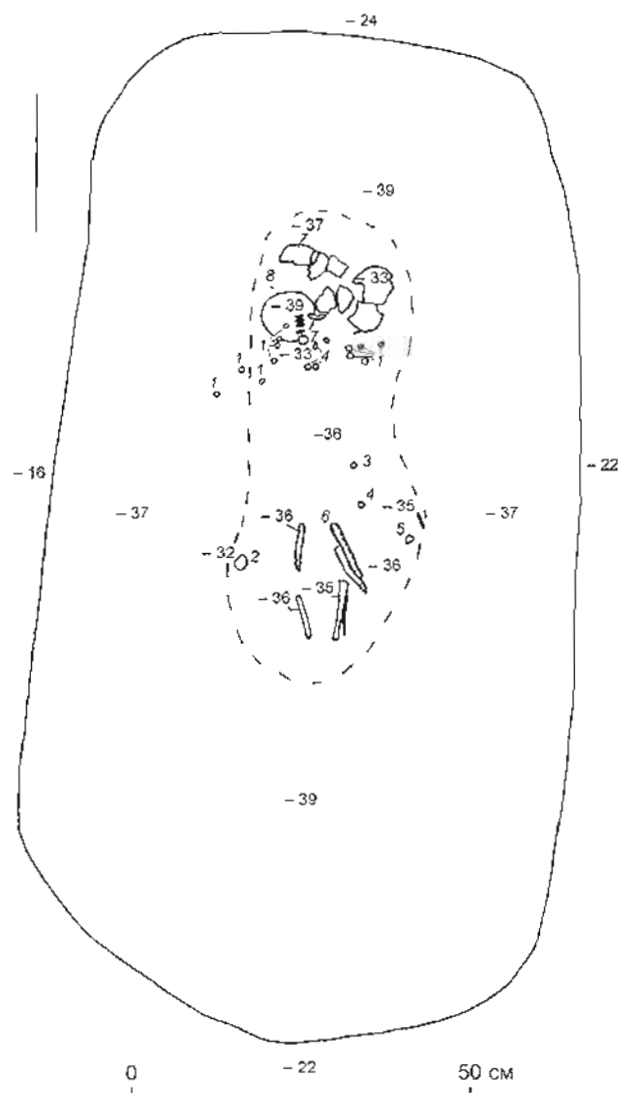

Рис. 14. План погр. 22 могильника Минино II.

1 – бусины стеклянные; 2 – писанка керамическая; 3 – 5 – бубенчики бронзовые; 6 – нож железный в кожаных ножнах; 7 – подвеска из серебряного денария; 8 – бронзовое височное кольцо.

Считается общепризнанным, что в XI–XII вв. эти вещи получили распространение в основном в восточно-славянском мире, хотя значительные их серии найдены в Польше и западно-славянских землях между Эльбой и Одером, отдельные находки зафиксированы в Скандинавии. Как показала Т.И. Макарова, писанки делали в Киеве, Новгороде и, возможно, Рязани [1967]. Предполагается, что их могли изготавливать и на территории Польши [Седов, 1998]. Назначение этих вещей пока не совсем понятно. К. Яжджевский предположительно атрибутировал писанки, найденные в Лютомерском могильнике, как детские погремушки [Jażdżewski, 1951, str. 145 – 146]. Многие исследователи связывают писанки со славянскими языческими верованиями и

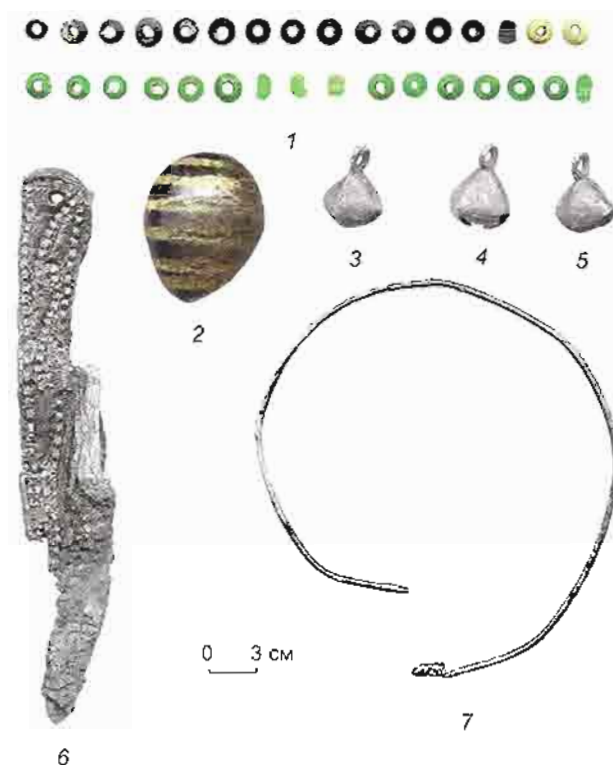

Рис. 15. Вещевой материал из погр. 22 могильника Минино II.

1 – бусин; 2 – писанка; 3 – 5 – бубенчики; 6 – ножны; 7 – височное кольцо.

1 – стекло; 2 – керамика; 3 – 5, 7 – цветной металл; 6 – кожа, цветной металл.

обрядами. Этой точки зрения придерживается, в частности, В.В. Седов, указывая, что писанки были распространены на тех территориях, где языческие верования были наиболее стойкими [1988]. М. Мюллер-Вилле писанки, найденные на Балтике, считает свидетельствами посещений греко-православными христианами севера Европы [Müller-Wille, 1997, S. 420] и вслед за И. Габриэлем полагает, что они были наделены христианской символикой. В. Дучко, соглашаясь с предположением о проникновении технологии производства украшенных поливой писанок в Киев из Византии, не склонен связывать их с христианскими религиозными представлениями; он считает, что появление писанок в землях западных славян отражает некую общность в верованиях западных и восточных славян [Duczko, 1997, S. 293 – 297].

Прояснить вопрос о назначении писанок позволяет контекст находок на погребальных памятниках. Помимо погребения на оз. Кубенском нам известно пять погребальных комплексов, сопровождавшихся писанками. Два таких предмета найдены в погребениях Кемского некрополя на сопредельном с Кубенским Белом озере [Макаров, 1990, с. 149 – 150, 157] и три – в курганных могильниках на левобережье Днепра. на

юге Древней Руси [Хвойко, 1904, с. 40 – 48; Самоквасов, 1915, с. 32; Моруженко, Косиков, 1977, с. 281 – 289; Моця, 1990, с. 89, 91]. Наиболее подробно документированы погребения Кемского некрополя. Одно из них (погр. 2, кург. 8) сопровождалось богатым набором женских украшений – подвесками-амулетами и поливной чашечкой, второе (погр. 3, кург. 37) – ножом и топориком-амулетом. Писанки обнаружены в районе костей ног погребенных. По найденным монетам, позднейшие из которых чеканены в 1068 – 1090-х гг., оба комплекса с наибольшей вероятностью датируются 1070-ми гг. Оба погребения детские, в одном из них находился костяк ребенка четырех – восьми лет, в другом – трех – пяти лет. Еще одно детское погребение, в котором зафиксирована писанка, лежавшая у кисти руки, покоявшейся в области поясничного отдела позвоночника, было исследовано в 1915 г. Д.Я. Самоквасовым в кург. 99 Гочевского могильника на р. Псел. В кург. 31 у д. Городное в междуречье Ворсклы и Северского Донца писанка была найдена в женском захоронении, сопровождавшемся предположительно погребением ребенка. Комплекс находок включал сосуд, выполненный на гончарном круге, сердоликовые бипирамидальные и стеклянные глазчатые бусы. Писанка расчищена у локтевых костей погребенной. В кург. 4 у с. Броварки на р. Псел, исследованном в 1904 г. В.В. Хвойко, писанку обнаружили в погребении, сопровождавшемся серебряным головным венчиком, спиральными височными кольцами, ожерельем из бус, фибулой и бронзовой цепочкой с бубенчиками. Керамическое яйцо обнаружено в районе костей ног. Антропологические материалы не определены, но судя по составу украшений, погребение принадлежало женщине. По бусам два последних комплекса датированы XI – началом XII в. [Моця, 1990, с. 89, 91]. Таким образом, из шести погребений с писанками четыре детские, а еще одно представляет собой предположительно совместное погребение женщины и ребенка. Все эти комплексы, верхняя дата которых не выходит за рамки первой половины XII в., образуют компактную хронологическую группу.

Учитывая, что по сопроводительному инвентарю детские погребения в Древней Руси в целом были намного беднее, чем погребения взрослых, наличие писанок в детских захоронениях на юге и севере восточно-славянского ареала трудно объяснить случайностью. Новые материалы указывают на то, что покрытые глазурью керамические яйца с камушком или глиняным шариком внутри представляют собой погремушки и именно в этом качестве были положены в детские могилы. Таким образом, следует признать справедливость атрибуции, некогда предложенной К. Яжджевским, но не получившей признания у специалистов. Присутствие писанок в женских погребениях в Лютомерском могильнике в Польше и Броварках на левобережье Днепра не противоречит этому определению,

особенно если допустить, что в женских могилах были захоронены новорожденные младенцы, останки которых не всегда удавалось проследить из-за плохой сохранности костей. Разумеется, подобная атрибуция не исключает возможности существования тех или иных религиозных представлений, связанных с этими предметами и определявших их использование в погребальном обряде.

Культурные процессы на северных окраинах Руси по материалам Мининского некрополя

Материалы могильника Минино II раскрывают сложную мозаику разнородных элементов, из которых в XI – XII вв. складывалась культура населения северной периферии Древней Руси. В этой культуре выражены общедревнерусские традиции, культурные элементы, связанные с Верхней Волгой, Балтийским регионом и поволжско-финскими областями. Как и многие другие локальные группы, обосновавшиеся на дальних окраинах древнерусского ареала, “мининцы” во многом зависели от ввоза товаров из метрополии и широко использовали в costume и среди обиходных вещей разнообразные привозные вещи. Однако, судя по контексту погребальных комплексов и составу находок на соответствующих могильниках поселений, обитатели периферии избирательно относились к вещам, поступавшим по торговым путям, и принимали лишь те из них, которые представлялись им подходящими для создания местных культурных форм.

Появление в XI в. у групп, населявших район озер Белого, Кубенского и р. Шексны, парадного костюма, изобилующего многочисленными металлическими украшениями, и становление погребального обряда, призванного демонстрировать материальные возможности и высокий статус умерших, – явления, заслуживающие специального анализа. По своей пышности и богатству металлический убор, сопровождавший женские (а иногда и мужские) погребения на северной периферии Древней Руси в XI – XII вв., намного превосходит синхронные комплексы из некрополей древнерусской метрополии – центральных районов Новгородской и Ростово-Суздальской земли. Этот феномен нередко трактуют как наследие финских традиций или свидетельство стойкости языческих верований в удаленных северных областях. Оба объяснения нельзя признать в полной мере удовлетворительными. Чтобы интерпретировать отмеченные явления, рассмотрим, во-первых, источники экономического благосостояния “мининцев”, во-вторых, происхождение населения, оставившего могильник вблизи устья р. Дмитриевки.

Благодаря раскопкам двух связанных с могильником селищ (Минино I и VI) и исследованию палеоэкологических материалов с этих памятников

мы располагаем данными о хозяйственных занятиях и источниках материального достатка обитателей мининского микрорегиона. Согласно результатам анализа палеозоологических, палеоботанических и палеопочвенных коллекций, средневековые насельники, располагая собственной сельскохозяйственной базой, обеспечивавшей их продуктами земледелия, в широких масштабах занимались пушным промыслом и торговлей мехами. Присутствие на одном из поселений железоделательного комплекса и следов ювелирного производства свидетельствует о том, что его обитатели самостоятельно изготавливали некоторые украшения и орудия труда. На территориях, окружающих мининское гнездо поселений, не выявлены другие локальные группы памятников, которые могли бы занимать низшее, подчиненное положение в иерархии поселений. Высокий материальный достаток, показателем которого являются высокая концентрация привезенных вещей в культурном слое мининских селищ и богатый набор украшений в погребениях, создавался не путем изъятия продуктов промысла у других средневековых коллективов или посреднических операций, а преимущественно благодаря собственным трудовым усилиям и эффективному использованию массива малоосвоенных территорий вокруг оз. Кубенского, пригодных как для пушной охоты, так и для сельскохозяйственной деятельности.

Возникновение средневекового поселения Минино I – центрального поселения мининской локальной группы – результат внешней колонизации, продвижения колонистов на значительное расстояние с юго-запада на северо-восток. Средневековое поселение возникло в конце X в. на неосвоенном участке как новый поселок и заняло площадку, на которой некогда располагались стоянки эпохи первобытности. В женских погребениях, составляющих наиболее раннюю группу в могильнике Минино II (погр. 16 – 19, 21), представлены украшения западных типов, тогда как украшения поволжско-финского облика отсутствуют. Наличие в четырех из названных погребений браслетообразных височных колец указывает на то, что по крайней мере часть средневекового коллектива, основавшего поселение в устье р. Дмитриевки, была представлена выходцами из верхневолжских областей. Возможно, в состав этого коллектива изначально входили и белозерские финны, погребения которых пока не выявлены. Однако средневековые поселения мининской локальной группы не связаны преемственностью с более ранними финскими раселенческими структурами на оз. Кубенском.

Своеобразие культуры “мининцев” и других средневековых локальных групп, занимавших периферийное место в древнерусском ареале, определялось не только соотношением финских и славянских элемен-

тов, сколько местной культурной идентичностью, формировавшейся путем осмысления собственного положения в географическом пространстве, этнополитических структурах и системе экономических связей. Представляется, что для этих групп было важно, с одной стороны, ощущать свою принадлежность к древнерусской цивилизации и включенность в общую сеть культурного и торгового обмена, открывавшую доступ к разнообразным достижениям метрополии, с другой – обозначить собственную консолидированность и отличия от других региональных групп, продемонстрировать высокие материальные возможности и социальную полноценность жителей окраин, в реальности занимавших подчиненное положение в иерархии древнерусских территориальных образований.

Эти противоречивые тенденции отчетливо прослеживаются в материалах Мининского некрополя. Признавая особое значение престижных вещей для выражения культурной идентичности периферийных групп древнерусского населения, легко понять причины появления в мининских погребениях некоторых атрибутов дружинной воинской культуры (наборные пояса, подковообразные сумочки с накладками) или присутствие в женских погребениях XI в. бронзовых шейных гривен, воспроизводивших в более дешевом материале серебряные гривны парадного аристократического убора. Очевидно, в XII в. у северян формировались отчетливые представления о своей особой региональной идентичности, свидетельством чего стало массовое распространение в женском уборе шумящих и зооморфных украшений, редких в центральных районах Ростово-Суздальской земли.

Список литературы

- Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. – М.: Б.и., 1993. – С. 3 – 78.
- Архипов Г.А. Марийцы IX – XI вв. К вопросу о происхождении народа. – Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1973. – 198 с.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. – 162 с.
- Древности Северо-Западного края. Люцинский могильник // МАР. – 1893. – № 14. – 50 с.
- Ершевский Б.Д., Конецкий В.Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л.: Наука, 1985. – С. 61 – 64.
- Зайцева И.Е. Наборный пояс из могильника Минино-II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. – Новгород: Б.и., 1999. – С. 277 – 291. – (История и археология; Вып. 13).
- Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок в Новгороде. – М.: Наука, 1982. – С. 156 – 177.

- Конечский В.Я.** Некоторые итоги исследования грунто-вых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – С. 154 – 172.
- Кочуркина С.И.** Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X – XIII вв. – Петрозаводск: Карелия, 1989. – 346 с.
- Кубенское озеро:** взгляд сквозь тысячелетия (Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса) / Отв. ред. Н.А. Макаров. – Вологда: Древности Севера, 2001. – 48 с.
- Кудряшов А.В.** Археологические памятники Средней Шексны X – XIII вв.: Автореф... канд. ист. наук. – М., 2001. – 15 с.
- Лесман Ю.М.** Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. 1988. – М.: Б.и., 1990. – С. 29 – 98.
- Макаров Н.А.** Население Русского Севера в XI – XIII вв. – М.: Наука, 1990. – 216 с.
- Макаров Н.А.** Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII веках. – М.: Скрипторий, 1997. – 368 с.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е.** Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере. Могильник Минино II на Кубенском озере // РА. – 1999. – № 4. – С. 163 – 179.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П.** Средневековое расселение на Белом озере. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с.
- Макарова Т.И.** Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. – М.: Наука, 1967. – 78 с. (САИ; Вып. Е1-38).
- Михайлов К.А., Соболев В.Ю.** Новгородские наборные пояса XI – XII вв. // Археол. вести. – 2000. – № 7. – С. 222 – 227.
- Моруженко А.А., Косиков В.А.** Курганы у с. Городное // СА. – 1977. – № 1. – С. 281 – 289.
- Моця А.П.** Погребальные памятники южно-русских земель IX – XIII вв. – Киев: Наук. думка, 1990. – 155 с.
- Мугуревич Э.С.** Восточная Латвия и соседние земли в X – XIII вв. – Рига: Зинатне, 1965. – 144 с.
- Мурашева В.В.** Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X – XI вв. (по материалам “дружинных” курганов) // Тр. ГИМ. – М.: ГИМ, 1997. – Вып. 93. – С. 71 – 79.
- Мурашева В.В.** Наборные пояса Гнездова (проблемы реконструкции) // Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. – М.: Editorial URSS, 1998. – Т. 4. – С. 252 – 257.
- Рябинин Е.А.** Зооморфные украшения Древней Руси X – XIV вв. // САИ. – 1981. – Вып. Е1-60. – 123 с.
- Рябинин Е.А.** Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л.: Наука, 1986. – 260 с.
- Савков И.В.** Курганы с. Черемушки // Сб. науч. студ. работ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1940. – Вып. 11: История. – С. 59 – 84.
- Самокасов Д.Я.** Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. – М.: Б.и., 1915. – 40 с.
- Седов В.В.** Браслетообразные височные кольца восточных славян // Новое в археологии. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – С. 138 – 144.
- Седов В.В.** Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. – 1976. – Вып. 146. – С. 87 – 95.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI – XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с. – (Археология СССР).
- Седов В.В.** Писанки // Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология). – Минск: Веды, 1998. – С. 81 – 85.
- Седова М.В.** Ювелирные изделия древнего Новгорода (X – XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 193 с.
- Спицын А.А.** Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. – 1896. – № 20. – 124 с.
- Спицын А.А.** Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова // МАР. – 1903. – № 29. – 124 с.
- Тухтина Н.В.** Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X – XIII вв. // Археол. сб. – М.: Сов. Россия, 1966. – С. 120 – 140. – (Тр. ГИМ; Вып. 40).
- Тухтина Н.В.** Курганный комплекс Кобожа-1 (бассейн реки Мологи) // Проблемы археологии Евразии. – М.: ГИМ, 1990. – С. 121 – 137. – (Тр. ГИМ; Вып. 74).
- Фоняков Д.И.** Об одной находке из древнерусского могильника в Торопце // КСИА. – 1986. – Вып. 187. – С. 62 – 65.
- Хвойко В.В.** Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского у. Полтавской губ. // Древности. – М., 1904. – Т. 20; вып. 2. – С. 40 – 48.
- Duczko W.** Byzantine Presence in Viking Age Sweden. Archaeological Finds and their Interpretation // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhunderts. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – Bd 1. – S. 291 – 292.
- Fodor I.** The ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. – Budapest: Hungarian National Museum, 1996. – 477 с.
- Gabriel I.** Hof – und Sakralkultur sowie Gebrauchs – und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburg // Bericht der Romisch-Germanischen Kommission. – Mainz am Rhein, 1988. – Bd 69. – S. 103 – 291.
- Jażdżewski K.** Cmentarzysko wczesnośredniowieczne w Lutomersku pod Łodzią w Świetle badań 1949 // Materiały Wczesnośredniowieczne. 1949. – Warszawa: Nakładem Państwowego Muzeum archeologicznego w Warszawie, 1951. – V. 1. – Str. 91 – 191.
- Kivikoski E.** Die Eisenzeit Finnlands. – Helsinki: OY Weilin+Göös AB, 1973. – 150 S. + 147 taf.
- Lehtosalo-Hilander P.-L.** Luistari. – Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1982. – Pt 1: The Graves. – 491 p.; Pt 2: The artifacts. – 197 p.
- Müller-Wille M.** Relations between Byzantium and the North in the Light of Archaeology. Some concluding remarks // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhunderts. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. – Bd 1. – S. 405 – 422.
- The ancient Hungarians:** Exhibition Catalogue. – Budapest: Hungarian National Museum, 1996. – 477 p.
- Thunmark-Nulén L.** Die wikingerzeit Gotlands. – Stockholm: Kungl. Vitterhets historie och Antikvets Akademien, 1995. – 396 S.
- Urtans V.** Senākie depoziti Latvija. – Rīga: Zinatne, 1977. – 283 L.

УДК 903.9.653

А.Ю. Борисенко¹, Ю.С. Худяков²¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: aborisenko@ngs.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: khudjakov@ngs.ru

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ АКВАМАНИЛ, ПРИВЕЗЕННЫЙ В XVIII веке Г.Ф. МИЛЛЕРОМ ИЗ СИБИРИ

Введение

К числу достаточно редких и уникальных находок, обнаруженных на территории Сибири за три столетия изучения сибирских древностей, относятся изделия, изготовленные средневековыми западно-европейскими ремесленниками. В Западной Сибири в XVIII – XX вв. были найдены отдельные предметы клинкового оружия, образцы дорогой пиршественной посуды и ритуальной утвари, привезенные из Германии, Франции и скандинавских стран в эпоху развитого средневековья [Даркевич, 1966, с. 38 – 42; Молодин, 1976, с. 125 – 127; Яковлев, 1995, с. 212].

Среди этих находок особый интерес представляют водолеи, или акваманилы, – бронзовые сосуды, отлитые в виде полых скульптур людей и животных, которые в странах Западной Европы вплоть до эпохи позднего средневековья служили для омовения рук в церковном и светском обиходе [Даркевич, 1966, с. 53]. В историко-археологической литературе имеются сведения о пяти подобных находках с территории Сибири. Все они были сделаны в первой половине XVIII в.

Впервые бронзовый акваманил в виде скульптуры конного рыцаря в латах был привезен в г. Санкт-Петербург в 1720 г. из Верхнего Прииртышья майором И.М. Лихаревым, который возглавлял российскую военную экспедицию, посланную на поиски золота в Восточный Туркестан. По сведениям, вероятно, начальника этой экспедиции, акваманил вместе с другими бронзовыми статуэтками, входившими в привезенную им коллекцию, нашли местные крестьяне при разграблении древних могил в окрестностях джунгарского

ламаистского монастыря Аблай-кит в верховьях Иртыша [Княжецкая, 1989, с. 26 – 27]. Поскольку к этим находкам проявил большой интерес император Петр I, они были зарисованы и кратко описаны И.Д. Шумахером. Рисунки и описания послали для научного изучения французскому ученому Б. Монфокону, который опубликовал их со своими комментариями [Там же, с. 29]. Это была первая публикация археологической коллекции из России [Формозов, 1986, с. 29].

Аблай-китский акваманил находился в кабинете Петра I, а после смерти царя его передали в Кунсткамеру [Княжецкая, 1989, с. 29]. В 1732 – 1735 гг. водолей был зарисован художником рисовальной палаты Академии наук Ф. Маттарнови. Акваманил погиб во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. и известен по сохранившемуся рисунку [Шафрановская, 1965, с. 148, 152].

При публикации этой находки В.П. Даркевичем, Т.К. Шафрановской, Е.А. Княжецкой были неверно указаны место ее обнаружения, принадлежность к коллекции Д.Г. Мессершмидта, кругу скифских или иранских древностей [Там же]. Я.И. Смирнов и В.П. Даркевич наиболее обоснованно связывают аблай-китский акваманил с Западной Европой и датируют XV в. [Даркевич, 1966, с. 51].

Другой бронзовый водолей, запечатлевший кентавра с кувшином в руках с ручкой в виде изогнутой фигурки человека, находился в 1720-х гг. у воеводы Нарыма. Вероятно, об этой находке было широко известно, и Д.Г. Мессершмидт на поиски этого “идола” специально послал Ф.И. Страленберга. Однако нарымский воевода не только не разрешил зарисовать, но даже не показал акваманил [Новлянская,

1970, с. 30]. Он, видимо, знал о царском указе о сдаче в казну “куриозных вещей”, но не хотел расставаться с этим раритетом. Позднее водoley был передан в Кунсткамеру и зарисован в 1732 г. Акваманил погиб во время пожара в 1747 г. Его изображение имеется в атласе вещей Кунсткамеры. В.П. Даркевич определил, что этот водoley был изготовлен в Гильдесгейме в Нижней Саксонии в первой половине XIII в. [1966, с. 38].

Еще одного бронзового водoley, видимо, приобрел в Сибири Д.Г. Мессершмидт во время своей экспедиции. Акваманил запечатлел стоящего на одном колене бородатого и длинноволосого мужчину в длиннополой одежде с фигуркой льва в правой руке. Изображение этого акваманила с лицевой и оборотной сторон имеется в дневниках Д.Г. Мессершмидта и альбоме “Сибирские куриозы” [Brentjes, 1986, p. 12; Brentjes, Vasilievsky, 1989, S. 24]. Оно хранилось в Кунсткамере и погибло во время пожара в 1747 г. Согласно исследованию В.П. Даркевича, данный акваманил был изготовлен в Гильдесгейме в Нижней Саксонии в первой половине XIII в. Он изображал евангелиста Марка и символизировал р. Тигр, омывающую библейский Эдем [1966, с. 38].

В альбоме “Сибирские куриозы” имеется еще одно изображение бронзового акваманила в виде скульптуры конного рыцаря в длинном рыцарском плаще. У всадника показана бармица, но шлем отсутствует, кисть правой руки обломана. Сведений о месте обнаружения водoley нет. Вероятно, он был приобретен Д.Г. Мессершмидтом во время экспедиции в Сибирь и доставлен в Санкт-Петербург, где погиб во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. По определению Б. Брентьеса и Р.С. Васильевского, этот акваманил был изготовлен в г. Гильдесгейме в Нижней Саксонии в начале XIII в. [Brentjes, Vasilievsky, 1989, S. 170].

Бронзовый акваманил в виде рыцаря-драконоборца и дракона был привезен Г.Ф. Миллером из экспедиции по Сибири. По сведениям М.Я. Крыжановской, ученый приобрел водoley приблизительно в 1735 г. в районе между Обью и Иртышом [Сокровища Приобья, 1996, с. 198]. Сам Г.Ф. Миллер в своих работах о сибирских древностях об этой находке не упоминал. Однако она, видимо, считалась важным приобретением, поскольку была зарисована художником И.В. Люрсениусом в двух проекциях, с левой стороны и сверху. Эти рисунки сохранились в архиве Академии наук. Впервые они были опубликованы в 1937 г. в книге Г.Ф. Миллера по истории Сибири с подписью “изображение медного идола наподобие змея” [Миллер, 1937, рис. 19, 20]. При переиздании этой книги в 1999 г. акваманил не атрибутировался [Миллер, 1999, рис. 19, 20].

Опыт анализа данной находки был предпринят М.Я. Крыжановской, по мнению которой, водoley совершенно уникальное, трудно атрибутируемое произведение западно-европейского бронзолитейного ремесла. Подобные водoley, как отмечает исследовательница, считаются лотарингскими изделиями, но, судя по некоторым элементам оформления, характерным для предметов из Англии второй половины XII в. и Скандинавии, они должны быть “северного происхождения”. По предположению М. Введенского, дракон, пожирающий рыцаря, аллегорически воспроизводит сюжет восточного мифа о проглатывании солнца этим мифическим персонажем [Сокровища Приобья, 1996, с. 198]. Мы считаем, что акваманил следует отнести к произведениям лотарингских мастеров XII – XIII вв. [Борисенко, Худяков, 1999, с. 43]. Близкие по стилю оформления водoley в виде фигуры дракона известны среди находок из Восточной Европы. Они определены как изделия из Лотарингии [Даркевич, 1966, с. 34 – 35].

Приобретение Г.Ф. Миллера оказалось единственной находкой, привезенной из Сибири в XVIII в., которая сохранилась до наших дней. Вероятно, вместе с другими древностями бронзовый водoley был передан в Кунсткамеру, но не погиб при опустошительном пожаре, как остальные акваманилы. В 1927 г. он был передан из музейного фонда в экспозицию Эрмитажа [Сокровища Приобья, 1996, с. 198], где находится и сегодня в экспозиции средневековой западно-европейской художественной бронзовой пластики. Оригиналы рисунков И.В. Люрсениуса хранятся в Архиве Российской академии наук*.

Акваманил был привезен Г.Ф. Миллером из Сибири почти три столетия назад. Он относится к числу наиболее ранних, но почти не изученных специалистами сибирских археологических находок. Всесторонний анализ данного водoley должен сделать его доступным для исследования.

Описание находки

Акваманил представляет собой литую из бронзы полую скульптурную композицию, изображающую борьбу рыцаря-драконоборца с драконом. Фигура дракона составляет около трех четвертей композиции. У дракона крупная голова с вытянутой остроносой мордой без ноздрей, широко раскрытая пасть, крупные острые зубы, большие миндалевидные глаза с округлыми зрачками и длинные брови, заканчивающиеся завитками. Волосы бровей показаны линией

* Благодарим В.С. Соболева и Л.С. Марсадолова за содействие в ознакомлении с относящимися к находке материалами, которые хранятся в Архиве Российской академии наук и Государственном Эрмитаже.

Рис. 1. Аквамантил. Вид с правой стороны.

косых насечек. На голове запечатлены невысокие конусовидные “бычьи” рога. На темени – небольшая конической формы шапочка или шлем с квадратным основанием и округлым шариком-навершием с шайбой. Эта шапочка крепилась к голове с помощью шарнирного соединения и служила крышкой над отверстием, через которое в полость водолея можно было заливать воду для омовения рук. На рисунках И.В. Люрсениуса водолей изображен со снятой крышкой [Миллер, 1999, рис. 19, 20]. У дракона сравнительно короткая толстая шея, крупное туловище с широкой грудью, короткие когтистые лапы, большие, наполовину раскрытые крылья с тремя рядами перьев. Туловище полого сужается к двойному, свернутому в кольца хвосту. На тыльной части шеи и спине мифического чудовища изображен побег виноградной лозы с чередующимися по обеим сторонам от ствола завитками и гроздьями. На конце правого хвоста – стилизованный бутон из листьев и завитков. По бокам туловища и шеи от головы до хвостов проходит полоска сферических выступов. На шее, спине, лапах и крыльях имеются полоски из небольших кружков, на лапах и на хвостах – полосы косых насечек, напоминающих бахрому. Лапы оканчиваются крупными изогнутыми “орлиными” когтями (рис. 1 – 3).

В скульптуре дракона сочетаются признаки, характерные для разных видов животных: крылья и лапы орла, туловище ящера, хвосты змей, хищная зубастая пасть волка, рога быка. Такое сочетание характеризует мифическое хищное чудовище, способное передвигаться и настигать свою жертву в любой стихии: летать по воздуху, ходить или ползать по земле, плавать по воде и нырять в глубину водной пучины. Этот образ, как и сам сюжет борьбы с драконом эпического героя, на наш взгляд, был заимствован мастером не из восточной, а из древнегерманской или скандинавской мифологии [Даркевич, 1976, с. 161]. Рыцарь-драконоборец изображен в критический момент борьбы с чудовищем. Стоя на коленях и раски-

Рис. 2. Аквамантил. Вид сверху.

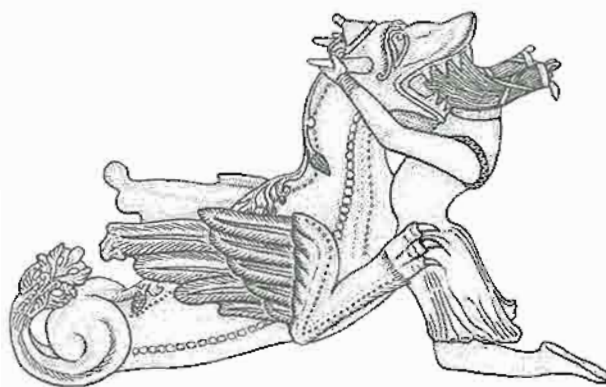

Рис. 3. Аквамантил. Вид с правой стороны. Прорисовка.

нув ступни в стороны, он ладонями обеих рук держит дракона за рога. Чудовище, впившись лапами с двух сторон в бока рыцаря, прижимает его к своей груди и зубами в широко раскрытой пасти захватывает голову жертвы. Наружу торчат только волосы. Дракону осталось только сжать челюсти, и борьба будет окончена. Рыцарь-драконоборец изображен в характерной одежде, с особой прической. На нем одет плотно обтягивающий фигуру украшенный зигзагообразным орнаментом на пройме кафтан с коротким стоячим воротником и обтягивающими длинными рукавами с узкими, собранными в складки нарукавниками. Кафтан с расширяющимся подолом, на котором сзади имеется вертикальный разрез, чтобы было удобнее садиться в седло. На ногах рыцаря плотно обтягивающие чулки. Волосы собраны в две “косы”, точнее пучка, оплетены крест на крест ремешками и забраны в невысокие цилиндрические наконечники, на каждом из которых имеется по три клиновидных конца или подвески (см. рис. 1 – 3). Рыцарь изображен в обычной, повседневной одежде, без оружия и доспехов, что может соответствовать особому моменту эпического сюжета, повествующего о борьбе с драконом.

Водолей имеет два повреждения: у дракона отломан конец левого хвоста, у рыцаря – левая нога ниже колена [Миллер, 1999, рис. 19]. Эти повреждения не затронули полости сосуда, и он мог успешно использоваться по своему назначению.

Хронология и культурная принадлежность акваманила

М.Я. Крыжановской отмечены некоторые стилистические особенности оформления водолея, которые позволяют соотносить сибирскую находку с английскими изделиями первой половины XII в. К их числу отнесены “некоторая изощренность и сложность композиции”, “цветочная розетка хвоста”, “разделка боковых швов на теле дракона кружочками и точками”, свитый кольцами хвост и изображение сцены поединка с воином. По мнению исследовательницы, наиболее близким аналогом данного водолея можно считать акваманил из Бергена в виде грифона, схватившего рыцаря, но он был отнесен О. Фальке к изделиям северо-немецкой мастерской И. Апенгетера XIV в. М.Я. Крыжановской отмечено, что ранее эта вещь считалась изготовленной в Лотарингии в конце XII в. [Сокровища Приобья, 1996, с. 198].

Рассматриваемый акваманил мы связываем с произведениями художественных мастерских Лотарингии XII – XIII вв. [Борисенко, Худяков, 1999, с. 43]. Основанием для такого определения послужило его сходство с драконовидными водолеями, изготовленными в Лотарингии. Их отдельные элементы, например, полосы кружков на теле, свернутый в кольцо хвост, характерны и для сибирской находки. Как отметил В.П. Даркевич, водолеи, сделанные во второй половине XII в. в Лотарингии, отличаются сложностью формы и рельефностью деталей, высокой техникой бронзового литья. В XIII в. акваманилы в виде драконов стали изготавливать в Нижней Саксонии [Даркевич, 1966, с. 53].

В пользу датировки сибирского водолея XII – XIII вв. свидетельствуют и аналоги костюму рыцаря-драконоборца. В подобном обтягивающем тело кафтане выше колен и обтягивающих чулках изображены рыцари в сцене посвящения, отнесенной к рубежу XII – XIII вв., на миниатюре в Оксфордском кодексе [Иегер, 1894, с. 364]. В Западной Европе это был период расцвета рыцарства, развития рыцарской поэзии. К этому времени относятся запись и литературная обработка германских и скандинавских эпических сказаний, в которых имеются эпизоды борьбы эпического героя с гигантским чудовищным змеем, ставшие популярным сюжетом в искусстве многих стран Западной Европы в эпоху развитого средневековья [Даркевич, 1976, с. 161].

Датировка рассматриваемого акваманила XII – XIII вв. согласуется с хронологией большей части изделий западно-европейского художественного ремесла, обнаруженных на территории Западной Сибири. Эти предметы доставлялись в Зауралье через Булгарию по активно функционировавшему балтийско-волжскому торговому пути [Борисенко, Худяков, 1998а, с. 200].

Что касается места изготовления сибирского акваманила, то в этой связи высказывались разные точки зрения. М.Я. Крыжановская считает водолей изделием “северного”, т.е. скандинавского, происхождения и отмечает его сходство с произведениями английских мастеров [Сокровища Приобья, 1996, с. 198]. К числу скандинавских произведений торевтики она относит и серебряную пиршественную посуду из Приобья, в орнаментации которой имеются изображения крылатых драконовидных фантастических существ [Там же, с. 165, 174, 182]. По мнению В.П. Даркевича, эти изделия были изготовлены в Лиможе в Аквитании в XII – XIII вв. [1966, с. 38, 42]. Такой вывод основан на общих представлениях о развитии средневекового западно-европейского ювелирного искусства, центрами которого в XII – XIII вв. были Нижняя Лотарингия, Рейнская обл., Нижняя Саксония в германских землях и Аквитания во Франции [Там же, с. 57]. Для М. Крыжановской основанием для отнесения серии подобных изделий к числу скандинавских послужила аналогичная посуда с о-ва Готланд и некоторые отличия в их орнаментации, не характерные для ювелирного искусства основных школ Западной Европы. Все западно-европейские водолеи, известные в Сибири, как отмечает исследовательница, были изготовлены в одном центре и попали в Зауралье по торговым путям из Северной Европы [Сокровища Приобья, 1996, с. 182].

Образы дракона и других синкретичных зооморфных существ в западно-европейской торевтике М.Я. Крыжановская и В.П. Даркевич считают заимствованными. Будучи древнеазиатскими по происхождению, они, по мнению В.П. Даркевича, проникли в западно-европейское искусство через посредство мусульманской культуры Востока [1966, с. 42]. М.Я. Крыжановская вслед за М. Введенским считает, что в основе изображения борьбы дракона с рыцарем лежит восточный китайский миф о проглатывании солнца [Сокровища Приобья, 1996, с. 198].

С нашей точки зрения, сюжет поединка рыцаря с драконом, нашедший отражение в скульптурной композиции сибирского акваманила, приобретенного Г.Ф. Миллером, логичнее возводить к эпизоду борьбы германского эпического героя Зигфрида из “Песни о Нибелунгах” или скандинавского Сигурда из “Старшей Эдды” и “Саги о Вёльсунгах”, пораженного лютого дракона Фанифра, хранителя несметных

сокровищ [Даркевич, 1976, с. 161]. На скандинавских барельефах герой-драконоборец изображен с мечом, пронзающим гигантского извивающегося змея. Сцена, изображенная на сибирском водолее, скорее соответствует внезапному нападению коварного дракона на рыцаря, оказавшегося без оружия и доспехов. Ее можно считать некой вольной вариацией на эпическую тему, характерной для куртуазных рыцарских романов XII в. [Там же, с. 160]. Поэтому, на наш взгляд, больше оснований связывать сибирский акваманил с произведениями мастеров художественных мастерских Лотарингии, центра ювелирного ремесла в средневековой Западной Европе в XII в., чем с изделиями скандинавских ремесленников, трактующих сцену борьбы героя с драконом в точном соответствии с эпизодом героического эпоса. Кроме того, как отмечалось, по некоторым элементам оформления сибирский водoley напоминает акваманилы, изготовленные в Лотарингии в XII – XIII вв. [Борисенко, Худяков, 1999, с. 43].

Торговые пути, связывавшие Западную Европу и Сибирь в XII – XIII веках

Вопрос о том, как западно-европейские ремесленные изделия попадали в Западную Сибирь в эпоху развитого средневековья, неоднократно рассматривался в специальной литературе [Борисенко, Худяков, 2001, с. 91]. По мнению В.П. Даркевича, западно-европейскую утварь доставляли в Сибирь преимущественно по торговому пути через Северный Урал, по которому новгородские ушкуйники ходили за пушниной в “Югру и за Самоядь” с конца XI – начала XII в. [1966, с. 68]. С ним соглашались Д.А. Дрбоглав и А.Н. Кирпичников, которые считают, что таким путем мог попасть в Среднее Обь-Иртышье западно-европейский меч, найденный В.И. Молодиным при раскопках андроновского могильника у с. Преображенка в районе оз. Чаны в Барабинской лесостепи [Молодин, 1976, с. 125]. Согласно предположению Д.А. Дрбоглава и А.Н. Кирпичникова, преображенский меч был забыт “в ходе немого обмена на месте лесного торжища”, во время которого происходил бесконтактный обмен товаром между уграми и пришлыми купцами. “Сообщения письменных источников и обстоятельства находки меча подкупающе совпали”, – отмечают исследователи [Дрбоглав, Кирпичников, 1981, с. 532]. Однако это “совпадение” совершенно не соответствует району находки, где в XII – XIII вв. не обитали таежные угорские племена и не могли появляться новгородские ушкуйники. По мнению О.В. Малоземовой, походы новгородских ушкуйников были связаны не с торговлей, а со сбором дани пушниной с угорского и самодийского населения Северного Зауралья [1997, с. 81].

Возможность проникновения в Сибирь части предметов западно-европейского происхождения по североуральскому пути допустима. В пользу этого могут свидетельствовать как сами изделия из Западной Европы в Нижнем Приобье, так и образцы сассанидского серебра и оружия на Полярном Урале. В.П. Даркевич допускает, что часть западно-европейской пиршественной посуды могла быть завезена в Нижнее Приобье скандинавскими викингами по “северному морскому пути” [1966, с. 68]. Скандинавская фибула, случайно обнаруженная в районе Салехарда, подкрепляет это предположение [Кренке, Макаров, 1995, с. 207]. В пользу гипотезы В.П. Даркевича склоняются Б.И. Маршак и М.Я. Крыжановская, которые все западно-европейские находки связывает с Северной Европой [Сокровища Приобья, 1996, с. 10, 182]. Появление подобных вещей в Западной Сибири в результате торговых экспедиций скандинавских мореходов вполне вероятно. Скандинавы могли привозить такие вещи в Нижнее или Среднее Приобье. Однако они вряд ли доплывали до Барабинской лесостепи или Верхнего Прииртышья.

Исходя из данных о местах обнаружения изделий западно-европейских ремесленников в лесостепных и степных районах Западной Сибири и Рудного Алтая, можно предполагать, что эти предметы были завезены по “булгарскому” торговому пути, проходившему из Волжской Булгарии на восток через Уральские горы в Зауралье и дальше вверх по Иртышу [Борисенко, Худяков, 1998б, с. 260]. Этот торговый путь, связывавший западные районы Сибири с Центральной и Средней Азией, начал функционировать в первой половине I тыс. н.э. и являлся одним из меридиональных ответвлений трансконтинентальной торговой магистральной, Великого Шелкового пути [Худяков, 1997, с. 11]. По этому пути из Волжской Булгарии в Западную Сибирь попадали изделия не только из Западной, но и Восточной Европы. По этому маршруту могли везти и предметы, изготовленные мастерами Булгарии и других ремесленных центров. Торговый путь из Поволжья в Зауралье продолжал функционировать и в период существования Золотой Орды, вплоть до эпохи позднего средневековья. Такой вывод позволяет сделать найденные в Верхнем Прииртышье западно-европейские клинки и водoley, относящиеся к XIV – XV вв. [Даркевич, 1966, с. 51; Плотников, 1990, с. 152]. Постоянные связи между Средним Поволжьем и Западной Сибирью поддерживались до середины XVI в. [Исхаков, 2002, с. 81]. Металлические художественные изделия, судя по территории распространения в Западной Сибири и на Алтае и составу находок, служили средством торговли и обмена приезжих купцов не только с таежным угорским населением, поскольку встречаются и в районах, населенных тюркоязычными этническими группами.

Западно-европейские водолеи попадали в Западную Сибирь, вероятно, разными путями. Вполне возможно, что акваманил, хранившийся у нарымского воеводы, доставили в Приобье по северному уральскому пути, который в эпоху развитого средневековья также был связан с Волжской Булгарией. Водолеи из аблай-китской коллекции и коллекции находок, привезенной Г.Ф. Миллером, вероятно, попали в Сибирь из Поволжья через Средний Урал в периоды развитого и позднего средневековья. Места обнаружения акваманилов, вошедших в коллекцию Д.Г. Мессершмидта, не установлены, поэтому о путях их проникновения в Западную Сибирь судить трудно. Я.А. Яковлевым было высказано предположение, что некоторые средневековые западно-европейские вещи могли оказаться в Сибири спустя несколько веков после своего изготовления. Он допускает, что тогурскую чашу, найденную в Приобье, привезли польские ссыльные, сосланные в Сибирь после подавления восстания в 1863 г. [1995, с. 214]. Такое предположение не может быть применимо к водолеям, поскольку все они были найдены и привезены из Сибири еще в первой половине XVIII в.

Вполне вероятно, что некоторые ремесленные изделия были доставлены в Западную Сибирь не посредниками – скандинавскими, новгородскими и болгарскими купцами, а самими европейцами из стран Западной Европы. Среди них могли быть не только торговцы, но и послы, миссионеры, ремесленники, воины. В XIII в. южные районы Сибири были включены в состав Монгольской империи, а затем Золотой Орды. На этой территории могли оказаться пленные или совершающие путешествие в Монголию и Китай европейцы. В середине XIII в. посол французского короля Людовика IX Гильом Рубрук встретил в Каракоруме несколько европейцев, выходцев из Англии, Франции и Лотарингии, захваченных в плен войском Бату-хана во время похода в Венгрию. Среди них оказался знаменитый ювелир парижанин Вильгельм Буше [Даркевич, 1976, с. 143]. В столице Монгольской империи Юань Ханбалыке в XIII в. были постоянные дворы для немцев, французов и ломбардцев [Даркевич, 1966, с. 66].

В отличие от пиршественной посуды и клинкового оружия, которые приобретали угры таежной зоны Западной Сибири для использования в обрядовой практике, акваманилы или подсвечники западно-европейского ремесленного производства сложно представить в контексте культуры и быта средневекового охотничьего или скотоводческого населения Западной Сибири [Плотников, 1987, с. 131]. М.Ф. Косаревым высказывалось предположение, что водолеи в виде всадников могли восприниматься обскими уграми как изображения “небесного всадника” Мир-Суснэ-Хума и использоваться в культовых целях [1984, с. 131]. Однако в культовой атрибутике средневекового угорского населения Западной Сибири предметы местного

изготовления или привозные изделия, которые могли бы соответствовать западно-европейским водолеям, не обнаружены. Исключением является “идол”, хранившийся у нарымского воеводы. Остальные акваманилы не связаны с таежными районами Западной Сибири, где могли обитать угры. Вероятно, они могут свидетельствовать о пребывании или посещении этих районов европейцами в эпохи развитого и позднего средневековья.

Заключение

Бронзовый акваманил, изображающий сцену борьбы рыцаря-драконоборца с драконом, который был привезен из Сибири в Петербург в XVIII в. выдающимся ученым Г.Ф. Миллером, является уникальным произведением западно-европейского художественного бронзового литья. Эта находка свидетельствует о глубоких исторических, торговых и культурных связях народов Европы и Северной Азии, о посещении Сибири выходцами из стран Западной Европы в период развитого средневековья. Она счастливо избежала гибели при пожаре Кунсткамеры в 1747 г. и достойна того, чтобы войти в число наиболее ярких памятников культуры и истории собирательства и изучения сибирских древностей.

Список литературы

- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Торговые контакты Германии с Западной Сибирью в XII – XIII вв. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1998а. – С. 197 – 203. – (Изв. Лаб. археол.; № 3).
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** О путях проникновения западноевропейского клинкового оружия в Западную Сибирь в XII – XIII вв. // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Междунар. конф. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998б. – С. 258 – 260.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Находки западноевропейских бронзовых водолеев XII – XV вв. на территории Западной Сибири // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гум. исслед. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – Вып. 1. – С. 38 – 41.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Значение булгарского торгового пути в поступлении западно-европейского экспорта в Западную Сибирь в XII – XIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Нальчик; Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 2001. – С. 91 – 93.
- Даркевич В.П.** Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X – XIV вв.) // САИ. – 1966. – Вып. Е 1-57. – 147 с.
- Даркевич В.П.** Аргонавты средневековья. – М.: Наука, 1976. – 200 с.
- Дрбоглав Д.А., Кирпичников А.Н.** Западно-европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники культуры. Новые открытия. – Л.: Наука, 1981. – С. 528 – 533.

Иегер О. Всеобщая история. – СПб.: Изд-во Т-ва А.Ф. Марксъ, 1894. – Т. 2. – 623 с.

Исхаков Д.М. Этнополитические контакты тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV веке // Сулеймановские чтения, 2001: Тез. докл. и сообщ. науч.-практич. конф. – Тюмень, 2002. – С. 80 – 81.

Княжецкая Е.А. Новые сведения об экспедиции И.М. Лихарева (1719 – 1720) // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1989. – Вып. 26. – С. 10 – 35.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.

Кренке Н.А., Макаров Н.А. Скандинавская фибула из Салехарда // РА. – 1995. – № 3. – С. 207 – 212.

Малоземова О.В. Торговля Руси с “югрой и самоядью”: исторические мифы и археологическая реальность // Россия и Восток: Археология и этническая история: Материалы IV Междунар. науч. конф. “Россия и Восток: проблемы взаимодействия”. – Омск, 1997. – С. 80 – 83.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. 1. – 630 с.

Молодин В.И. Находка меча из Западной Сибири // Изв. СО АН СССР. – 1976. – № 11: Сер. обществ. наук, вып. 3. – С. 125 – 127.

Новлянская М.Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. – Л.: Наука, 1970. – 184 с.

Плотников Ю.А. “Клады” Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 120 – 135.

Плотников Ю.С. Средневековый меч из Восточного Казахстана // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – С. 150 – 154.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Худяков Ю.С. Торговые пути, связывавшие Южную Сибирь и “Великий Шелковый путь” // Вестн. Хак. ун-та им. Н.Ф. Катанова. – Сер. 3, История. Право. – 1997. – Вып. 3. – С. 8 – 17.

Шафрановская Т.К. О сокровищах петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII века) // СЭ. – 1965. – № 2. – С. 147 – 156.

Яковлев Я.А. Еще одна находка западноевропейского средневекового искусства в Сибири // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X Западносибирского археол.-этногр. совещ. – Томск, 1995. – С. 212 – 215.

Brentjes B. Three vessels of metal and three mirrors in the Curiosa Sibirea by Dannel Gottlieb Messerschmidt // Journal of Central Asia. – 1986. – Vol. 9, № 2. – P. 5 – 7.

Brentjes B., Vasilievsky R.S. Schamanekrone im Weltbaum der Nomaden Nordasiens. – Leipzig: E.A. Seemann Verl., 1989. – 203 S.

Материал поступил в редколлегию 23.09.02 г.

О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ЗЕРКАЛЕ ИЗ РОГОЗИХИ-1

Введение

В женских захоронениях железного века Евразии не редко встречаются зеркала. Будучи предметами туалета и культа, они содержат в себе весьма ценную информацию о духовной жизни древних социумов. Большой интерес в этом плане представляет небольшая серия т.н. восточных музыкальных зеркал (“погремушки”) из курганов на территории Казахстана и Алтая. Первое из них было найдено С.И. Руденко в 1947 г. во Втором Пазырыкском кургане (Горный Алтай) в парном погребении знатного мужчины и его наложницы [Руденко, 1948, с. 42]. Второе зеркало обнаружено на р. Илек (Северный Казахстан) в мог. 5 кург. 8, где, по мнению К.Ф. Смирнова, были погребены две женщины-жрицы [1968, с. 116 – 121]. Третье зеркало-“погремушка” принадлежит к находкам, полученным автором статьи в 1985 г. при раскопках кург. 5 курганной группы Рогозиха-1 (степной Алтай). В 1994 г. при раскопках мог. 4 кург. 1 могильника Локоть-4 (предгорный Юго-Западный Алтай) П.И. Шульга обнаружил четвертое музыкальное зеркало. Все четыре зеркала идентичны по конструкции, каждое состоит из двух бронзовых позолоченных дисков (позолоты нет лишь на пазырыкском зеркале) с треугольными штырями для насадки рукояти. Диски скреплены тремя или семью заклепками. В центре тыльного диска возвышается конус, а вокруг него – два полых валика. Большая часть поверхности тыльного диска трех первых зеркал покрыта сложным резным орнаментом религиозно-магического содержания.

Зеркало найдено в ходе аварийных раскопок курганного могильника Рогозиха-1, который находится в 3 км к северо-западу от с. Рогозиха (Павловский р-н Алтайского края) в 60 км к западу-юго-западу от Барнаула (рис. 1). Памятник включает 26 курганов (четы-

ре-пять цепочек по пять-семь курганов в каждой), протянувшихся по линии юго-восток – северо-запад. Их насыпи 15 – 30 м в диаметре и высотой до 1,8 м были повреждены грабительскими раскопами, распахкой, частично поросли деревьями и кустарником.

Отрядом Барнаульского пединститута в составе экспедиции Алтайского госуниверситета было исследовано семь курганов северной цепочки могильника Рогозиха-1. Кург. 5, в котором найдено зеркало, расположен в юго-восточной части этой цепочки (рис. 2). Он имел земляную насыпь диаметром около 24 м, высотой 1,8 м. В насыпи четко просматривались две грабительские воронки диаметром 5 – 7 м и глубиной 1,2 м (рис. 3). Под насыпью оказались две могильные ямы, разрушенные почти до самого дна грабителями.

Могила 1 обнаружена в 4 м к юго-юго-востоку от мог. 2. Могильная яма прямоугольной формы, размерами (на уровне материка) 3,8 × 2,5 м. Ее глубина от уровня погребенной почвы равна 2,95 м. Могила ориентирована по длинной оси на западно-юго-запад – востоку-юго-восток. Размеры ямы по дну 3,5 × 2,1 м (за счет придонных уступов шириной 30 – 40 см). По периметру дна ямы была обложена бревнами толщиной 10 – 12 см, а поверхность уступа – перекрыта такими же бревнами вдоль.

Почти в центре ямы на дне найдены две синие бусины, половинка роговой пронизи с поперечным отверстием, массивная бронзовая ворворка и круглая бронзовая бляшка с перемычкой на обороте (рис. 4, 5). В западном углу ямы зафиксированы остатки заупокойной пищи – ребра и позвонки лошади, около них – обломок железного ножа, костяной трехгранный втульчатый наконечник стрелы с треугольными вырезами у основания пера (см. рис. 5, 7, 8). В южном углу ямы тыльной стороной вверх лежало зеркало, а чуть выше ножками вверх – алтарик прямоугольной

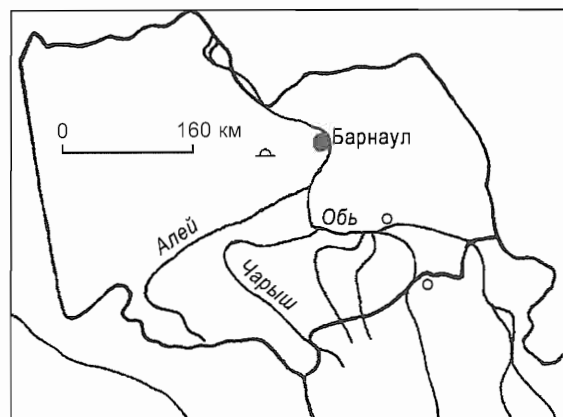

Рис. 1. Карта-схема расположения курганного могильника Рогозиха-1.

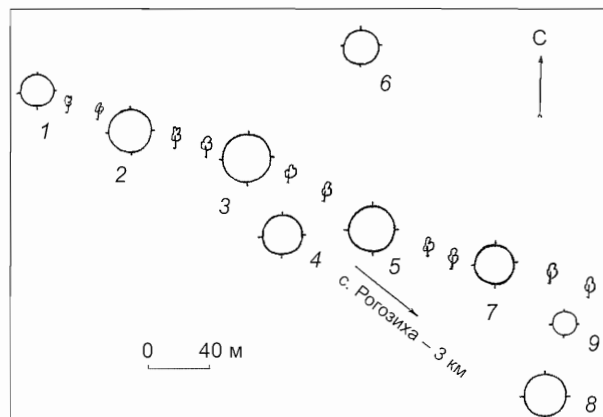

Рис. 2. План северной цепочки курганов Рогозиха-1 (цифры соответствуют номерам курганов).

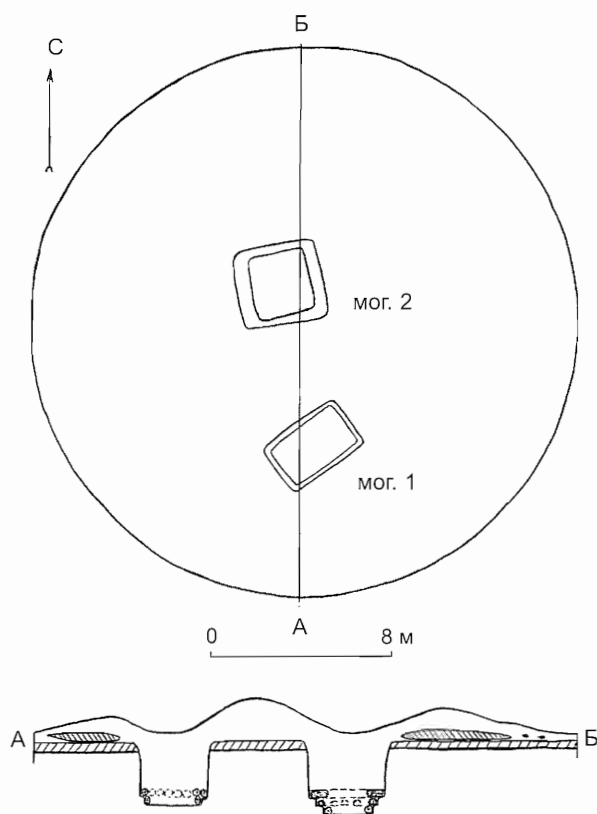

Рис. 3. План и разрез кург. 5 могильника Рогозиха-1.

формы (размеры $17,5 \times 10,5$ см) из серого гранита на четырех цилиндрических ножках, рядом с ним находился кусок охры (рис. 6, 1). В заполнении могилы найдены фрагменты двух сосудов и еще одного алтарика (рис. 6, 2 – 4).

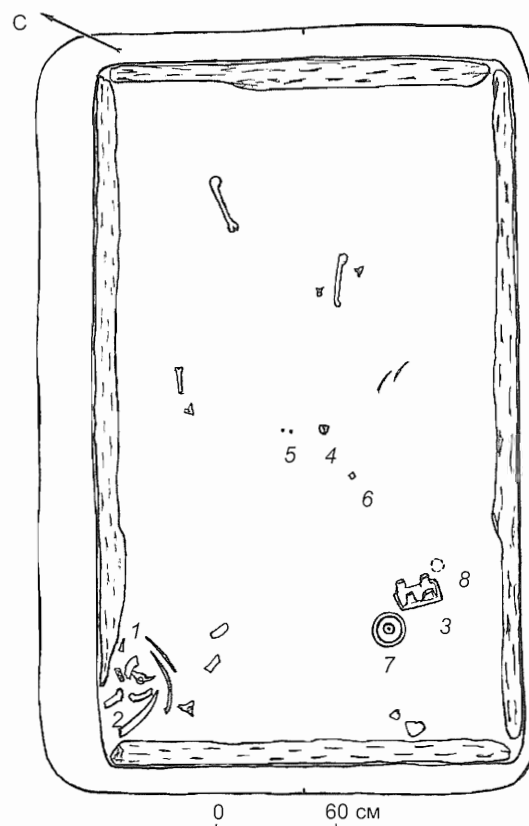

Рис. 4. План мог. 1 кург. 5 могильника Рогозиха-1.
1 – наконечник стрелы, 2 – нож, 3 – алтарь, 4 – ворворка и бляшка, 5 – две бусины, 6 – пронизка, 7 – зеркало, 8 – охра.

В центре насыпи грабительским раскопом размерами $3,6 \times 3,6$ м, глубиной до 3,2 м находилась мог. 2, фактически полностью уничтоженная. Установлено, что ее дно было обложено сосновыми бревнами толщиной до 0,18 м. На высоте 0,35 м от дна могилу пере-

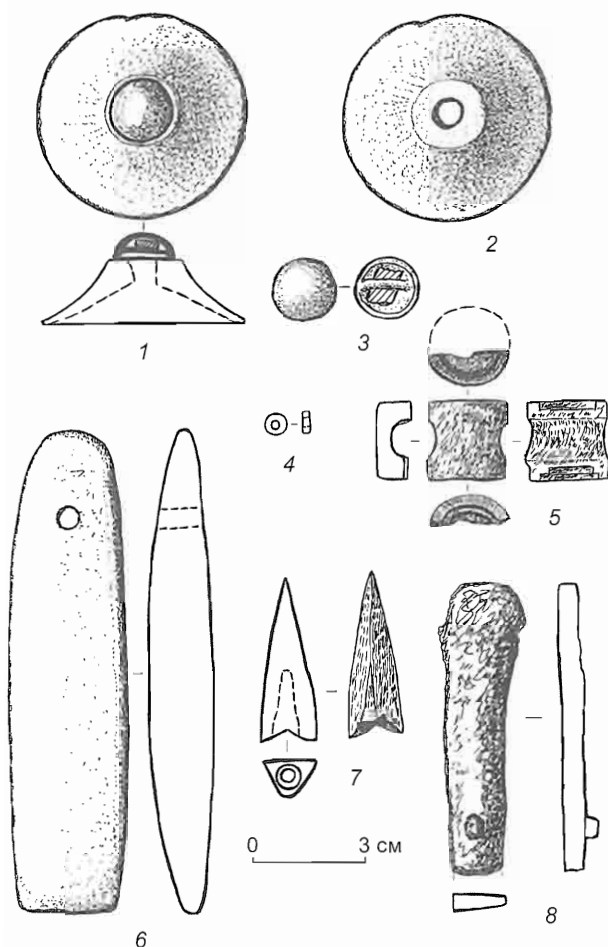

Рис. 5. Находки из могил 1 (1 – 5, 7, 8) и 2 (6) кург. 5 могильника Рогозиха-1.

1 – взаиморасположение ворворки и бляшки, 2 – ворворка, 3 – бляшки, 4 – бусина, 5 – пронизка, 6 – оселок, 7 – наконечник стрелы, 8 – рукоять ножа (?). 1, 2 – бронза; 3 – бронза, кожа; 4 – паста; 5, 7 – рог, кость; 6 – камень; 8 – железо.

крывали поперек полубревна шириной до 0,30 м, а на высоте 0,70 м – вдоль бревна толщиной 0,30 – 0,40 м. На уровне древнего горизонта имелось третье перекрытие. Дерево перекрытий лежало на уступах стенок ямы (ширина уступов от 10 до 50 см).

Могила 2 была полностью разграблена: кости человека (вероятно, мужчины) оказались выброшенными из ямы. В заполнении найдены каменный оселок, несколько неорнаментированных черепков и обломок венчика.

Зеркало и его семантика

Самой замечательной вещью в инвентаре мог. 1 кург. 5, безусловно следует признать зеркало-“погремушку” (рис. 7, 8), вне всякого сомнения, восточное по своему облику и происхождению. Его конструкция и художественная композиция уже подробно описа-

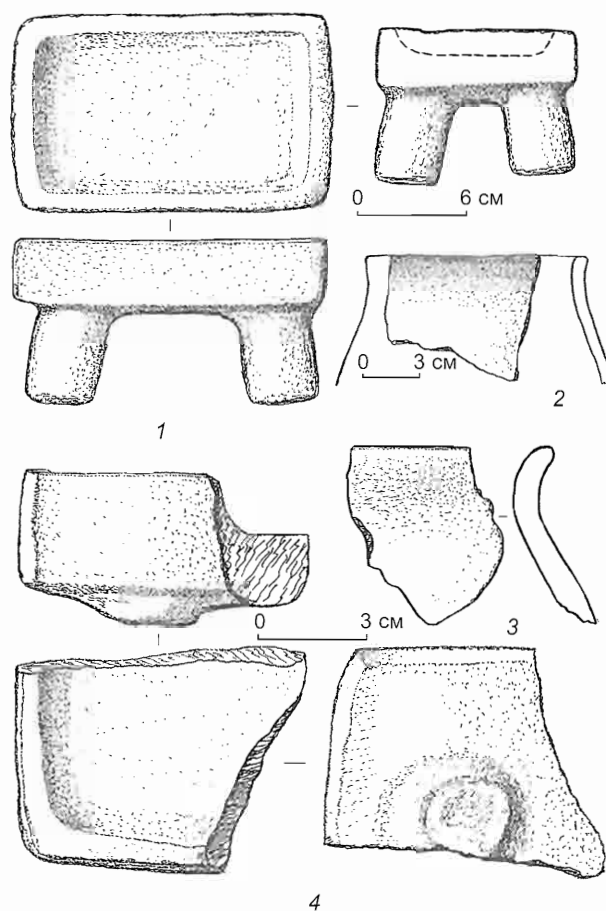

Рис. 6. Находки из мог. 1 (1, 2, 4) и 2 (3) кург. 5 могильника Рогозиха-1.

1 – алтарь, 2 – реконструируемый сосуд, 3 – фрагмент сосуда, 4 – обломок алтарика. 1, 4 – камень; 2, 3 – керамика.

ны [Уманский, 1992, с. 51 – 59; Уманский, Шульга, 1999, с. 56 – 79; и др.], поэтому их мы не будем рассматривать детально.

Зеркало состоит из двух круглых дисков (диаметр 151 и 152 мм) из высокооловянистой бронзы, скрепленных семью заклепками. Каждый с внешней стороны позолочен, в нижней части имеет треугольный штырь: склепанные двумя заклепками штыри должны были образовывать черенок, на который насаживалась роговая или костяная ручка. Черенок обломан (заметно место слома), ручка не сохранилась.

Лицевой диск зеркала отполирован до блеска и слабо тронут коррозией. Тыльный диск в нескольких местах покрыт пятнами окислов бронзы и кое-где разрушен коррозией, но орнамент на нем существенно не пострадал. Тыльный диск в отличие от лицевого плоского – рельефный. Рельеф образуют два полых шестигранных в сечении концентрических вали-

ка: внешний расположен на расстоянии около 0,5 см от края зеркала, а внутренний — около 5 см. В центре диска имеется цельнолитой конический выступ, возвышающийся над валиками на 3–4 мм.

Тыльный диск зеркала богато орнаментирован. Почти по самому краю пуансоном нанесено 106 солярных значков (диаметр около 3,5 мм) с точкой в центре. На плоском поле между этим орнаментальным поясом и внешним валиком прочерчены три concentric окружности. Между конусом и внутренним валиком слабо заметен нечетко выраженный третий валик. Еще две врезные окружности видны между конусом и внутренним валиком. Пространство между тремя окружностями заполнено насечками в виде елочки, вершина которой направлена по ходу движения солнца, а в поле между двумя окружностями заметны еще два орнаментальных пояса — один в виде зигзагов, а другой — из мелких косых насечек.

Орнаментация тыльного диска произведена чеканкой уже после золочения, мастер пользовался при этом пуансоном, циркулем и другими инструментами. На плоской поверхности тыльного диска между валиками изображена сложная сцена религиозно-мифологического содержания. Разгадать ее символику и семантику — задача будущего; мы ограничимся лишь описанием композиции и предварительными заключениями.

В середине верхней части тыльного диска имеется профильное изображение слона: у него большие полукруглые уши, толстый, но короткий хобот, длинный шерстистый хвост; большой миндалевидный глаз под широкой бровью, подтянутое брюхо и тонкие задние ноги (передние ноги как бы уходят под малый внутренний валик, а потому не видны). Маленькие бивни слона “растут” не из пасти, а из хобота (?). Голова и хобот животного украшены мелкими кружочками, а на ушах и хвосте показана шерсть. Большая часть крупа слона, вероятно, закрыта яркой попной, шея и задние ноги, возможно частично, — броневыми пластинами (?). На спине видно низкое седло без луков; оно прикреплено широкой и, вероятно, нарядной подпругой. На седле стоит невзрачная на вид птица. Она изображена также в профиль (и слон, и птица развернуты вправо), точкой обозначен глаз, показано оперение на шейке, крыле и хвостике.

Перед хоботом слона изображена в полный рост антропоморфная фигура. Судя по узкой талии, широким бедрам, браслетам на руках и др., мастер стремился подчеркнуть женские черты этого персонажа. У данной “женщины”, в отличие от реальных людей, отсутствует нижняя челюсть, острый и длинный нос придает голове сходство с головой рыбы или птицы. Героиня запечатлена с согнутыми в локтях руками: левой она придерживает какой-то музыкальный щипковый инструмент вроде лютни или гуслей (?). На ее шее богатое ожерелье, на открытой груди — вероятно,

Рис. 7. Тыльный диск (общий вид) зеркала из могильника Рогозиха-1.

Рис. 8. Изображения на тыльном диске (деталь) зеркала из могильника Рогозиха-1.

дорогая подвеска, на ногах – скорее всего, бубенчики или колокольчики. Пальцами обеих рук “женщина” перебирает струны (видны четыре струны), поэтому ее следует назвать “музыкантшей”.

Напротив “музыкантши”, “лицом” к ней, также в полный рост изображен подобный персонаж. Фигура находится позади слона – хвост животного как бы перекрывает изображение. Левая рука с вытянутыми пальцами поднята вверх (в приветствии?), правая опущена вниз, пальцы сжаты в кулачок. Возможно, эта “женщина” запечатлена во время танца (пятки ее приподняты). Этот персонаж мы условно назвали “танцовщицей”. На ее руках браслеты, на ногах, видимо, бубенчики или колокольчики. За спиной “танцовщицы” видна часть еще одной “танцовщицы” с бубенцами на ноге и браслетами на руке.

Всех трех “женщин” мастер хотел изобразить, видимо, в пестрой, яркой одежде с рукавами до локтей и вырезом на груди и в “шароварах”, которые спускаются чуть ниже колен. Талия каждой героини обернута широким шарфом или кушаком, завязанным спереди простым узлом, при этом концы шарфа (кушака) спускаются спереди до самых щиколоток. У “женщин” сложные (“ярусные”) прически и высокие головные уборы, которые напоминают убор богини, оживляющей павшего в битве богатыря, на поясной бляхе из Сибирской коллекции Петра I [Грязнов, 1958, рис. 1]. (Кстати, на бляхе на Древе жизни показан щипковый струнный инструмент с тремя или четырьмя струнами.)

Ниже “танцовщиц” и “музыкантши” запечатлены еще три “женщины”, подобные описанным выше. Правда, они изображены не в полный рост (средняя показана почти по линии таза). Одна из них (левая) обращена “лицом” к двум правым. У этих “женщин” такие же, очевидно, яркие одеяния, как и у трех первых, тонкие талии и широкие бедра, огромные глаза под тонкими бровями, длинные и острые носы, сложные прически и головные уборы. Левая “женщина” в согнутой руке держит цветок лотоса и вдыхает его аромат; рука крайней правой героини согнута в локте и поднята вверх на уровень “лица”. Любопытно, что “музыкантша” как бы опирается правой ступней на голову крайней правой полуфигуры, а изображенная полностью “танцовщица” пальцами правой ноги – на головной убор левой полуфигуры. Совершенно очевидно, что все фигуры составляют единую композицию. Изобразительное пространство обрамлено ветвями пальм и других растений: на нем “разбросаны” цветы лотоса (у бивня слона, под ногами “музыкантши” и “танцовщиц”), а также нераскрывшиеся бутоны лотоса, ветви растений (перед левой голенью “танцовщицы”, между птицей и головой слона, между хвостом и задней ногой слона). Кроме того, по всему полю (на первый взгляд, совершенно произволь-

но) размещено два десятка солярных знаков. Самый большой с крупной точкой в центре находится на крупе слона и подчеркивает, по нашему мнению, особое место и значение животного в этой сцене. Средние по размерам значки с точками строго привязаны к определенным местам: под подбородком у “женщин”, под головами слона и птицы, около задних ног слона, ступней всех персонажей и правых плеч полуфигур. “Лишний” значок размещен у кончика носа крайней правой полуфигуры, что, по-видимому, неслучайно. Под хоботом слона солярный знак не имеет точки в центре, он меньше, чем остальные, по размерам. Наконец, еще 24 – 25 мелких значков (без точек) “покрывают” морду, бивни и хобот слона.

Изображение сделано с большим мастерством. Используя разные по размерам и типам чеканы, художник смог показать разнообразие узоров на тканях одежды, коврах попоны, а также подпруги, оперение птицы и пр.

Рогозихинское зеркало следует связывать со второй половиной пазырыкского времени [Уманский, 1992, с. 58]. Такое заключение сделано на основе дат для зеркала, точнее зеркал-“погремушек”, из Пазырыка-5 и Мечет-Сая. Особенно близко к рогозихинскому и по конструкции, и по сюжету изображений зеркало из Мечет-Сая: показанные на нем стоящие во весь рост “женщины” совершенно идентичны рогозихинским по позе (адорация), головным уборам, одеяниям, “лицам” и др., создается впечатление, что оба зеркала сделаны одним мастером [Смирнов, 1968, с. 116 – 121]. В последней работе, написанной вместе с П.И. Шульгой, мы приходим к выводу о том, что наиболее вероятная дата кург. 5 памятника Рогозиха-1, в котором найдено описанное зеркало, – вторая половина V в. до н.э. [Уманский, Шульга, 1999]. Вместе с тем, учитывая аналоги сосуду, алтарику, ножу и др. предметам рогозихинского комплекса в материалах степного и Горного Алтая, а также Северного Казахстана, кург. 5 допустимо датировать IV и даже IV– III вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 55, 83 – 89; Уманский, 1992, с. 58].

Что касается определения социального статуса женщин, погребенных с зеркалами-“погремушками” (Пазырык, Мечет-Сай, Рогозиха-1, Локоть-4), то сводка разных суждений об этом приведена в работе П.И. Шульги [1997, 1999]. О независимом положении женщин в обществе скифской эпохи свидетельствуют, например, материалы из курганов середины и второй половины I тыс. до н.э. (Масляха-1, Камень II, Новотроицкое II и III и др.). Женские захоронения с зеркалами и алтариками обычно находятся в центре под насыпью кургана, вокруг располагаются могилы родственников погребенных, причем, как правило, с более бедным инвентарем. Следовательно, мнения о том, что в Пазырыке-2 погребены наложница и музыкант-

ша вождя [Руденко, 1953, с. 143], или музыкантши, или рабыни-музыкантши [Кузнецова, 1994, с. 86], следует признать ошибочными. Нельзя также согласиться с выводом о том, что зеркала-“погремушки” и их владелицы были военной добычей или предметами купли-продажи на Востоке [Марсадолов, 1996, с. 72]. Мы не склонны считать комплекты таких зеркал и алтариков “косметическими наборами” знатных женщин-всадниц [Зуев, 1989, с. 61], если бы это было так, то женских погребений с названными предметами, по нашему мнению, было бы больше; пока найдено лишь четыре подобных зеркала-“погремушки”, а алтариков – многие десятки, гораздо чаще эти предметы встречаются по отдельности. Вслед за К.Ф. Смирновым [1968, с. 117 – 118] мы считаем женщин из могил с зеркалами-“погремушками” и алтариками служительницами культа – жрицами. Вероятно, прав П.И. Шульга, полагая, что этим предметам современники погребенных придавали особое значение, при разграблении могил их боялись трогать, наверное, опасаясь увидеть в зеркале свою душу (*атмана*); неслучайно в Рогозихе-1 и Локте-4, Раздумье IV (кург. 1) [Уманский, 1995, с. 112], Новотроицком II, III (правда, плоские) зеркала лежали лицевой стороной вниз.

Зеркало из Рогозихи-1, как отмечено выше, явно восточное по происхождению, но точно определить, откуда оно – из Передней или Южной Азии, трудно. Мы уже высказывали предположение, что родиной зеркала является Индия. Казалось, за это говорило многое – изображение индийского, по нашему мнению, слона с большими полукруглыми ушами, коротким хоботом, цветов и бутонов лотоса, передневносточная или южно-азиатская манера показывать большие миндалевидные глаза у людей и животных, типичная одежда “женщин” с длинными шарфами, концы которых спускаются до щиколоток, “ярусный” головной убор или прическа и др. Вместе с тем у слона маленькие бивни и “растут” они из хобота. Мастер либо хотел подчеркнуть, что изображает не реального, а священного слона, либо показать слона после мады (течки), во время которой животные худеют (ноги и туловище “рогозихинского” слона неправдоподобно тонкие), либо не знал натуры. Впрочем, возможно, на зеркале изображен т.н. благой слон.

Скорее всего зеркало сделано где-то за пределами Индии, но недалеко от нее. Мы убеждены в том, что символику и семантику его изображений невозможно разгадать без привлечения религиозной мифологии, богатейшего эпоса древней Индии.

Общепризнанно, что зеркало можно рассматривать как символ солнца, верховного животворящего начала на земле. Это его качество были призваны подчеркивать начищенные диски из бронзы, серебра или их специально позолоченные поверхности, как бы символизирующие яркое сияние солнечного диска.

Но, вероятно, зеркало является не только символом солнечного божества. Прежде чем углубляться в этот вопрос, надо попытаться уяснить, разгадать смысл, содержание художественной композиции, выправированной на тыльном диске.

Мы предполагаем, что мастер изобразил праздничное шествие с участием слона в нарядной попоне, в праздничном платье перед ним идет “музыкантша”, а сзади – “танцовщица”. Торжественные шествия с участием слонов известны в Индии с глубокой древности. Одно из них – парад войск некоего султана – описал в “Хождении за три моря” известный русский путешественник тверской купец Афанасий Никитин: сначала с султаном прошли 300 слонов, “наряженных в доспехах булатных и городки”, “на великих слонах” сидело по 12 воинов и на простых, обыкновенных, – по шесть. За султаном шествовал “благодный” слон, он “весь в камке, с железной цепью во рте... а перед ним певцы да плясцов много” [Никитин, 1948, с. 63]. В переводе публикаторов книги Афанасия Никитина “благодный слон” – “выученный слон” [Там же, с. 84]. Но в “Махабхарате” слова “благодный”, “благодные” означают умеренный, умеренные в пище, значит, поджарый, поджарые. Слон с рогозихинского зеркала вполне подходит под это определение: у него сравнительно тонкие ноги и круп, большая часть туловища его покрыта, должно быть, яркой попонкой, шея и частично ноги – видимо, “булатными доспехами”, перед ним и за ним – плясуньи и “музыкантша”. Явно, что на зеркале изображен не парад, а какое-то праздничное шествие.

На первый взгляд, в сцене доминирует фигура слона. Но не его так радостно, с плясками приветствуют и забрасывают цветами, а птицу, которая стоит у него на седле. Что же это за птица? Афанасий Никитин упоминает о том, что в Индии есть “птица гукук, летает ночи, а кличет: гукук. А на которой хоромины сидеть, то тут человек умереть, кто ея хочет убить, ино у нея изо рта огонь выйдеть” [Там же, с. 16].

Можно предположить, что птица “гукук” – всем известная кукушка. На планете известно более 100 видов кукушек, около половины из них не строят собственных гнезд, не кормят и не выращивают своих птенцов, а подкладывая яйца в гнезда других птиц, перекладывают на них заботу о своем потомстве. У индоевропейских народов кукушки – вещие птицы. В древней Индии к кукушке, как и к ветру, облаку, горе, реке, лебедю, обращались с разными просьбами и вопросами. Кукушка не относится к певчим птицам и способна лишь произносить единственный звук – “ку-ку”. Этим криком она якобы может предсказать, сколько лет осталось жить человеку. У индоевропейских народов кукушка ассоциировалась с предвозвестником несчастья, горя (кстати, и у русских есть поверье о том, что дом, на который сядет кукушка, обязательно сгорит), ее пророчеств и появления

в поселениях бояться. По оперению, внешнему виду в целом кукушка похожа на свое изображение на зеркале. Возможно, рогозихинский сюжет своими корнями уходит в глубокую древность, в ведическую религию и литературу, когда (XXV – XV вв. до н.э.) риши-певцы разных племен Северо-Западной Индии слагали свои стихи и гимны в связи с различными празднествами, торжественными процессиями и пр. (в “Ведах” есть мифы о происхождении не только людей, животных, растений, но и многочисленных богов и даже Вселенной).

Обратимся к замечательному памятнику древнеиндийского героического эпоса “Махабхарате” (“Сказание о великой битве бхаратов”). Этот выбор объясняется тем, что “Махабхарата” была создана в начале I тыс. до н.э., а переработана в VI – IV вв. до н.э. В “Ведах” упоминаются лишь имена отдельных богов и героев “Махабхараты”, т.е. по времени создания этот эпос наиболее соответствует дате рогозихинских курганов; что касается “Рамаяны”, то она была написана позже, именно в первых веках новой эры, а потому ее сюжеты не могли быть использованы чеканщиком, жившим в V – IV вв. до н.э.

По нашему мнению, “музыкантша” и “танцовщица” на рогозихинском зеркале могут быть отождествлены с *апсарами* “Махабхараты”. Апсары упоминаются еще в “Ведах”, но особенно часто о них говорится в “Махабхарате”. Апсары – небожительницы, божества низшего ранга. После Всемирного потопа Вишну извлек их со дна океана в числе других немногих существ, растений и пр. Видимо, поэтому апсар называют “водяницами”, вроде наших русалок, и постоянно подчеркивают, что они “рождены водой” (см.: [Махабхарата, 1984, 1989, и др.]). В разных книгах “Махабхараты” этих небожительниц характеризуют как “райских красавиц, нередко по велению богов соблазняющих отшельников, искусных плясунь”, “небесных нимф, куртизанок, танцовщиц”, “гетер” и т.п. “Ни боги, ни демоны, несмотря на красоту апсар, не захотели сделаться их супругами, и потому апсары сделались небесными служительницами свободной любви, часто снисходя и до смертных”. Апсары перечислены в числе немногих, кто имел право рвать лотосы в священном лotosовом озере, чтобы осыпать ими богов и героев, вероятно, поэтому в эпосе они изображены обычно с лotosами.

Предположение о том, что женоподобные существа на зеркале из Рогозихи-1 представляют апсар древнеиндусской мифологии, строится на особенностях изображения их голов в профиль: длинные острые носы, крутые лбы при отсутствии нижних челюстей вызывают ассоциацию с головами водоплавающих птиц (утка, гусь и др.) либо рыб (сом, осетр и др.). И в этом сходстве, быть может, следует видеть черты апсар, указывающие на их “рождение из воды”.

Возможно, пунктиром показаны нижние челюсти апсар, они как бы прикрыты верхними губами, ведь именно так выглядят нижние челюсти у многих рыб.

Вероятно, что и три полуфигуры, находящиеся под ногами “музыкантши” и “танцовщицы”, судя по облику, тоже апсары – священные служительницы подземного царства. По функции их можно сравнить с греческими богинями судьбы Парками либо кельтскими Матронами, олицетворявшими три стадии жизни – юность, зрелость и старость.

С фигурами апсар связаны изображения бутонов и цветов лотоса, они выступают как атрибуты главных героинь. Красивые и необыкновенно ароматные лотосы, как известно, считались священными цветами на всем Древнем Востоке: не случайно и на зеркале из Рогозихи-1 каждый бутон и каждый распустившийся цветок лотоса снабжен отдельным солярным значком. Особым почитанием цветы лотоса были окружены в Древнем Египте и Древней Индии. В религиозной мифологии, эпосе древних индусов их описывают как любимые цветы богинь. Цветами лотоса богинь буквально засыпали апсары, особенно щедро так приветствовали Великую Небесную Мать (или Деву). Этому соответствует сцена шествия, запечатленная на зеркале: здесь мы видим и бутоны, и уже распустившиеся цветы лотоса, как бы разбросанные по всему полю (только один из цветков держит в руке средняя из апсар-полуфигур). Беспорядочное, на первый взгляд, размещение цветов лотоса по всему полю, видимо, было продиктовано вовсе не стремлением мастера максимально использовать изобразительное пространство, оно должно проиллюстрировать не только торжественность и праздничность шествия на слоне, но и символизировать этапы жизненного пути – рождение, расцвет и угасание жизни: двум первым стадиям соответствуют нераскрывшиеся и едва раскрывшиеся цветы, а последней – увядший цветок лотоса за спиной крайней правой полуфигуры.

В религиозной философии и мифологии индуизма внимание уделено не только небесным сферам и небожителям всех рангов, но и подземному царству Патале, где царствует над умершими и судит их бог Яма, а также его обитателям. Вход в подземное царство будто бы находится в густых зарослях тропического леса, в джунглях, где-то у подножия Гималаев (?) и представляет собой водоем в виде колодца, накрытого большой крышкой. В “Махабхарате” есть описание водоема, расположенного посередине ужасного огромного непроходимого леса, полного хищных зверей. В этом “опутанном тенетами” лесу “рослые травы, жесткие, спутанные кругом покрывали” водоем-колодец. Попавший в колодец (зависнув на дереве) некто “дваждырожденный” увидел там огромного сильного Змея и огромного Слона, медленно идущего по краю крышки колодца.

Нетрудно заметить, что этому описанию входа в Паталу близка сцена, запечатленная на рогозихинском зеркале. Слон стоит на самом краю крышки, обрамляющие ее ветви пальм и других растений и трав символизируют заросли тропического леса, джунглей; священный, сакральный характер места вокруг входа в Паталу подчеркивают 106 солярных значков, расположенных в один ряд по самому краю зеркального диска; в религиозном, сакральном содержании сюжета не позволяют сомневаться и остальные солярные знаки – под головами, у рук и ног апсар, на крупе, у ног и хобота Слона и в других местах. Бесспорно, все персонажи рогозихинского зеркала – от отдельных цветков и бутонов лотоса до слона и птицы – это божества-небожители, священные животные и растения.

Таким образом, сцена, изображенная на зеркале из Рогозихи-1, во многом соответствует некоторым сюжетам эпоса Древней Индии. Это дает право предполагать, что на зеркале из Рогозихи-1 запечатлена праздничная процессия, в эпицентре которой находятся птица и слон: именно их приветствуют музыкой и танцами апсары, их осыпают цветами небожители. Процессия не стоит на месте, как может показаться на первый взгляд, она передана в движении. Эта динамика отражена прежде всего в положении задних ног слона – они расставлены, при этом животное движется не только вперед, но и по наклонной плоскости вниз, голова и передняя часть его туловища несколько ниже задней части, а передние ноги его не видны из-за валика, ибо они уже ниже крышки: иначе чеканщик и не мог показать *спуск* Слона в колодец.

Итак, мы полагаем, что на зеркале из Рогозихи-1 чеканкой изображено торжественное *сошествие* в подземное царство. *Сошествие*, но кого? На сей счет может быть высказано несколько предположений, однозначного ответа мы пока не знаем и вряд ли узнаем.

Первая версия: в Паталу спускается вещая птица-кукушка (“гукук”) с известием о смерти важного лица (может быть, владелицы зеркала?).

Вторая версия: в Паталу возвращается какая-то “птица подземного царства”, известная в религиозной мифологии.

Третья версия: едет верховное божество индуизма Индра, принявший облик птицы (он предпочитал якобы ездить на слоне).

Четвертая версия: в Паталу спускается Великая Небесная Мать (или Дева), верховная покровительница всех смертных, владеющая жизненной силой, тайной рождения и смерти. По поверью индоариев, она также могла принимать облик животного, в частности, кошки или птицы. В пользу последней версии может служить обилие цветов лотоса на изображении тыльного диска рогозихинского зеркала – культ лотоса у ариев всегда связывался с культом Великой Небесной Матери.

Отдавая предпочтение первой и четвертой версиям, мы допускаем возможность обсуждения других интерпретаций. Думается, что имеет право на жизнь точка зрения Ю.В. Ширина, полагающего, что зеркала-“погремушки” могли быть атрибутами распространенных на Востоке (от Передней Азии до Китая и Индонезии) “театров теней” [1997, с. 149 – 151].

В заключение хотелось бы высказать несколько соображений относительно символики формы и конструкции зеркала. Общеизвестно, что у многих народов мира круглое зеркало почитается как олицетворение, символ солнечного божества. Рогозихинское зеркало, особенно его лицевой, хорошо отполированный, сияющий диск, едва ли является исключением. Вместе с тем мы, как П.И. Шульга и другие исследователи, допускаем возможность рассматривать тыльный диск в качестве иллюстрации “существовавших в Индии, Афганистане, Иране и скифо-сарматском мире близких представлений о расположенной на севере у золотой вершины Мандары или Хукайрья (горы Меру, Хара, Рипы) блаженной обители богов, мудрецов и величайших героев”, т.е. трактовать зеркала-“погремушки” как “модель центра Вселенной у ариев” [Шульга, 1997, 1999]. Но мы считаем также, что тыльный диск зеркала из Рогозихи-1 можно трактовать как символ места входа в Паталу, а его центральную часть (до внешнего бортика) – как модель крышки, закрывающей этот вход. Кроме того, на наш взгляд, в зеркале из Рогозихи-1, в первую очередь в его тыльном диске, можно видеть модель колеса, а колесо (и в целом колесницу) индуисты считают символом или моделью сансары (самсары). Сансара в древнеиндийской религиозной философии – круговорот жизни, жизненный цикл от рождения до смерти. Этот круговорот жизни основан на бесконечности причинно-следственного ряда. Любопытно, что тыльный диск рогозихинского зеркала даже внешне напоминает колеса т.н. воздушных колесниц, на которых сражаются боги: конический выступ в центре тыльного диска очень похож на острый конец оси, на которой крутится колесо, а круговые валики диска – на ободья колеса. Золотое покрытие тыльного диска тоже едва ли случайно: “воздушные колесницы” богов всегда блещут золотом своих колес.

Какой из предложенных версий следует отдать предпочтение? Или появятся новые версии, новые гипотезы? Это покажет будущее.

Заключение

Зеркало из Рогозихи-1 относится к типу т.н. восточных музыкальных зеркал, небольшая серия которых найдена в женских погребениях курганов раннеже-

лезного века на территории Казахстана и Южной Сибири. Центром изготовления зеркал этого типа, вероятно, был регион, сопредельный с Северо-Западной Индией (Афганистан, Пакистан), т.е. зона расселения в I тыс. до н.э. сарматских и сакских племен. Время изготовления зеркала-“погремушки” из Рогози-1 – вторая половина V в. до н.э.

По своему назначению зеркало является музыкальным инструментом, атрибутом жриц, исполнявших песни, пляски во время похорон и других церемоний сакрального характера. Семантика формы и орнаментации оборотного диска зеркала органично связана с религиозной мифологией индуизма, древним индийским эпосом. Основным сюжетом сложной сцены, изображенной на зеркале, по нашему мнению, является торжественное праздничное шествие, а именно *сошествие* в Паталу (подземное царство) либо Индры, либо Великой Небесной Матери (Девы), которые могли принимать облик Вещей птицы.

Список литературы

- Грязнов М.П.** Древнее искусство Алтая. – М.; Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1958. – 95 с.
- Зуев В.Ю.** Ритуал очищения у скифов и массагетов в аспекте проблемы культурно-исторического единства евразийской Скифии VII – V вв. до н.э. // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: Изд-во МВД КазССР, 1989. – С. 132 – 137.
- Кузнецова Т.М.** Восточные музыкальные зеркала // Петербург. археол. вест. – 1994. – Вып. 7. – С. 82 – 87.
- Марсадолов Л.С.** История и итоги изучения археологических памятников Алтая. – СПб.: Б.и., 1996. – 100 с.
- Махабхарата.** Нараяния. – Ашхабад: Изд-во Ылым, 1984. – Вып. 5, кн. 2: Философские тексты. – 328 с.
- Махабхарата.** Лесная, Хождения по криницам. – Ашхабад.: Изд-во Ылым, 1989. – Вып. 6. – 584 с.
- Могильников В.А.** Население Верхнего Приобья в середине второй половины I тысячелетия до н.э. – М.: Изд-во ПНЦ РАН, 1997. – 196 с.
- Никитин Афанасий.** Хождение за три моря. 1466 – 1472. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 284 с.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 96 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Смирнов К.Ф.** Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 116 – 121.
- Уманский А.П.** Рогозинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во Барнаула. пед. ун-та, 1992. – С. 51 – 59.
- Уманский А.П.** Курганы раннежелезного века из урочища Раздумье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во ГИПП “Алтай”, 1995. – Вып. 5, ч. 2. – С. 110 – 118.
- Уманский А.П., Шульга П.И.** Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Барнаула. пед. ун-та, 1999. – С. 56 – 94.
- Ширин Ю.В.** Театр теней у ранних кочевников Евразии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 149 – 151.
- Шульга П.И.** “Индийские зеркала” и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 144 – 148.
- Шульга П.И.** Жреческие парные захоронения с зеркалами погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1999. – С. 82 – 91. – (Изв. лаб. археологии; № 4).

Материал поступил в редколлегию 18.11.02 г.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГАЛЛЮЦИНОГЕНОВ В ШАМАНСКОЙ ПРАКТИКЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Введение

Многим коренным народам Северной Азии давно известны опьяняющие свойства местных галлюциногенов: конопля, белены, багульника, борщевица и других растений. В этнографической литературе накопилось достаточно сведений об использовании этих растений в бытовой и пищевой культуре, лечебной или ритуально-обрядовой практике. Чаше всего галлюциногенный опыт народов Сибири связывают с мухомором. Формированию этого мнения во многом способствовала ситуация в советской науке, когда темы, связанные с наркотиками, считались предосудительными и негласно запретными. Этнографы специально никогда не изучали культуру потребления галлюциногенов, они лишь фиксировали факты, а в случае необходимости объяснений сведения черпались в основном из широко известных работ досоветских или зарубежных исследователей. Это привело к тому, что представления об использовании в Сибири галлюциногенных и психотропных препаратов становились все более легендарными. Так сложился своеобразный научный миф о широчайшем применении мухоморов в ритуально-обрядовой практике народов Сибири. Он особенно распространен среди западных историков и этнофармакологов [Wasson, 1968; Маккена, 1995; Джеймс, Торп, 1997]. Причем потребление мухоморов обязательно связывают с сибирским шаманизмом, находя многочисленные параллели шаманской психоделии в грибных церемониях древних и современных народов мира. Но так ли это на самом деле, было ли столь широко распространено в Сибири потребление галлюциногенных грибов; в какой степени

сибирский шаманизм связан с психотропными свойствами мухоморов; и как вообще использовали галлюциногенные и психотропные средства сибирские шаманы? Попыткой разобраться в этих вопросах является данная статья.

Мухомор – сома – шаманизм: рождение мифа

Впервые внимание к роли галлюциногенных грибов, в т.ч. мухоморов, в ритуально-обрядовой практике привлекли создатели этномикологии* Гордон и Валентина Уоссоны. Они обнаружили множество примеров существования грибных культов в Америке и в древней Евразии, что позволило им даже разделить все народы мира на микофилов и микофобов. Авторы выдвинули еще одну оригинальную гипотезу, согласно которой знаменитая сома ведов готовилась на основе грибов с красной шляпкой и белыми пятнышками, т.е. из мухоморов (*Amanita muscaria*) [Wosson, Wosson, 1957]. Наиболее полно последнюю идею развернул Р.Г. Уоссон в своей книге “Сома: божественный гриб бессмертия”, где даже указал возможное время и место происхождения традиции приготовления этого напитка – Сибирь рубежа III – II тыс. до н.э., связав его появление в Индии с переселением ариев [Wosson, 1968]. Гипотеза Р.Г. Уоссона вызвала широкий резонанс. На нее откликнулись ведущие исследователи мифологии [Levi-Strauss, 1970; Елизаренкова, Топоров, 1970]. Критикуя отдельные спорные положения, гипотезу в целом приняли, нисколько не усомнившись в том, что мухомор чрезвычайно ак-

* Наука об использовании грибов в культурах народов мира.

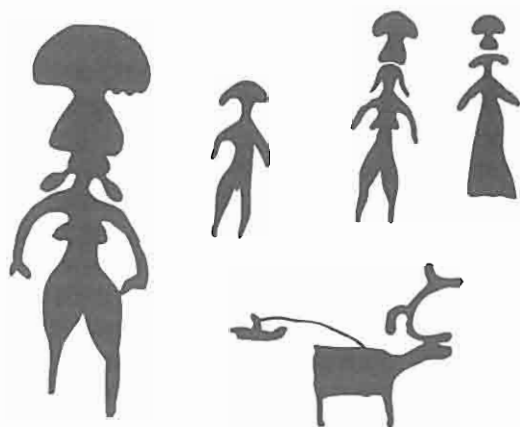

Рис. 1. Грибовидные фигуры в петроглифах Пегтымеля (по: [Диков, 1971]).

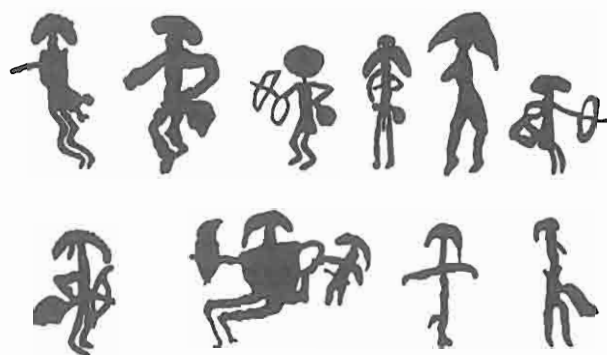

Рис. 2. Антропоморфные фигуры в грибовидных головных уборах в петроглифах Алды-Мозага (по: [Дэвлет, 1998]).

тивно используется в шаманской практике народов Сибири. Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров даже развили эту мысль, связав представления о мухоморах с семантикой шаманского (мирового) дерева, и указали незамеченные Р.Г. Уоссоном свидетельства в пользу его гипотезы [Елизаренкова, Топоров, 1970].

Становление этномикологии и развернувшиеся вокруг нее дискуссии, помимо бесспорно плодотворного результата – привлечения внимания к роли грибов в мифологии, имели несколько взаимосвязанных последствий, прежде всего для изучения Сибири. Во-первых, сложилось твердое представление о мухоморе как о шаманском грибе; во-вторых, начались поиски фактов, подтверждающих существование грибных церемоний в культурах древнего населения Сибири; в-третьих, потребление всех галлюциногенных средств сибирскими народами стали связывать исключительно с шаманизмом.

Идея о существовании в древности грибных церемоний почти параллельно появилась в Сибири у археологов – исследователей первобытного искусства. В 1971 г. Н.Н. Диков опубликовал наскальные изображения Пегтымеля на Чукотке, часть которых содержала “грибные” сюжеты: антропоморфные фигуры в грибовидных головных уборах и предметы, похожие на грибы (рис. 1). Автор интерпретировал их как человеко-мухоморы и мухоморы. По его мнению, существование в древности специфических грибных церемоний подтверждается этнографическими параллелями в психоделических сеансах народов крайнего северо-востока Азии [Диков, 1971, 1979]. Вслед за Н.Н. Диковым в этом же ключе трактовала антропоморфные фигуры в широких грибовидных шляпах в петроглифах Саянского каньона Енисея (рис. 2) М.А. Дэвлет [1975, 1976, 1998], связывая их с культом ядовитых грибов в Сибири. Ги-

потеза нашла авторитетных сторонников. А.А. Формозов предложил связать эти изображения с получением знаменитого опьяняющего напитка сомы, широко известного в Азии [1973, с. 264 – 265]. Так археологическая и мифологическая линии исследований окончательно сомкнулись. Наиболее развернуто обе представлены в книге Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского “От Скифии до Индии”. Ссылаясь на мнение Р.Г. Уоссона, авторы рассматривали мухомор как одно из вероятных растений, из которого могли готовить сому древние индоиранцы, и выстроили изящную концепцию о существовании в религиозной традиции индоиранских народов “совокупности целого ряда существенных особенностей именно северного шаманизма” [Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 119 – 121]. Примечательно, что идея, рожденная исследователями мифологии, вернулась к ним же от археологов. Так, Е.М. Мелетинский, приводя мифологический сюжет о мухоморных девушках у ительменов, ищет подтверждения в петроглифах Пегтымеля [1994].

В дальневосточной археологии появилась тенденция интерпретировать все похожие на грибы предметы именно как мухоморы и, ссылаясь на признанные авторитеты, связывать их с культурами галлюциногенных растений, приводя самые широкие аналогии их применения у народов Африки, Азии и Америки. Так, М.А. Кирьяк видит изображения грибов в графике на камнях с археологических памятников Западной Чукотки (рис. 3) [1998, с. 106 – 109]; А.Г. Гарковик – в глиняном предмете из поселения Евстафий-4 в Приморье [1998, с. 50 – 54].

В ряду попыток археологов интерпретировать предметы грибовидной формы особняком стоит гипотеза А.П. Бородавского, который нашел более рациональное объяснение назначения пяти глиняных

грибовидных изделий, обнаруженных на памятниках большереченской культуры раннего железного века. Он считает, что их использовали в керамическом производстве для заглаживания стенок сосудов. В отличие от коллег, А.П. Бородовский приводит в подтверждение не умозрительные мнения и далекие аналогии, а данные экспериментов, результаты которых вполне осязаемы. Хотя как раз “грибовидность” этих предметов менее всего вызывает сомнения, т.к. они действительно похожи на грибы: у них выпуклая или уплощенная с опущенными краями шляпка на короткой ножке с отверстием, на внутренней стороне шляпки небольшие (совершенно нефункциональные) выемки. В целом именно эти предметы из всех вышеупомянутых больше всего похожи на мухоморы. Кстати, обстоятельства их обнаружения менее всего подходят для их функциональной интерпретации. Четыре из пяти грибовидных изделий найдены в погребениях, причем мужских, хотя гончарством в сообществах, где ведущую роль в хозяйстве играло скотоводство, скорее всего, должны были заниматься женщины [Троицкая, Бородовский, 1994, с. 119, 121, 126]. К тому же один такой предмет обнаружен вместе с каменной курильницей, кусочками мела и бронзовым зеркалом – таким магико-ритуальным комплексом [Там же, с. 121]. Нужно отметить, что в связи с последним обстоятельством Т.Н. Троицкая – автор раскопок – ранее считала эти изделия большереченцев ритуальными. Гипотеза А.П. Бородовского исключение единичное. Вообще связь между грибовидными изображениями (изделиями) и мухоморами во всех работах проводится через северные этнографические аналогии и обязательно в контексте шаманской практики. Именно “шаманская” основа этой изобразительной традиции и является наиболее интересной, но и самой уязвимой.

Потребление мухоморов у народов севера Сибири

Традиция потребления мухоморов (*Amanita muscaria*) хорошо известна у народов северо-востока Сибири. В.Г. Богораз считал, что одурманивающие и возбуждающие свойства мухомора были открыты “туземцами Северо-Восточной Азии” [1991, с. 139]. В 1787 г. один из членов северо-восточной географической экспедиции писал об ительменах: “...вместо вина употребляют грибы красные, называемые мухоморами, с которых бывают пьяны или, лучше сказать, бешены до крайности, кой же не потчеваны мухомором, может, по неимению оных, те стараются пить урину от взбесившихся, и от того еще больше бешены, нежели первые” [Дневная memoria..., 1978, с. 170]. Известно, что потребление мухоморов особенно широко было распространено среди коряков, использова-

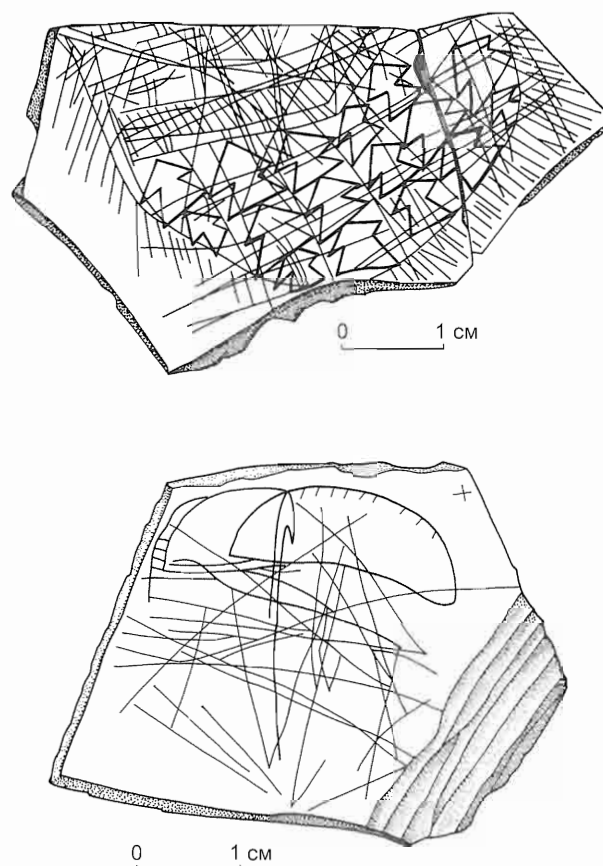

Рис. 3. Граффити с грибным орнаментом со стоянки Раучувагытгын I (1) и граффити с изображением грибов со стоянки Тытыль V (2) (по: [Кирыак, 2000]).

ли их также южные тихоокеанские чукчи и группы южных ительменов. Однако здесь потребление этих грибов в этнографическое время было ограничено тем, что психотропными свойствами обладали далеко не все виды мухомора, к тому же произрастают они только в таежных областях и могут добываться в очень небольших количествах. Но об опьяняющих свойствах мухомора знали практически все обитатели северо-востока Сибири. Даже те группы, которые сами не употребляли этих грибов, собирали их для продажи своим соседям – тундровым оленеводам. Чукчи использовали мухоморы чаще всего в сушеном виде. Грибы заготавливали впрок, нанизывая по три штуки на нитку и высушивая. При употреблении отрывали маленькие кусочки, тщательно пережевывали и глотали, запивая водой. У коряков был распространен обычай, когда женщина разжевывает гриб и отдает мужчине проглотить жвачку [Богораз, 1991, с. 139 – 140]. Отметим, что на северо-востоке Сибири о ферментации, т.е. об изготовлении напитков из грибов, не знали, так что прямая связь со специально изготавливаемой сомой крайне сомнительна.

Судя по всему, до прихода русских галлюциногенные свойства мухомора были широко известны не только народам Северо-Восточной Сибири. Есть сведения, что эти грибы употребляли якуты, юкагиры и обские угры. Причем в Западной Сибири их ели сырыми или пили отвар из сушеных грибов. Описание потребления мухоморов селькупам и произведенного ими эффекта приводит И.Г. Георги: “Мухоморами упиваются и многие другие сибирские народы, а особливо, живущие около Нарыма остяки. Когда кто съест за одним разом свежий мухомор или выпьет увар с трех оных, высушенных, то после сего приему становится сперва говорлив, а потом делается, из подоволи, так резов, что поет, скачет, восклицает, слагает любовныя, охотничья и богатырския песни, показывает необыкновенную силу и проч., а после ничего не помнит. Проводя в таком состоянии от 12 до 16 часов, на последок засыпает; а как проснется, то от сильного напряжения сил, походит на прибитого, но в голове не чувствует такой тягости, когда вином напивается, а и после не бывает ему от того ни какого вреда” [1799, с. 72]. Приведенная цитата дает довольно точное описание наркотического состояния, вызванного приемом алкалоидов – самых распространенных растительных наркотиков.

В состав мухомора красного входят два алкалоида – мускарин и микоатропин. Наиболее сильнодействующим является первый. Он относится к чрезвычайно сильным ядам: потребление человеком одновременно 0,005 г может вызвать самые тяжелые последствия, вплоть до летального исхода. Как и другие алкалоиды, мускарин можно использовать в качестве стимулирующего средства только в небольших дозах, не являющихся токсичными. Однако он не вызывает галлюциногенного эффекта, предполагают, что на мозг действует микоатропин (грибной атропин, или мускаридин) [Астахова, 1977], хотя опыты на человеке не проводились, и это лишь гипотеза. В любом случае, потребление мухоморов, содержащих мускарин, крайне опасно, нужно очень точно рассчитывать дозировку.

Народы Сибири, судя по приведенным выше примерам, достаточно хорошо знали “среднюю” дозу – три гриба. Но она обычно варьировалась в зависимости от общего физического состояния организма, длительности потребления, интервала между приемами. Молодежь употребляла грибы в небольших количествах, постепенно доза увеличивалась, интервал между приемами сокращался, повторить опьянение сразу после галлюциногенного сна можно было самой малой дозой. В.Г. Богораз подробно описал три стадии опьянения мухомором у чукчей. На первой наступает приятное возбуждение, беспричинная шумная веселость, развивается ловкость и физическая сила. На второй стадии появляются галлюциноген-

ные реакции, человек слышит голоса, видит духов, вся окружающая реальность для него приобретает иное измерение, предметы кажутся непомерно большими, но он все еще осознает себя и нормально реагирует на привычные бытовые явления, может осмысленно отвечать на вопросы. Третья стадия самая тяжелая: человек входит в состояние измененного сознания, он полностью теряет связь с окружающей реальностью, находится в иллюзорном мире духов и под их властью, но он долгое время активен, передвигается и говорит, после чего наступает тяжелый наркотический сон [Богораз, 1991, с. 140 – 141]. Описанные стадии могли наступать по отдельности или последовательно в течение одного приема.

Но все приведенные выше свидетельства отнюдь не связаны с шаманскими практиками, здесь речь идет скорее о бытовой наркомании. Как и все наркотические средства, мухомор вызывал типичную интоксикацию, возникала зависимость организма от алкалоидов. Привычка была очень сильной, при отсутствии грибов любители пили мочу, свою или того, кто недавно наелся мухоморов, в некоторых случаях даже мочу оленей, пасущихся в грибных местах. Мускарин и микоатропин почти не расщепляются в организме и выводятся из него в растворенном виде, поэтому моча оставалась практически столь же токсичной, как и сами грибы. Об этом сибирские народы тоже очень хорошо осведомлены. Видимо, их знания о свойствах мухоморов появились в результате пищевых экспериментов и развивались в соответствии с практическим опытом употребления грибов. Во всяком случае, знания о дозировке и правилах потребления у народов севера Сибири уже в XVIII в. были устойчивыми. Это само по себе наводит на мысль об определенном этапе тестирования, на протяжении которого вырабатывались рецептуры и нормативы. С учетом того, что галлюциногенные мухоморы растут не везде и их психоактивность варьирует в зависимости от ежегодных климатических изменений, этот этап должен быть довольно длительным. Даже русские на Камчатке, которые заимствовали уже сформировавшуюся традицию у местных народов, прошли его. С.П. Крашенинников приводит несколько печальных примеров потребления мухоморов русскими на этом этапе: “Служивому Василию Пашкову, который часто в Верхнем Камчатском и в Большерецком на заказе бывал, велел мухомор у себя яйца роздавить, который, послушав его, дни в три и умер. Обретающемуся при мне толмачу Михайлу Лепехину, которого не в знатье мухомором поили, велел он брюхо у себя перерезать...” [1949, с. 694 – 695].

Естественно, что мухомор воздействовал на психику и вызывал галлюциногенные реакции, обеспечивая тем самым контакт с миром духов. Выводя потребителя в область сакрального, мухомор сам

по себе приобретал магическую силу. Здесь границу между сакральным и профанным следует, видимо, искать в мотивации потребления. Судя по приведенным описаниям, массовое использование этих грибов отнюдь не связано со стремлением к контакту с миром духов, скорее цель сугубо прозаическая. Как известно, потребление наркотиков приводит к возбуждению, стимулирует центральную нервную систему, вызывает состояние эйфории. В результате коркового торможения угнетается деятельность коры больших полушарий головного мозга, тормозится активное мышление, память, ситуационные эмоции, но при этом повышается возбудимость центров положительных эмоций (радости). В большинстве случаев именно последнее и привлекательно для наркомана. Таким образом, приходится констатировать, что массовое потребление мухоморов у народов севера Сибири существовало вне связи с ритуально-обрядовой практикой или параллельно ей.

Мухомор в мифе и ритуале

Наркотическая галлюцинация для архаического сознания так же реальна, как и любое другое явление и, несомненно, требует поименования и объяснения. Так, у чукчей гриб персонифицировался в духа-мухомора, его представляли похожим на настоящий гриб – без шеи и ног, с цилиндрическим телом и большой головой, хотя он мог являться в самых разнообразных формах; передвигался, быстро вращаясь. Духи-мухоморы, по представлениям чукчей, очень сильны, они прорастают сквозь камни и деревья, разрывая и кроша их; они связаны с нижним миром, во всяком случае, часто водят своих почитателей в страну, где живут мертвые*, поэтому они весьма опасны и коварны; духи-мухоморы требуют от человека постоянного почтения к себе и окружающей природе, заставляют выполнять все их приказания, грозя за неповиновение смертью, зачастую выкидывают злые шутки, показывают некоторые вещи в ложном виде [Богораз, 1991, с. 140 – 141; Богораз-Тан, 1939, с. 5]. У обских угров также существовало представление о том, что в мухоморе пребывает особый дух. Употребляя эти грибы, люди легко входят в контакт с ними, обретают часть их мистической силы, иногда могут даже сами становиться (ощущать себя) грибами. Видимо, только у отдельных, физиологически предрасположенных индивидуумов одним из постоянных стимулов к приему мухоморов было именно стремление к контакту с миром духов, обретению

новых мистических возможностей, дарованных духами природных стихий. Это явление широко распространено в Западной Сибири. У хантов мухоморы потребляли исполнители героических сказаний: “...певец для большого воодушевления съедал перед началом пения несколько мухоморов – 7 – 14 – 21, то есть число кратное семи: от них он просто приходит в иступление и походит на бесноватого. Тогда всю ночь напролет диким голосом распевает он былинны, даже и давно, казалось, забытые, а утром в изнеможении падает на лавку” [Пагканов, 1891, с. 5]. Именно этот индивидуальный опыт и лежит в основе представлений о шаманской сущности традиции потребления мухоморов. Действительно, есть сведения, что среди сибирских шаманов было немало “визионеров”, входящих в транс посредством приема мухоморов или посещающих духов в галлюциногенном сне после поедания этих грибов. В мансийском фольклоре шамана называли “мухомороедышим” человеком. В одном из героических сказаний манси рассказывается: “Эква-Пырыш сходил, шамана привел. Большой котел с мухоморами на огонь повесил. Шаман ворожить стал, мухоморы есть, в бубен бьет, ворожит. О проделках Эква-Пырыша вот-вот узнает” [Чернецов, 1935, с. 77]. У хантов среди лиц, умеющих вступать в контакт с миром духов, выделялась категория “мухоморщиков”, “которые ели мухомор и в полубредовом состоянии общались с духами” [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 120]. М. Элиаде отметил употребление мухоморов во время обрядов у шаманов иртышских хантов и у ненцев-юраков [Элиаде, 1998, с. 174 – 178]. Именно на эти и подобные примеры из Западной Сибири и опирались гипотезы связи традиции потребления мухоморов с шаманизмом. Однако существовали две различные модели использования мухоморов: профанная – на северо-востоке, где эти грибы ели практически все члены сообщества; сакральная – в Западной Сибири, где мухоморы потребляли только отдельные лица и строго ритуально. Но даже в последнем случае это не совсем шаманская практика. Помоему мнению, достижение шаманского экстаза путем употребления галлюциногенных и психотропных средств не характерно для шаманизма. М. Элиаде называет этот способ “грубым и пассивным” [Там же, с. 175]. С моей точки зрения, наркотический транс скорее является дошаманским, или магическим.

В Западной Сибири свойства мухоморов чаще использовали не для вступления в контакт с духами, а в реальной медицинской практике. Лечебный сеанс хантыйского *исылта-ку* (фокусник и лекарь) с применением мухомора достаточно подробно описал В.Н. Кулемзин [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 118 – 120]. Вся процедура сводится к усыплению пациента, его длительному сну и пробуждению. Для погружения пациента в сон *исылта-ку* готовит довольно сложное сна-

* Т.Я. Елизаренкова и В.Н. Топоров, напротив, считают, что через мухоморный транс происходит контакт с верхним миром.

добье. Он размачивает в двух сосудах с теплой водой сухую пленку мухомора и сам гриб без пленки, при этом вода должна быть снеговой, а чашка деревянной; как в любой ритуальной практике нарушение заведенного порядка здесь недопустимо. Выпив снадобье, пациент должен спать в холодном помещении три дня. Сам врачеватель тоже принимает мухомор, вместе с клиентом он должен отправиться к подземному богу Кали-Торуму, передать подарок и попросить, чтоб не забирал больного. У последнего от приема снадобья снижается кровяное давление, замедляется дыхание, т.е. наступает очень тяжелая интоксикация, при неосторожности или превышении дозы может наступить паралич дыхательного центра и остановиться дыхание. Доза *исылта-ку*, по всей видимости, незначительна, поскольку он должен бодрствовать, чтобы наблюдать за пациентом и вовремя вывести его из этого состояния.

Сходные представления о галлюциногенных препаратах широко распространены у самых разных народов Африки, Америки и Океании. На мой взгляд, они не имеют подлинно шаманской основы, по своей сути мухомор не более чем элемент магии. Шаманизм же относится к более развитой стадии представлений о мире сакрального. В центре его культовой практики всегда находится фигура посредника между миром людей и миром духов. Он является избранником духов и тем самым в некотором смысле уже не просто человеком. Но и для шамана мир духов доступен только во время обряда, когда он погружается в особое состояние измененного сознания – контролируемый транс. При этом подлинно шаманская техника вхождения в транс в Сибири не включает употребление наркотиков, используются пение, музыка, телодвижения, важную роль играют биологическая предрасположенность и длительные тренировки. В большинстве шаманских обрядов в транс входит только сам шаман, присутствующие, как правило, если и не являются пассивными зрителями, то, по крайней мере, не устраивают танцевальных представлений, как это можно было бы вообразить при анализе петроглифических картин. Необходимо отметить, что у всех народов, о которых шла речь выше, не было развитого шаманизма. На северо-востоке Азии был распространен домашний шаманизм, когда практически каждый мог совершать камлание. У обских угров он находился на стадии формирования, вбирая в себя всевозможные магические техники сновидцев, фокусников, ворожеев, прорицателей и сказителей. Не зря же в этих культурах мир духов вполне осязаем и контакт с ним вполне возможен для многих, если не для каждого. Именно на стадии смены двух систем транса – магической и шаманской – и находились народы севера Сибири и Дальнего Востока в XVIII – XIX вв.

Магическая техника транса, разновидностью которой является галлюциногенная, судя по всему, предшествовала шаманской. И именно магическими являются обряды, связанные с потреблением наркотиков. Шаманская методика вхождения в состояние измененного сознания через музыку, пение и телодвижения, характерная для развитых форм шаманизма, появилась значительно позднее и постепенно вытесняла из обряда наркотический магический транс (там, где он применялся). Видимо, это сопровождалось тем, что коллективный контакт с миром духов уступал место индивидуальному контакту посредника, и роль посредника становилась все более значимой. Естественно, что в таком случае прием галлюциногенов мог оставаться в шаманском обряде в качестве реликта.

Галлюциногены в шаманской практике

В таежных районах Сибири мухомор, кажется, был единственным широко известным галлюциногеном, что может объясняться ограниченностью ассортимента растений, содержащих психотропные и галлюциногенные вещества. В областях с более разнообразной флорой растительные наркотики применялись чаще. Народы Дальнего Востока в качестве лекарственных и опьяняющих препаратов использовали самые разные галлюциногенные средства: составы из корня женьшеня, борщевика сладкого, листьев багульника, веток можжевельника и некоторые другие. По сравнению с мухомором это довольно слабые наркотики, не вызывающие сильной интоксикации или галлюциногенных реакций. Чаще всего их употребление требует тщательного, нередко фармакологически сложного приготовления или сочетания нескольких компонентов. Способы применения галлюциногенных препаратов у народов Дальнего Востока более разнообразны: наркотические растения здесь пили, жевали, нередко их сжигали и вдыхали дым.

Чаще всего использование этих растений также связывают с шаманскими практиками. Так, нивхские шаманы перед и во время обрядов обязательно жгли багульник (*Ledum palustre* L., *L. hypoleucum*), специальный дымок для этого был неизменным шаманским атрибутом [Отаина, 1994, с. 102]. Шаманы удэгейцев, ульчей, нанайцев и орочей также использовали багульник во время камланий. Заготовленные заранее сушеные листья они бросали в очаг или на раскаленную сковородку [Брехман, Сем, 1970, с. 18; Подмаскин, 1978, с. 57]. Дым воздействовал на психику самого шамана, создавал в закрытом помещении благоприятную среду для проведения сеанса общения с духами, способствуя наступлению массового гипноза и шаманского транса.

У айнов перед камланием в горячую золу помещали ветки ели, листовенницы, дикого чеснока и растения с местным названием *нутя*. Последнее является слабым растительным наркотиком. Тлея, эти растения источали ароматный запах; дым, видимо, был слабым транквилизатором. Шаман перед камланием пил соленую морскую воду, в которой вымачивались ветки ели и *нутя*: наркотический сок растения помогал достичь транса. В ходе сеанса шаман еще два или три раза выпивал эту жидкость, постоянно поддерживая состояние опьянения [Спеваковский, 1988, с. 168].

Включенность психотропных и галлюциногенных препаратов в контекст обряда, по-видимому, является доминантной чертой культуры их потребления у народов Дальнего Востока. Наркотический транс и галлюциногенный контакт с миром духов были, судя по всему, основой пищевого использования этих растений. По моему мнению, на Дальнем Востоке также не было развитого шаманизма, а скорее, зафиксирована его ранняя форма.

В последовательной смене магического и шаманского при достижении транса можно проследить определенную тенденцию: чем сильнее наркотик, тем меньшую роль играет шаманский транс сам по себе; чем слабее наркотик, тем большее значение приобретает техника контролируемого транса. В большинстве случаев слабые наркотики имеют символическое значение, прямой эффект практически не используется. Это станет достаточно хорошо заметно, если рассмотреть применение в лечебной и ритуально-обрядовой практике растений, содержащих галлюциногенные и психотропные вещества в очень незначительных количествах.

Одним из таких растений является можжевельник (*Juniperus* L.). Его использовали и используют ныне многие народы Сибири и Дальнего Востока, причем достаточно однообразно. Дымом горящего можжевельника окуривают. Приятный аромат сгорающего растения, оказывающий расслабляющее и успокаивающее действие на человека, считался очистительным, губительно действующим на злых духов. Так, например, у нивхов при лечении душевнобольных их окуривали дымом от тлеющих веток можжевельника [Отаина, 1994, с. 98]. При этом действие дыма осмысливалось не как наркотическое (магическое), а как священное (символическое). Не духи владели растением, а растение через дым влияло на духов, отгоняя их от пациентов своей собственной природной силой.

Окуривание можжевельником особенно распространено в Южной Сибири. В Туве можжевельник (*артыш*) является обязательным атрибутом ритуально-обрядовой практики. Лечение всегда начинается с обряда окуривания – очищения от нечисти. Вообще любое место, где могут оказаться недобрые силы, обязательно окуривается. В работах, посвящен-

ных анализу шаманского реквизита в Туве, обычно большое внимание уделяется костюму, бубну, зеркалу и изображениям духов; *артышу*, как правило, значения не придается. Тем не менее лампада с порошком сухих веточек можжевельника или сами подсушенные веточки – один из важнейших атрибутов тувинских шаманов. Использование можжевельника в практике тувинских шаманов мне приходилось видеть неоднократно. Шаманский сеанс обычно начинается с окуривания *артышем*. Шаман зажигает лампаду или поджигает веточку и очищает прежде всего себя и инструменты. Делает он это обычно в определенной последовательности, обводя лампадой вокруг каждого значимого атрибута: сначала колотушка, потом головной убор, который сразу после этого надевается на голову, затем бубен, и наконец, сам очищается, проводя ногами над тлеющим *артышем* – три раза левой ногой, затем так же правой и снова левой два раза. Клиента перед обрядом тоже очищают, обводя лампадой вокруг лица и сложенных перед ним рук. Если проводится большой обряд, подобным образом очищают всех присутствующих. При этом во время обряда можжевельник постоянно должен тлеть, чтобы он не потух, следит либо сам шаман, либо помощник, выбранный из числа присутствующих. Тувинский шаман Сайлык-оол Канчыр-оол сообщил любопытную деталь: *артыш* должен гореть постоянно только в помещении, на открытом воздухе это не обязательно. Мне неоднократно приходилось находиться в помещениях, где курится можжевельник, и испытывать на себе его дурманящее влияние. При длительном нахождении в таком помещении, а шаманские обряды, как правило, длятся несколько часов, наркотический эффект этого дыма может быть очень сильным. Сейчас шаманы используют можжевельник, не задумываясь над его галлюциногенными свойствами, для них он превратился в символическую природную силу, не персонифицируемую в конкретных образах. В представлении тувинских шаманов *артыш* помогает контакту с духами, так же как ум, свет, звук, чистота, являющиеся абстрактными неперсонифицированными понятиями.

Подобную основу имеют представления о слабонаркотических средствах у других народов Южной Сибири. Хакасы также проводили обряд окуривания перед любым лечением и считали дым можжевельника (*арчын*) очищающим. Хотя гораздо шире среди них было распространено окуривание богородской травой (*ирбен*) (*Thymus vulgaris*), галлюциногенное действие которой похоже на описанные.

Использование слабых препаратов шаманами Тувы и Хакасии вовсе не означает, что они не знали сильных. Напротив, именно народам Южной Сибири были известны синтетические, а значит, очень мощные психотропные и галлюциногенные средства.

Речь идет прежде всего о крепких алкогольных напитках, получаемых путем возгонки продуктов брожения молока или зерновых. Тувинцы и алтайцы издавна готовили молочную водку – *араку*. У хакасов известны *айран арагазы* – молочная водка и *ас арагазы* – ржаная водка [Бутанаев, 1998, с. 143 – 149]. Видимо, начало изготовления этих напитков в Южной Сибири связано со становлением производящих форм экономики. В.Я. Бутанаев считает, что хмельные напитки на зерновой основе были известны еще предкам хакасов во времена Кыргызского каганата, о них упоминают китайские письменные источники [Там же, с. 149]. Кроме сильного возбуждающего эффекта, быстрого возникновения наркотической зависимости, они легче всего вызывают еще и синдром абстиненции, который заключается в том, что резкое прекращение употребления алкоголя или наркотиков сопровождается нарушением психических функций. Даже сравнительно короткий перерыв может повлечь за собой изменения поведения, повышенные возбудимость, раздражительность, агрессивность. То есть наступает типичная наркомания.

Молочная водка – напиток, известный всем скотоводческим народам Южной Сибири, – также имеет довольно длинную историю потребления. Уже в эпоху средневековья на поясе каменных изваяний изображали кожаную флягу, похожую на фляги для *араки* алтайцев, хакасов и тувинцев. Технология изготовления, традиции хранения и употребления молочной водки довольно сходны у всех групп тюрко-монгольского мира и достаточно полно описаны в специальной литературе.

Молочная водка осмыслялась как символическая ценность. Употребление ее не являлось актом магическим или шаманским, не обеспечивало прямо контакт с миром духов. Тем не менее семантика *араки* очень многопланова, она включает в себя все свойства молочных продуктов, столь ценимых в мире скотоводов. Употребление *араки* связано со всеми важными моментами в жизни человека и социума, ее пьют при рождении детей, на свадьбе, похоронах, при встрече гостей и т.д. По сути, потреблением этого синтетического наркотика сопровождается любой праздник, когда обыденность отступает на второй план, а социальные рамки раздвигаются, приближая людей к первозданному миру духов природы. *Арака* также любима духами, как и людьми, но это ценность не их мира, в отличие от сильных растительных галлюциногенов, применяемых на магической стадии, она не отождествляется с самими духами. Духи принимают ее в жертву, питаются и очищаясь ею, как и люди, они переживают с ней праздник, испытывая благодарность к людям и символически приближаясь к ним. И в этом состоянии обоюдного выхода за рамки обыденной повседневности проявляются дав-

но забытые способы магического соприкосновения двух миров – человеческого и сакрального. Это остаточные явления именно той древней магической функции наркотиков, которая обеспечила их длительное существование в культурных традициях практически всех народов мира.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что у народов Сибири и Дальнего Востока представления о галлюциногенных средствах были весьма различными и складывались в результате длительного пищевого или фармакологического тестирования, развития магических практик и визионерских экспериментов в ходе обрядовой деятельности дошаманского уровня. Потребление галлюциногенов, скорее всего, было мотивировано типичной бытовой наркоманией или индивидуальным психоделическим опытом отдельных адептов. В тех случаях, когда галлюциногенные препараты использовались в ритуально-обрядовой практике, их потребление являлось вспомогательной магической или лечебной техникой либо воспринималось как символический атрибут праздничного (измененного) состояния социума. Применение этих препаратов напрямую не было связано с шаманской практикой и не являлось обязательным условием изменения психического состояния шамана при камлании.

Материалы статьи позволяют поставить под сомнение гипотезу о том, что применение галлюциногенных препаратов (сомы, мухоморов и пр.) является необходимым элементом шаманской практики и критически отнестись к основанным на данной гипотезе интерпретациям "грибных" сюжетов в археологических памятниках.

Список литературы

- Астахова В.Г. Загадки ядовитых растений. – М.: Лесн. пром-сть, 1977. – 176 с.
- Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 224 с.
- Богораз-Тан В.Г. Чукчи. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – Ч. 2: Религия. – 208 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. – М.: Мысль, 1983. – 206 с.
- Брехман И.И., Сем Ю.А. Этнофармакологическое исследование некоторых психоактивных средств малых народов Сибири и Дальнего Востока // Лекарственные средства Дальнего Востока. – Хабаровск, 1970. – Вып. 10. – С. 16 – 19.
- Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. – Абакан: Изд-во Хакас. ун-та, 1998. – 352 с.
- Гарковик А.В. Предметы мелкой пластики как отражение некоторых сторон духовной жизни древних обществ // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 49 – 58. – (Тихоокеанская археология; Вып. 10).

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1799. – Ч. 1. – 76 с.

Джеймс П., Торп Н. Древние изобретения. – Минск: Попурри, 1997. – 768 с.

Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки: Петроглифы Пегтымеля. – М.: Наука, 1971. – 131 с.

Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии: Азия на стыке с Америкой в древности. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

Дневная memoria геодезиста Ф. Елистратова от Тагальской крепости берегом по Пенжинской губе до р. Пенжины в последовании под команду титулярного советника Баженова с 14-го сентября по 21-е число 1787 года // Этнографические материалы северо-восточной географической экспедиции 1785 – 1795 гг. – Магадан: Кн. изд-во, 1978. – С. 166 – 172.

Дэвлет М.А. Древние антропоморфные изображения из Саянского каньона Енисея // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 238 – 248.

Дэвлет М.А. Плывущие человечки // Природа. – 1976. – № 9. – С. 115 – 123.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Мифологические представления о грибах в связи с гипотезой о первоначальном характере сомы // Тез. докл. IV летней школы по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1970. – С. 40 – 46.

Кирьяк М.А. Грибы в сюжетах западно-чукотской позднелитической графики (памятники мобильного искусства) // Мир древних образов на Дальнем Востоке. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – С. 106 – 122. – (Тихоокеанская археология; Вып. 10).

Кирьяк (Дикова) М.А. Древнее искусство севера Дальнего Востока (каменный век). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. – 288 с.

Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. – М.: Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. – 840 с.

Кулемзин В.Н., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.

Маккена Т. Пища богов. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1995. – 379 с.

Мелетинский Е.М. Палеоазиатских народов мифология // Мифы народов мира. – М.: Рос. энцикл., 1994. – Т. 2. – С. 274 – 278.

Отанна Г.А. Народная медицина нивхов как фактор сохранения здоровья // Этнос и культура. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – С. 98 – 109.

Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. – СПб.: [Тип. С.Н. Худекова], 1891. – 74 с.

Подмаскин В.В. Использование лекарственных растений и животных удэгейцами // Биологические ресурсы Восточной и Юго-Восточной Азии и их использование. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. – С. 54 – 60.

Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). – М.: Наука, 1988. – 205 с.

Троицкая Т.П., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Формозов А.А. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968 – 1972 гг.) // СА. – 1973. – № 3. – С. 257 – 265.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки: Сборник фольклора народа манси (вогулов). – Л.: Госполитиздат, 1935. – 141 с.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – М.: София, 1998. – 384 с.

Levi-Strauss C. Les champignons dans la culture // L'Homme. – 1970. – N 10. – P. 5 – 16.

Wasson R.G. Soma: Divine Mushroom of Immortality. – Hague: Mouton, 1968. – 380 p.

Wasson R.G., Wasson V.P. Mushrooms, Russia, and History. – N.Y.: Pantheon Books, 1957. – Vol. 2. – 432 p.

Материал поступил в редколлегию 5.01.03 г.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

СОВРЕМЕННЫЙ ШАМАНИЗМ ТУВЫ

Летом 2002 г. Саяно-Алтайский регион стал полигоном реализации международного партнерского проекта “Люди на границе”, ориентированного на создание средствами документального фоторепортажа обобщенного портрета пограничного сообщества. Героями монографического фотоисследования, осуществленного одним из ведущих мастеров современной фотографии Сибири Владимиром Дубровским (г. Новосибирск), стали шаманы Тувы.

Республика Тыва расположена в верховьях Енисея, в географическом центре Азии на границе России и Монголии. До середины IX в. территория Тувы входила в состав Тюркского и Уйгурского каганатов, в XIII в. была завоевана войсками Чингисхана, в XVIII в. — маньчжурами. После падения маньчжурской династии Тува — Урянхайский край — с 1914 г. стала протекторатом России. До вхождения в состав Советского Союза в 1944 г. Тувинская Народная Республика имела статус суверенного государства.

Культурную и духовную палитру региона определил многовековой синтез традиций пограничных историко-культурных провинций. Взаимодействие буддизма/ламаизма с пантеизмом кочевников и шаманизмом, связанными с палеосибирским наследием, задавало парадигму духовной эволюции Тувы на протяжении средневековья и особенно нового и новейшего времени. Известно, что к началу XX в. в Урянхае действовали более 20 буддийских монастырей — “хурэ”, практиковали около 4 тыс. лам и хуураков-учеников, около 2 тыс. шаманов. Синкретизм был определяющим в системе культурных, мировоззренческих норм и ценностей тувинского общества.

Попытки утверждения светских атеистических общегражданских стандартов в советской Туве снивелировали обрядовые, сакральные практики, но не искоренили религиозно-мифических основ миропонимания традиционного общества. С конца 80-х гг. XX в. религиозная сфера стала областью духовных поисков в регионе. Обращение к вере послужило катализатором концептуального оформления идеологии национального возрождения Тувы. В одном из самых депрессивных регионов России, проблематичном в социально-экономическом и этнополитическом плане, шаманизм был избран одной из форм утверждения этнической идентичности, привлекательной для регионального сообщества.

Благодаря усилиям современных духовных лидеров Республика Тыва, провозгласившая независимость в составе Российской Федерации в начале 1990-х гг., превратилась в зону притяжения для всех ищущих прозрения и гармонии. К концу XX в. был подготовлен “План перспективного развития традиционных религий народов республики”. На рубеже веков среди населения Тувы были распространены различные христианские конфессии, прежде всего православие и протестантизм, шаманизм и буддизм/ламаизм; статусом “традиционных” были наделены Православная Церковь, буддизм/ламаизм и шаманизм. По официальной статистике, в конце 1990-х гг. в Туве существовало около 30 религиозных организаций, в т.ч. более десяти буддийских общин и три шаманские организации, объединявшие 200 с лишним шаманов.

На фоне усиления этнического самосознания обострилось переосмысление шаманизма как одной из основ формирования новой национальной идеологии. В современной Туве стали активно возрождаться шаманские обряды и культы. В основе шаманизма лежит вера в возможность индивидуального общения с духами земли и неба, поклонение хозяевам гор, рек, озер, почитание духов предков, вера в посмертное существование души и реинкарнацию.

В постатеистической Туве шаманизм рассматривается как неотъемлемая часть духовной и культурной жизни тувинского народа. Формируются новые корпоративные структуры. Первое и самое известное объединение шаманов в Туве — кызылская религиозная организация тувинских шаманов “Дунгур” (“Бубен”), созданная и зарегистрированная как юридическое лицо в январе 1992 г. Сначала в нее входило несколько человек, а к концу 90-х гг. организация объединяла свыше 40 шаманов из разных районов республики, которые работали в столице или практиковали на выезде. Одним из ее организаторов и президентом стал известный тувинский ученый и публицист М.Б. Кенин-Лопсан.

Монгуш Борахович Кенин-Лопсан родился в семье охотников, в девять лет, по рассказам самого ученого, бабушка-шаманка посвятила его в тайну священного ремесла; но шаманской практикой он никогда не занимался. Закончив Ленинградский государственный университет, молодой филолог приехал в родную Туву, где более 50 лет собирал фольклор, записывал

шаманские гимны; он издал несколько художественных книг и научных работ. В 1993 г. при активном участии Монгуша Бораховича в Кызыле прошел Тувинско-американский научно-практический семинар по шаманизму. С целью исследования вопросов шаманизма, этнографии и философии тувинского народа, а также для сохранения и развития традиционной культуры горлового пения в январе 1993 г. правительством республики был создан Международный научный центр (МНЦ) “Хоомей”. В 1994 г. за заслуги в изучении и сохранении шаманизма Американским Фондом шаманских исследований Майкла Харнера М.Б. Кенин-Лопсан был удостоен звания “Живое сокровище мира”. Вручение премии состоялось в Доме Правительства Тывы при участии государственных лидеров и представителей творческих и общественных организаций Тывы.

Признание высокого официального статуса шаманизма сопровождалось возвращением его в повседневную жизнь современных тувинцев. С начала 1990-х гг. в республике неуклонно росло количество шаманов и людей, обращающихся к ним. Возрождались культы “хозяев местности”; создавались новые святилища – обо, молодожены совершали к ним свадебные экскурсии; во многих семьях стало регулярным совершение обряда “вызывания духов предков” для решения земных, вполне прагматичных проблем.

Расширилась сеть шаманских организаций; во второй половине 90-х гг. были созданы шаманский центр “Кузуунгу-ээрэн” (“Зеркало”) в Тес-Хемском и Эрзинском кожуунах (районах); “Солангы-ээрэн” (“Звезда”) в Дзун-Хемчикском, в самом Кызыле в 1998 г. появилось объединение шаманов “Тост-Тээр” (“9 небес”).

Показателем инновационных процессов в тувинском шаманизме стала Школа шаманов, организованная в 1998 г. в г. Кызыле одним из духовных лидеров современной Тывы С.И. Канчыыр-оолом при активном участии правительства. Основатель школы – наследственный шаман. Он родился в 1947 г. незадолго до ареста деда – великого шамана Западной Тывы; с трех лет начал выказывать свои шаманские склонности. Родители поили ребенка транквилизаторами, окуривали артышем (можжевельником), но это не помогало. С девяти лет Сайлык-оолу стали являться видения; он предсказывал события, и, из-за того что они часто сбывались, соседские дети перестали с ним общаться. Отец запретил мальчику говорить о видениях и начал учить сына шаманской технике. Сам он шаманил тайно; к нему приходили и простые люди, и представители партаппарата. Сын тем временем подрос, закончил школу, ветеринарный техникум; работал по специальности, был “дальнобойщиком” на КАМАЗе. Еще в детстве отец сказал Сайлык-оолу, что он станет настоящим шаманом только после 40 лет. Так и случилось. Сначала С.И. Канчыыр-оол начал

камлать для членов семьи, близких знакомых. Скоро он стал известен в Кызыле, а к 90-м гг. был уже признанным лидером шаманского цеха Тывы.

В 1997 г. указом Президента Республики Тывы за заслуги и личный вклад в пропаганду древней философии шаманизма Сайлык-оол Ивановичу Канчыыр-оолу было присвоено почетное звание Заслуженный работник Республики Тывы. Он стал старшим тувинским шаманом; позже возглавил духовное образовательное учреждение Дом шаманизма “Хаттыг-Тайга” централизованной религиозной организации тувинских шаманов “Тос Дээр”.

Школа, задуманная С.И. Канчыыр-оолом, в первую очередь была рассчитана на обучение тувинских детей, наделенных “шаманским даром”. Предполагалось, что в ней также будут проходить подготовку взрослые, желающие овладеть шаманскими знаниями, и, может быть, некоторые шаманы. Курс был рассчитан на три цикла (ступени). Начальный этап включал 20 аудиторных часов и два ритуала по выбору.

Во время занятий слушатели могли овладеть простыми обрядами – очищения и гадания; их также обучали пользоваться шаманскими атрибутами и поясняли их значение. Слушатели получали представление о тувинском шаманском космосе и системе общения с духами; их учили получать энергию от природы. Частью обучения стала теоретическая подготовка к выбранным ритуалам. Ученики присутствовали при совершении обряда самим шаманом с реальными заказчиками, или занятия проводились в виде специального показа – демонстрации, при этом С.И. Канчыыр-оол комментировал ритуал.

По окончании первого этапа ученик получал достаточно большой объем знаний о тувинской сакральной культуре. При наличии природной склонности и возможности приобретения необходимых шаманских атрибутов он мог начинать частную практику. С.И. Канчыыр-оол вполне сознавал, что шаманизму нельзя научиться; рассказывая о воспитании шамана, он всякий раз подчеркивал: “Будущего шамана в Туве не учат, а показывают ему, а дальше духи ему сами все показывают”. Но он принял современные идеи шаманского целительства и сделал попытку адаптировать их к своим знаниям.

В курсе С.И. Канчыыр-оола есть оригинальные суждения, выводы, личные примеры. Его “основы шаманизма” базируются на глубоком знании тувинской культуры, но синкретизм этого учения очевиден: наряду с шаманскими текстами в нем пересказываются фрагменты буддийской доктрины и научных монографий, излагаются основы ламаистской гадательной практики, транслируются экологические схемы М. Харнера и его последователей. Речь идет о “неошаманском” мифотворчестве, не утратившем связей с традицией, но адаптированном к новым ус-

ловиям. Появление школ шаманов, допуск к шаманской практике лиц из иноэтнической среды, в т.ч. европейцев, меняет картину традиционного тувинского шаманизма.

К началу XXI в. конфессиональное пространство Тувы продолжает расширяться. По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации, в Республике Тыве на декабрь 2000 г. было зарегистрировано несколько десятков религиозных объединений, в т.ч. пять шаманских организаций, объединяющих более 200 шаманов. Появление новых организаций и поддержка местными администрациями шаманских центров свидетельствуют о становлении нового шаманизма. Его популярность и особые отношения с властью – показатели общественного признания. В 1998 г. в Хурал (Парламент) Республики Тывы была представлена просьба о присуждении шаманам официальных титулов, утвержденных Парламентом.

Современный тувинский шаманизм иерархичен, специализирован. Известны шаманы, ориентированные на традицию: они способны лечить, гадать, предсказывать; их возможности, костюм, атрибуты предопределены шаманской наследственностью и силой творческого потенциала (только опытные и сильные шаманы владеют полным комплектом одежды и атрибутов, включая халат, головной убор с перьями, металлическое зеркало, бубен, колотушку и т.д.). Известны “неошаманы”, активно работающие в туристическом бизнесе, поддерживающие фольклорные шоу и презентации.

Ряд шаманов Тувы сотрудничает с европейскими и американскими отделениями Фонда шаманских исследований М. Харнера, который ориентирован на развитие эзотерических техник групповой терапии и креативные формы транса. Тувинский шаманизм успешно экспортируется на Запад, где устойчиво сохраняется интерес к этноэкологическим традициям, движению “Back to the roots” (“Назад к корням”) и т.д. Открытость синкретичного по природе тувинского шаманизма к восприятию идей и методов близких по духу эзотерических учений, введение в сакральную практику новых (когнитивных) технологий, конструирование мифологии, адаптированной к современной технократической цивилизации, делают его чрезвычайно востребованным за границами этнической идентичности. Тувинские шаманы с триумфом участвуют во всемирных съездах шаманов и магов; они проводят камлания и призывания духов на концертных площадках США и Италии, активно практикуют в Германии, Бельгии, Скандинавских странах и России.

В последние годы шаманы Тувы осваивают ближнее сибирское “зарубежье”. В феврале 2002 г. в Новосибирске рекламировался семинар тувинского шамана Н.М. Ооржака: «Дух – это хозяин, воображе-

ние – средство, а тело – пластический материал... – говорилось в предисловии, – ...Шаманизм – древняя культурная традиция многих народов мира. Шаман – этот термин происходит от тунгусского слова “саман” – “тот, кто возбужден, движется, поднимается”, а также от глагола “знать”. В различных культурах оно обозначает врача, волшебника, чародея, ясновидящего – человека, который, войдя в контролируемое измененное состояние сознания (экстаз), может путешествовать в иных мирах, общаться с духами и даже впускать духов в себя.

Первый день с шаманом включает: рассказ шамана о своем пути, шаманские космологии, представление тувинских шаманов о мироустройстве; шаманский наряд, бубен, ритуальные предметы; шаманские техники (камлание, лечение, гадание); камлание – группа участвует в ритуале.

Песни шамана – это звуки богов и духов, так же как священный бубен, своей энергией помогают шаману переноситься в иные миры. “Хоомей” (горловое пение) – уникальное явление тувинской культуры.

Второй день с шаманом включает знакомство с горловым пением “хоомей”: шаман расскажет и покажет различные формы горлового пения “хоомей”; под руководством шамана группа выполнит упражнения.

В результате семинара-тренинга: участники вплотную встретятся с древней культурой шаманизма и носителем этой культуры – шаманом, что, несомненно, послужит расширению мировоззрения; через участие в камлании участники смогут оздоровить себя, раскрыть и увеличить свой творческий потенциал; горловое пение поможет раскрытию голоса, расширению его диапазона и красоты звучания; а также оздоровиться вся дыхательная система организма, произойдет освобождение дыхания и различных блоков.

От участников семинара требовалось очень немного: иметь при себе коврик и свободную удобную одежду, чтобы сидеть на полу, а также горячее питье. Оплата за каждый день составляла 350 руб. Коммерциализация шаманской практики – характерная черта городского шаманизма. Его становление сопровождается включением сакральной практики в систему современных рыночных отношений с присущей им конкуренцией.

Происходит переоценка традиционных ценностей. Тувинские шаманы, путешествуя по свету, активно овладевают международным опытом. Один из семейных журналов России (“Домашний очаг”, октябрь 2002 г.) приводит интервью на эту тему с известной в Туве шаманкой Ай-Чурек Оюн: «А вообще, конечно, про наших шаманов нельзя сказать, что они богачи. Я вот один раз в Америке в индейском магазине была. Там самая крошечная шкатулочка – 60 долларов, остальное и того

дороже. Один турист возмутился: “Почему так дорого?!” А индеец, продавец, ему говорит: “Эта шкатулка ручной работы, ее делали на священной земле и, когда делали, клали поклон духам. В ней – духи. Она не может стоить три доллара!” Для меня это был хороший урок. Я поняла: надо знать себе цену. Вернулась в Туву, сразу все тарифы повысила. Ну и пусть ко мне меньше народу приходит! Зато идут те, кому это действительно надо, кто в это верит! Ведь если человек за обряд платит дешево, он этот обряд не ценит, сидит просто так, будто на представлении, вся моя работа оказывается впустую. А заплатит дорого – будет ценить. И шамана уважать будет. Шаман ведь достоин уважения – у него очень трудная работа!»

О растущем уважении к шаманской профессии и проблемах, связанных с ней, свидетельствует тот факт, что в Туву, по сообщению директора Национального музея, на 2000 г. была запланирована (не состоявшаяся) аттестация всех шаманов с целью унификации сакральной практики и упорядочения взаимоотношений профессионалов с налоговой инспекцией, а также с целью пресечения деятельности шарлатанов. Сертификация шаманов – специфическое явление в культурной жизни современной Тувы, которое настоятельно встречают в кругах сакральных лиц, не вошедших в легитимные структуры.

Среди тувинских шаманов немало тех, кто практикует не из корысти, а по призванию и повелению духов. К их числу принадлежит шаманка Алдын-кыс – “Золотая девочка”. Всю жизнь она проработала в колхозе. Шаманскую практику начала очень давно; делала это в основном тайно – к ней обращались только знакомые и жители родных мест. Сегодня она, как и прежде, проводит свои сеансы в простом коротком светло-зеленом халате из монгольского шелка, без головного убора; обычно гадает на картах и камнях, устраивает похороны и поминки; три раза в месяц, обычно 10, 15 числа и в конце месяца, проводит лечебные сеансы. Алдын-кыс не устанавливает твердые цены

за обряд; берет, по обычаю, то, что дают. У нее нет специальных атрибутов, она не проводит коллективных обрядов. Считает, что шаманить, а это в ее понятии означает – лечить, можно только когда есть “сила”. Такая сила приходит к ней от солнца, гор, неба, земли, луны три раза в месяц. “Это как магнит в груди, я его чувствую, через него сила идет”, – объясняет она. Дар Алдын-кыс достался от бабушки, которая перед смертью передала ей свою силу, плюнув на спину; от этого на всю жизнь осталась отметина – темное пятно между лопатками. Придет время, и шаманский дар будет передан внучке тем же способом, каким когда-то получила его Алдын-кыс.

Сакральные лица, подобные Алдын-кыс, не стремятся к громкой славе и не проводят показательных театрализованных мистерий; но, как и прежде, они выполняют важнейшие социальные функции, необходимые для стабильного существования общества: лечат, проводят ритуалы календарного и семейного цикла и общественные церемонии, осуществляют регулярную деятельность по поддержанию равновесия между миром людей, природой и миром духов. Находясь, как правило, на периферии политической и экономической жизни этноса, они являются гарантами сохранения этнической культуры. Именно через них передаются из поколения в поколения духовные знания, т.е. осуществляется трансляция мало подвластного внешним воздействиям ядра этнической традиции.

Фоторепортаж о современных шаманах Тувы подготовлен Владимиром Дубровским.

И.В. Октябрьская, А.В. Шаповалов
Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17,
Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: SIEM405@yandex.ru

1. Шагаа-тувинский Новый год. Коллективное камление.

2. Шаман из центра "Ыдык", г. Кызыл.

По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации, на декабрь 2000 г. в Республике Тыве было зарегистрировано 47 религиозных организаций, в т.ч. пять шаманских центров, объединяющих более 200 шаманов: Республиканское общество шаманов "Ыдык", централизованная религиозная организация тувинских шаманов "Тос дээр", местные религиозные организации тувинских шаманов "Дунгур" (г. Кызыл), "Кузунгу ээрен" (с. Самагалтай Тес-Хемского кожууна), "Солангы ээрен" (г. Ак-Довурак).

3. Шаманский обряд очищения.

4. Шаманская пещера у священного источника Аржаан.

Работа шаманских центров Тувы построена по принципам сервисной службы: существуют приемные часы, перечень услуг, тарифы. Шаманы, живущие в Кызыле, в будние дни приходят на работу по графику. Секретарь ведет журнал учета; каждый посетитель может выбрать того шамана, которому доверяет, и заказать любую услугу, иногда с выездом на дом или в район. У шаманов сложилась своя клиентура. Многие из них пользуются большой популярностью. К ним обращаются не только частные лица, но и государственные организации с просьбой об «очищении» офиса, открытии мероприятия, проведении специальных сеансов по заказу служащих. Посещение местных шаманов и участие в их ритуалах становится непременной частью туристических маршрутов по Туве.

5. С.И. Канчыыр-оол – старший шаман Тувы.

6. Шаман Кара-оол.

В 1947 г. у известного в Западной Тувe шамана Сата Пюрбюю родился внук. Дед сам принимал роды у невестки и назвал мальчика Сайлык-оол – “Мальчик-трясогузка”. Он передал ему свой дар, положив руку на головку ребенка. Знаки наследственного дара – пять длинных шрамов, похожих на след медвежьей лапы, до сих пор видны на затылке С.И. Канчыыр-оола – одного из известных шаманов современной Тувы.

7. Шаманская пещера у священного источника Аржаан.

8. Шаман Кара-оол.

Ведущие шаманы Тувы обладают с полным набором шаманских атрибутов. У них порой по два комплекта: повседневный – для простой работы и парадный – для сложных обрядов. Кроме костюма они имеют бубен (дунгур) и калотулику (орба), шаманское зеркало (кузунгу), металлический шаманский нож с навершием в виде огнедышащей головы дракона, ударные металлические тарелочки (шан) и множество специальных духов-помощников (ээрней). Это великие знатоки тувинских обычаев и ритуалов. Авторитет их очень высок. Особенным уважением шаманы пользуются на родине, куда их часто приглашают для коллективных обрядов.

9. Шаманка Ай-чурек.

10. Бубен шамана Кара-оола.

*Бубен, ты и круглый. Бубен, ты и красный.
Будь ты доброжелательным, будь ты постоянным.
Бубен, почему ты от моих рук хочешь оторваться?
Не покидай меня, бубен. Будь моим покорным.*

*Бубен приученный и бубен уже знакомый, слунай меня.
Не надо тебе тревожиться. И не брыкайся дико.
Рваное дно твоё обито шкурой очень приятно.
Бубен, потому прошу тебя не убежать и не вырываться.*

М. Кенни-Лопсан. Алгыши тувинских шаманов – Тыва хамнарнын алгыштары. – Кызыл: Новости Тувы, 1995. – С. 153.

ВИТАЛИЙ ЕПИФАНОВИЧ ЛАРИЧЕВ

Исполнилось 70 лет Виталию Епифановичу Ларичеву. Он родился 12 декабря 1932 г. на хуторе Большой Лычаг Березовского р-на Сталинградской обл. В.Е. Ларичев – историк-востоковед и археолог, выпускник Ленинградского университета (восточный факультет, кафедра истории Дальнего Востока) и аспирантуры Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР. В 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию (“Древние культуры Северо-Восточного Китая: Каменный и бронзовый века”), а в 1971 г. – докторскую (“Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии: Формирование основ современных представлений о культурах древнекаменного века Азии. 1871 – 1960 гг.”).

В.Е. Ларичев относится к редкой категории исследователей-гуманитариев – он специалист широкого научного профиля. За полвека работы в науке он одинаково плодотворно проявил себя в изучении проблем востоковедения, археологии, первобытного искусствоведения, астроархеологии, палеоастрономии, палеокалендаристики, палеомифологии, историографии, истории протонауки и ранних культур.

Первые два десятилетия своей деятельности В.Е. Ларичев вел исследования в рамках традиционной археологии: принимал участие в полевых экспедиционных изысканиях на территории Приморья, Приамурья (раскопки поселений Осиповка и Кондон, копирование Архаринской писаницы), в Амурской обл. (разведывательные работы по Амуру и Зее), Забайкалье (разведывательные работы в долинах Ингоды и Шилки, а также на севере Читинской обл.) и Прибайкалье (раскопки неолитических поселений и могильников в районе Свирска и Рютино), Красноярском крае (раскопки Ачинского поселения), Хакасии (раскопки поселения Малая Сыя), в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, а также в Монголии и на Алеутских островах (Первая русско-американская археологическая экспедиция 1974 г.).

В те же 1950-е – 1970-е гг. значительное внимание он уделял проблемам первоначального освоения человеком территорий Китая, Монголии, Кореи, Японии, а также Сибири и Северной Америки. В деталях проследил процесс исследования ранних культур этих регионов Азии на протяжении около 100 лет, рассмотрел становление и развитие основных гипотез и теорий, которые разрабатывались архео-

логами и палеоантропологами Европы, Азии и Америки на протяжении века. Его перу принадлежат издания, посвященные подробному анализу индустрий древнекаменного века Северо-Восточного, Северного и Северо-Западного Китая, Монголии, Северной Кореи и Японии. В круг его интересов входили также памятники и культуры эпох неолита и бронзы Северо-Восточного Китая и Северной Кореи. Все это нашло отражение в серии публикаций обобщающего плана.

Тогда же В.Е. Ларичев увлеченно занимался изучением древней и средневековой истории Российского Дальнего Востока и прилегающих к нему районов Северо-Восточного Китая. В этом плане интерес представляют написанные им очерки политической и культурной истории народов Приморья, Приамурья и Маньчжурии, обитавших в бассейнах рек Нонни, Туманган, Сунгари, Уссури и Амур в III – IV вв. до н.э. и в последующее время, вплоть до XIII в. н.э. (сушень, илоу, уизи, бохайцы, кидани и чжурчжэни, абorigены среднего и нижнего Амура, а также Сахалина и Камчатки). После кропотливых изысканий ему удалось установить имя и восстановить биографию вы-

дающегося полководца времени начала становления Золотой империи чжурчжэней, величественный погребальный комплекс которого с уничтоженным текстом жизнеописания на стеле был открыт в районе Уссурийска в первые годы освоения русскими Приморья. Князю Эсыкую (Дигунаю), одному из ближайших соратников императора Агуды, основателя государства чжурчжэней, и его погребальному комплексу В.Е. Ларичев посвятил несколько статей и книгу. Китайские археологи подтвердили точность его историко-культурных и эпиграфических реконструкций. Отдана им и дань глубокого уважения первым русским исследователям средневековых памятников Дальнего Востока (статьи и книги, посвященные Палладию Кафарову, Ф.Ф. Буссе, В.К. Арсеньеву) и памятников древних культур Центральной и Южной Азии (Н.К. Рерих и Ю.Н. Рерих). Под редакцией В.Е. Ларичева, с предисловием и основательным очерком “История чжурчжэней до образования Золотой империи” недавно вышел в свет бесценный исторический источник – маньчжурская версия средневековой хроники “История Золотой империи”, а теперь готовится к публикации маньчжурская версия средневековой летописной хроники “История Железной империи” и начата подготовка к работе над маньчжурской версией средневековой летописной хроники “История Юаньской империи”.

Открытие В.Е. Ларичевым при раскопках Ачинской стоянки (1972 г.) и поселения Малая Сыя (1976 – 1979 гг.) образцов искусства малых форм древнекаменного века, а также изучение обнаруженного им на севере Хакасии открытого святилища эпохи палеолита “Белая лошадь” (1986 г.) привели к резкой смене ориентации основных его научных поисков, определили новую для него область исследований – семантика образов первобытного художественного творчества; происхождение искусства; космогония и космология в мировоззрении общества ледниковой эпохи; зарождение протонауки, мифологии и культово-религиозных представлений; история изучения искусства древнекаменного века Европы и Сибири с акцентом на обстоятельствах открытия памятников, на интерпретации анималистических образов и знаков, на судьбах исследователей, идеи которых выходили за рамки традиционных для своего времени представлений (Буше де Перт, Э. Лартэ, Э. Пьетт, Х. Виланова и Пьера, Э. Ривьер де Прекур, М. Бодуэн, К. Хентце, Ф. Бурдые, А. Маршак). В ходе сложного, с нетрадиционными методическими подходами поиска В.Е. Ларичеву удалось разработать оригинальную методику расшифровки “знаковых записей” на предметах искусства древнекаменного века Сибири, что позволило предложить реконструкции календарных систем, использовавшихся при счислении времени около 24 тыс. л.н. (мальтинская культура). Эти иссле-

дования в значительной мере удревнили этап начала становления естественных наук, в частности, арифметики, геометрии и астрономии. Расшифровки знаковых текстов на предметах искусства малых форм Сибири, Восточной и Западной Европы, а также знаковых записей, связанных с образами монументального искусства пещер Урала (Игнatieвское святилище) и Франции (Ляско, Марсула, Пеш-Мерль, Валлон-Пон д’Арк, Кастильо), нацеливаются ученым на доказательные семантические оценки персонажей и композиционных (многофигурных) сюжетов первобытного художественного творчества эпохи палеолита с перспективой выхода в будущем на решение необычайно сложной проблемы – что обусловило появление искусства в ледниковую эпоху (необходимость фиксации посредством знаковых записей и художественных образов естественно-научных знаний исключительной ценности).

В.Е. Ларичев установил астральный характер религиозных систем культур древнекаменного века, выявил основные персонажи пантеона богов ледникового времени, которые, по его мнению, олицетворяли главные светила неба – Солнце, Луну и “блуждающие звезды” – планеты. Он пришел к выводу, что палеолитическая астрономия – древнейший зародыш многоотраслевой протонауки – формировала мировоззрение людей древнекаменного века, которые посредством ее утверждали в своих идеях единение, тесную взаимосвязь и взаимозависимость человеческого общества и окружающей природы. По его мнению, в протоастрономии сложным образом переплетались естественно-научные знания и культово-религиозные представления первобытных людей. Последнее нашло многогранное отражение в погребальном культе, нестандартный анализ которого В.Е. Ларичев осуществил в последние два года по материалам захоронений детей в Сунгири и Мальте. Что касается палеолитической протонауки, то он охарактеризовал ее как инструмент экологической прогностики, обеспечивавшей выживание сообществ охотников и собирателей самой суровой поры истории человечества – ледникового времени. Все это позволило ученому обосновать тезис о раннем формировании в недрах архаического общества “интеллектуальной элиты” – жречества, представители которого разработали первые в истории человечества концепции Времени, Пространства, “рождения” Мироздания и его устройства.

Отражение тех же представлений В.Е. Ларичев выявил при расшифровке знаковых записей на объектах искусства эпох бронзы, железного века и раннего средневековья. Исследования такого плана подтвердили основополагающий факт – сохранение информационных традиций в искусстве от плейстоценового времени до порога веков новой и новейшей истории севера Азии.

Все это поставило на очередь дня новую проблему – восстановления практических приемов наблюдения за Солнцем и Луной в эпоху камня, бронзы и железа. Решая такую задачу, В.Е. Ларичев ведет в настоящее время пионерные в России исследования в рамках новой отрасли науки о первобытных культурах – астроархеологии. Ему удалось открыть астроплощадки, астросвятылища (своего рода астрономические обсерватории, подобия Стоунхенджа) и своеобразные объекты типа солнечных часов. Используя неординарные методы исследования, он пытается проникнуть в сферу самого сложного – в тайники интеллектуального и духовного мира древних (идея о зервано-зороастрийском характере религии окуневского и тагарского жречества), реконструировать способы наблюдения жрецов за движениями светил начиная с эпохи палеолита и вплоть до раннего средневековья. Эти новаторские по духу экспедиционные изыскания В.Е. Ларичева, которые ведутся им в тесном сотрудничестве с астрономами и математиками Новосибирской академии геодезии и картографии (кафедры астрономии и высшей математики), положили начало сибирской полевой астроархеологии. По его инициативе разработаны компьютерные программы, в значительной мере облегчающие и ускоряющие работу астроархеологов на разных по характеру памятниках древних культур.

В рамках той же программы В.Е. Ларичев изучает святылища с наскальными изображениями, открытые им в долине Белого Июса (Сундуки). Он выявил здесь скальные протохрамы поздней поры тагарской эпохи, а связанные с ними многофигурные, сюжетного плана композиции оценил как иллюстрации к древнейшим в Сибири вариантам героического эпоса. В.Е. Ларичев открыл также уникальный “Храм Времени” тагарской эпохи, где была зафиксирована система исчисления времени по Луне и Солнцу, и храм, структуры которого отражают представление жречества раннего железного века юга Западной Сибири об устройении Мироздания.

В.Е. Ларичев автор около 600 научных работ, в т.ч. около 30 монографий. Отдельные книги и статьи опубликованы в Англии, Болгарии, Литве, Латвии, Монголии, Польше, США, Украине, ФРГ и Японии. Он редактор востоковедной серии Сибирского отделения РАН “История и культура востока Азии” (опубликовано около 30 томов), редактор и соредатор сборников статей “Рериховские чтения”, “Материалы по археологии Сибири”, “Обозрение” и двух томов издания “Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока”. В 1967 – 1970 гг., а затем в 1975 – 1991 гг. (т.е. на протяжении двух десятилетий) В.Е. Ларичев

работал ответственным секретарем журнала “Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук” (с 1984 г. – “Серия истории, филологии и философии”). С 1998 г. он главный редактор многопрофильного журнала Президиума СО РАН и Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН “Гуманитарные науки в Сибири” (серии “Отечественная история”, “Филология и лингвистика”, “Философия и социология”, “Культура, наука и образование”). Под его редакцией опубликовано около десятка научных монографий и научно-популярных книг.

В 1987 – 1991 гг. В.Е. Ларичев занимал пост ученого секретаря Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте археологии и этнографии СО РАН.

На всем протяжении своей многолетней творческой и научно-организационной деятельности В.Е. Ларичев увлеченно занимался и сейчас занимается популяризацией научных знаний, считая это дело (в полном согласии с уставом РАН) равным по значимости специализированным научным исследованиям. Он автор около 20 научно-популярных книг, а также множества газетных статей и журнальных очерков, посвященных “драмам идей” в археологии и трагическим судьбам выдающихся исследователей древних культур. Эти публикации составляют добротную источниковую базу увлекательных и полных живых подробностей университетских курсов по первобытному искусству эпохи, а также по истории археологии и культуры.

Под руководством В.Е. Ларичева подготовлены кадры востоковедов-археологов, которые образуют теперь особую научную школу. Представители ее ведут в Сибири работу по изучению Китая каменного века, а также эпох Инь, Чжоу и Хань, раскрывая взаимоотношения культур востока Азии с древними культурами юга Северной Азии, Дальнего Востока и Средней Азии. Столь же своеобразный коллектив начал формироваться им в последние годы на базе решения сложных проблем палеоастрономии, астроархеологии, семантических оценок образов первобытного искусства и расшифровок знаковых текстов.

В.Е. Ларичев – заведующий сектором истории и археологии стран зарубежного Востока Института археологии и этнографии СО РАН. Он заслуженный деятель науки Российской Федерации, стипендиат Президента России, академик Российской академии естественных наук. За результаты научной деятельности академия присудила В.Е. Ларичеву высшего ранга награду имени первого историка России Василия Никитича Татищева – “За пользу Отечеству”.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВСЕГЕИ – Всесоюзный геологический институт

ГИМ – Государственный Исторический музей

ДВНЦ – Дальневосточный научный центр АН СССР

ДВО – Дальневосточное отделение РАН

ИА – Институт археологии РАН (АН СССР)

ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН

ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР

ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН

ИЭ – Институт этнографии АН СССР

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН (АН СССР)

МАР – Материалы по археологии России

МАЭ – Музей антропологии и этнографии РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии

МК – Министерство культуры РФ

ПНЦ – Пущинский научный центр РАН

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СВАКАЭ – Северо-Восточно-Азиатская комплексная археологическая экспедиция

СВКНИИ ДВО – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН

СЭ – Советская этнография

ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографической экспедиция

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ" на 2003 год

Редакция журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" принимает подписку на 2003 год. Стоимость одного номера русскоязычной версии для подписчиков в России 50 руб., годовой подписки 200 руб. Цена подписки включает стоимость пересылки журнала по Российской Федерации. Подписку можно оформить как на весь год (номера 1, 2, 3, 4), так и на определенный номер, в том числе уже вышедший. Для юридических лиц стоимость годовой подписки — 280 руб.

Если подписка оформлена предоплатой, редакция по указанному Вами адресу высылает очередные номера журнала по мере их выхода в свет без дополнительных платежей вне зависимости от колебания цен. Предоплата подписки физическими лицами, проживающими на территории Российской Федерации, производится через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции (**Форма 1**). Просим учесть, что за проведение платежа Сбербанк взимает 3% от суммы перевода. Юридические лица оплачивают подписку банковским поручением на основании счета редакции журнала (**Форма 2**).

Если же по каким-либо причинам Вы не желаете авансировать подписку на журнал, то, направив в наш адрес заявку по **Форме 3**, Вы можете получать его очередные номера наложенным платежом. В этом случае редакция оставляет за собой право корректировать цены. К сожалению, граждане и организации в странах СНГ могут оформить подписку только по предоплате.

Внимание! После оплаты подписки не забывайте прислать почтой (электронной почтой) в редакцию сообщение об оплате и точный адрес доставки. На очередные номера журнала Вы можете оформить подписку по каталогу Роспечати.

(Форма 1)

ИЗВЕЩЕНИЕ

ИНН 5 4 0 8 1 0 5 5 2 0 БИК 0 4 5 0 0 3 0 0 0

Получатель платежа *ОФК МФ РФ по Советскому р-ну г. Новосибирска (ИНН 5408105520 КПП 540801001 ИАЭТ СО РАН л/с 06401138981) г. Новосибирска.*

Учреждение банка *РКЦ Советский г. Новосибирск*

Счет получателя 4 0 5 0 3 8 1 0 3 0 0 0 0 1 0 0 0 0 6 2

Коррсчет н е т

Фамилия

Имя Отчество

Адрес

Вид платежа Дата Сумма

Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2003 год Код 50000000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.

Кассир

Платательщик Всего

КВИТАНЦИЯ

ИНН 5 4 0 8 1 0 5 5 2 0 БИК 0 4 5 0 0 3 0 0 0

Получатель платежа *ОФК МФ РФ по Советскому р-ну г. Новосибирска (ИНН 5408105520 КПП 540801001 ИАЭТ СО РАН л/с 06401138981) г. Новосибирска.*

Учреждение банка *РКЦ Советский г. Новосибирск*

Счет получателя 4 0 5 0 3 8 1 0 3 0 0 0 0 1 0 0 0 0 6 2

Коррсчет н е т

Фамилия

Имя Отчество

Адрес

Вид платежа Дата Сумма

Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2003 год Код 50000000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.

Кассир

Платательщик Всего

Для оформления подписки юридическим лицам необходимо:

- перечислить сумму годовой подписки по реквизитам, указанным в счете;
- после оплаты непременно переслать в адрес редакции заполненный бланк-заказ (редакция не несет ответственности за некорректно оформленную подписку).

По поступлении денег на счет редакции и получении ею заполненного бланка-заказа номера журналов будут высылаться по мере выхода простой бандеролью на указанный Вами адрес.

Данный рекламный лист в соответствии со ст. 435 Гражданского кодекса РФ является офертой (т.е. публичным договором) и может служить основанием для оплаты подписки.

Поставщик: ИАЭТ СО РАН; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981), счет 40503810300001000062 в РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000, ОКПО 04981331, ОКОНХ 95110.

Адрес: пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. Тел.: (3832) 343366. Факс: (3832) 301191.

СЧЕТ № ААЭ-2003**от 31.12.2002**

Платательщик и его адрес:			
Предмет счета	Кол-во комп.	Стоимость компл. (руб.)	Сумма
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2003 год (годовой комплект — номера 1, 2, 3, 4)	1	280=	280=
Всего к оплате: двести восемьдесят рублей 00 коп. (в том числе НДС 10%).			

Руководитель

А.П. Деревянко

м.п.

Главный бухгалтер

Т.В. Короткова

Бланк-заказ на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии"

Просим оформить подписку на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2003 год. Подписка оплачена. Журнал высылать по адресу:

Организация																										
Адрес																										
Почтовый индекс							Код города (МТС)																			
Телефон							Телефакс																			
E-mail																										
Ответственный за подписку	Фамилия																									
	Имя							Отчество																		
	Должность																									
Плат. поручение №					от										на сумму					руб.						

м.п.

Образец оформления банковских платежных поручений:

Сумма прописью		
Платательщик		
Банк платателя		
Получатель	ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981)	
Банк получателя	РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000.	
Счет получателя	40503810300001000062	
Кор. счет	нет	
Назначение платежа	Код 5000000, Ист. 03. (Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.) Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2003 год (за книги — "предоплата за научную литературу согласно заявке")	
Фамилия, имя, отчество платателя, адрес доставки		

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Авторы представляют статьи на русском или английском языке объемом около 1,4 тыс. знаков. Обязательным условием является авторский перевод географических названий, а также терминов, впервые предлагаемых в статье. Следует приводить также латинские названия животных и растений.

Необходимо указать учреждение, в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты.

Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рекомендуется выделять: введение, основную часть, обсуждение результатов, выводы (заключение).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации; 1 иллюстрация форматом 190 x 270 мм равняется 1/6 авторского листа (6,7 тыс. знаков).

Объем сообщений, рецензий, заметок — до 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

ТРЕБОВАНИЯ К НАБОРУ, ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Статья (основной текст, список литературы, подписи к рисункам и таблицам) должна подаваться в виде распечатки компьютерного набора на листах формата А4 (210 x 297 мм) вместе с дискетой с набором в формате WinWord или DOS Word. Размер кегля 14 для Times New Roman, 28 строк на странице, 64 знака в строке.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сноска на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой "только для чтения";
- форматировать текст и делать принудительные переносы.

Приводимые единицы измерения должны соответствовать системе СИ.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилии авторов, год издания; в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц - для монографии, первая и последняя страницы - для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Наука, 1974. – 777 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Археологические исследования Энской пещеры / В.В. Васин, И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 999 с.

раздел в монографии

Иванов И.И. Палинология предвходовой площадки пещеры К-ва // *Археологические исследования Энской пещеры.* - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Гл. 3. – С. 777 – 888.

статья в сборнике

Иванов П.И. Палинология стоянки Детский Сад II // *Каменный век на территории Алтая.* - М.: Артисм, 1999. – С. 77 – 99.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – 1977. – Вып. 2. – С. 66 – 77.

статья в журнале

Иванов П.И. Психология запоминания // Вопр. психологии. – 1966. – № 1. – С. 12 – 34.

автореферат

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 30 – 31. – Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 222 с.

При наличии примечаний – кратких пояснений основного текста и дополнений к нему, в тексте у того места, к которому относится примечание, необходимо поставить знак звездочки (*), а само примечание набрать следом в квадратных скобках. Например: Введение* [* Данная статья...]

На полях рукописи должны быть помечены места желательного размещения иллюстраций. Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотоотпечатки и слайды (позитивы)) следует присылать в оригинале. Ксерокопии не принимаются. Рисунки и чертежи должны быть выполнены тушью на белой бумаге или кальке и не иметь следов карандаша. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Для черно-белых фото рекомендуемый размер отпечатка 100 × 150 мм. Цветные фотографии публикуются преимущественно при наличии слайдов (позитивов), желательно размером 60 × 60 мм. Каждый слайд необходимо упаковать в индивидуальный конверт. Редакция оставляет за собой право на публикацию цветных фотографий в черно-белом варианте.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что если нет возможности выполнить электронные версии, то к картам нужно приложить абрис без надписей и обозначений, то же желательно для планов раскопов и т.п. В случае создания электронных версий рисунков (только в форматах .tif, .cdr не старше версии 9.0) обязательно прилагать их распечатки высокого качества на белой бумаге. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок.

На обороте каждой иллюстрации (или на конверте со слайдом) за полем рисунка карандашом должны быть написаны фамилия автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации, указание "верх", "низ".

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel, с обязательным приложением файлов используемых шрифтов (.ttf), кегли шрифтов в надписях не должны быть менее 9. Каждая таблица печатается на отдельной странице с полем изображения не более 190 × 270 мм.

Адрес редакции:

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия .
Тел: (3832) 343366.
Fax: (3832) 301191.
E-mail: eurasia@archaeology.nsc.ru.